А. Богдановъ
(авторъ „Краткаго курса политич. экономіи").

НАУКА
ОБЪ
ОБЩЕСТВЕННОМЪ СОЗНАНІИ.

(КРАТКІЙ КУРСЪ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

поставщикъ двора Его Величества
типо-скоропечатныя А. А. ЛЕВЕНСОНЪ МОСКВА
1914

ОТЪ АВТОРА.

Курса идеологической науки до сихъ поръ не существовало. Но идеологическая наука существуетъ, она имѣетъ огромное значеніе въ жизни, и значеніе это постоянно возрастаетъ. Не было такой книги, гдѣ связно, въ порядкѣ, цѣлостно, какъ въ учебникахъ разныхъ наукъ, излагалось бы—что́ такое общественное сознаніе людей, откуда оно произошло, какія формы принимаетъ, по какимъ законамъ измѣняется, какъ развивалось оно въ исторіи человѣчества, куда идетъ теперь это развитіе. Но научный матеріалъ для такой книги есть; и овладѣть имъ необходимо всякому, кто хочетъ сознательно выбирать свою позицію, сознательно дѣлать свое дѣло въ великой общественной борьбѣ нашего времени.

54 года тому назадъ Марксомъ былъ формулированъ основной законъ развитія идей, права, нравственности, политики, вообще—всего общественнаго сознанія, всѣхъ «идеологій»: ихъ зависимость отъ способовъ производства и присвоенія. Изъ этого закона вытекаетъ общій путь изслѣдованія: для всѣхъ измѣненій въ идеологіяхъ искать причинъ въ условіяхъ трудовой и хозяйственной жизни. Такъ былъ рѣшенъ основной вопросъ идеологической науки—вопросъ объ ея методѣ; и она стала впервые возможна, какъ дѣйствительная наука, объясняющая свои факты, а не только ихъ собирающая и нагромождающая.

Самъ Марксъ успѣлъ дать много примѣненій открытаго имъ метода, который обычно называютъ «историческимъ матеріализмомъ». На многихъ яркихъ и важныхъ примѣрахъ онъ съ величайшей очевидностью показывалъ, какъ тѣ или иныя идеи, тѣ или иные законы создаются и держатся, потому что этого требуютъ экономическія выгоды опредѣленнаго класса, зависящія въ свою очередь отъ его роли въ производствѣ. Но изслѣдованіе Маркса шло еще дальше и глубже: помимо простого вліянія силы интересовъ на идеологію, онъ выяснялъ и то, какимъ образомъ самые способы мыслить и понимать окружающее, самая, такъ сказать, «логика» людей, вытекаетъ изъ ихъ трудовыхъ отношеній и формъ присвоенія. Такова знаменитая

теорія «мѣнового фетишизма», которой посвящена значительная часть нашего курса.

Послѣдователи Маркса—больше всѣхъ Каутскій—продолжали работу надъ изученіемъ идеологій по его методу, успѣшно находя причины и объясненія фактовъ тамъ, гдѣ старая наука была безсильна. Блестящее доказательство въ пользу новаго метода далъ, самъ того не подозрѣвая, великій филологъ, Людвигъ Нуаре, который не былъ сторонникомъ марксизма, и врядъ ли даже имѣлъ о немъ ясное понятіе. Нуаре, изучая происхожденіе человѣческой рѣчи и мышленія, пришелъ къ выводу, что они зародились изъ совмѣстнаго труда людей въ первобытныхъ общинахъ, т.-е., что идеологія возникла изъ производства. Благодаря этому ученію «о первичныхъ корняхъ», мы можемъ излагать нашу науку, начиная съ дѣйствительнаго начала самаго ея предмета—общественнаго сознанія.

Мало, однако, знать, что идеологія произошла изъ производства, что она отъ него зависитъ и является «надстройкою» надъ нимъ, по выраженію Маркса. Надо еще понять, точно и опредѣленно, что́ она такое н а д ѣ л ѣ, въ самой жизни, т.-е., выяснить ея практическій смыслъ и значеніе. Относительно этого до сихъ поръ господствуетъ большая неясность.

Очень многіе полагаютъ, что разъ идеологіи—«надстройка» надъ экономической жизнью, разъ онѣ ею «опредѣляются» то онѣ и представляютъ нѣчто второстепенное по сравненію съ нею, какое-то несущественное дополненіе къ ней, нѣчто въ родѣ исторической роскоши, осложняющей и украшающей общественный процессъ. Напр., искусство такъ и называютъ простымъ «украшеніемъ» жизни. Эта точка зрѣнія глубоко ошибочна.

Надстройки бываютъ разныя. Если на крышѣ поставятъ флюгера, громоотводы, рѣзные орнаменты,—все это надстройки, полезныя или пріятныя, но безъ которыхъ можно обойтись. А сама крыша? Она—тоже «надстройка» надъ стѣнами, ея положеніе и форма «опредѣляются» ими; однако, она не менѣе необходима, чѣмъ онѣ; безъ нея домъ невозможенъ. Идеологія—не шпиль, не рѣзная рѣшетка, не золоченое украшеніе на зданіи общественнаго труда и хозяйства; она—его кровля, безъ которой оно не можетъ существовать.

Это сравненіе, впрочемъ, еще недостаточно и неточно. Ближе было бы уподобить идеологію головному мозгу въ организмѣ. Развитіе мозга опредѣляется развитіемъ другихъ органовъ, спеціально тѣхъ, которые служатъ для движенія. У человѣка онъ достигъ высокаго совершенства потому, что наши руки являются наилучшими орудіями для сложныхъ дѣйствій, для всякой работы, и что устройствомъ нашихъ ногъ онѣ освобождены отъ участія въ ходьбѣ и бѣганьи, стѣсняющаго дѣятельность переднихъ лапъ у другихъ животныхъ. Но зависимость мозга отъ рукъ не мѣшаетъ тому, что онъ необходимъ для нихъ, что безъ него онѣ безполезны.

Такова же идеологія. Науки, техническія и естественныя, возникли изъ производства, благодаря его развитію достигли своего нынѣшняго уровня; но онѣ управляютъ производствомъ, безъ нихъ немыслимы современныя фабрики, заводы, желѣзныя дороги.

Другой примѣръ. Общественные дѣятели передового въ наше время класса посвящаютъ всѣ свои силы на то, чтобы развивать его классовое сознаніе, т.-е. именно его идеологію. Почему они дѣлаютъ это, когда они знаютъ, что основное—это экономика, идеологія же только производное, «надстройка», не болѣе? Большинство изъ нихъ не съумѣютъ правильно отвѣтить на этотъ вопросъ. Они, напр., скажутъ: «экономическія отношенія развиваются сами по себѣ, помимо насъ, и намъ нѣтъ надобности въ нихъ вмѣшиваться; что же касается идеологіи, тутъ мы можемъ ускорить дѣло, облегчить муки родовъ; поэтому наше участіе полезно и нужно». Отвѣтъ неубѣдительный. Развѣ сознательное вмѣшательство активныхъ людей не можетъ прямо ускорять ходъ экономическаго прогресса, когда, положимъ, какой-нибудь энергичный дѣлецъ основываетъ акціонерныя общества, заводитъ фабрики, проводитъ желѣзныя дороги въ отсталой странѣ? И развѣ, съ другой стороны, сознаніе класса не можетъ формироваться само по себѣ, зарождаясь и складываясь непосредственно въ массахъ? Вѣдь такъ оно первоначально и возникало повсюду.

И однако, остается вѣрнымъ то, что работа надъ сознаніемъ класса, надъ его идеологіей—самая необходимая, исторически самая важная въ нашу эпоху. Слабость же обычнаго отвѣта зависитъ отъ того, что люди хотя и чувствуютъ величайшее значеніе идеологій въ жизни, но не умѣютъ его отчетливо выразить. Систематически его изучая въ изложеніи нашей науки, мы увидимъ, въ чемъ оно состоитъ. Идеологія есть о р у д і е о р г а н и з а ц і и общества, производства, классовъ, и вообще всякихъ общественныхъ силъ или элементовъ,—орудіе, безъ котораго эта организація невозможна. Помогать выработкѣ сознанія въ опредѣленномъ классѣ, значитъ—развивать самыя основы его организаціи, участвовать въ образованіи того мозга, который долженъ управлять этимъ могучимъ тѣломъ.

Теперь въ передовыхъ массахъ, рядомъ съ экономической и политической активностью, пробуждается особенно сильно стремленіе просвѣщаться—жажда знанія, интересъ къ литературѣ, искусствамъ. Все это приходится брать почти всецѣло изъ рукъ господствующихъ классовъ, потому что ими это почти всецѣло создано и разработано, принадлежитъ къ ихъ идеологіи. Неизбѣжно встаютъ серьезные и трудные вопросы. Брать у тѣхъ классовъ культуру, воспитываться на продуктахъ ихъ творчества, значитъ ли—получать отъ нихъ законное наслѣдство, или напротивъ—духовно имъ подчиняться? Не сводится ли это къ тому, что мы пріучаемся мыслить и чувствовать, какъ они,

ходить по путямъ, ими протореннымъ, вообще—жить подъ ихъ опекою? Что́ у нихъ можно и слѣдуетъ брать, какимъ образомъ усваивать, что́—отвергать и отбрасывать? Возможно ли новому классу уже теперь создавать что-нибудь свое въ наукѣ, искусствахъ, правилахъ жизни? Если возможно, то стоитъ ли работать надъ этимъ, не отвлекаетъ ли это отъ болѣе важныхъ задачъ?—Требуются отвѣты, точные и надежные, т.-е., научные; основу для нихъ дастъ лишь систематическое изученіе науки объ идеологіяхъ.

Вотъ почему я считалъ эту работу своевременной, необходимой, и предпринялъ ее, собирая воедино то, что было сдѣлано и подготовлено другими, заполняя, по мѣрѣ силъ своихъ, пробѣлы, которые оставались. Предметъ сложный и трудный; чтобы читателю было легче овладѣть имъ, я выбралъ такую форму, которая упрощаетъ изложеніе: прямые вопросы и отвѣты.

Я убѣжденъ, что книга найдетъ своего читателя и будетъ ему полезна.

А. Богдановъ.

16/3 ноября 1913.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Опредѣленіе идеологической науки.

В о п р о с ъ. *Что такое идеологическая наука?*

О т в ѣ т ъ. Это—наука объ общественномъ сознаніи людей.

В. *Что такое «общественное сознаніе?»*

О. Каждый человѣкъ имѣетъ свою душевную жизнь: онъ видитъ, слышитъ, радуется, страдаетъ, желаетъ, стремится, вспоминаетъ, воображаетъ... Всѣ эти ощущенія, чувствованія, воля, представленія, составляютъ его «личное» (или «индивидуальное») сознаніе. Но человѣкъ живетъ всегда в ъ о б щ е с т в ѣ, т.-е., въ связи и въ общеніи съ другими людьми. То, что онъ «сознаетъ»—ощущаетъ, желаетъ, думаетъ,—онъ разными способами в ы р а ж а е т ъ, невольно или намѣренно, и другіе люди такъ или иначе п о н и м а ю т ъ его, а равно и онъ ихъ. Они видятъ движенія его тѣла, лица, глазъ (его «мимику»), слышатъ его крики, слова, воспринимаютъ написанные имъ знаки, нарисованныя имъ изображенія, и т. под.; этимъ путемъ они з н а ю т ъ объ его душевныхъ состояніяхъ—чего онъ хочетъ, что чувствуетъ, представляетъ,—и онъ з н а е т ъ то же относительно ихъ. Все, что выражено и понято, что стало и з в ѣ с т н о отъ одного человѣка другимъ и обратно, все это тѣмъ самымъ уже о б щ е е для нихъ, все это принадлежитъ уже не только личному сознанію, но вошло въ о б щ е с т в е н н о е с о з н а н і е. Слѣдовательно, изучать общественное сознаніе, значитъ изучать, ч т о́, к а к и м и с п о с о б а м и л ю д и в ы р а ж а ю т ъ и п о н и м а ю т ъ.

В. *Почему науку объ общественномъ сознаніи называютъ «идеологической»?*

О. Потому что общественное сознаніе обозначается также, болѣе кратко, словомъ «идеологія».

— *Откуда происходитъ слово «идеологія», и каковъ его прямой смыслъ?*

— Это слово образовано изъ двухъ греческихъ: 1) ἰδέα—воззрѣніе, мысль, отъ арійскаго корня v i d, который сохранился

и въ русскомъ языкѣ (в и д ѣть, в ѣ д ать); въ греческомъ этотъ корень утратилъ свою первую букву, но и тамъ она первоначально была; значеніе же корня въ обоихъ языкахъ одинаковое; 2) λόγος—понятіе, слово, отъ корня l e g, означающаго, первоначально, класть, а затѣмъ—думать; этотъ корень и въ русскомъ имѣетъ тѣ же два значенія, какъ показываетъ слово «по- л а г -ать» (положить, предположить, и т. под.) Слѣдовательно, «идеологія» должно означать, буквально, науку объ идеяхъ, какъ «психологія»—наука о душѣ, «біологія»—о жизни, и пр. Но обычно идеологіей называютъ не науку объ идеяхъ, а самыя идеи и понятія, или, точнѣе и общѣе, какъ мы уже сказали, само «общественное сознаніе».

— *Нѣтъ ли другого, болѣе употребительнаго, чѣмъ терминъ «идеологія», обозначенія для общественнаго сознанія?*

— Да, есть. Въ этомъ смыслѣ чаще примѣняется слово «культура», или, точнѣе, выраженіе «духовная культура». Первоначальное значеніе латинскаго слова «культура», это—воздѣлываніе земли, а затѣмъ вообще полезный трудъ. Отсюда получилось нынѣшнее широкое понятіе «культуры»: всѣ результаты человѣческихъ усилій, поднимающіе человѣчество надъ природою, всѣ плоды труда и мысли, совершенствующіе жизнь. Техника, съ ея орудіями, машинами, путями сообщенія,—экономическія связи сотрудничества, обмѣна,—рѣчь, знанія обыденныя и научныя, искусство, обычаи, нравственность, право, политика—все это составныя части культуры; даже развитіе физической силы и здоровья, посредствомъ гимнастики и другихъ пріемовъ, относится туда же, подъ названіемъ «культуры тѣла».—При этомъ различаютъ двѣ основныхъ области культуры: матеріальную и духовную. «Матеріальная культура» есть вся сфера п р о и з в о д с т в а, съ его техникой и экономическими отношеніями, общественный трудъ, направленный на внѣшнюю природу, со всѣми его средствами и формами. «Духовная культура»—это та сфера, которая лежитъ в н ѣ п р я м о й б о р ь б ы с ъ п р и р о д о ю, это—рѣчь, мышленіе, нравственность, искусство, и т. д., словомъ—идеологія, общественное сознаніе.

— *Представляетъ ли идеологія общества нѣчто единое, постоянное и строго опредѣленное, или нѣтъ?*

— Нѣтъ, она многообразна и измѣнчива. Она зародилась въ видѣ безформенныхъ зачатковъ въ первобытную эпоху жизни человѣчества, и съ тѣхъ поръ развивается, усложняясь и развѣтвляясь, вплоть до нынѣшняго гигантскаго богатства ея формъ. Такъ, первобытную рѣчь, согласно выводамъ сравнительной филологіи, приходится представлять сводящейся, самое большее, къ нѣсколькимъ десяткамъ звуковъ (трудовыхъ криковъ), которые не обладали строгой опредѣленностью значенія, свойственной нынѣшнимъ словамъ; современные же языки цивилизованныхъ народовъ обладаютъ сотнями тысячъ

обозначеній, которыя допускаютъ милліоны и милліоны сочетаній, позволяющихъ выразить самые сложные и самые тонкіе оттѣнки явленій нашей жизни и внѣшней природы. Въ такой же или еще большей мѣрѣ выросло познаніе, и т. д.

Кромѣ того, если въ примитивныхъ обществахъ идеологія была единой и цѣльною, общею для всѣхъ ихъ членовъ, то въ обществахъ позднѣйшихъ, болѣе развитыхъ, это уже не такъ. Идеологія есть выраженіе и пониманіе ж и з н и; а жизнь въ этихъ обществахъ раздроблена, она не одна и та же для разныхъ к л а с с о в ъ. Въ зависимости отъ разнаго положенія людей въ производствѣ или около производства, различны ихъ жизненныя условія, ихъ интересы, стремленія, ихъ точка зрѣнія на окружающій міръ. Все это, естественно, находитъ себѣ и разное выраженіе, порождаетъ разные способы пониманія. Получается не одно общественное сознаніе, а нѣсколько к л а с с о в ы х ъ: у землевладѣльцевъ—помѣщиковъ одно, у капиталистовъ другое, у мелкихъ хозяевъ—ремесленниковъ и крестьянъ—третье, у рабочихъ пролетаріевъ еще иное.... Даже отдѣльныя группы большихъ классовъ, расходящіяся между собою не въ основныхъ и главныхъ, а въ болѣе частныхъ и второстепенныхъ условіяхъ жизни, вырабатываетъ себѣ о т ч а с т и о с о б у ю идеологію—«соціально-групповую». Такъ, идеологія далеко не вполнѣ одинакова у крестьянъ и у городскихъ ремесленниковъ, хотя тѣ и другіе имѣютъ много общаго между собою, какъ мелкіе производители; она не вполнѣ одинакова даже у фабрикантовъ и у банкировъ, и т. под.

— *Совершается ли идеологическое развитіе всегда непрерывно и въ сторону прогресса, или нѣтъ?*

— Нѣтъ, исторія показываетъ, что это бываетъ такъ большей частью, но не всегда. Во-1), на памяти человѣчества случалось не разъ, что цѣлыя общества, иногда уже достигнувшія довольно высокой ступени культурнаго развитія, затѣмъ приходили въ упадокъ: разлагались изнутри, или разрушались подъ ударами внѣшнихъ враговъ, чаще—то и другое вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ самимъ обществомъ тогда терпѣла крушеніе также его идеологія. Эта судьба постигла цѣлый рядъ древнихъ цивилизацій: египетскую, халдейскую, финикійско-карѳагенскую, мексиканско-индѣйскую и другія. Примѣръ же наиболѣе замѣчательный—гибель античнаго, греко-римскаго общества, съ его грандіозной, въ иныхъ отношеніяхъ и теперь не превзойденной культурой.

Во-2), когда общество состоитъ изъ классовъ, борющихся между собою, то ихъ идеологіи раздѣляютъ участь самихъ классовъ: вмѣстѣ съ ними растутъ и развиваются, вмѣстѣ съ ними деградируютъ и падаютъ. Когда новый классъ завоевываетъ господство, то наступаетъ полный расцвѣтъ его идеологіи; напротивъ, идеологія класса, имъ побѣжденнаго, теряетъ общественное значеніе, слабѣетъ, разлагается. Такой переворотъ

пережили, напр., европейскія страны въ XVIII—XIX вѣкѣ, когда буржуазія одолѣла и оттѣснила феодальную аристократію; съ тѣхъ поръ феодальная идеологія, съ ея католицизмомъ, нравственностью, основанной на авторитетѣ, идеей наслѣдственной власти, все болѣе отмирала; а буржуазная, съ ея безрелигіозностью, съ ея индивидуалистической нравственностью, съ ея всепроникающимъ принципомъ частной собственности, захватывала все полнѣе господство во всѣхъ областяхъ жизни общества, налагала свой отпечатокъ даже на сознаніе другихъ классовъ.

Слѣдовательно, наша наука должна изучать идеологіи въ процессѣ ихъ измѣненій и борьбы, ихъ развитія или ихъ деградаціи, ихъ жизни и умиранія.

II. Методы идеологической науки.

а) Индукція.

— *Какіе существуютъ основные методы въ идеологической наукѣ?*

— Тѣ же, что и въ другихъ наукахъ: 1) индукція, т. е., буквально, «наведеніе»,—методъ обобщающій, идущій отъ частнаго къ общему; 2) дедукція, т. е. «выведеніе»,—методъ примѣняющій обобщенія, дѣлающій выводы отъ общаго къ частному.

— *Какіе существуютъ виды индукціи?*

— Три вида: 1) обобщающее описаніе; 2) статистическій или подсчетный методъ; 3) абстрактный или упрощающій методъ.

— *Какой изъ трехъ видовъ индукціи первоначальный и основной?*

— Методъ обобщающаго описанія.

— *Въ чемъ состоитъ методъ обобщающаго описанія?*

— Въ томъ, что собираютъ вмѣстѣ сходные между собою факты или явленія, и отыскиваютъ, что въ нихъ есть общаго; такъ получаются описательныя обобщенія. Въ сущности, начало этого метода имѣется въ самой человѣческой рѣчи: когда обозначаютъ сходныя дѣйствія или сходныя вещи однимъ и тѣмъ же словомъ, то это слово есть уже обобщеніе,—оно объединяетъ ихъ по сходству и указываетъ на ихъ общія черты или элементы. Такъ, когда мы произносимъ или мыслимъ: «человѣкъ»,—то мы тѣмъ самымъ связываемъ во-едино безчисленные знакомые намъ образы людей, и подразумѣваемъ все, что въ нихъ одинаково, что въ каждомъ изъ нихъ повторяется, Но такое, безсознательно сложившееся обобщеніе не обладаетъ еще отчетливостью и точностью, какія вырабатываются въ сознательномъ изслѣдованіи, въ научномъ мышленіи. Тамъ обобщаемые факты сопоставляются и сравниваются системати-

чески; то, что въ нихъ общаго, спеціально выдѣляется и формулируется. Напр., наука объ языкѣ, всѣхъ раньше развившаяся часть идеологической науки, получала свои первыя обобщенія такимъ путемъ, что сравнивала слова, сходныя по звукамъ и по значенію, обособляла въ нихъ съ одной стороны одинаковые звуки (общій «корень» этихъ словъ), съ другой— присущій всѣмъ имъ оттѣнокъ значенія (смыслъ этого корня). Даны, положимъ, слова: «рабочій», «работа», «поработить», «рабъ», и др. Нетрудно видѣть, что въ нихъ есть одинъ и тотъ же корень «р а б», выражающій идею труда.

Наша наука, подобно другимъ общественнымъ наукамъ, и даже еще больше, чѣмъ онѣ, должна нерѣдко сравнивать и обобщать явленія гигантской сложности, напр., сопоставлять по сходству цѣлыя религіозныя міровоззрѣнія разныхъ народовъ, цѣлыя системы нравственности, и т. под.

— *Въ какомъ порядкѣ ведется обобщающее описаніе?*

— Въ порядкѣ прогрессивно-восходящей лѣстницы (градаціи). Изъ частныхъ фактовъ образуются первыя обобщенія; но познаніе не останавливается на нихъ, а сопоставляетъ ихъ между собою, и выдѣляя въ нихъ общее, производитъ такимъ образомъ обобщенія второго порядка; изъ нихъ точно также— обобщенія третьяго порядка, и т. д., вплоть до немногихъ, или даже одного высшаго и послѣдняго обобщенія. Типичный примѣръ подобной лѣстницы даетъ любая научная классификація, напр., животныхъ или растеній. Всѣ, сколько бы ихъ ни было, животныя, сходныя между собою настолько, насколько могутъ быть сходны родители и дѣти, образуютъ одинъ в и д ъ; ихъ общія черты составляютъ характеристику даннаго «вида», сущность этого обобщенія. Виды, близко родственные другъ другу по устройству тѣла, образуютъ р о д ъ; сумма одинаковыхъ чертъ, разумѣется, здѣсь меньше, чѣмъ между особями одного вида, такъ что обобщеніе «по объему» меньше, но «по широтѣ» оно больше, и представляетъ обобщеніе слѣдующаго, второго порядка. Близкіе другъ другу роды образуютъ с е м е й с т в о, близкія семейства— о т р я д ъ; изъ отрядовъ составляется к л а с с ъ, затѣмъ т и п ъ, затѣмъ ц а р с т в о. Въ классификаціи зоологической это—послѣднее обобщеніе; оно выражается понятіемъ «животное», и охватываетъ тѣ немногія черты, которыя имѣются у всѣхъ представителей этого царства; но связавши его съ высшимъ обобщеніемъ ботанической классификаціи—«растеніе», получаемъ еще высшее—понятіе «живого существа», послѣднее для описательной біологіи, и т. д.

Въ идеологической наукѣ существуютъ аналогичныя лѣстницы обобщающаго описанія. Такъ, религіи древнихъ грековъ, германцевъ, славянъ, индусовъ и цѣлаго ряда другихъ народовъ весьма сходны по основному строенію, напр., всѣ характеризуются множественностью боговъ, раздѣленіемъ областей, ими управляемыхъ, цѣпью власти—подчиненія, въ которую

они организованы, и которая въ точности повторяетъ цѣпь сюзереновъ—вассаловъ, свойственную феодальнымъ обществамъ. Всѣ подобныя религіи относятся къ одному виду—многобожныхъ (политеистическихъ) системъ. Сопоставляя этотъ видъ съ другими—фетишистическимъ, единобожнымъ, и выдѣляя все, что въ нихъ имѣется общаго, получаютъ родовую характеристику—религіозныхъ міровоззрѣній. Сравненіе съ другими родами міровоззрѣній—метафизическими, научно-философскими—даетъ обобщеніе слѣдующаго порядка: понятіе о системахъ міровоззрѣнія вообще. Оно, въ свою очередь, связывается съ понятіемъ о системахъ моральныхъ, правовыхъ, образуя основу для характеристики «идеологій вообще». Это для нашей науки послѣдняя, высшая ступень въ градаціи понятій.

— *Не достаточенъ ли методъ обобщающаго описанія для цѣлей научнаго изслѣдованія?*

— Нѣтъ. Хотя въ новѣйшей философіи существуетъ такой взглядъ, что къ одному этому методу сводится все познаніе (теоріи «чистаго описанія»), но это—недоразумѣніе, зависящее отъ того, что съ методомъ обобщающе-описательнымъ смѣшиваются другія—правда, происшедшія отъ него—формы индукціи, высшія и болѣе совершенныя. Онъ тѣмъ болѣе недостаточенъ, чѣмъ сложнѣе изучаемыя явленія, и чѣмъ болѣе они измѣнчивы. Тогда въ грушѣ взаимно-родственныхъ явленій одни и тѣ же признаки сходства въ однихъ случаяхъ имѣются, въ другихъ отсутствуютъ, при измѣненіяхъ иногда появляются, иногда усиливаются, иногда исчезаютъ; и простое описаніе впадаетъ въ расплывчатость, въ неопредѣленность. Даже для простѣйшихъ фактовъ, изучаемыхъ, напр., физикой, эта недостаточность нерѣдко сказывается съ очевидностью. Тѣла безъ опоры падаютъ, это явленіе обычно, повторяется милліоны разъ на нашихъ глазахъ,—но дать его общее описаніе путемъ простого сравненія и классификаціи до крайности трудно. Одни тѣла падаютъ быстро и прямолинейно, другія медленно и зигзагами; третьи, какъ облака, пыль, повидимому, совсѣмъ не падаютъ, или падаютъ неуловимо медленно; четвертыя, какъ дымъ изъ печей, иногда идутъ вверхъ, иногда же замѣтно внизъ; кусочекъ золота падаетъ такъ, а тотъ же кусочекъ, расплющенный въ тонкій листокъ, иначе, и т. д. Простое описаніе тутъ должно чрезвычайно усложниться и затеряться въ частностяхъ, въ мелочахъ.

Тѣмъ болѣе это относится къ сложнѣйшимъ и постоянно измѣняющимся идеологическимъ формамъ. Обобщающее описаніе какой-нибудь группы живыхъ, развивающихся языковъ, или группы міровоззрѣній, общественныхъ системъ нравственности и т. под., составляетъ такую массу и такого запутаннаго матеріала, что овладѣть имъ вполнѣ для отдѣльнаго человѣка не только трудно, а часто практически невозможно.

При этомъ особенно важно вотъ что. Цѣль и смыслъ познанія—въ предвидѣньи, въ руководствѣ человѣческими дѣйствіями, трудомъ и борьбою жизни. Простое описаніе обобщаетъ только то, что уже наблюдалось; а въ общественномъ процессѣ, и спеціально въ мірѣ идеологій, наиболѣе интересно понять то развитіе, которое теперь совершается и создаетъ новыя формы, какихъ раньше и не было; всего желательнѣе предвидѣть ходъ и результаты этого развитія, характеръ этихъ новыхъ формъ, чтобы активно участвовать въ прогрессѣ жизни, и не тратить силъ на борьбу съ тѣмъ, что полезно для нея, или что неизбѣжно. Всего этого методъ описанія дать не въ силахъ: онъ позволяетъ предвидѣть лишь тамъ, гдѣ явленія однообразно повторяются, не развиваясь.

— *Въ чемъ заключается статистическій методъ индукціи?*

— Въ количественномъ изслѣдованіи, выясняющемъ, н а с к о л ь к о ч а с т о встрѣчаются тѣ или иные признаки въ данной группѣ явленій, и в ъ к а к о й м ѣ р ѣ и л и с т е п е н и при этомъ они выражены. Этимъ, во-1), вносится больше опредѣленности и точности въ познаніе; во-2), создается возможность хоть до нѣкоторой степени предвидѣть вѣроятный ходъ протекающихъ новыхъ процессовъ развитія.

Такъ, допустимъ, что мы изучаемъ данное общество по признаку обладанія собственностью. Мы нашли, что въ немъ столько-то—допустимъ, 80 милліоновъ людей—сходны между собою въ томъ, что имѣютъ собственность, и 20 милліоновъ не сходны съ ними, но сходны между собою въ томъ, что ея не имѣютъ. Это знаніе гораздо опредѣленнѣе и точнѣе того, чѣмъ если намъ извѣстны только два обобщенія—«собственники» и «не-собственники».

Затѣмъ, положимъ, мы установили, что въ томъ же обществѣ 10 лѣтъ тому назадъ собственниковъ было не 80, а 85 на 100; десятилѣтіемъ же еще раньше 88 на 100; еще за 10 лѣтъ 90%. Зная это, мы можемъ съ извѣстной вѣроятностью предвидѣть, что въ послѣдующіе годы число собственниковъ вновь уменьшится, а число пролетаріевъ возрастетъ. Д о с т о в ѣ р н о с т и въ этомъ предвидѣньи нѣтъ, такъ какъ наши подсчеты не могли показать, п о ч е м у разоряется больше людей, чѣмъ изъ неимущихъ переходитъ въ имущіе; но в ѣ р о я т н о с т ь есть, и тѣмъ болѣе значительная, чѣмъ болѣе массовой характеръ имѣетъ найденное измѣненіе.

Болѣе полное и широкое статистическое изслѣдованіе выяснитъ намъ и то, въ какихъ размѣрахъ распредѣленъ признакъ собственности: сколько крупныхъ, сколько среднихъ, мелкихъ собственниковъ,—при чемъ условлено «крупными» называть, положимъ, тѣхъ, чье богатство превосходитъ 100 тысячъ рублей, средними—имѣющихъ отъ 10 до 100 тысячъ, мелкими—меньше 10 тысячъ. Наше представленіе объ экономическомъ состояніи общества тогда станетъ еще точнѣе; пред-

видѣніе, на основаніи данныхъ за разные годы—также опредѣленіе. Мы, напр., убѣдимся, что число крупныхъ собственниковъ растетъ, число среднихъ мало измѣняется, число мелкихъ съ такой-то скоростью уменьшается; и мы будемъ ожидать дальнѣйшаго увеличенія численности богачей съ одной стороны, пролетаріевъ съ другой.

— *Примѣнимъ ли статистическій методъ только тамъ, гдѣ возможно точное счисленіе и измѣреніе?*

— Нѣтъ, не только тамъ. Въ массѣ случаевъ цифровое изслѣдованіе очень трудно, или даже невозможно,—а о т н о ш е н і я в е л и ч и н ъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ улавливаются достаточно хорошо, чтобы опредѣлить общую картину изучаемыхъ явленій и общій ходъ измѣненій въ нихъ. Напр., наблюдатель деревенской жизни, знакомый съ разными мѣстностями Россіи, безъ особыхъ подсчетовъ приходитъ къ заключенію, что у насъ уменьшается количество среднихъ и мелкихъ хозяйственныхъ крестьянъ, растетъ число богатыхъ, и особенно число безхозяйныхъ, сельскихъ пролетаріевъ. Статистическій методъ есть вообще количественный, а не только цифровой. Иногда ариѳметическій подсчетъ не представляетъ даже никакого интереса. Такъ, мы констатируемъ, что «значительное большинство» тѣлъ нашей обычной обстановки обладаютъ признакомъ тяжести, т. е., падаютъ, если остаются безъ опоры. Но было бы весьма безплодно считать, сколько тѣлъ соотвѣтствуетъ этому правилу, и сколько образуютъ исключеніе. Въ идеологической наукѣ лишь изрѣдка случается имѣть дѣло съ настоящими цифровыми данными, да и тогда ихъ значеніе только приблизительное. Примѣръ—анкеты, которыя у насъ иногда дѣлались среди студентовъ, среди рабочихъ какой-нибудь фабрики, союза и т. п., по поводу ихъ политическихъ взглядовъ, литературныхъ симпатій, философскаго или религіознаго міровоззрѣнія: получались цифры не массовыя и завѣдомо не очень точныя. Но и массовыя числа, какія даются, напр., счетомъ голосовъ на парламентскихъ выборахъ, далеко не могутъ приниматься съ такимъ довѣріемъ, какъ, положимъ, экономическая статистика. Если число голосовъ, поданныхъ за рабочую партію въ Германіи, за нѣсколько лѣтъ возрастаетъ на милліонъ, а число клерикальныхъ и консервативныхъ голосовъ уменьшается на нѣсколько сотъ тысячъ, то, безъ сомнѣнія, можно сдѣлать выводъ о прогрессивномъ вытѣсненіи одной системы идей другою; но это не будетъ точно установленный фактъ, потому что аналогичное измѣненіе числа голосовъ въ другомъ случаѣ могло бы быть вызвано просто новымъ тяжелымъ налогомъ или закономъ объ увеличеніи войска.

Тѣмъ не менѣе, весьма часто въ нашей наукѣ и безъ помощи строгихъ цифръ статистическій методъ позволяетъ получить опредѣленную характеристику изучаемыхъ фактовъ, и того направленія, въ которомъ они въ данное время измѣняются.

Такъ, благодаря единогласному свидѣтельству многихъ опытныхъ наблюдателей жизни, мы знаемъ, что въ современной Франціи свободомысліе значительно преобладаетъ надъ католицизмомъ, или что во всей Европѣ уменьшается вліяніе религіозныхъ міровоззрѣній въ народныхъ массахъ, увеличивается распространеніе и сила научно-философскихъ; но точнаго числового выраженія этихъ процессовъ у насъ нѣтъ, и дать его не смогъ бы никакой ученый.

— *Если статистическій методъ даже въ приблизительной своей формѣ вноситъ въ познаніе опредѣленность и даетъ опору для предвидѣній, то почему бы индуктивное изслѣдованіе не могло на немъ и остановиться, не отыскивая еще иного метода?*

— Статистическій методъ способенъ давать болѣе совершенное описаніе фактовъ, чѣмъ методъ простого обобщенія, но все-же только описаніе, а не о б ъ я с н е н і е. Каждое явленіе—сложный результатъ многихъ причинъ, и противъ этой сложности статистическій методъ безсиленъ: онъ не можетъ выдѣлить эти причины изъ ихъ сцѣпленія, не можетъ опредѣлить, какія изъ нихъ болѣе общія, основныя, и какія болѣе частныя, второстепенныя, и какъ тѣ и другія соединяются въ дѣйствительности. Оттого не вполнѣ надежны и его предвидѣнія. Напр., мы можемъ собрать статистику богатства страны подрядъ за 7—8 лѣтъ, и найти, что оно возрастаетъ, и даже все быстрѣе. На этомъ основаніи мы предскажемъ, что и на слѣдующій годъ оно еще увеличится,—а на дѣлѣ увидимъ совершенно обратное: это окажется годъ кризиса, который принесетъ рѣзкое пониженіе величины капитала націи. Или, напр., въ области нашей науки: мы наблюдаемъ идейную жизнь народа за цѣлый рядъ лѣтъ, и находимъ все болѣе энергичный ростъ освободительныхъ и прогрессивныхъ идеологій. Наступаетъ революція, за время которой этотъ ростъ ускоряется до крайности. Но если мы будемъ ожидать, что и дальше развитіе пойдетъ такъ же, то рискуемъ очень ошибиться: наступаетъ реакція, и процессъ поворачиваетъ въ другую сторону, къ усиленію консервативныхъ и ретроградныхъ идеологій. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: наблюдаемый процессъ зависитъ не отъ одной, а отъ нѣсколькихъ причинъ, и отъ соотношенія между ними; но подсчетъ и измѣреніе, ни приблизительные, ни даже вполнѣ точные, не обнаруживаютъ ни этихъ причинъ, ни ихъ взаимной связи; о с н о в а явленій ускользаетъ отъ него. Ее долженъ найти другой методъ, абстрактный,

— *Въ чемъ сущность абстрактнаго метода?*

— Въ у п р о щ е н і и фактовъ путемъ ихъ р а з л о ж е н і я (анализа). Поэтому абстрактный методъ называютъ также «аналитическимъ».

— *Какимъ путемъ достигается разложеніе сложныхъ фактовъ?*

— Такимъ, что изъ нихъ удаляютъ, или отъ нихъ «отвле-

кают‌ъ», разныя усложняющія условія, так‌ъ, чтобы обнаружилась самая основа явленія. Оттого и метод‌ъ носит‌ъ имя «абстрактнаго» («абстрагировать» значит‌ъ—отвлекать). Отвлеченіе усложняющих‌ъ элемéнтов‌ъ производится иногда на самом‌ъ дѣлѣ, т. е. практически; иногда же только мысленно,—когда практически его выполнить невозможно или неудобно.

— *Как‌ъ производится практически упрощающее отвлеченіе, и въ каких‌ъ случаях‌ъ оно возможно?*

— Оно производится посредством‌ъ т о ч н ы х‌ъ о п ы т о в‌ъ, «экспериментов‌ъ», и удается, слѣдовательно, лишь тогда, когда изучаемыя вещи или явленія таковы, что мы можем‌ъ свободно ими распоряжаться, экспериментировать надъ ними. Мы можем‌ъ дѣлать это надъ разными тѣлами мертвой природы, надъ растеніями, животными. Поэтому абстрактный метод‌ъ въ видѣ точных‌ъ экспериментов‌ъ и примѣним‌ъ, главным‌ъ образом‌ъ, въ физикѣ, химіи, біологіи, вообще—въ естественных‌ъ наукахъ. Возьмем‌ъ уже намѣченный нами примѣр‌ъ: паденіе тѣл‌ъ. Большинство их‌ъ падает‌ъ вертикально, иныя быстрѣе, другія медленнѣе; нѣкоторыя падают‌ъ зигзагом‌ъ, другія вовсе не падают‌ъ, а есть и такія, которыя летят‌ъ вверх‌ъ. Видя дѣйствія вѣтра и всяких‌ъ движеній воздуха на падающія тѣла, мы догадываемся, что тут‌ъ вообще сопротивленіе воздуха является усложняющим‌ъ условіем‌ъ. Чтобы отвлечься от‌ъ этого условія, берем‌ъ длинную трубку, и насосом‌ъ выкачиваем‌ъ из‌ъ нея воздух‌ъ. Послѣ этого оказывается, что въ ней и кусок‌ъ свинца и клочек‌ъ бумаги падают‌ъ одинаково вертикально и одинаково быстро. Значит‌ъ, мы опытом‌ъ нашли основу фактов‌ъ, или вѣрнѣе, их‌ъ о с н о в н у ю, п о с т о я н н у ю т е н д е н ц і ю: всѣ тѣла одинаково и съ одинаковой скоростью «стремятся» падать к‌ъ центру земли («тенденція» значит‌ъ—стремленіе); но сопротивленіе воздуха мѣшает‌ъ им‌ъ въ этом‌ъ, тяжелым‌ъ тѣлам‌ъ меньше, легким‌ъ—больше; иногда оно даже совершенно парализует‌ъ и как‌ъ бы маскирует‌ъ, скрывает‌ъ от‌ъ нас‌ъ постоянную тенденцію паденія: тѣло видимым‌ъ образом‌ъ не падает‌ъ (напр., капельки воды, образующія облака). Так‌ъ одна тенденція, основная и болѣе общая, осложняется другой, менѣе существенной и болѣе частной. Явленіе о б ъ я с н е н о, и мы уже гораздо точнѣе и строже можем‌ъ разсчитать, предвидѣть разные его случаи.

Однако, даже съ неодушевленными предметами не всегда так‌ъ удобно экспериментировать: иныя из‌ъ них‌ъ внѣ нашей власти, напр., небесныя тѣла; иныя и доступны, но устранить какое-нибудь усложняющее условіе технически трудно. Надъ людьми же постановка опытов‌ъ возможна сравнительно рѣдко (эксперименты въ физіологіи, медицинѣ, психологіи). А для явленій общественных‌ъ, и особенно самых‌ъ сложных‌ъ, въ том‌ъ числѣ—идеологических‌ъ, она невозможна почти никогда. Тут‌ъ поэтому, приходится прибѣгать к‌ъ методу м ы с л е н н а г о

отвлеченія, который большей частью, собственно, и называютъ «абстрактнымъ».

— *Какъ выполняется мысленное отвлеченіе усложняющихъ условій изъ наблюдаемыхъ фактовъ?*

— Это—вещь настолько сложная, что мы должны сначала показать ее на примѣрѣ.

Статистикой установлено за большіе періоды времени, что въ капиталистическихъ странахъ крупные капиталы растутъ, количество среднихъ и, особенно мелкихъ, уменьшается, и возрастаетъ также число пролетаріевъ, лишенныхъ всякаго капитала. Такъ бываетъ въ большинствѣ наблюдаемыхъ случаевъ, но бываютъ и исключенія; а темпъ этихъ процессовъ (обозначаемыхъ вообще, какъ «концентрація капитала») весьма различенъ и сильно колеблется. Очевидно, есть усложняющія вліянія, которыя надо найти и мысленно устранить. Мы сопоставляемъ сдѣланныя наблюденія, и видимъ, что всѣ они относятся къ странамъ капиталистическимъ; но въ то же время изъ другихъ изслѣдованій мы знаемъ, что чистаго капитализма, вполнѣ цѣльнаго и законченнаго, ни въ одной странѣ нѣтъ: всюду рядомъ съ капиталистическимъ хозяйствомъ, или въ смѣшеніи съ нимъ есть разные остатки феодально-крѣпостного и ремесленно-цехового строя, иногда очень значительные. Тогда мы располагаемъ свои данныя въ рядъ такимъ образомъ: на первомъ мѣстѣ помѣщаемъ страны, гдѣ пережитки прежнихъ формъ хозяйства наиболѣе многочисленны и сильны,—напр., Турцію, Персію; на второмъ такія, гдѣ они менѣе значительны, напр., Россію, Японію,—и т. д., вплоть до странъ, гдѣ эти остатки наименѣе выражены, какъ Англія, Соед. Штаты. Оказывается, что чѣмъ больше до-капиталистическихъ пережитковъ, тѣмъ менѣе опредѣленно, тѣмъ менѣе устойчиво и правильно, съ болѣе сильными колебаніями и нарушеніями выступаетъ процессъ концентраціи капиталовъ; чѣмъ болѣе страна отъ нихъ свободна, тѣмъ отчетливѣе и правильнѣе ходъ этого процесса. Мысленно продолжая нашъ рядъ вплоть до полнаго исчезновенія до-капиталистическихъ формъ, мы приходимъ къ представленію о чистомъ капитализмѣ, и для насъ ясно, что тамъ процессъ концентраціи шелъ бы наиболѣе устойчиво и неуклонно. Это и есть а б с т р а к т н ы й в ы в о д ъ: основной и постоянной тенденціей капитализма является концентрація капиталовъ. Иначе это выражаютъ такъ: концентрація капитала есть а б с т р а к т н ы й з а к о н ъ капитализма.

Мы произвели упрощеніе фактовъ, мысленно «отвлекли» усложняющія условія, и получили дѣйствительный законъ явленій. Пользуясь имъ, мы можемъ съ достовѣрностью предвидѣть, что разъ уже въ страну проникъ капитализмъ, то въ ней появится и тенденція къ концентрированію капиталовъ, которая будетъ ослабляться и нарушаться, порою совсѣмъ маскироваться вліяніемъ уцѣлѣвшихъ еще остатковъ прежнихъ

формъ,—но будетъ обнаруживаться все сильнѣе и правильнѣе, поскольку капитализмъ будетъ развиваться, а пережитки стараго строя отмирать. Статистическій методъ намѣтилъ намъ нѣкоторую «эмпирическую» (прямо наблюдаемую, «опытную» по буквальному смыслу слова) тенденцію; но пока она не объяснена, мы не знали ни степени ея общности, ни ея границъ, ни значенія въ историческомъ развитіи. Абстрактный методъ объяснилъ намъ ее, указалъ ея основную причину, свелъ ее къ настоящему закону.

— *Какъ же слѣдуетъ формулировать пріемъ мысленнаго отвлеченія?*

— Онъ заключается въ томъ, что, сравнивая разныя наблюденія, стараются опредѣлить въ какую сторону измѣняется характеръ явленія, когда тотъ или иной изъ его признаковъ выступаетъ въ большей, въ какую—когда онъ выступаетъ въ меньшей степени. Такъ находятъ тенденцію, связанную съ усиленіемъ или ослабленіемъ даннаго признака, и затѣмъ мысленно продолжаютъ ее до конца, до наибольшаго возможнаго развитія признака или до полнаго его устраненія. Этимъ путемъ явленіе представляется въ болѣе законченномъ или въ упрощенномъ видѣ, и устанавливается абстрактный его законъ, связанный съ выбраннымъ признакомъ, если это признакъ, дѣйствительно, основной въ данныхъ явленіяхъ,—съ его отсутствіемъ, если это признакъ второстепенный, усложняющій.

— *Насколько примѣнимъ абстрактный методъ въ идеологической наукѣ?*

— Здѣсь онъ рѣшительно преобладаетъ, еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ общественныхъ наукахъ. Иначе и быть не можетъ, потому что идеологіи—наиболѣе сложныя изъ всѣхъ соціальныхъ явленій; слѣдовательно, для ихъ познанія всего больше требуется упрощеніе, отвлеченіе. Но въ то же время, конечно, и самое примѣненіе метода здѣсь оказывается особенно труднымъ. Вотъ примѣръ, изъ числа сравнительно простыхъ: распространеніе «индивидуалистической» идеологіи.

Этимъ именемъ обозначаются понятія, идеи, нравственныя и правовыя нормы, основу которыхъ составляетъ представленіе объ отдѣльности и самостоятельности человѣческаго индивидуума; таково, напр., понятіе объ обществѣ, какъ о простомъ союзѣ первоначально независимыхъ личностей, которыя заключили этотъ союзъ ради эгоистическихъ интересовъ каждой изъ нихъ; такова идея о свободѣ, какъ естественномъ и прирожденномъ правѣ личности, ученіе о нравственномъ долгѣ, врожденномъ человѣку независимо отъ его общественной среды, теорія о борьбѣ за личныя выгоды, какъ естественномъ пути къ общему благосостоянію, и т. д. Подобныя идеологіи уже давно преобладаютъ въ культурныхъ странахъ, но не въ одина

ковой мѣрѣ. Въ странахъ полу-культурныхъ онѣ еще не господствуютъ, но быстро развиваются; въ еще болѣе отсталыхъ—только намѣчаются, у иныхъ же варварскихъ и дикихъ племенъ почти совсѣмъ отсутствуютъ.

Расположимъ всѣ данныя современныхъ наблюденій и исторіи прошлаго по этому вопросу въ одинъ рядъ, въ порядкѣ убывающаго распространенія индивидуалистическихъ идеологій. Мы замѣтимъ на всемъ протяженіи ряда одну общую тенденцію: индивидуализмъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развиты въ странѣ обмѣнъ товаровъ и частная собственность; тамъ же, гдѣ обмѣна совсѣмъ не было, и господствовала собственность общинная, не было индивидуализма даже слѣдовъ. Это позволяетъ намъ установить абстрактный законъ о связи индивидуализма въ идеологіяхъ съ развитіемъ обмѣна и частной собственности.

Но для того, чтобы весь анализъ могъ принять такую упрощенную форму, надо было выбрать изъ массы условій жизни общества именно то, съ которымъ сопоставляется наиболѣе успѣшно развитіе даннаго явленія, т.-е., прогрессъ обмѣна и частной собственности. Выбрать же возможно только путемъ различныхъ предварительныхъ попытокъ и сравненій,—часто лишь послѣ множества неудачъ. Такова сложность и трудность метода. Она—одна изъ причинъ отсталости идеологической науки даже по отношенію къ другимъ общественнымъ наукамъ.

b) Дедукція.

— *Въ чемъ состоитъ методъ дедукціи?*

— Въ томъ, что обобщенія и законы, добытые индукціей, прилагаются къ частнымъ случаямъ, дѣйствительнымъ или мыслимымъ, и такимъ образомъ «выводится» объясненіе этихъ частныхъ случаевъ, а также и предсказаніе относительно нихъ. Всѣ «предвидѣнья», о которыхъ мы уже упоминали, говоря объ индукціи, представляютъ не что иное, какъ подобные выводы.

Дедукцію, въ которой приходится примѣнить только одно какое-нибудь индуктивно добытое положеніе, можно назвать элементарной или простѣйшей. Если, напр., установлено, что развитіе мѣнового хозяйства связано съ развитіемъ индивидуалистическихъ идеологій, и если мы знаемъ, что какое-нибудь африканское племя, раньше жившее всецѣло натуральнымъ хозяйствомъ, теперь вступаетъ въ оживленный обмѣнъ съ проникшими къ нему европейскими купцами, то мы прямо получаемъ выводъ, что и среди этого племени должны зародиться и расти элементы индивидуализма.—Чаще, однако, въ наукѣ мы имѣемъ дѣло со сложными дедукціями, гдѣ для пониманія или предвидѣнія опредѣленнаго частнаго случая примѣняется сразу нѣсколько индуктивныхъ обобщеній или законовъ. Напр., если намъ надо предсказать путь брошеннаго тѣла—камня, артиллерійскаго снаряда,—то мы должны

принять въ расчетъ три абстрактныхъ закона, относящихся къ паденію тѣлъ, къ сложенію скоростей, къ сопротивленію воздуха. Если требуется объяснить идеологическое состояніе данной страны въ данную эпоху, съ разнообразными, смѣшанными и частью противорѣчивыми идеологіями, то надо примѣнить цѣлый рядъ абстрактныхъ законовъ нашей науки.

— *Изъ трехъ видовъ индуктивнаго метода каждый ли способенъ давать положенія, пригодныя для того, чтобы строить на нихъ дедукціи?*

— Да, каждый, но въ чрезвычайно различной степени. Простыя обобщенія по сходству, получаемыя посредствомъ описательнаго метода, весьма ненадежны въ этомъ отношеніи, такъ что дедуктивные выводы изъ нихъ часто ошибочны: сходства, уловленныя обобщеніемъ, могутъ быть случайны или частичны, и потому неустойчивы. Таковы, напр., безчисленныя наивныя дедукціи народныхъ миѳологій. Люди, положимъ, наблюдали, какъ на разстояніи поражаетъ человѣка или звѣря брошенное оружіе—стрѣла, дротикъ; и обобщивши эти наблюденія, они сдѣлали изъ нихъ выводъ о томъ, что молнія, которая тоже иногда поражаетъ живыя существа и другіе предметы на большихъ разстояніяхъ, есть не что иное, какъ метательное оружіе, брошенное чьей-то сильной рукой, и т. под. Столь привычныя для всѣхъ обобщенія: «въ водѣ живутъ рыбы, въ воздухѣ птицы»—привели къ невѣрнымъ выводамъ, что китъ есть рыба, а летучая мышь—птица, при чемъ этимъ животнымъ оказались приписаны свойства, которыхъ они не имѣютъ, и т. д.

Методъ статистическій, со своей гораздо большей точностью, уже не столь ненадежная основа для дедукціи. Однако и онъ, какъ мы раньше отмѣтили, можетъ вести къ ошибочнымъ предвидѣніямъ: находимыя съ его помощью «эмпирическія» (т.-е., наблюдаемыя прямо въ опытѣ, на фактахъ) тенденціи иногда мѣняютъ вдругъ свое направленіе, обманывая всякія выведенныя изъ нихъ ожиданія.—Затѣмъ, масса статистически установленныхъ положеній по самой своей формѣ не пригодны для вполнѣ о п р е д ѣ л е н н ы х ъ дедукцій. Пусть мы выяснили, что такое-то явленіе въ 900 случаяхъ изъ 1000 протекаетъ такъ-то, а въ 100—иначе; если затѣмъ возникаетъ вопросъ объ еще новомъ случаѣ того же рода, то мы не можемъ сказать ничего иного, кромѣ того, что такой-то ходъ явленія в ѣ р о я т н ѣ е, чѣмъ иной, въ 9 разъ. Когда же намъ приходится дедуктивно примѣнить не одно, а нѣсколько подобныхъ положеній вмѣстѣ, тогда не только вѣроятность нашего вывода уменьшается, но не всегда даже удастся опредѣлить ея степень.

Настоящее и широкое поле для дедукціи даетъ абстрактный методъ. Онъ раскрываетъ п о с т о я н н ы я тенденціи наблюдаемыхъ фактовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ объяснить и предвидѣть не только тѣ случаи, когда эти тенденціи прямо обнаруживаются въ дѣйствительности, но и тѣ, когда онѣ

остаются въ скрытомъ видѣ, парализованныя и замаскированныя другими тенденціями. Поэтому огромное большинство научныхъ дедукцій, особенно наиболѣе важныя изъ нихъ, бываютъ основаны на законахъ и формулахъ, полученныхъ абстрактнымъ методомъ. Благодаря такому соотношенію, до сихъ поръ многіе даже смѣшиваютъ абстрактный методъ съ дедуктивнымъ. Но хотя въ наукѣ они постоянно идутъ рядомъ, по характеру они противоположны: абстрактный методъ есть лишь наиболѣе совершенная индукція отъ частнаго къ общему, дедуктивный же—примѣненіе результатовъ индукціи, отъ общаго къ частному.

с) Принципъ причинности.

— *Какое мѣсто занимаетъ идеологическая наука въ ряду другихъ?*

— Если расположить всѣ науки въ рядъ по возрастающей сложности ихъ предмета, то наша наука займетъ среди нихъ высшее, послѣднее мѣсто. Она принадлежитъ къ кругу о б щ е с т в е н н ы х ъ наукъ, такъ какъ изучаетъ о б щ е с т в е н н о е сознаніе, и слѣдуетъ за экономической наукой, изучающей «общественное бытіе», т.-е. самое строеніе общества, основныя формы его жизни. Общественныя науки, въ свою очередь, относятся къ циклу наукъ о жизни вообще, или «біологическихъ», и среди нихъ опять таки занимаютъ высшее мѣсто по сложности своего предмета. Науки о жизни, аналогичнымъ образомъ, находятся въ ряду наукъ о природѣ или «естественныхъ», и также между ними стоятъ выше всѣхъ по сложности объекта.

Другими словами, идеологія есть одно изъ общественныхъ явленій, и тѣмъ самымъ—одно изъ явленій жизни, и тѣмъ самымъ—одно изъ явленій природы. Отсюда—коренное единство методовъ: индукція и дедукція равно примѣнимы къ познанію всѣхъ этихъ явленій, различны лишь частности примѣненія, напр., неодинаково значительная роль статистическаго метода, возможность экспериментовъ въ однихъ наукахъ, трудность или невозможность въ другихъ, и т. п.

— *Кромѣ индукціи и дедукціи, нѣтъ ли дальнѣйшей и болѣе тѣсной связи метода между науками естественными, общественными и наукой идеологической?*

— Да, есть. Это именно принципъ п р и ч и н н о с т и. Во всѣхъ наукахъ о природѣ и объ обществѣ изслѣдованіе бываетъ основано на той мысли, что каждый фактъ имѣетъ свою достаточную и необходимую причину, которая лежитъ въ нѣкоторыхъ предшествующихъ ему фактахъ. Главная задача изслѣдованія есть отысканіе такихъ причинныхъ связей между фактами; эти связи даютъ «объясненіе» фактовъ и опору для научнаго «предвидѣнья». Сила абстрактнаго метода въ томъ и состоитъ, что онъ раскрываетъ о б щ і я п р и ч и н ы однородныхъ фактовъ.

— *Представляетъ ли принципъ причинности нѣчто разъ навсегда установленное, или же онъ измѣняется?*

— Съ развитіемъ всего познанія развивается и принципъ причинности. Прежде все пониманіе причинности сводилось къ тому, что если имѣются налицо опредѣленныя условія, то необходимо наступаетъ обусловленное, или ихъ слѣдствіе; напр., если есть два куска дерева и треніе между ними, то это— достаточная причина, въ силу которой происходитъ нагрѣваніе обоихъ кусковъ. Современное научное мышленіе этимъ не ограничивается. Съ тѣхъ поръ, какъ возникло машинное производство, и люди научились прясть силою пара, освѣщать улицы работою водопада, вообще производить одни явленія за счетъ энергіи другихъ, превращая формы энергіи,—съ тѣхъ поръ стало складываться новое, болѣе глубокое пониманіе причинности. Принимается, что каждое явленіе не только необходимо слѣдуетъ за своею причиною, но что оно порождено ею, получилось изъ нея, и представляетъ заключавшуюся въ ней энергію въ превращенномъ видѣ; напр., что теплота нагрѣванія двухъ кусковъ дерева при треніи есть новая форма, принятая затраченной энергіей тренія, и по количеству соотвѣтствуетъ этой исчезнувшей механической работѣ. Въ наукахъ о природѣ, особенно въ физикѣ и химіи, теперь вполнѣ господствуетъ такая, «энергетическая» идея причинной связи.

— *Примѣнимо ли энергетическое понятіе причинности въ наукахъ общественныхъ, и спеціально—въ идеологической?*

— Примѣнимо, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ для наукъ естественныхъ. Это зависитъ отъ меньшаго развитія общественныхъ наукъ, отъ сложности изучаемыхъ фактовъ. Измѣрять энергію явленій идеологическихъ и вообще соціальныхъ еще не найдено способовъ. Но надо замѣтить, что настоящее измѣреніе энергіи, прямое и сколько-нибудь точное, удается и естественнымъ наукамъ лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ; гораздо чаще принципомъ энергіи пользуются косвенно, основывая на немъ много важныхъ дедукцій. Такое косвенное примѣненіе въ иныхъ случаяхъ возможно и полезно также въ нашей наукѣ.

Напр., разъ признается, что идеологическіе процессы образуютъ нѣкоторую затрату энергіи общества, то намъ понятно, что эта энергія должна быть взята обществомъ откуда-нибудь, и очевидно, что именно изъ внѣшней природы. Этимъ объясняется, почему идеологія развивалась съ величайшей медленностью въ тѣ времена, когда почти вся сумма усилій общества въ его трудѣ уходила на простое поддержаніе его жизни, и почему идеологія могла расти и усложняться несравненно быстрѣе тогда, когда общество стало располагать значительной массой «прибавочнаго труда», т.-е., извлекать изъ внѣшней природы гораздо больше энергіи, чѣмъ затрачивало на трудовую борьбу съ нею.

d) Принципъ приспособленія.

— Какая существуетъ ближайшая связь метода между науками общественными и біологическими?

— Принципъ приспособленія. Все живое приспособляется къ средѣ, его окружающей, и внѣ приспособленія жить не можетъ. Гдѣ есть неприспособленность, тамъ получается разрушеніе жизни, частичное или полное. Въ этомъ заключается стихійный подборъ, въ силу котораго только приспособленное устойчиво сохраняется и развивается. Это относится одинаково ко всѣмъ формамъ жизни—растеніямъ, животнымъ, людямъ, обществамъ, понятіямъ, идеямъ. Гибнетъ организмъ, неприспособленный къ добыванію пищи изъ своей среды, къ ея температурѣ, къ защитѣ отъ враговъ; гибнетъ клѣтка, неприспособленная къ окружающимъ ее тканямъ организма; разрушается общество, не приспособленное къ добыванію жизненныхъ средствъ изъ внѣшней природы, къ борьбѣ съ другими, враждебными обществами. Если иногда мы находимъ, что дѣло происходитъ и не такъ, что сохраняются и «неприспособленные», напр., хроническіе больные и слабоумные въ пріютахъ, погибаютъ и «приспособленные», напр., сильные, интеллигентные работники при безработицѣ, то это—неточность, зависящая отъ способа выражаться: идіоты и больные сохраняются потому, что ихъ помѣстили въ особенно благопріятную среду, къ которой и они, при своей малой жизнеспособности, все-таки достаточно приспособлены; а люди здоровые и энергичные, т.-е. весьма жизнеспособные, могутъ оказаться въ такой неблагопріятной, враждебной средѣ, что и они къ ней не приспособятся.

Равнымъ образомъ понятія, идеи и проч. идеологическія формы могутъ сохраняться и развиваться только тогда, когда онѣ приспособлены къ той средѣ, въ которой живутъ, средѣ природной и общественной. Такъ, когда арійскія племена пришли съ сѣвера въ Остъ-Индію, они, конечно, принесли съ собой свои понятія о временахъ года,—зимѣ, веснѣ, и проч.; но эти понятія были приспособлены къ природѣ ихъ родныхъ, умѣренно-холодныхъ странъ, и оказались неприспособлены къ тропическому климату Индіи, а потому не удержались, и замѣнились новыми: время дождливое, время сухое, и т. под. Въ обществахъ консервативныхъ, устойчивыхъ, неуловимо-медленно развивающихся, господствуютъ идеологіи «статическія», т.-е., основанныя на идеѣ неподвижности міра, неизмѣнности его законовъ, непреложнаго хода вещей, абсолютной, вѣчно себѣ равной истины; подобныя идеологіи, очевидно, вполнѣ приспособлены къ неподвижной общественной средѣ. Но когда общество начинаетъ быстро, замѣтно для самихъ людей, развиваться, когда его старыя формы на ихъ глазахъ смѣняются новыми, когда все прежнее становится непрочнымъ и неустойчивымъ,—тогда

статическія понятія и ученія обнаруживаютъ свою неприспособленность къ измѣнившейся, текучей жизненной обстановкѣ: они начинаютъ разрушаться и отмирать; а ихъ смѣняютъ новыя идеологіи, «динамическія», основанныя на идеѣ движенія, развитія въ природѣ, жизни и мышленіи.

— *Въ какой связи находится примѣненіе принципа причинности и принципа приспособленія?*

— Въ изслѣдованіи жизненныхъ явленій первый направляетъ нашу работу къ отысканію ихъ причинъ, второй указываетъ, какъ и гдѣ ихъ искать: онъ учитъ насъ, что недостаточно разсматривать эти явленія въ отдѣльности,—что причины ихъ сохраненія или разрушенія, ихъ развитія или деградаціи, лежатъ въ ихъ отношеніяхъ къ той средѣ, въ которой они протекаютъ. Такимъ образомъ, принципъ приспособленія точнѣе опредѣляетъ причинность жизненныхъ явленій; его можно назвать спеціально-біологической причинностью.

е) Соціальная причинность.

— *Какая существуетъ ближайшая связь метода между идеологической и другими общественными науками?*

— Общее для всѣхъ этихъ наукъ пониманіе причинности, которое мы назовемъ «принципомъ соціальной причинности». Сущность его такова: причины всякаго развитія общественныхъ формъ лежатъ въ области производства, трудовой борьбы общества съ природою.

— *Слѣдуетъ ли понять соціальную причинность въ томъ смыслѣ, что для развитія, напр., любой идеологической формы можно непосредственно найти причину въ сферѣ производства?*

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ. Причина одного идеологическаго явленія можетъ лежать и въ другихъ идеологическихъ явленіяхъ, напр., идея возникаетъ нерѣдко потому, что она необходимо вытекаетъ изъ другихъ, раньше сложившихся идей, а тѣ, въ свою очередь, могутъ быть порождены также идеологическими условіями, и т. д.. Но, продолжая эту цѣпь, изслѣдованіе необходимо приходитъ къ причинамъ уже производственнаго характера. Другими словами: идеологія въ конечномъ счетѣ опредѣляется производственными условіями.

— *Условія производственныя то ли же самое, что «экономическія?»*

— Не совсѣмъ. Производство, или общественный трудъ, представляетъ двѣ стороны. Одна обращена къ внѣшней природѣ; это—техническій процессъ, самое воздѣйствіе человѣка на предметы его труда, на матеріалы и орудія производства; способы и пріемы труда кратко обозначаются, какъ его «техника». Другая сторона обращена къ самимъ людямъ:

технически дѣйствуя на природу, они въ своемъ трудѣ вступаютъ въ различныя связи и соотношенія: сотрудничаютъ, дѣлятъ работу между собою, распредѣляютъ поле труда, напр., отдѣляя одни участки земли отъ другихъ подъ названіемъ «собственности», присваиваютъ другъ у друга разными путями продукты труда, и пр. Это—экономическій процессъ; совокупность его формъ—«экономика» общества.

— *Какъ представляется отношеніе экономическаго и техническаго процесса съ точки зрѣнія соціальной причинности?*

— Основная изъ двухъ сторонъ производства—техническая. Въ зависимости отъ ея измѣненій, измѣняется экономическая. Слѣдовательно, болѣе полное и точное выраженіе соціальной причинности таково:

экономика общества опредѣляется въ своемъ развитіи его техникой;

идеологія опредѣляется въ своемъ развитіи экономикой и техникой.

Напр., когда мы будемъ изучать религіозныя идеологіи, то увидимъ, что онѣ построены на принципѣ власти—подчиненія (или «авторитарномъ»); и господство ихъ обусловлено такими экономическими отношеніями, что во всемъ общественномъ трудѣ преобладаетъ авторитарное сотрудничество: повсюду имѣется организаторъ, который распоряжается, и исполнители, которые подчиняются. Но и эта экономика зависитъ отъ опредѣленнаго состоянія или уровня техники; а именно, отъ такого, когда въ каждой общинѣ техническій процессъ уже слишкомъ сложенъ и обширенъ, чтобы могъ обойтись безъ особой распорядительской или организаторской дѣятельности, но еще не настолько обширенъ и сложенъ, чтобы эта дѣятельность была непосильна для отдѣльной человѣческой личности.— Когда же техническая жизнь общинъ разрастается и развивается до того, что отдѣльный человѣкъ не въ силахъ руководить производствомъ цѣлой общины, тогда онѣ начинаютъ распадаться на самостоятельныя хозяйства, связанныя раздѣленіемъ труда и обмѣномъ продуктовъ; это уже новая экономическая форма, и съ нею зарождаются иныя, новыя идеологіи.

— *Въ какомъ соотношеніи находятся принципы соціальной причинности и приспособленія?*

— Если ясно представить себѣ тотъ и другой въ ихъ примѣненіи, то мы убѣдимся, что соціальная причинность является необходимымъ выводомъ изъ идеи приспособленія, какъ ея частный случай. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нея слѣдуетъ, что развитіе общества опредѣляется его приспособленіемъ къ окружающей средѣ, т. е. къ внѣшней природѣ, въ борьбѣ съ нею за существованіе. Но эта борьба общества съ природою непосредственно протекаетъ именно въ видѣ техническаго процесса; слѣдовательно, въ его сферѣ и происходитъ непосредственное приспособленіе общества къ внѣшней

средѣ; другими словами, здѣсь и опредѣляется все развитіе общества.—Въ экономикѣ общество также, конечно, приспособляется, но не прямо къ внѣшней средѣ, потому что экономическій процессъ протекаетъ между самими людьми, а не между людьми и природою. И въ то же время экономическія связи людей—необходимое приспособленіе для производства, для борьбы съ природою, потому что посредствомъ нихъ объединяются, распредѣляются, вообще—организуются трудовыя силы общества. Такимъ образомъ, это—не прямое, а к о с в е н н о е приспособленіе къ внѣшней средѣ, и понятно, что оно находится въ зависимости отъ приспособленія непосредственнаго—отъ техники, что оно ею опредѣляется.

Идеологія тоже служитъ для борьбы съ природою, она—тоже приспособленіе. Такъ, напр., съ помощью рѣчи организуется все сотрудничество и присвоеніе, съ помощью накопленнаго знанія организуется все дальнѣйшее производство. Но очевидно, что идеологія—приспособленіе е щ е б о л ѣ е к о с в е н н о е, чѣмъ экономика, еще дальше отстоитъ отъ непосредственной борьбы съ природою, исходнаго пункта всего общественнаго развитія. Поэтому идеологія необходимо должна зависѣть въ своемъ развитіи отъ экономики и отъ техники.

Итакъ, соціальная причинность выражаетъ цѣпь послѣдовательнаго приспособленія, идущую отъ самаго основанія общественной жизни, отъ технически-трудового взаимодѣйствія съ природою, ко все болѣе далекимъ отъ него, какъ-бы выше и выше лежащимъ областямъ общественнаго процесса.

Отсюда, между прочимъ, слѣдуетъ, что и среди самихъ идеологическихъ формъ тѣ, которыя ближе и тѣснѣе связаны съ техникой, должны развиваться раньше, такъ сказать, «первичнѣе» другихъ. Напр., слова, которыя означаютъ трудовыя дѣйствія, матеріалы, орудія труда, должны возникать прежде словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, при чемъ эти послѣднія складываются въ зависимости отъ первыхъ; знанія практическія также занимаютъ въ процессѣ развитія болѣе основное положеніе, чѣмъ знанія абстрактно-научныя, а особенно философскія, и т. под.

— *Можно ли найти цѣпь послѣдовательнаго приспособленія, подобную соціальной причинности, за предѣлами человѣческихъ обществъ, гдѣ-либо въ остальной живой природѣ?*

— Трудность заключается въ томъ, что научное пониманіе душевной и соціальной жизни другихъ существъ еще находится въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе, есть всѣ основанія принимать, что общественныя или стадныя группировки животныхъ, соединяющихъ свои усилія для борьбы за жизнь, подчинены аналогичному закону. Напр., въ сложныхъ и планомѣрныхъ строительныхъ работахъ у бобровъ, въ еще болѣе сложномъ и также планомѣрномъ хозяйствѣ у муравьевъ можно съ увѣренностью принять, что взаимныя отношенія сотрудни-

чества и раздѣленія труда у этихъ животныхъ, т. е. «экономическія» ихъ отношенія, опредѣляются ихъ «техникой»—практической задачей, которую они разрѣшаютъ, размѣрами и характеромъ препятствій, которыя при этомъ преодолѣваютъ. И далѣе, тѣ знаки или «сигналы», посредствомъ которыхъ они въ работѣ выражаютъ то, что имъ надо, и понимаютъ другъ друга,—издаваемые ими звуки, а у муравьевъ, вѣроятнѣе, движенія и прикосновенія ихъ сяжекъ,—должны приспособляться, опять-таки, и къ техническимъ условіямъ работы, и къ способамъ соединенія, распредѣленія усилій въ ней, къ ея «производственнымъ отношеніямъ».

Для наглядности, разсмотримъ подробнѣе одинъ случай. Въ странѣ, обитаемой опредѣленною породою птицъ, климатъ становится холоднѣе. Птицы страдаютъ и отъ пониженія температуры, и отъ недостатка пищи зимою. Вырабатывается новое приспособленіе: птицы на зиму перелетаютъ въ теплыя страны, какъ и какіе-нибудь бродячіе охотники или кочевые скотоводы зимой передвигаются къ югу: приспособленіе, относящееся къ непосредственной борьбѣ за существованіе, т. е. «техническое».

Но далекіе перелеты сопровождаются большимъ утомленіемъ и во много разъ увеличенными опасностями отъ внѣшнихъ враговъ; перелеты въ одиночку, поэтому, въ массѣ случаевъ прямо гибельны. Вырабатывается новое приспособленіе: с т а й н ы й перелетъ, сберегающій силы, потому что стаѣ легче преодолѣвать сопротивленіе воздуха, и позволяющій болѣе успѣшно отбивать нападенія враговъ. Понятно, что и способъ расположенія птицъ въ стаю, и порядокъ смѣны передней птицы, которой приходится съ наибольшей работой разрѣзать воздухъ, эти отношенія стайнаго сотрудничества, аналогичныя трудовой экономикѣ людей, должны развиться въ зависимости отъ условій перелета, опредѣляются, слѣдовательно, его «техникой», какъ приспособленіе второго порядка, болѣе косвенно связанное съ борьбою за жизнь.

Далѣе, при стайности перелета становится въ высшей степени важнымъ для общей безопасности и для успѣха всего дѣла, чтобы отдѣльныя особи умѣли достаточно хорошо в ы р а ж а т ь то, что онѣ видятъ или чего хотятъ, и п о н и м а т ь другъ друга. Если одна птица замѣтила вдали хищника, или, напротивъ, пищу, если часть птицъ уже устала, и не можетъ безъ истощенія летѣть дальше—надо, чтобы всѣ остальныя немедленно узнали объ этомъ; иначе хищникъ легко выхватитъ птицу изъ стаи неожиданнымъ нападеніемъ, или стая будетъ страдать отъ голода, или распадется отъ переутомленія болѣе слабыхъ. Вырабатывается с и с т е м а с и г н а л о въ, криковъ и движеній, означающихъ предостереженіе, призывъ, требованіе отдыха, и т. под.; ихъ практическая роль подобна роли рѣчи и другихъ идеологическихъ элементовъ въ сотрудничествѣ

людей. И опять-таки ясно, что эта система сигналовъ должна развиться въ зависимости и отъ «техники» перелета, и отъ «экономики» стайнаго сотрудничества: приспособленіе третьяго порядка, еще болѣе косвенное.

Какъ видимъ, соотношенія тѣ же, что въ соціальной причинности.

— *Какое болѣе обычное обозначеніе въ литературѣ носитъ принципъ соціальной причинности?*

— «Историческій матеріализмъ». Подъ этимъ названіемъ онъ былъ впервые формулированъ Марксомъ. «Матеріализмъ»—терминъ философскій, употребляемый, какъ и большинство такихъ терминовъ, въ разныхъ значеніяхъ и оттѣнкахъ. Мы будемъ употреблять выраженіе «соціальная причинность» еще и потому, что оно указываетъ на вполнѣ научный, а не только философскій характеръ принципа.

f) Организаціонная роль идеологіи.

— *Если идеологія—приспособленіе, то какого рода? Каково ея общее жизненное значеніе, или ея «функція» въ борьбѣ общества за его существованіе?*

— Функція организаціонная. Мы опредѣлили вначалѣ идеологію, какъ общественное сознаніе, при чемъ характеризовали ея формы, какъ способы выраженія и пониманія людьми ихъ мыслей, чувствъ, ихъ воли. Все это, будучи вполнѣ вѣрно, не даетъ еще, однако, понятія объ объективномъ значеніи, о практической роли идеологіи въ общественномъ процессѣ. Не-научное мышленіе даже не ставитъ вопроса объ этомъ, и хотя замѣчаетъ, что рѣчь, знанія, идеи и пр. часто бываютъ практически-полезны, но разсматриваетъ это, какъ нѣчто побочное для нихъ, а не какъ нѣчто постоянное и необходимое, относящееся къ самому существу идеологіи: все «идеальное» обычно противополагается «реальному» или практическому. Для науки же, усвоившей принципъ приспособленія, все «реально» въ жизни, все нужно для чего-нибудь. А если какая-нибудь часть жизненнаго процесса кажется безполезной, не имѣющей реальнаго значенія, то надо принять одно изъ двухъ: либо это—приспособленіе, пока еще нами не понятое, недостаточно познанное, либо это—прежнее приспособленіе, которое было выработано при другихъ условіяхъ, и было полезно,—но теперь уже утратило свое значеніе, и сохраняется только какъ пережитокъ прошлаго. Съ идеологіей часто бываетъ и то и другое.

Она есть общественное сознаніе. Сознаніе же служитъ живому существу—человѣку, животному,—для того, чтобы организовать свою жизнь: чтобы свои движенія, дѣйствія согласовать съ потребностями, свои ощущенія связать въ стройный порядокъ памяти. Согласовывать, стройно

связывать, это и значитъ—организовать. То же дѣлаетъ идеологія въ общественномъ процессѣ.

Для чего требуется человѣку «выражать» что-либо, для чего ему требуется «понимать» то, что выражаютъ другіе? Именно для того, чтобы дѣйствія разныхъ людей согласовались между собою и сообразовались съ результатами ихъ прежнихъ дѣйствій, съ ихъ накопленнымъ опытомъ, чтобы то, что извѣстно одному, стало извѣстно и другимъ, и всѣ могли бы сообразоваться съ этимъ,—чтобы устранить тѣ или иныя жизненныя противорѣчія между ними. Такова организующая функція идеологій.

— *Развѣ все, что человѣкъ выражаетъ, онъ выражаетъ непремѣнно для чего-нибудь? Развѣ это не дѣлается часто безъ всякой практической цѣли,—«какъ птица поетъ»?*

— Безъ сомнѣнія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ самъ человѣкъ, который что-либо выражаетъ, всего меньше представляетъ себѣ организаціонный характеръ своего акта. Это—одна изъ главныхъ причинъ господствующей смутности и ненаучности во взглядахъ на идеологію. Но насъ теперь занимаютъ не субъективныя представленія людей, а объективный смыслъ явленій. Птица поетъ, не думая о жизненной функціи своего пѣнія; однако, эта функція существуетъ, и также именно организаціонная, относящаяся къ семейной жизни. Это—способъ сблизить самца и самку, связать ихъ въ единствѣ настроенія, необходимомъ и для самаго заключенія брака, и для послѣдующаго сотрудничества въ хозяйствѣ семьи. Если бы пѣніе не было организаціоннымъ приспособленіемъ, оно не могло бы р а з в и в а т ь с я: оно было бы лишней растратой силъ и лишней опасностью, какъ указаніе врагамъ птицы на ея присутствіе; тогда, въ силу естественнаго подбора, выживали бы наиболѣе молчаливыя изъ числа птицъ, и пѣніе исчезло бы. Вполнѣ аналогично, не могли бы развиваться рѣчь, познаніе, искусство и пр., если бы не были объективно полезны. Каждый разъ, какъ человѣкъ что-либо выражаетъ, то хотя бы это не имѣло замѣтныхъ непосредственныхъ результатовъ, соціальное значеніе того, что онъ дѣлаетъ, по существу не мѣняется: если выраженное воспринято и понято другими людьми, то съ этого момента между нимъ и этими другими прибавилось еще нѣчто общее, въ силу чего должна увеличиться согласованность ихъ дальнѣйшей жизни—ихъ опыта и ихъ дѣйствій.

— *Но организаціонный результатъ далеко не всегда фактически достигается тѣмъ, что человѣкъ выразитъ свои мысли, чувства, желанія? Часто этимъ только увеличивается его противорѣчіе съ другими людьми?*

— Это означаетъ только то, что приспособленіе не всесовершенно, что оно не всегда дѣйствуетъ успѣшно. Иная птица можетъ пѣть такъ неудачно, что лишь оттолкнетъ отъ себя самку, и не устроитъ, а дезорганизуетъ свою семью. Это не измѣнитъ

того общаго біологическаго значенія, которое имѣетъ пѣніе птицъ съ научной точки зрѣнія. Если организующее приспособленіе въ томъ или иномъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли, это не измѣняетъ его природы, —что въ полной мѣрѣ относится и къ идеологіи. Идеологическій процессъ образуетъ огромную затрату энергіи общества, и если бы не представлялъ опредѣленной жизненной необходимости, то не могъ бы расти и расширяться. Пока не понято, въ чемъ состоитъ эта жизненная необходимость, развитіе идеологіи остается необъяснимымъ, какъ необъяснимо для насъ развитіе органа, функціи котораго въ организмѣ мы еще не знаемъ.

— *Но идеологія можетъ и не случайно, а систематически являться орудіемъ разрушенія, дезорганизаціи; развѣ не такова, напр., роль слова, примѣняемаго въ видѣ угрозы, или роль идеи, примѣняемой для полемики?*

— Гдѣ имѣется на-лицо б о р ь б а двухъ живыхъ существъ, или двухъ группъ, или классовъ и т. п., тамъ, естественнымъ образомъ, то, что служитъ организующимъ приспособленіемъ для одной стороны, дѣйствуетъ противоположно этому на другую. Такъ, угроза обыкновенно направлена къ тому, чтобы предотвратить со стороны другого лица или коллектива дѣйствія, противорѣчащія интересамъ того, кто угрожаетъ, т. е., уменьшить практическое противорѣчіе между борющимися въ пользу одного изъ нихъ. Но уменьшеніе противорѣчія—актъ о р г а н и з а ц і о н н ы й.—Идеологическая борьба одного класса противъ другого всегда направлена къ сплоченію и укрѣпленію силъ, т. е., повышенію организованности, перваго изъ нихъ, и разумѣется, къ ослабленію, дезорганизаціи силъ другого. Организовать нападеніе и дезорганизовать непріятеля— двѣ стороны о д н о й практической задачи.

— *Но есть же идеологическія формы, которыя и приспособленіемъ вообще считать нельзя, потому что въ нихъ воплощается неприспособленность,—напр., суевѣрія, ошибочныя идеи, и т. под.?*

— Когда возникаетъ ошибочная идея, какъ нѣчто новое, то она есть не болѣе какъ неудачная организаціонная попытка, и тогда она не удерживается, устраняется жизнью, и не представляетъ существеннаго интереса для нашего изслѣдованія. Но встрѣчаются, и весьма часто, случаи другого рода: то, что въ данную эпоху является заблужденіемъ, суевѣріемъ, неприспособленностью, есть п е р е ж и т о к ъ прошлаго, и въ предыдущую эпоху было «истиннымъ», цѣлесообразнымъ, было организующимъ приспособленіемъ. Напр., вѣрованья въ стихійныхъ духовъ, водяныхъ, русалокъ и т. п., были на другой ступени культуры единственно-возможнымъ для людей способомъ связно передать другъ другу и объединить тотъ практическій опытъ, который они имѣли относительно разныхъ стихійныхъ силъ. Какой-нибудь миѳъ о лѣшемъ, который водитъ путниковъ кру-

гами, былъ полезнымъ и убѣдительнымъ указаніемъ на то, что въ лѣсу слѣдуетъ опредѣлять направленіе не иначе, какъ по солнцу, звѣздамъ, корѣ и кронамъ деревьевъ, вообще по объективнымъ признакамъ, отнюдь не полагаясь на свои субъективныя ощущенія и соображенія.

Впрочемъ, какъ бы ни оказывались уже вредны при новыхъ условіяхъ такіе пережитки старыхъ временъ, свой о р г а н и з у ю щ і й характеръ они, большею частью, продолжаютъ сохранять: вѣдь и самое грубое суевѣріе всѣхъ, раздѣляющихъ его, связываетъ и сближаетъ нѣкоторымъ единствомъ настроенія и опыта. Когда извѣстный классъ отжилъ и пересталъ быть необходимымъ органомъ общества, тогда съ точки зрѣнія общества въ цѣломъ вся идеологія этого класса становится простымъ пережиткомъ; но самый-то отжившій классъ она сплачиваетъ и объединяетъ по-прежнему, хотя бы въ его борьбѣ противъ всѣхъ остальныхъ, развивающихся классовъ.

— *Какіе выводы относительно метода идеологической науки вытекаютъ изъ организующей роли идеологій?*

— Въ изслѣдованіи любой идеологической формы основнымъ долженъ быть такой вопросъ: кого, т. е., какіе элементы общества, и въ какихъ отношеніяхъ она организуетъ? Только выяснивъ этотъ вопросъ, можно понять возникновеніе, развитіе, преобразованія изучаемой идеологической формы, и научно предвидѣть ея судьбу.

Если возьмемъ идеологію общества во всемъ объемѣ, во всемъ разнообразіи формъ, то что она организуетъ? Очевидно, остальныя области общественной жизни: техническій и экономическій процессъ. Поэтому безплодно было бы изучать идеологію, не изучая предварительно техническаго и экономическаго развитія общества. Къ тому же выводу привелъ насъ еще раньше принципъ соціальной причинности. Теперь мы можемъ сказать: идеологія о п р е д ѣ л я е т с я техникой и экономикой, п о т о м у ч т о служитъ для нихъ организаціоннымъ приспособленіемъ.

III. Раздѣленіе, порядокъ изложенія идеологической науки.

— *Какой порядокъ всего цѣлесообразнѣе для изложенія нашей науки?*

— И с т о р и ч е с к і й. Дѣло идетъ объ явленіяхъ жизненныхъ, развивающихся; ихъ слѣдуетъ изучать въ ихъ развитіи.

— *Какъ подраздѣлить процессъ идеологическаго развитія?*

— Наблюденія позволяютъ различать въ немъ нѣсколько періодовъ, изъ которыхъ каждый характеризуется особымъ т и п о м ъ господствующихъ идеологій—особымъ типомъ «культуры». Такихъ періодовъ пока можно намѣтить четыре:

I. Эпоха первобытныхъ культуръ.
II. Эпоха культуръ авторитарныхъ.
III. Эпоха культуръ индивидуалистическихъ.
IV. Эпоха культуры коллективистической.

Наше время характеризуется въ передовыхъ странахъ наибольшимъ расцвѣтомъ индивидуалистическихъ культуръ, начинающимся уже ихъ упадкомъ, зарожденіемъ, наряду съ ними и въ борьбѣ съ ними, культуры коллективистической.

— *Чѣмъ характеризуются культуры первобытныя?*

— Разныя формы идеологіи—рѣчь, познаніе, искусство, обычай—зарождаются и растутъ, но остаются въ несвязномъ, неоформленномъ видѣ; онѣ не складываются въ системы, не имѣютъ объединяющихъ принциповъ: по сравненію съ идеологіями слѣдующихъ стадій онѣ чрезвычайно бѣдны и неопредѣленны.

— *Какой ступени развитія производства онѣ соотвѣтствуютъ?*

— Такъ называемому «первобытному коммунизму».

— *Каковы отличительныя черты культуръ авторитарныхъ?*

— Идеологіи складываются въ системы, съ опредѣленнымъ строеніемъ; ихъ объединяющій принципъ—«авторитарный». Все общественное сознаніе проникнуто точкой зрѣнія «авторитета», всюду вносящей сопоставленіе власти—подчиненія или высшаго—низшаго. Такъ, міропониманія тогда принимаютъ «религіозную» форму, въ которой всѣ вещи и явленія разсматриваются, какъ подчиненныя высшему, властному, божественному началу; нравственныя нормы считаются велѣніями божества, и т. под.

— *Какимъ стадіямъ организаціи производства соотвѣтствуютъ авторитарныя культуры?*

— Также авторитарнымъ: патріархально-родовой, и затѣмъ феодальной организаціи, которыя построены на обособленіи организаторовъ и исполнителей, на власти первыхъ и подчиненіи вторыхъ.

— *Чѣмъ опредѣляются индивидуалистическія культуры?*

— Ихъ объединяющій принципъ есть «индивидуализмъ,» т. е., понятіе о человѣческой личности, обособленной, противополагающейся другимъ людямъ и всему міру, какъ самостоятельный центръ интересовъ, стремленій, мышленія. Индивидуальное хозяйство принимается за независимую экономическую единицу; индивидуумъ разсматривается какъ первичный дѣятель исторіи, познанія, искусства; индивидуальная свобода и отвѣтственность, какъ основа права и нравственности, и т. д.

— *Съ какими производственными системами связаны индивидуалистическія культуры?*

— Съ товарно-мѣновой организаціей, и спеціально

съ капитализмомъ, торговымъ, а затѣмъ промышленнымъ.

— *Чѣмъ характеризуется коллективистическая культура?*

— Она вся проникнута идеей трудового коллектива, въ видѣ ли опредѣленнаго класса или въ видѣ цѣлостнаго, не-классового общества. Сотрудничество здѣсь принимается какъ хозяйственная связь общества; коллективы, классовые или иные, какъ первичные дѣятели исторіи, познанія, искусства; развитіе стройности и силы коллективовъ, какъ сущность человѣческаго прогресса, и т. под.

— *На какихъ ступеняхъ развитія производства выступаетъ коллективизмъ?*

— Этотъ новый типъ идеологій зарождается при капитализмѣ, въ эпоху машиннаго производства,—но, находясь въ противорѣчіи съ индивидуалистической культурой, не можетъ въ рамкахъ капитализма достигнуть господства, а развивается только какъ типъ классовой, именно—пролетарскій. Получить преобладаніе онъ долженъ лишь при соціалистической системѣ производства.

— *Возможно ли вообще установить точныя границы между культурными періодами?*

— Нѣтъ, невозможно, какъ и между экономическими формаціями, и даже еще больше, чѣмъ тамъ. Идеологіи старыхъ типовъ сохраняются весьма долго, какъ пережитки, при господствѣ новыхъ; и одновременно съ этимъ обыкновенно растутъ еще новѣйшія, на смѣну тѣмъ и другимъ. То, что перемѣшано такимъ образомъ въ жизни, изслѣдованіе должно раздѣлять при помощи абстрактнаго метода, выясняя основныя тенденціи самыхъ типовъ, и направленіе, въ которомъ исторически измѣняются соотношенія между ними. Этимъ путемъ можно и разобраться въ кажущемся хаосѣ идеологическихъ явленій, и даже достигнуть, по крайней мѣрѣ въ общихъ и основныхъ чертахъ, ихъ предвидѣнія.

— *Является ли принятое нами раздѣленіе идеологическихъ періодовъ наиболѣе обычнымъ въ наукѣ?*

— Нѣтъ. Гораздо обычнѣе другое. Идеологію берутъ вмѣстѣ съ матеріальной культурой, и дѣлятъ исторію на періоды по уровню развитію той и другой: «періодъ дикости», «періодъ варварства», «періодъ цивилизаціи», съ ихъ болѣе мелкими дальнѣйшими подраздѣленіями. Эта классификація для насъ не годится, по двумъ причинамъ. Во-1), ея понятія крайне неопредѣленны: подъ «дикостью» подразумѣвается большей частью какая-то особенно низкая ступень культуры, подъ варварствомъ—какая-то средняя; но всѣ признаки ихъ имѣютъ колеблющійся, расплывчатый характеръ. Во-2), и это главное,—такая классификація не затрагиваетъ самаго строенія идеологій; а оно особенно важно. Выдѣлить, напр., пережитки старой культуры среди новыхъ формъ съ этой точки зрѣнія не

удалось бы, потому что пережитки далеко не всегда носятъ замѣтныя черты «дикости» или «варварства», или «низшей цивилизаціи».

Существуютъ еще классификаціи гораздо болѣе близкія къ нашей; напр., принятое «позитивистами» раздѣленіе трехъ фазъ мышленія—«теологической», «метафизической» и «научной» или «позитивной»; или намѣченное у Луи Блана разграниченіе принциповъ «авторитета», «индивидуализма», «братства». Но и эти формулы научно недостаточны и неточны, потому что берутъ идеологическіе факты «отвлеченно», внѣ ихъ связи съ другими сторонами общественнаго процесса, внѣ зависимости отъ нихъ; эти классификаціи не основаны на соціальной причинности.

— *Какого порядка слѣдуетъ держаться въ изученіи каждаго идеологическаго періода?*

— Связь соціальной причинности указываетъ на такой порядокъ: сначала опредѣлить техническія и экономическія условія жизни общества въ данную эпоху; затѣмъ изучать идеологическія формы, какъ ихъ выраженіе и въ то же время какъ организующія ихъ приспособленія.

— *Но если идеологическая наука занимается вопросами техники и экономики, то не захватываетъ ли она этимъ области другихъ наукъ, не смѣшивается ли съ ними?*

— Ни одна наука не можетъ вырвать своего объекта изъ общей міровой связи, и каждая, поэтому, вынуждена время отъ времени имѣть дѣло съ разными не принадлежащими ей, но сопредѣльными явленіями; она только беретъ ихъ со своей спеціальной точки зрѣнія, въ предѣлахъ своей особенной задачи. Такъ и наша наука должна часто касаться экономическихъ и техническихъ явленій; но они интересуютъ ее не во всемъ своемъ объемѣ и не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку необходимы для объясненія процессовъ идеологическихъ, поскольку представляютъ причины ихъ измѣненій, ихъ развитія.

ПЕРІОДЪ ПЕРВОБЫТНЫХЪ ИДЕОЛОГІЙ.

— *Существуютъ ли теперь общества, идеологія которыхъ находилась бы вполнѣ на первобытной ступени?*

— Нѣтъ; или, по крайней, этого нельзя утверждать съ увѣренностью. Существуютъ, безъ сомнѣнія, весьма низко стоящія дикія племена; но не слѣдуетъ забывать, что каждое изъ нихъ, какъ бы ни отставало оно въ своемъ развитіи, все-таки имѣетъ за собой исторію, столь же продолжительную по времени, какъ и остальное человѣчество.

— *По какимъ же наблюденіямъ возможно изучать первобытныя идеологіи?*

— Недостаточныя и неточныя данныя прямого наблюденія, а также, конечно, исторіи прошлаго, должны быть восполнены при помощи абстрактнаго метода. Для этого надо сопоставлять извѣстныя намъ формы низшихъ ступеней идеологіи, располагая ихъ въ н и с х о д я щ і й рядъ, и такимъ образомъ выяснять, какъ измѣняются идеологіи, по мѣрѣ того, какъ изслѣдованіе приближается къ ихъ первобытнымъ фазамъ. Продолживъ эту нисходящую тенденцію насколько возможно дальше, мы получимъ научное понятіе о первобытныхъ идеологіяхъ.

— *Можно ли считать безошибочнымъ такой «абстрактный» способъ изслѣдованія недоступнаго прошлаго?*

— Самый методъ, при строгомъ и точномъ его примѣненіи, можно считать безошибочнымъ; но это не всегда будетъ вѣрно относительно результатовъ его примѣненія. Тѣ данныя, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, могутъ быть слишкомъ неполны или недостаточны, а иногда—и неправильно поняты. Дѣлалась, напр., не разъ такая ошибка. Племена, которыя раньше обладали болѣе высокой культурой, а затѣмъ, попавши въ неблагопріятныя условія, деградировали, разсматриваются, какъ наиболѣе близкія къ первобытному состоянію. Въ ихъ идеологіи сохраняются пережитки болѣе высокой стадіи развитія; а въ этихъ пережиткахъ думаютъ видѣть наиболѣе первобытныя черты.—Такъ, цейлонское лѣсное племя «веддахи» часто бра-

лось, какъ примѣръ наиболѣе примитивныхъ формъ идеологіи; но филологи нашли, что языкъ этого племени принадлежитъ къ семьѣ арійскихъ, той же, къ которой принадлежатъ: санскритскій, древне-иранскій, греческій, латинскій, славянскіе, германскіе. Между тѣмъ доказано, что когда арійцы пришли въ Индію, они обладали уже довольно высокой культурой. Значитъ, веддахи либо ихъ выродившаяся вѣтвь, либо когда-нибудь жили въ такой тѣсной связи съ ними, что заимствовали ихъ языкъ; въ обоихъ случаяхъ веддахи должны были въ извѣстную эпоху стоять на болѣе высокомъ уровнѣ развитія, чѣмъ теперь.—Аналогичнымъ образомъ, есть основанія полагать, что многія изъ низко стоящихъ теперь полярныхъ племенъ стали таковы въ силу деградаціи: ихъ предки жили въ болѣе тепломъ климатѣ, среди болѣе богатой природы, и попавши въ обстановку полярныхъ странъ, сдѣлались жертвою тамошнихъ, непомѣрно тяжелыхъ условій борьбы за жизнь.

Въ виду трудностей изслѣдованія, оно должно, во-1), брать за основу какъ можно болѣе широкій матеріалъ, чѣмъ уменьшаются шансы ошибокъ, во-2), подвергать его тщательной и разносторонней критикѣ, въ-3), ограничиваться пока лишь наиболѣе общими выводами,—которые, конечно, въ то же время и наиболѣе важны.

— *Какъ далеко въ глубину прошлаго можетъ итти абстрактно-индуктивный методъ?*

— Вплоть до самаго з а р о ж д е н і я идеологій.

— *Но допустимо ли для нашей науки ставить вопросъ о первомъ возникновеніи идеологій, разъ мы не знаемъ, во всей исторіи, человѣка безъ духовной культуры?*

— Къ неизбѣжности вопроса о самомъ происхожденіи первыхъ идеологій приводитъ тотъ же абстрактный методъ. Если мы сравнимъ самыя различныя ступени культуры, расположивъ ихъ опять въ нисходящій рядъ, то увидимъ вотъ что. Современное культурное общество чрезвычайно богато идеологическими формами. Громадная масса элементовъ рѣчи,—познанія, обыденнаго и научнаго,—искусства,—проявленій нравственности, права,—заполняютъ значительную часть общественнаго процесса, которая остается значительной даже, если сравнивать ее съ колоссальнымъ развитіемъ технической и экономической стороны жизни. Но чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ культуры, тѣмъ больше отношеніе мѣняется: идеологическая часть общественнаго процесса не только съуживается, но при томъ б ы с т р ѣ е, чѣмъ техническая и экономическая, такъ что занимаетъ въ немъ о т н о с и т е л ь н о в с е м е н ь ш е е м ѣ с т о. На первый планъ все болѣе выступаетъ н е п о с р е д с т в е н н а я борьба человѣка съ природою; люди все меньше обсуждаютъ, столковываются, обдумываютъ, оцѣниваютъ, все больше дѣйствуютъ стихійно. Продолжимъ эту тенденцію до ея мыслимаго конца, и мы придемъ къ такой сту-

пени, гдѣ вовсе нѣтъ идеологіи, гдѣ трудъ еще не осложненъ рѣчью, понятіями, идеями, нормами, и т. под. Дойдя же до этого, хотя бы только мысленно доступнаго намъ предѣла, мы не можемъ не поставить вопроса, откуда и какъ первоначально возникла идеологія.

I. Начало идеологій.

а) Техническая и экономическая характеристика эпохи.

— *Какъ слѣдуетъ представлять технику эпохи перваго зарожденія идеологіи?*

— Двѣ черты существенны для насъ въ этой техникѣ: во-1), ея величайшая, «предѣльная» слабость, и во-2), зародышевое состояніе орудій.

Ея слабость такова, что цѣною всѣхъ своихъ усилій люди едва могутъ поддерживать свое существованіе, почти постоянно находясь на предѣлѣ, за которымъ угрожаетъ гибель. Тутъ совершенно отсутствуетъ «прибавочный трудъ», т.-е., какой бы то ни было излишекъ трудовой энергіи надъ тѣмъ, что абсолютно необходимо для поддержанія жизни.

Орудія уже существуютъ; гдѣ ихъ еще нѣтъ, тамъ не можетъ быть рѣчи о человѣкѣ: употребленіе орудій есть именно то, что выдѣлило человѣка изъ царства животныхъ. Но это еще только тѣ орудія, которыя, такъ сказать, непосредственно даются природою: камень, который достаточно поднять съ земли, палка, которую легко выломать въ лѣсу. Орудія служатъ продолженіемъ и дополненіемъ органовъ тѣла; въ эту эпоху роль ихъ въ борьбѣ за существованіе сравнительно очень мала, надъ нею далеко преобладаетъ непосредственное примѣненіе органовъ самого тѣла. Въ техническомъ процессѣ еще весьма мало мѣста занимаютъ дѣйствія вещей на вещи (орудій на матеріалы), несравненно больше прямыя дѣйствія человѣка на вещи.

— *Чѣмъ характеризуется экономика эпохи?*

— Система сотрудничества является въ видѣ родовой группы, узкой по объему—не болѣе нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ,—тѣсно спаянной и кровной связью происхожденія, и суровыми условіями борьбы за жизнь. Самое сотрудничество отличается однородностью и неорганизованностью. Первая заключается въ томъ, что нѣтъ раздѣленія труда, если не считать тѣхъ его зародышей, которые зависятъ всецѣло отъ физіологическихъ различій мускульной силы, смотря по полу и возрасту (напр., дѣти собираютъ плоды и коренья, но не участвуютъ въ охотѣ, и т. под.). Въ общемъ, трудъ такъ элементаренъ, что каждый

умѣетъ дѣлать все то же, что и другіе родичи. Неорганизованность опредѣляется тѣмъ, что и въ случаѣ одновременныхъ совмѣстныхъ дѣйствій (напр., борьба съ большимъ хищникомъ, война съ другой группой, коллективное перетаскиванье большихъ тяжестей) нѣтъ ни спеціальнаго распорядителя, который организовалъ бы все дѣло, ни предварительнаго общаго обсужденія и рѣшенія, опредѣляющаго порядокъ и связь труда участниковъ. Усилія людей объединяются, когда это необходимо, непосредственнымъ и стихійнымъ образомъ, безъ идеологической планомѣрности, на основѣ просто общей цѣли, всѣмъ очевидной и всѣхъ одинаково интересующей, а также—подражанія.

Полное отсутствіе всякихъ элементовъ «собственности» дало поводъ обозначать самый строй, какъ «первобытный коммунизмъ».

b) Происхожденіе слова.

— *Откуда произошла человѣческая рѣчь?*

— Изъ трудовыхъ криковъ. Когда человѣкъ выполняетъ какое-нибудь усиліе, это усиліе отражается на его дыхательномъ и голосовомъ аппаратѣ, и у него непроизвольно вырываются опредѣленные звуки. Такъ, когда дровосѣкъ съ силою ударяетъ топоромъ, этотъ звукъ бываетъ «ha»; когда бурлаки на Волгѣ сразу вмѣстѣ натягивали канатъ—глухой крикъ «уххъ»; у европейскихъ рабочихъ, при поднятіи тяжестей—«hopp» или «hop-la»; у матросовъ при поворотѣ кабестана съ якорной цѣпью—«ho-hoi»; у мостовщиковъ въ Тунисѣ при опусканіи тяжелой «бабы» на камни—крикъ «ai-a», и т. под. Если мы и не видимъ работниковъ, но слышимъ подобныя «трудовыя междометія», то мы знаемъ, что́ работники дѣлаютъ; это—вполнѣ понятные для насъ знаки трудовыхъ актовъ, хотя это нельзя назвать настоящими «словесными обозначеніями»; отъ словъ они отличаются своимъ непроизвольнымъ, стихійнымъ характеромъ.

Такого же рода явленія существовали, конечно, и въ первобытную эпоху. Живой организмъ—одно неразрывное цѣлое; и потому всякое трудовое усиліе находитъ отзвукъ, только въ разной мѣрѣ, въ самыхъ различныхъ частяхъ нервно-мускульнаго аппарата; возбужденіе однихъ центровъ мозга неизбѣжно отчасти распространяется на другіе (въ физіологіи это называется «нервной иррадіаціей»). Слѣдовательно, въ трудовомъ актѣ, кромѣ его произвольной, сознательно-цѣлесообразной стороны или части, есть еще непроизвольная; къ ней относится трудовой крикъ.

Этотъ звукъ былъ, очевидно, въ каждомъ случаѣ одинаковый у всѣхъ членовъ родовой группы: ихъ организмы были чрезвычайно сходны и въ силу тѣснаго родства, и въ силу совмѣстной жизни среди одной природной обстановки. Естественно,

что онъ самъ собою сталъ обозначеніемъ—для всѣхъ понятнымъ—того трудового дѣйствія, къ которому относился. Такъ образовались первобытныя слова или «первичные корни». Ихъ было, конечно, очень немного, самое большее нѣсколько десятковъ. Но въ дальнѣйшемъ они измѣнялись, развивались, усложнялись; ихъ непроизвольно-стихійный характеръ смѣнялся все болѣе сознательнымъ. Этимъ путемъ изъ нихъ произошло, въ концѣ концовъ, все колоссальное богатство позднѣйшихъ языковъ. Какъ видимъ, первая и основная идеологія—рѣчь—возникла изъ общаго труда людей, изъ производства.

— *Мыслимая ли вещь, чтобы изъ нѣсколькихъ десятковъ простыхъ криковъ получилась современная рѣчь, съ ея сотнями тысячъ разнообразныхъ словъ и безконечностью ихъ сочетаній?*

— Да. Филологія уже давно показала, что все множество и разнообразіе современныхъ языковъ сводится къ немногимъ ихъ семьямъ, и въ началѣ каждой изъ нихъ лежитъ одинъ, древнѣйшій, обыкновенно уже исчезнувшій языкъ; а затѣмъ, при его посредствѣ, всѣ ихъ слова сводятся къ немногимъ общимъ корнямъ. Каждый изъ этихъ корней и его значеніе въ ряду вѣковъ подвергается непрерывнымъ и медленнымъ, но безчисленнымъ и постепенно накопляющимся видоизмѣненіямъ, «варіаціямъ», которыя расходятся по различнѣйшимъ направленіямъ, какъ вѣтви и листья дерева отъ одного ствола. Вотъ одинъ типичный примѣръ.

Въ семьѣ арійскихъ языковъ есть древній корень «m a r d», первоначально означавшій дѣйствіе растиранія руками, размельченія чего-нибудь, отсюда также—разбиванія, дробленія, и т. под.. Въ исторической шлифовкѣ этотъ корень сокращался, смягчался, принимая формы «m a r», «m a l»; его звуки переходили въ другіе по извѣстнымъ, выясненнымъ наукою законамъ «фонетики» (ученія о звукахъ рѣчи). Замѣтимъ, что гласные звуки измѣняются чрезвычайно легко; и потому характерными въ корняхъ считаются только согласные, для которыхъ законы превращеній гораздо строже.

Въ русскомъ языкѣ значеніе корня почти вполнѣ сохранилось въ словахъ молоть, размалывать, мельница, а также мелкій, малый (то, что является въ результатѣ размельченія). Есть это значеніе и въ нѣмецкомъ: Mehl (мука), Mühle (мельница), Malz (солодъ). Отъ растиранія получается нѣчто мягкое; такъ возникло греческое μαλαχός, латинское m o l-lis—мягкій. Въ нѣмецкомъ подобный смыслъ имѣетъ Schmalz—сало (то, что размягчается), Schmelzen—таять. Тутъ корень, какъ говорится «усиленъ» звукомъ *s* или *ш* спереди; это—вещь обычная въ фонетикѣ.

Съ тѣмъ же значеніемъ размельченности—мягкости связано готское mulda (мягкая земля), и затѣмъ въ нѣмецкомъ, съ утратой начальнаго *m*, слово Erde—земля. Но, какъ это ни странно,

отсюда же и Meer, русское море, французское mer, латинское mare.

То, что растерто, можетъ мазаться, пачкать. Отсюда нѣмецкое schmieren—натирать, мазать, и Schmutz—грязь; русское «смола». Отъ идеи пачканья переходъ къ идеѣ чернаго цвѣта, нѣмецкое schwartz, русское «смоль» («черный, какъ смоль»), греческое μέλας черный. По-нѣмецки malen—рисовать (т.-е., мазать красками); слово mal означаетъ «разъ», т.-е., собственно, пятно, знакъ, которымъ отмѣчается каждый «разъ» (по-русски это слово «разъ» отъ глагола «разить», и означаетъ, въ сущности, ударъ).

Болѣе грубый отѣнокъ корня mard, а именно разбивать, выступаетъ въ русскомъ «молотъ», «молотить»; затѣмъ въ латинскомъ mordeo—кусаю (и по-русски «морда»—то, чѣмъ кусаютъ звѣри). Сюда же относятся слова, выражающія разрушеніе: наше «смерть», нѣмецкое Mord—убійство, латинское mori—умирать и morbus—болѣзнь, французское mort—смерть, и такъ далѣе.

Все это не образуетъ, на дѣлѣ, и тысячной доли развѣтвленій одного корня, выражавшаго первоначально опредѣленное трудовое дѣйствіе людей.

— *Какимъ путемъ наука приходитъ къ выводу, что первичными корнями рѣчи были трудовые крики?*

— Это—одно изъ самыхъ удачныхъ примѣненій абстрактнаго метода, и основанной на немъ дедукціи. Вотъ его сущность.

Если мы сопоставимъ явленія рѣчи на разныхъ ступеняхъ человѣческой культуры, и расположимъ ихъ при этомъ въ послѣдовательный рядъ, нисходящій къ самому далекому доступному намъ прошлому, то на всемъ протяженіи ряда обнаружатся двѣ тенденціи:

1) Чѣмъ дальше внизъ по лѣстницѣ культуры, тѣмъ больше эти явленія принимаютъ непосредственный характеръ: словесныя выраженія душевной жизни становятся все менѣе сложны и все болѣе непроизвольны; они меньше и меньше основаны на обдумываніи, на размышленіи, а какъ-бы прямо вырываются изъ человѣческой души. Они, слѣдовательно, приближаются къ «рефлексамъ», т.-е., къ стихійнымъ движеніямъ организма, или, точнѣе, къ «междометіямъ» (такъ называются рефлексы звуковые).

2) Чѣмъ ниже развитіе рѣчи, тѣмъ больше преобладаніе словъ, выражающихъ человѣческія дѣйствія. На этомъ пути уже цѣлые вѣка тому назадъ индусскіе грамматики пришли къ выводу, что слова всѣ происходятъ отъ глагольныхъ корней. Новѣйшая наука подтвердила это массою данныхъ, разыскавши такіе, «дѣйственные» корни тамъ, гдѣ съ перваго взгляда ихъ всего труднѣе предполагать. Напр., наше слово «трава» происходитъ отъ арійскаго корня «tar»—проникать; «братъ» отъ корня «ber»—нести («носильщикъ»);

«дочь» отъ корня, который и у насъ сохранился въ глаголѣ «доить» («доильщица»); «птица» отъ корня, имѣющаго значеніе «бросаться» (латинское peto—стремлюсь, греческое πέτομαι летаю), и т. д.

Теперь продолжимъ обѣ тенденціи до мыслимаго ихъ конца, и соединимъ ихъ вмѣстѣ. Выводъ ясенъ: дѣйственныя междометія, т.-е. трудовые крики.

— *А не вѣрнѣе ли производить рѣчь, въ концѣ концовъ, отъ такихъ криковъ, которые мы наблюдаемъ и у животныхъ, и которые выражаютъ боль, гнѣвъ, радость, страхъ, и пр.*

— Для этого нѣтъ научныхъ основаній. Наблюденіе показываетъ, что на памяти исторіи, т.-е. за нѣсколько тысячелѣтій, подобные крики у человѣка («междометія чувства»: ой! ай! охъ! и т. под.) замѣтно не измѣнялись. Это звуковые рефлексы у с т о й ч и в ы е, и они не могли послужить основою для такой р а з в и в а ю щ е й с я идеологіи, какъ система рѣчи. Напротивъ, междометія трудовыя не могли не измѣняться, не развиваться, благодаря развитію трудовыхъ актовъ, и съ самаго начала должны были оказаться менѣе устойчивыми.

Теперь, благодаря громадному разстоянію, отдѣляющему насъ отъ начала рѣчи, разумѣется, трудно и въ «корняхъ» словъ, успѣвшихъ многократно измѣниться, узнать первоначальныя трудовыя междометія. Есть, впрочемъ, случаи, хотя рѣдкіе, гдѣ связь очень ясна. Такъ, нѣмецкій глаголъ «hauen»—рубить—прямо напоминаетъ о грудномъ звукѣ «ha», вырывающемся у дровосѣка; русское «ухнуть» (въ пѣснѣ «Эй, дубинушка, ухнемъ!») отъ аналогичнаго «уххъ» бурлаковъ. Корень «rag», отъ котораго наше «разить», «поражать» (греч. ῥήγνυμι ломаю и т. п.) очень близокъ къ тому рычанію, которое въ дракѣ издаетъ человѣкъ, наносящій изо всей силы ударъ врагу («врагъ»—отъ этого же корня).—Но тамъ, гдѣ изъ нѣсколькихъ десятковъ, или и того меньше, начальныхъ формъ получились сотни тысячи новыхъ, нельзя разумѣется, и ожидать, чтобы часто сохранялись явныя черты первыхъ зародышей.

с) П р о и с х о ж д е н і е п о н я т і й.

— *Изъ какихъ элементовъ слагается человѣческое мышленіе?*

— Изъ понятій, сочетающихся въ «мысли» или идеи. Не надо смѣшивать понятій съ простыми «представленіями». Представленія—это живые образы вещей и событій, имѣющіеся въ сознаніи не только человѣка, но и любого безсловеснаго, свободнаго отъ всякой идеологіи животнаго. Напротивъ, понятія, мышленіе—факты идеологическіе, свойственные только человѣку и, можетъ быть, нѣкоторымъ соціальнымъ животнымъ; для мышленія недостаточно живыхъ образовъ, а необходимы ихъ знаки или с и м в о л ы; такіе символы суть с л о в а.

Мышленіе—это в н у т р е н н я я р ѣ ч ь, это, какъ за-

мѣтили еще древніе философы, «разговоръ, который душа ведетъ съ самой собою о вещахъ міра», или, какъ выражаются теперь, это «рѣчь минусъ звукъ». Человѣкъ мыслитъ словами; они проходятъ въ его сознаніи, хотя и не произносятся вслухъ; иногда же, если человѣкъ думаетъ очень напряженно, они и на самомъ дѣлѣ время отъ времени вырываются у него: «мышленіе вслухъ». Размышляя, человѣкъ какъ бы высказываетъ себѣ самому одни мысли, потомъ, какъ бы возражая, противопоставляетъ имъ другія, затѣмъ старается примирить и согласовать ихъ, словомъ— воспроизводитъ въ себѣ процессъ обсужденія, какъ онъ выполняется м е ж д у людьми. Драматическое искусство вѣрно изображаетъ это въ такъ называемыхъ «монологахъ», т.-е., разговорахъ наединѣ.

Такимъ образомъ, и по своему происхожденію, и по формѣ, мышленіе—процессъ идеологическій, соціальный, хотя бы оно протекало въ сознаніи отдѣльной личности. Можно сказать такъ: обсужденіе есть совмѣстное мышленіе, мышленіе—обсужденіе безъ собесѣдниковъ.

— *Почему же мы считаемъ, что изъ рѣчи произошло мышленіе, а не наоборотъ? Почему не допустимъ, что рѣчь есть мышленіе, къ которому прибавился звукъ?*

— Потому, что слово не могло мыслиться раньше, чѣмъ оно было произнесено между людьми. Если бы оно создавалось въ индивидуальной душѣ, оно не было бы словомъ, потому что не было бы понятно никому, кромѣ создавшаго. Но мы уже знаемъ, что оно возникло не въ сознаніи отдѣльнаго человѣка, а въ общемъ трудѣ.

— *Но правильно ли называть «словомъ» то, что не произнесено?*

— Психо-физіологія учитъ, что разница между словомъ произнесеннымъ и словомъ мыслимымъ, собственно, только количественная. Когда «мыслится» понятіе, выражаемое опредѣленнымъ словомъ, тогда въ нервно-мускульной системѣ человѣка происходятъ тѣ же процессы, какъ при произнесеніи слова, только в ъ о с л а б л е н н о й с т е п е н и: такъ же идутъ отъ центровъ мозга двигательныя возбужденія къ мышцамъ груди, гортани, полости рта, лицевымъ, участвующимъ въ произнесеніи слова; но тутъ эти возбужденія недостаточны, чтобы вызвать дѣйствіе мышцъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, если вызываютъ его, то весьма неполное, незамѣтное. Иногда даже можно уловить его слѣды; напр., у людей усиленно думающихъ нерѣдко шевелятся губы. Непроизнесенное слово—это одно изъ «двигательныхъ представленій»; а двигательныя представленія вообще не что иное, какъ дѣйствія, протекающія въ организмѣ настолько слабо и неполно, что не обнаруживаются внѣшнимъ образомъ.

Итакъ, слово и понятіе по существу тождественны, если, конечно, брать слово, не отрывая отъ его смысла, съ которымъ

оно нераздѣльно въ самой жизни, и безъ котораго оно вовсе не можетъ называться словомъ.

Слово-понятіе—первичный элементъ идеологіи. Въ дальнѣйшемъ мышленіе пользуется также другими знаками, напр., изображеніями искусства, письменными символами, математическими фигурами, и т. д. Эти знаки входятъ въ мышленіе, но сами по себѣ, т.-е. безъ словъ-понятій, образовать его не могутъ, а остаются лишь его вспомогательными средствами.

— *Если мышленіе произошло изъ рѣчи, то можно ли противополагать духовную сторону культуры матеріальной сторонѣ, какъ нѣчто въ корнѣ, принципіально отъ нея отличающееся?*

— Нѣтъ. Если рѣчь возникла изъ общественнаго труда, а мышленіе изъ рѣчи, то очевидно, что вся идеологія, вся духовная культура произошла изъ техническаго процесса, изъ матеріальной культуры, или, другими словами, общественное сознаніе—изъ производства.

Въ сущности, мы уже раньше пришли къ этому выводу, когда путемъ абстрактнаго изслѣдованія нашли, что было время, когда идеологіи не было. Очевидно, она могла возникнуть лишь изъ того, что уже тогда было, т.-е. изъ т р у д а.

d) З н а ч е н і е п е р в и ч н ы х ъ с л о в ъ-п о н я т і й в ъ п р о и з в о д с т в ѣ.

— *Въ чемъ заключалось практическое значеніе трудовыхъ криковъ?*

— Главнымъ образомъ въ томъ, что съ ихъ помощью вносилась стройность и ритмическая правильность въ общую работу, ей придавался дружный характеръ, достигалась одновременность усилій и необходимый ихъ порядокъ. Эта роль трудовыхъ криковъ, а также впослѣдствіи развившихся изъ нихъ трудовыхъ пѣсенъ, сохранилась и теперь. Такъ, въ нашей «Дубинушкѣ», когда она поется при работѣ, звукъ «ухъ» объединяетъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ усиліи; въ томъ же родѣ примѣняются упомянутые нами крики «гопп», «го-гой», и т. под. Это—простѣйшая организаціонная функція, свойственная уже самымъ примитивнымъ зародышамъ идеологіи.

— *Какія измѣненія произошли въ организаціонной функціи трудовыхъ криковъ съ ихъ развитіемъ въ слова-понятія*

— Когда они стали примѣняться, какъ слова, т.-е. отдѣльно отъ трудового акта, къ которому относились, то прежде всего въ качествѣ п р и з ы в а къ самому дѣйствію, въ родѣ нынѣшняго повелительнаго наклоненія. Когда же они употреблялись безъ такого призывнаго оттѣнка, то имѣли смыслъ с о о б щ е н і я, что работа выполняется или выполнена. Эти оттѣнки не выражались никакимъ измѣненіемъ самого слова, какъ въ позднѣйшихъ языкахъ, а только тономъ, жестами, мимикой.

Вообще, зародышевую рѣчь нельзя представлять на подобіе нынѣшняго «разговора». Общеніе между людьми въ ту эпоху гораздо ближе подходило къ какому-нибудь стадному общенію животныхъ.

II. Развитіе идеологій за первобытную эпоху.

а) Неопредѣленность значеній первичныхъ словъ-понятій.

— *Можно ли въ строгомъ смыслѣ принять, что первичные корни означали только трудовыя дѣйствія людей?*

— Нѣтъ,такое представленіе неточно. Въ дѣйствительности, первичные корни далеко не обладали столь опредѣленными значеніями, какъ наши нынѣшнія слова.

Предположимъ, что съ актомъ копанья былъ связанъ звукъ, выражаемый арійскимъ корнемъ «ku». Понятно, что его произносили и въ смыслѣ приглашенія копать, и въ смыслѣ сообщенія—«тамъ копаютъ»; но не только въ этихъ случаяхъ. Если человѣкъ находилъ яму или даже груду вырытой земли, ему живо представлялась работа, которою это было произведено, и у него опять такъ же непосредственно вырывался привычный звукъ «ku». То же происходило и тогда, когда онъ видѣлъ орудіе, обычно служившее для копанья, и когда ему встрѣчалось животное, роющее землю, напр., кротъ, и даже тогда, когда онъ видѣлъ естественную пещеру, вырытую неизвѣстными ему силами. Всѣ эти столь различные факты и вещи вызывали въ немъ одинъ и тотъ же словесный отзвукъ, одинаково «обозначались».

Первичныя слова не были глаголами, а заключали въ зародышѣ всѣ нынѣшнія части рѣчи; основнымъ значеніемъ было, правда, дѣйствіе, изъ котораго выдѣлилось самое слово; но съ нимъ соединялось неопредѣленное множество близкихъ значеній. То, что въ новѣйшихъ языкахъ выражается въ огромномъ потомствѣ словъ, происходящихъ отъ одного корня, выражалось первоначально самимъ этимъ корнемъ. Значеніе слова было неопредѣленно, смутно, безформенно, каковы всегда зародыши.

— *Была ли первичная неопредѣленность смысла словъ благопріятнымъ условіемъ для развитія идеологіи, или нѣтъ?*

— И да, и нѣтъ. Безъ сомнѣнія, она была сама по себѣ проявленіемъ слабости первобытнаго человѣка; она исключала ясность и точность въ общеніи, во взаимномъ пониманіи людей. Даже сейчасъ наиболѣе отсталыя племена, языкъ которыхъ не очень далеко ушелъ отъ первобытнаго, должны постоянно дополнять свою рѣчь жестами и мимикой, чтобы успѣшно объясняться; о бушменахъ, напр., южно-африканскомъ племени,

путешественники сообщали, что они даже не въ состояніи какъ слѣдуетъ понимать другъ друга въ темнотѣ, когда нельзя видѣть лица и движеній собесѣдника. Для племенъ первобытныхъ это, конечно, было еще труднѣе.

Но есть и другая сторона дѣла. Благодаря той же начальной неопредѣленности, рѣчь и мышленіе могли въ дальнѣйшемъ развитіи безконечно расширять свою область. Ихъ содержаніе не ограничилось узкой сферою трудовыхъ дѣйствій, а охватило все, что происходитъ въ жизни человѣка и природы. Самый важный шагъ въ этомъ расширеніи поля мысли состоялъ въ томъ, чтобы словами, происшедшими изъ человѣческаго труда, обозначить явленія природы. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ стихійно и незамѣтно, въ видѣ такъ назыв. основной метафоры.

— *Что такое основная метафора?*

— Метафорой вообще называется употребленіе словъ въ несобственномъ или «переносномъ» смыслѣ (метафора, буквально,—«перенесеніе», по-гречески). Напр., когда говорится, что солнце «улыбается», заря «горитъ», часы «бѣгутъ», выраженіе лица «холодное» или «каменное», все это метафоры. «Основной» же метафорой филологи назвали перенесеніе смысла первичныхъ словъ, означавшихъ дѣйствія людей, на дѣйствія животныхъ и стихійныхъ силъ, происходящія въ природѣ.

Какимъ образомъ оно совершалось, мы это сейчасъ видѣли: дѣйствія, напр., крота, роющаго землю, или работа потока, прорывающаго на своемъ пути овраги, живо напоминали примитивному сознанію трудъ копающихъ людей, и у наблюдавшаго непроизвольно вырывалось слово соотвѣтственнаго значенія. Такъ ребенокъ, увидавъ, какъ солнце уходитъ подъ горизонтъ, восклицаетъ «ку-ку!»—дѣтское слово, означающее—прятаться. Языкъ и мышленіе маленькихъ дѣтей и теперь сохраняютъ нѣкоторыя черты сходства съ первобытными: непосредственность и непроизвольность высказываній, отсутствіе склоненія и спряженія, неопредѣленность значеній, основная метафора.

в) Происхожденіе названій для вещей.

— *Для какихъ вещей всего раньше должны были выработаться названія?*

— Для орудій труда.

— *Чѣмъ это было обусловлено?*

— Практической необходимостью, которую породило развитіе производства орудій.

Когда орудія были элементарно-простыми, и брались прямо изъ природы (камень, палка), они не отдѣлялись въ мышленіи людей отъ тѣхъ дѣйствій, для какихъ примѣнялись; напр. камень могъ обозначаться тѣмъ же словомъ, какъ и актъ удара.

Но когда орудія стали сложнѣе—каменные топоры, копья, лукъ и стрѣлы, и т. п.,—то производство ихъ должно было обособиться, какъ особая работа въ ряду другихъ; и тогда смѣшеніе орудія съ дѣйствіемъ неизбѣжно должно было прекратиться. Если каменный топоръ дѣлаетъ одинъ работникъ, а работаетъ имъ другой, то является и практическая потребность отличать топоръ отъ его примѣненія, и наглядная возможность раздѣлить то и другое.

Понятно, что новыя обозначенія развились изъ прежнихъ. Даже до сихъ поръ у нѣкоторыхъ племенъ центр. Африки сохранились слѣды первоначальнаго способа обозначенія—орудія черезъ дѣйствіе; напр., топоръ они называютъ «нѣчто—рубить», оружіе «нѣчто—убивать», и т. п. Но все-таки смѣшенія тутъ уже нѣтъ: нынѣшніе дикари—не первобытные люди.

— *Какимъ путемъ выработались названія для другихъ вещей, кромѣ орудій?*

— Разъ уже мышленіе начало отличать опредѣленныя вещи—орудія—отъ ихъ дѣйствій, то и къ вещамъ внѣшней природы оно должно было относиться съ той же точки зрѣнія: мы знаемъ, что, въ силу основной метафоры, оно не дѣлало различія между трудовыми дѣйствіями людей и стихійными дѣйствіями во внѣшней природѣ; ея предметы оно стало выдѣлять, въ качествѣ «орудій», дѣйствующихъ независимо отъ руки человѣка; напр., солнце—орудіе дѣйствія «грѣть», снѣгъ—орудіе дѣйствія «охлаждать», и т. под.

Съ этого времени въ первобытномъ языкѣ и мышленіи стало возможно соотношеніе «подлежащаго» и «сказуемаго»; раньше формы выраженія были вполнѣ безличными.

с) Первичныя идеи.

— *Что подразумѣвается подъ терминомъ «идея»?*

— Устойчивое сочетаніе понятій. Напр., предложеніе «солнце грѣетъ» заключаетъ въ себѣ два взаимно-связанныхъ понятія: о вещи—«солнце», и о дѣйствіи—«грѣть».—Часто «идея» употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ «понятіе»; но мы для точности будемъ обозначать словомъ «идея» только болѣе сложную форму, чѣмъ простое понятіе, только соединеніе понятій.

— *Что представляли первичныя идеи?*

— Техническія правила. Если работа слагается изъ нѣсколькихъ трудовыхъ актовъ, идущихъ одинъ за другимъ въ опредѣленной послѣдовательности, то идеологическое указаніе на эту работу (въ смыслѣ приглашенія къ ней или сообщенія о ней), естественно, воплощалось въ рядъ словъ-понятій, соотвѣтствующихъ этимъ трудовымъ актамъ и воспроизводимыхъ въ такой же точно послѣдовательности. Напр., если взрослый объяснялъ ребенку его хозяйственныя функціи

онъ дѣлалъ это такъ: указывалъ ему какое-нибудь, положимъ, съѣдобное растеніе, называлъ, если уже выработалось названіе, и прибавлялъ: «найти, сорвать, принести, изломать, размельчить, ѣсть»; и ребенокъ запоминалъ это для руководства въ будущемъ.—Чѣмъ дальше развивалась техника, а за ней—рѣчь, тѣмъ точнѣе, подробнѣе, сложнѣе дѣлались «техническія идеи».

— *Какъ возникли идеи, относящіяся къ описанію природы?*

— Путемъ основной метафоры. Онѣ образовывались совершенно по такому же типу, какъ техническія правила, но воспроизводили послѣдовательность не дѣйствій человѣка, а наблюдаемыхъ имъ дѣйствій во внѣшней средѣ. Такъ, описаніе, положимъ, пещернаго медвѣдя сводилось къ обозначенію его самого (по какому-нибудь особенно типичному для него дѣйствію), и различныхъ актовъ, имъ совершаемыхъ и почему-либо интересующихъ человѣка. Подобнымъ же образомъ описывались явленія небесныя, атмосферныя: «свѣтаетъ, разгорается заря, восходитъ солнце, согрѣваетъ,» и т. д.

Чистыхъ «описаній природы», какъ мы ихъ понимаемъ, первобытному мышленію приписать нельзя. Жизнь была слишкомъ сурова, борьба за существованіе слишкомъ тяжела, чтобы дать мѣсто безкорыстному, эстетическому созерцанію. Словами выражались, и въ связь примитивныхъ идей входили только тѣ стихійныя явленія, которыя непосредственно, практически затрагивали людей. Идеи «описательныя», такимъ образомъ, по существу не отличались отъ «техническихъ»; и часто въ одной «идеѣ» связывались дѣйствія человѣческія со стихійными, какъ тѣ и другія на дѣлѣ комбинировались въ жизни. Напр., правило добыванія огня можно представить въ такомъ видѣ: «тереть куски дерева; задымится; подложить листьевъ, раздувать; загорится; подкладывать вѣтвей», и т. под. Сколько-нибудь точно воспроизвести видъ подобныхъ идей нашъ современный языкъ не можетъ, потому что наши глаголы не строго соотвѣтствуютъ неизмѣняемымъ первобытнымъ корнямъ съ ихъ еще значительной неопредѣленностью смысла.

— *Какой выводъ о происхожденіи познанія можно сдѣлать изъ нашей характеристики первобытныхъ идей?*

— Тотъ выводъ, что познаніе произошло изъ практики, и на первыхъ ступеняхъ своего развитія почти еще отъ нея не отдѣлялось. Знаніе было либо просто техническимъ умѣніемъ, либо технически-необходимымъ предвидѣніемъ обычныхъ воздѣйствій природы на человѣка. Столь привычное для насъ противопоставленіе познанія и практики было совершенно невозможно.

d) Зародыши искусства.

— *Какія искусства слѣдуетъ считать наиболѣе древними?*

— Танцы и музыку. Они наблюдаются даже у самыхъ отсталыхъ племенъ,—и при томъ въ ихъ жизни играютъ от-

носительно болѣе крупную роль, занимаютъ большее мѣсто, чѣмъ въ жизни многихъ выше стоящихъ племенъ. Очень вѣроятно, что танцы и музыка существовали даже въ «зоологическомъ» періодѣ жизни человѣчества, когда оно еще не выдѣлилось среди животныхъ; по крайней мѣрѣ ихъ инстинктивные, зародыши наблюдаются и у многихъ высшихъ животныхъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что если бы элементы танцевъ и музыки оказались даже древнѣе элементовъ рѣчи, все равно, началомъ идеологіи признавать эти искусства было бы неправильно, потому что не изъ нихъ развилась идеологическая жизнь въ ея цѣломъ, міръ общественнаго сознанія.

— *Откуда произошли танцы?*

— Изъ непроизвольныхъ изобразительныхъ жестовъ. Когда человѣкъ воспоминалъ какой-нибудь важный эпизодъ своей жизни, то этотъ эпизодъ представлялся ему, разумѣется, какъ рядъ дѣйствій, его собственныхъ прежде всего, и затѣмъ иныхъ, направленныхъ на него извнѣ. При большой яркости, двигательныя представленія объ этихъ дѣйствіяхъ часто переходили въ настоящія движенія, и воспоминаніе превращалось въ сокращенное, ослабленное подражаніе тому, что было. Когда же въ такомъ «изобразительномъ воспоминаніи» принимали участіе нѣсколько человѣкъ, вмѣстѣ пережившихъ самое событіе (напр., битву, охоту), то стараясь согласовать свои движенія, они вносили въ нихъ ритмическую правильность; такъ получался примитивный танецъ.

И въ настоящее время танцы отсталыхъ племенъ вполнѣ ясно обнаруживаютъ тотъ же характеръ. напр., военные танцы индѣйскихъ и негрскихъ племенъ воспроизводятъ, лишь въ упрощенномъ и украшенномъ—въ «идеализированномъ» видѣ—картины войны. Свадебные танцы у всѣхъ народовъ изображаютъ, въ разной мѣрѣ идеализированныя, сцены ухаживанія, и т. под.

— *Откуда произошла музыка?*

— Ея древнѣйшимъ видомъ была пѣсня,—но не въ томъ смыслѣ, какъ она понимается теперь, т. е., не какъ соединеніе словъ съ музыкой въ ритмическое цѣлое, а пѣсня стихійная, элементарно-простая, какъ пѣніе птицъ, невыражавшая мыслей, а только чувства, настроенія. Это были звуки, въ которыхъ непосредственно выливались разныя возбужденія: брачный экстазъ, радость побѣды или успѣшной охоты, тоска о потерянныхъ родичахъ, и т. д.

Но совмѣстный трудъ людей создавалъ и пѣсню работы, изъ тѣхъ же звуковъ, которые дали затѣмъ начало словамъ. Стремленіе согласовать усилія сотрудниковъ порождало правильность ритма въ трудовыхъ крикахъ, и такимъ образомъ превращало ихъ въ примитивную пѣсню.

Тамъ же лежитъ, повидимому, и начало собственно музыки. Кромѣ ритма криковъ, при дружной работѣ есть параллельная ему правильность звуковъ, производимыхъ самою работою,

напр., ударовъ топорами въ плотничномъ дѣлѣ. Въ иныхъ случаяхъ для достиженія одновременности усилій кто-нибудь отбивалъ тактъ работы по обрубку дерева, который являлся, слѣдовательно, прообразомъ и зародышемъ барабана, любимаго инструмента наиболѣе дикихъ племенъ. Впослѣдствіи обрубокъ дерева замѣнила обтянутая кожей ступка для толченія зерна; это и былъ уже настоящій барабанъ.—Простѣйшій элементъ музыки—ея мѣра—возникъ изъ условій коллективнаго труда.

— *Имѣли ли танцы и музыка практическое значеніе въ жизни первобытныхъ людей?*

— Безъ сомнѣнія, да. Иначе они были бы только лишней и вредной растратой энергіи; а между тѣмъ ея тогда едва хватало людямъ на поддержаніе жизни, такъ что затраты безплодныя не могли бы удержаться. Во всякомъ общемъ дѣлѣ для успѣшности чрезвычайно важно единство настроенія участниковъ и соотвѣтствіе этого настроенія съ самымъ дѣломъ. Для этого именно служили съ самаго начала танцы и музыка.

Они и теперь играютъ эту роль въ жизни племенъ, стоящихъ еще на ступени родового или мало развитого феодальнаго быта. Передъ выступленіемъ на войну, на большую охоту, передъ племеннымъ собраніемъ для обсужденія важныхъ общественныхъ дѣлъ, передъ всякимъ крупнымъ общественнымъ предпріятіемъ они выступаютъ на сцену, при чемъ выполняются въ древнихъ, вѣками выработанныхъ формахъ. Характеръ ихъ опредѣляется въ каждомъ случаѣ практической задачей, т. е. настроеніемъ, которое требуется создать: передъ походомъ—военные танцы, съ бурной, боевой музыкой; передъ обсужденіями—«танцы совѣта», серьезные, плавные, торжественные, и такая же музыка, и т. д. Это—своеобразная, полезная подготовка, предварительная организація дѣйствующихъ силъ для намѣченной работы

На болѣе высокихъ ступеняхъ культуры значеніе танцевъ и музыки уменьшается, благодаря преобладанію другихъ идеологическихъ формъ, а также затемняется, становится менѣе наглядным. Обыкновенно ихъ считаютъ просто забавой, «средствомъ развлеченія». Но по существу, ихъ организаціонная функція сохраняется: они способствуютъ сближенію людей путемъ порождаемой ими общности настроенія. Этимъ и сейчасъ полу-сознательно пользуются въ самыхъ различныхъ кругахъ общества для подготовки семейной связи между молодыми людьми брачнаго возраста (хороводы, вечеринки, балы и пр.). А военная музыка и трудовая пѣсня въ полной мѣрѣ сохранили прежній характеръ и значеніе.

— *Откуда возникли первые зародыши живописи, скульптуры?*

— Частью, вѣроятно, на основѣ тѣхъ же изобразительныхъ движеній, частью—на основѣ самой тех-

ники производства. Желая дать другому человѣку понятіе о какомъ-нибудь предметѣ, дикарь, ребенокъ, даже вообще человѣкъ съ живыми жестами, часто невольно и непосредственно своими движеніями воспроизводятъ очертаніе этого предмета. Отсюда недалеко до изображенія предмета, напр., пальцемъ на пескѣ, что уже можно назвать началомъ живописи.—Съ другой стороны, въ работѣ, напр., надъ производствомъ орудій, утвари, примитивной мебели, иногда должны были получаться, хотя бы вполнѣ случайно, фигуры, напоминавшія работнику тотъ или другой знакомый предметъ; это вызывало его интересъ, затѣмъ стремленіе усилить замѣченное сходство; и на этомъ пути человѣкъ шагъ за шагомъ доходилъ до планомѣрнаго воспроизведенія внѣшности разныхъ предметовъ.

— *Какое практическое значеніе имѣли зародыши этихъ искусствъ?*

— Во-первыхъ, это было средствомъ п о з н а н і я практически-важныхъ вещей. Напр., у охотничьихъ племенъ главнымъ содержаніемъ живописи были изображенія животныхъ и сценъ охоты; ребенка, еще незнакомаго со всѣмъ этимъ, они вводили въ обстановку и методы его будущаго труда. Понятіе о внѣшности пещернаго медвѣдя, пещернаго льва, мамонта давалось наглядно рисунками на стѣнахъ жилища, на посудѣ, на рукояткахъ орудій, и пр.; словесный способъ описанія былъ еще слишкомъ несовершененъ, да и вообще недостаточенъ для этого. Во-вторыхъ, эти изображенія, находясь передъ глазами дѣтей и взрослыхъ, постоянно и незамѣтно поддерживали е д и н с т в о н а с т р о е н і я, столь важное для всякой общей работы въ дальнѣйшемъ.—Словомъ, искусство и здѣсь служило для подготовительной, предварительной организаціи трудовыхъ силъ группы, коллектива.

— *Откуда произошла поэзія?*

— У нея происхожденіе общее съ рѣчью и мышленіемъ. Не только въ первобытную эпоху, но и на гораздо болѣе позднихъ ступеняхъ развитія, по крайней мѣрѣ, до феодальной эпохи, она не выдѣлялась, какъ особое искусство, и не отграничивалась отъ познанія вообще.

Первобытная рѣчь, со своей неопредѣленностью значенія словъ, со своей основной метафорой, постоянно переносящей понятія о человѣческихъ дѣйствіяхъ на явленія природы, уже заключала въ себѣ стихійное начало поэзіи. Всякій разсказъ, всякое описаніе, переходя изъ устъ въ уста, сами собой превращались въ «миѳъ» или въ «легенду», потому что смыслъ ихъ не могъ точно восприниматься: только самъ авторъ, т. е., человѣкъ пережившій то, что разсказывается или описывается, могъ, съ помощью пояснительныхъ жестовъ, мимики, указанія на самые предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, достигнуть точнаго пониманія другими того, что онъ сообщалъ,—и то не всегда.

Поэтому очень немногое и сохранялось въ передачѣ отъ

поколѣнія къ поколѣнію: во-1), практическія правила, которыя постоянно поясняліись на дѣлѣ въ самой жизни; во-2), разсказы и описанія, относившіеся къ наиболѣе часто повторяющимся, наиболѣе обычнымъ событіямъ. Если же и сохранялась память о событіяхъ исключительныхъ, то въ глубоко измѣненномъ и затемненномъ видѣ, въ видѣ миѳа вполнѣ «поэтическаго» по нашимъ понятіямъ.

Благодаря основной метафорѣ, даже описанія самыхъ обыденныхъ явленій природы имѣли въ первобытномъ языкѣ два смысла. Напр., гроза, буря описывались выраженіями, соотвѣтствующими боевымъ дѣйствіямъ людей, такъ что получалось вмѣстѣ съ тѣмъ повѣствованіе о битвѣ между враждебными группами или племенами; зимнее ослабленіе дѣйствія солнца описывалось словами, означавшими болѣзнь, упадокъ, смерть человѣка, и т. под. Это двойное значеніе свойственно массѣ миѳовъ, даже не первобытнаго, а болѣе поздняго происхожденія. Но оно двойное только для насъ, привыкшихъ отдѣлять и различать стихійное отъ человѣческаго, логически разграничивать разныя вещи и факты. Для первобытнаго мышленія это вовсе не было такъ, и гроза была д ѣ й с т в и т е л ь н о битвою, зима—болѣзнью и смертью человѣка—солнца, или его плѣномъ у враговъ, и т. д. Это не была «поэзія», а само первобытное познаніе; инымъ оно тогда и не могло быть.

Намъ трудно представить себѣ это, потому что наше мышленіе совсѣмъ другое, воспитанное въ радикально измѣнившихся условіяхъ. Но такъ было; къ этому приводитъ абстрактно-научное изслѣдованіе. У насъ есть сотни тысячъ словъ для выраженія того, что мы видимъ или чувствуемъ. А тогда ихъ имѣлось всего нѣсколько десятковъ, и тѣ едва отдѣлились отъ коллективно-трудовыхъ дѣйствій, изъ которыхъ они произошли.

е) П е р в о б ы т н о е м і р о в о з з р ѣ н і е.

— *Что называется міровоззрѣніемъ?*

— Мышленіе о мірѣ, приведенное въ порядокъ, въ систему идей. Міровоззрѣніе можетъ быть общественное, классовое, групповое, индивидуальное.

— *Имѣлось ли міровоззрѣніе у первобытнаго общества?*

— Въ точномъ смыслѣ слова—нѣтъ. Тамъ не было с и с т е м а т и з а ц і и идей; онѣ не связывались между собою въ отдѣльный порядокъ, въ особое идеологическое цѣлое. Онѣ оставались отрывочными и разрозненными; онѣ не группировались между собою, а связывались только съ тѣми трудовыми процессами, съ тѣми фактами жизни, къ которымъ прямо относились.

— *Въ какомъ же смыслѣ мы будемъ говорить о міровоззрѣніи первобытной эпохи?*

— Мы дадимъ характеристику основныхъ, общихъ чертъ

первобытнаго мышленія,—какъ-бы сдѣлаемъ его систематизацію за неспособныхъ къ ней людей той эпохи.

— *Какія же основныя черты даетъ намъ эта систематизація?*

— Первобытный динамизмъ и первобытный коллективизмъ.

— *Что такое первобытный динамизмъ?*

— Его называютъ также «первобытной діалектикой»; онъ состоитъ въ томъ, что природа представлялась тогда мышленію всецѣло какъ міръ дѣйствій, а не какъ міръ устойчивыхъ «вещей». Даже когда возникли названія вещей, то понятіе о нихъ вначалѣ было «динамическое» или дѣйственное: вещи понимались какъ орудія дѣйствій или ихъ центры, исходные пункты. Понятія о вещахъ, какъ о пассивныхъ, инертныхъ сущностяхъ, тогда еще не было.

— *Что такое первобытный коллективизмъ мышленія?*

— Онъ заключается въ томъ, что человѣкъ мысленно не выдѣляетъ себя изъ той родовой группы, къ которой принадлежитъ, не разсматриваетъ себя въ ней, какъ особый центръ дѣйствій, интересовъ, стремленій, сливается съ ней, какъ органъ съ тѣломъ, вообще—мыслитъ свою группу тамъ, гдѣ современный намъ человѣкъ мыслитъ «себя».

И здѣсь—огромная трудность для современнаго сознанія, воспитаннаго вѣками индивидуалистической культуры, поставить себя на такую точку зрѣнія. О ней даютъ нѣкоторое понятіе моменты самозабвенія личности въ массовой жизни: когда солдатъ, въ боевомъ энтузіазмѣ, перестаетъ видѣть себя со своимъ личнымъ интересомъ самосохраненія, а видитъ только общее дѣло, общую задачу, и себя наряду съ другими, какъ ея орудіе; когда современный работникъ, въ порывѣ классовой солидарности, принимаетъ вмѣстѣ съ товарищами рѣшеніе, которое завѣдомо обрекаетъ его на голодъ, страданія и опасности, завѣдомо лично невыгодно для него,—при чемъ въ его сознаніи «мы» вытѣсняетъ «я»,—и другіе подобные случаи, сравнительно еще не частые въ нынѣшнемъ обществѣ.

Первобытный коллективизмъ былъ стихійнымъ, какъ само тогдашнее мышленіе. Тяжелая, изнуряющая борьба за существованіе спаивала родовую группу въ тѣсное цѣлое; зародыши идеологіи вносили только больше организованной планомѣрности въ эту связь. Само мышленіе было вполнѣ «сплошнымъ», до тожества одинаковымъ у всѣхъ членовъ одной группы.

— *Было ли первобытное міровоззрѣніе прогрессивнымъ или консервативнымъ?*

— Оно было консервативно въ высшей степени, потому что такова была трудовая жизнь, изъ которой оно выросло. Для развитія жизни всегда необходимъ избытокъ энергіи; а его не было.

Идеологія была даже, тогда, какъ и позже, консервативнѣе

самой жизни. Напр., трудовой процессъ измѣнялся, технически совершенствовался; а обозначенія трудовыхъ актовъ оставались еще прежнія; если они измѣнялись, то позже, съ большой медленностью и постепенностью. Это и не можетъ быть иначе, по закону соціальной причинности: причины развитія, его исходный пунктъ, его движущія силы лежатъ въ технической области; идеологія п р и с п о с о б л я е т с я къ происходящимъ преобразованіямъ трудовой жизни; а для этого требуется время.

Но при всемъ своемъ консерватизмѣ, идеологія была благопріятнымъ и необходимымъ условіемъ для прогресса. Она сохраняла и накопляла трудовой опытъ прошлаго; и онъ не пропадалъ для дальнѣйшаго развитія, а образовывалъ его матеріалъ, все болѣе богатый. Первоначальная узость жизни была основой ея застойности; эта узость шагъ за шагомъ преодолѣвалась прогрессомъ труда, и пріобрѣтенное расширеніе закрѣплялось ростомъ идеологіи.

ПЕРІОДЪ АВТОРИТАРНЫХЪ ИДЕОЛОГІЙ.

I. Эпоха патріархальнаго быта.

а) Техническая и экономическая характеристика эпохи.

— *Какія измѣненія въ техникѣ отличаютъ патріархальную эпоху отъ первобытно-родовой?*

— Основное изъ нихъ было то, что появились отрасли производства, обезпечивающія существованіе людей: земледѣліе, хотя еще примитивное; кочевое скотоводство. Первобытная охота не могла давать такой обезпеченности; тамъ поддержаніе жизни зависѣло въ наибольшей мѣрѣ отъ стихійной случайности, которая была внѣ власти людей.

Съ новыми отраслями, съ обезпеченностью жизни возникъ прибавочный трудъ, т.-е., избытокъ трудовой энергіи общины сверхъ того, что ей было абсолютно необходимо для своего сохраненія. Этотъ избытокъ воплощался въ болѣе или менѣе постоянныхъ запасахъ, т.-е., въ «прибавочномъ продуктѣ» общины.

Разумѣется, количество прибавочнаго труда было еще очень невелико; но онъ существовалъ, и представлялъ устойчивый базисъ для прогресса жизни.

Помимо появленія новыхъ, столь важныхъ отраслей производства, продолжали расти и усложняться старыя; совершенствовались орудія; если они еще были каменными, то уже не изъ грубо-обколотаго, а изъ полированнаго камня. А затѣмъ совершался переходъ и къ металлу—мѣдь, бронза, метеорное желѣзо. Самое производство орудій требовало уже особаго умѣнья, и начинало «дифференцироваться», дробиться на спеціальныя работы.

— *Какія измѣненія произошли въ экономикѣ общины?*

— Значительное расширеніе рамокъ сотрудничества: величина родовой общины измѣрялась, обычно, уже не десятками, а сотнями человѣкъ. Затѣмъ, зарожденіе спеціализаціи: въ огромномъ общинномъ хозяйствѣ уже не только разнымъ работникамъ приходилось вы-

полнять разные трудовые процессы, но не каждый и умѣлъ выполнять всякую необходимую для общины работу, не каждый могъ замѣнять по мѣрѣ надобности другого, какъ было въ первобытной группѣ.

Наконецъ, особенно важное для идеологическаго развитія преобразованіе состояло въ томъ, что обособился *организаторскій* трудъ отъ *исполнительскаго*, возникло *авторитарное сотрудничество*.

Въ первобытной группѣ не было постояннаго распорядителя, и она могла обходиться безъ него, благодаря малымъ размѣрамъ своего производства, простотѣ его пріемовъ и величайшей однородности опыта всѣхъ членовъ группы: каждый умѣлъ и зналъ все то, что умѣли и знали другіе. Всѣхъ этихъ условій уже нѣтъ въ разросшейся общинѣ патріархальной эпохи; для нея организаторъ, руководитель производства необходимъ. Таковымъ былъ человѣкъ наибольшаго опыта, старѣйшій членъ общины—ея «патріархъ».

Онъ распредѣлялъ трудъ, указывая каждому родичу, что тотъ долженъ дѣлать,—распредѣлялъ также продуктъ, распоряжался общинными запасами, направлялъ воспитаніе молодежи, разрѣшалъ всѣ недоумѣнія, недоразумѣнія, конфликты. Онъ былъ «авторитетомъ» для общины: его слушались, его опыту неограниченно довѣряли. Это было началомъ власти—подчиненія,—но не въ грубомъ смыслѣ господства и вынужденной покорности, а въ смыслѣ опредѣленнаго типа *сотрудничества*. Патріархъ былъ руководителемъ-работникомъ общины, какъ другіе родичи—ея работниками-исполнителями. Эксплоатаціи не было. Если патріархъ и не занимался физическимъ трудомъ, если онъ жилъ за счетъ прибавочнаго продукта общины, и его потребности развивались шире, чѣмъ у другихъ, то его работа представляла также наибольшую затрату энергіи. Трудъ умственный, организаторскій вообще сложнѣе физическаго, и тяжелѣе его, если брать тотъ и другой при средней напряженности. А при неразвитомъ, инертномъ мышленіи той эпохи, это соотношеніе выступало еще гораздо рѣзче, чѣмъ теперь. Путешественники, описывающіе жизнь племенъ, остановившихся на ступени патріархальнаго быта, единогласно свидѣтельствуютъ, что для дикаря нѣтъ болѣе изнурительнаго усилія, чѣмъ размышленіе, расчетъ, обдумываніе не испытанной еще комбинаціи: онъ предпочтетъ очень большую, но привычную затрату физической силы, чтобы только избѣгнуть этого.

Но если власть патріарха не была эксплоататорской и принудительной, то она являлась, тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ его функцій вполнѣ непреложной. Трудовая близость и родовая связь придавали ей характеръ своеобразнаго демократизма: въ важныхъ случаяхъ, затрагивавшихъ жизненные интересы всей общины, патріархъ самъ созывалъ ея общее собраніе, и всѣ

взрослые мужчины принимали участіе въ обсужденіи, въ рѣшеніи. Но тамъ, гдѣ патріархъ распоряжался, по соображеніямъ ли своей опытности, какъ во всѣхъ обыденныхъ дѣлахъ, или выполняя общее рѣшеніе,—никому и въ голову не приходило ослушаться его: повиновеніе было инстинктивнымъ, автоматическимъ. Это была привычка, созданная тысячелѣтіями; она поддерживалась малой способностью и неохотой къ размышленію.

— *Ограничивались ли экономическія измѣненія областью внутренней организаціи родовой группы?*

— Нѣтъ. Тогда же начали развиваться между-общинныя отношенія сотрудничества. Полная обособленность и замкнутость первобытныхъ группъ не могла удержаться. Благодаря возросшей производительности труда, населеніе стало гуще, сосѣдскія встрѣчи и столкновенія между общинами чаще. Сводиться всегда къ одной войнѣ и взаимоистребленію они уже не могли. На основѣ не забытаго еще родства тамъ, гдѣ оно существовало, образовывались племенные союзы общинъ для военной защиты и для крупной охоты, какъ это можно видѣть на примѣрѣ краснокожихъ Америки. Зарождались мѣновыя отношенія между общинами, и благодаря наличности запасовъ мало-по-малу теряли свой, вначалѣ только случайный характеръ, хотя вообще не играли значительной роли въ экономикѣ эпохи. Складывались обычаи гостепріимства, выражавшіе ростъ общенія людей.

b) Развитіе рѣчи.

— *Могли ли первобытныя формы рѣчи быть достаточными въ условіяхъ патріархальнаго быта?*

— Нѣтъ. Во-1), техника и экономика труда требовали большого увеличенія количества словъ: необходимы были особыя обозначенія для всего множества различныхъ трудовыхъ актовъ усложнившагося техническаго процесса, для его орудій и матеріаловъ, гораздо болѣе разнообразныхъ, чѣмъ прежде. Во-2), не могла удерживаться прежняя неопредѣленность значеній: когда организаторъ словесно распоряжается многочисленными работами, большая часть которыхъ выполняется даже не на его глазахъ, то его указанія каждому исполнителю должны быть точны и опредѣленны; такъ же точны и опредѣленны должны быть сообщенія, которыя онъ получаетъ относительно хода работъ, относительно фактовъ, требующихъ его вмѣшательства, и пр.; для этого необходимо, чтобы значенія словъ прочно установились. Въ-3), такъ какъ организаціонныя указанія и сообщенія развивались ко все большей сложности, чаще и чаще касались разныхъ подробностей, важныхъ при раздѣленіи работы, когда мелкое несоотвѣтствіе между дѣйствіями работниковъ можетъ испортить многое,

то должны были развиться способы выраженія оттѣнковъ и соотношеній. Отсюда—развитіе комбинацій словъ, и изъ нихъ, въ дальнѣйшемъ—измѣняемости словъ (начало того, что мы называемъ склоненіями, спряженіями и пр.).

— *Значитъ ли это, что языки въ ту эпоху приняли характеръ современныхъ намъ формъ рѣчи?*

— Нѣтъ, до этого все-же было далеко. И по количеству словъ, и по гибкости ихъ сочетаній, языки той эпохи такъ же далеки отъ современныхъ, какъ само производство патріархальной общины отъ нынѣшняго. Вмѣсто прежнихъ десятковъ словъ появились сотни, тысячи, но не сотни тысячъ, какъ теперь; выработались нѣкоторыя простѣйшія комбинаціи, зародыши склоненій, спряженій, но не болѣе какъ зародыши. Главное же то, что языкъ тогда былъ чуждъ отвлеченности: его слова обозначали живые факты, конкретныя вещи, доступныя труду или прямо на него вліяющія, а не абстрактныя понятія. Для отвлеченностей, для абстракцій еще не было мѣста; все было просто и прозрачно въ жизни общины, отношенія людей къ вещамъ и отношенія между самими людьми—сотрудниками.

с) Развитіе мышленія.

— *Могла ли при патріархальномъ бытѣ удержаться первобытная отрывочность и безсистемность мышленія?*

— Она основывалась, какъ мы видѣли, на томъ, что понятія, идеи гораздо тѣснѣе связывались для первобытнаго сознанія съ трудовыми дѣйствіями, къ которымъ онѣ относились, чѣмъ между собою. Но въ патріархальной организаціи эта непосредственная связь идеи съ дѣйствіемъ была разорвана самой жизнью: мысль организатора осуществлялась дѣйствіемъ—исполнителя. Умственное усиліе на дѣлѣ разъединилось съ физическимъ, нашло себѣ особое воплощеніе въ личности руководителя общины, и такимъ образомъ получило самостоятельность. Тогда, естественно, мысли начали тѣснѣе связываться между собою, въ области идей стала вырабатываться отдѣльная организація, онѣ шагъ за шагомъ систематизировались.

Иначе и быть не могло: сама экономическая необходимость требовала этого. Организатору, хранителю опыта общины, приходилось собирать въ своей памяти и примѣнять все возраставшую массу практически-необходимыхъ идей: правилъ техники, описаній фактовъ, имѣющихъ значеніе для труда; удерживать всѣ ихъ въ разрозненномъ, несвязномъ видѣ было бы просто невозможно: не хватило бы даже самыхъ лучшихъ способностей. Систематизація экономизируетъ силу мышленія, позволяетъ и обыкновенной памяти удерживать очень много матеріала.

Стоитъ лишь сравнить, во сколько разъ надо меньше труда, чтобы запомнить сто фактовъ, образующихъ связный разсказъ, чѣмъ для того, чтобы заучить сто другихъ фактовъ, безпорядочно смѣшанныхъ, не имѣющихъ отношенія между собою. Безъ систематизаціи мыслей, т.-е., накопленнаго трудового опыта, нельзя было бы, слѣдовательно, руководить успѣшно и планомѣрно дальнѣйшимъ производствомъ. Она была экономической потребностью, все болѣе настоятельной по мѣрѣ расширенія, усложненія труда—опыта, и шагъ за шагомъ должна была развиваться.

Въ изучаемую нами эпоху впервые складывалось то, что можно называть уже міровоззрѣніемъ.

— *Какимъ путемъ шла идеологическая систематизація?*

— Путемъ, разумѣется, обобщенія прежде всего. Безсознательное обобщеніе свойственно и первобытному мышленію: вѣдь, когда сходныя дѣйствія, событія, вещи, обозначаютъ однимъ и тѣмъ же словомъ, это есть ихъ обобщеніе по сходству. Но при первичной неопредѣленности значенія словъ, когда, напр., одинаково обозначались трудовыя дѣйствія, ихъ орудія, ихъ матеріалы, ихъ продукты, стихійныя дѣйствія, ихъ напоминавшія, и пр., такое «обобщеніе» было въ то же время смѣшеніемъ, и не вело къ сколько-нибудь точной систематизаціи. Въ эпоху патріархальнаго строя жизни, какъ мы знаемъ, эта неопредѣленность исчезала, уступая мѣсто болѣе строгому разграниченію смысла словъ. Тогда и процессъ обобщенія, хотя попрежнему безсознательный, не методическій, сталъ пріобрѣтать все больше практической точности, а съ нею—характеръ систематизаціи, какъ мы ее понимаемъ.

Основная черта, опредѣлившая форму міровоззрѣнія всей эпохи, была—идея причинной связи, которая впервые тогда возникла и развилась въ своемъ наименѣе совершенномъ видѣ,—какъ «авторитарная причинность».

d) Авторитарная причинность.

— *Какъ представлялась постоянная связь фактовъ для первобытнаго мышленія?*

— Только какъ простая послѣдовательность дѣйствій, но не какъ причинная ихъ связь. Всякое техническое правило усваивалось, какъ опредѣленная послѣдовательность трудовыхъ актовъ; напр., сломать сухія вѣтки, тереть ихъ одну о другую, раздувать искру, и т. д. Въ идеяхъ, относившихся къ описанію природы, выражалось часто такое же устойчивое соотношеніе стихійныхъ событій, слѣдующихъ одно за другимъ: солнце заходитъ, темнѣетъ, становится тихо, хищники выходятъ на добычу,—и т. под. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не имѣлось противопоставленія предыдущаго дѣйствія, какъ причины, послѣдующему, какъ ея необходимому резуль-

тату; принималось, что т а к ъ дѣлается, т а к ъ происходитъ, и только. Вопроса «почему»? не возникало въ примитивномъ сознаніи.

— *Почему вопроса о причинѣ явленія не могло возникнуть на первыхъ ступеняхъ идеологіи?*

— Потому что вопросъ этотъ самъ по себѣ означаетъ уже опредѣленное пониманіе мірового устройства, мысль о такой организаціи міра, что всѣ его явленія связаны общей закономѣрностью, и одни изъ нихъ влекутъ за собою другія. Но въ первобытную эпоху не было никакого міровоззрѣнія, никакой, слѣдовательно, общей идеи объ устройствѣ міра.

— *Откуда же въ патріархальную эпоху взялась идея причинности?*

— Какъ идея о м і р о в о й о р г а н и з а ц і и, она, естественно, была взята изъ той единственной организаціи, которая была людямъ знакома прямо въ ихъ жизни,—изъ организаціи самой патріархальной общины. Иначе и быть не могло: люди не творятъ изъ ничего, въ мышленіи какъ и въ практикѣ.— Не случайно и самое слово «міръ» въ русскомъ языкѣ значитъ, собственно, «община» (въ деревнѣ оно и теперь употребляется въ смыслѣ крестьянскаго схода).

Патріархальная община была построена на а в т о р и т а р н о м ъ с о т р у д н и ч е с т в ѣ, раздѣленіи организаторской функціи патріарха и исполнительской—его родичей. Авторитарное сотрудничество и дало впервые идею причинной связи.

— *Какимъ способомъ изъ авторитарнаго сотрудничества получилась идея причинной связи?*

— Въ немъ имѣется п о с т о я н н а я п о с л ѣ д о в а т е л ь н о с т ь фактовъ, а именно такая, что за дѣйствіемъ организатора—его распоряженіемъ—слѣдуетъ соотвѣтственное трудовое дѣйствіе исполнителя. Но это н е т о л ь к о послѣдовательность дѣйствій; это ихъ связь о р г а н и з а ц і о н н а я, н е о б х о д и м а я. Каждый членъ общины не можетъ не сознавать, что распоряженіе организатора в ы з ы в а е т ъ или «причиняетъ» дѣйствіе исполнителя, а отнюдь не только предшествуетъ ему. Такова авторитарная причинность въ ея первоначальномъ видѣ, какъ трудовое отношеніе. Въ ней есть и п р о т и в о п о с т а в л е н і е причины со слѣдствіемъ: первая—дѣйствіе одного человѣка, второе—другого; въ ней имѣется и сознаніе з а к о н о м ѣ р н о с т и: распоряженіе д о л ж н о влечь за собою выполненіе; это—жизненная, реальная необходимость, какая только и доступна неразвитому мышленію.

— *Если идея авторитарной причинности получилась изъ сотрудничества, то не должна ли она была и примѣняться исключительно къ этому сотрудничеству? Откуда взялась причинная связь въ ея всеобщемъ видѣ?*

— Авторитарная причинность не осталась въ одной только области человѣческихъ трудовыхъ отношеній, а распространилась на всевозможныя явленія—благодаря основной метафорѣ.

Мы знаемъ, что первоначально человѣкъ мыслилъ стихійныя дѣйствія въ природѣ тѣми же самыми понятіями, что и трудовые акты людей. Естественно, что связь дѣйствій здѣсь и тамъ мыслилась тоже одинаково; иначе человѣку надо было бы спеціально для этого случая придумать коренную разницу между тѣми и другими, на что онъ былъ, разумѣется, неспособенъ. Если дѣйствіе организатора—произнесеніе имъ слова, его жестъ, его личный примѣръ—причиннымъ образомъ вызываетъ дѣйствіе исполнителя, то совершенно такъ же одно стихійное дѣйствіе можетъ вызывать другое: медвѣжата ушли въ берлогу, потому что медвѣдь п р и к а з а л ъ имъ уйти; звѣзды исчезли на небѣ, потому что взошедшее солнце в е л ѣ л о имъ скрыться; волны пошли по морю, п о д ч и н я я с ь в л а с т и бури, и т. д.

Языкъ сохранилъ ясное указаніе на это происхожденіе причинной связи въ самыхъ словахъ, которыми она выражается: у насъ говорится, что причина «вызываетъ» слѣдствіе—очевидно такъ, какъ нѣкто, имѣющій власть, «вызываетъ» подчиненнаго, и тотъ необходимо является; во французскомъ языкѣ аналогично употребляется одинаковое по смыслу слово «provoquer», въ нѣмецкомъ можетъ такъ же примѣняться «hervorrufen». Другія обозначенія не столь прозрачны, но все же происходятъ отъ корней, относящихся къ понятію словеснаго общенія; напр., греческое αἰτία причина—происходитъ отъ αἰτεῖν требовать, просить; латинское causa связано съ causari—спорить, перешедшимъ во французскій языкъ въ видѣ causer—разговаривать, но также и—причинять. Въ томъ же родѣ русское «условіе», и т. п.

Въ народной поэзіи, сохранившей древніе способы мышленія, можно найти прямое выраженіе стихійной причинности въ видѣ приказанія. Вотъ примѣръ изъ эстонскаго эпоса «Калевипоэг» (изъ подстрочнаго русск. перевода):

«Дуновеніе вѣтра... п р и к а з а л о березѣ шелестѣть,
Листьямъ осины робко
Дрожать, какъ въ когтяхъ вора...
Тоны воздуха, нѣжные г о л о с а
Заставили овода жужжать,
Мошку — шумѣть...»

Приказаніе чаще всего отдается посредствомъ с л о в а (хотя не всегда: иногда и посредствомъ движенія руки, глазъ, и т. под.). Поэтому въ древнѣйшихъ міровоззрѣніяхъ именно с л о в о выступаетъ, какъ основной типъ причины. Во многихъ миѳологіяхъ слово, а именно творческое повелѣніе, представляется причиною всѣхъ вещей, и самаго возникновенія міра.

О томъ же говорятъ и распространенныя повсюду у варварскихъ и даже полу-культурныхъ народовъ идеи «магизма». Это—вѣра въ силу заклинаній, убѣжденіе, что «слова» имѣютъ власть надъ вещами и ихъ дѣйствіями. Принимается, что все можно заставить служить себѣ—природу, людей, даже боговъ,—если только знать надлежащія слова и способъ ихъ употребленія. Повсемѣстность этого суевѣрія и огромная прочность, съ которой оно укоренилось у всѣхъ народовъ, непреложно доказываютъ, что оно не случайно, что оно имѣетъ глубокую историческую основу. И очевидно, какая это основа: люди первоначально привыкли, въ сферѣ производства, видѣть слова причиною дѣйствій; безсознательно и наивно ихъ мышленіе перенесло эту связь на всю природу.

— *Пришло ли мышленіе патріархальныхъ временъ къ той непрерывной цѣпи причинъ-слѣдствій, какая существуетъ въ нынѣшнемъ пониманіи мірового процесса?*

— Нѣтъ, идея непрерывной, т.-е. безконечной цѣпи причинъ-слѣдствій тогда еще не зарождалась. Для нея не было опоры въ самомъ происхожденіи авторитарной причинности. Безъ сомнѣнія, и въ общинной организаціи можно было наблюдать кое-какія цѣпи авторитарныхъ причинъ—слѣдствій. Напр., патріархъ могъ сдѣлать своимъ ближайшимъ помощникамъ—старѣйшимъ послѣ него членамъ общины—распоряженіе, положимъ, заготовить запасъ такихъ-то ягодъ, кореньевъ, грибовъ, и т. п. Эти помощники могли, со своей стороны, передать распоряженіе всѣмъ взрослымъ мужчинамъ; тѣ, въ свою очередь, приказать своимъ женамъ, чтобы онѣ позаботились о выполненіи дѣла; а жены, опять-таки, возложить работу на своихъ дѣтей: рядъ приказаній—исполненій, т.-е., причинъ—слѣдствій. Но этотъ рядъ непремѣнно ограниченъ: онъ имѣетъ свою «первую причину», дальше которой не идетъ. Въ данномъ случаѣ она заключается въ волѣ патріарха, которому уже никто не давалъ приказанія, и который является причиннымъ звеномъ всей цѣпи всецѣло самъ по себѣ.

Въ другихъ случаяхъ путь къ первому звену еще короче. При нашемъ нынѣшнемъ, новомъ пониманіи связи явленій, мы можемъ, конечно, дальше искать причину дѣйствій патріарха, причину той причины, и т. д. Но при пониманіи авторитарномъ, тамъ, гдѣ нельзя найти или предположить повелѣвающей власти, тамъ нѣтъ больше и причины. Если даже, какъ это бываетъ въ дальнѣйшемъ, когда сложилось религіозное міровоззрѣніе, признается, что дѣйствіями патріарха руководитъ само божество, то мы имѣемъ еще небольшое удлиненіе цѣпи, но начало у нея попрежнему есть: воли божества никакая дальнѣйшая причина не опредѣляетъ.

Та же привычка мышленія переносилась, благодаря основной метафорѣ, и на явленія внѣшней природы: люди не искали безъ конца причинъ за причинами; ихъ сознаніе легко успокаи-

валось на какомъ-нибудь звенѣ, для котораго оно не замѣчало дальнѣйшей причины. Напр., пусть волненіемъ моря во время бури обрушена скала. Въ паденіи скалы обнаружилась власть надъ нею моря; море же, въ свою очередь, волновалось, подчиняясь бурѣ. Но дальше объясненія можетъ и не требоваться; допускается просто, что «вѣтеръ дуетъ, гдѣ хочетъ», и когда хочетъ. Однако, можетъ случиться, что люди уже уловили связь бурь съ извѣстнымъ положеніемъ солнца (т.-е., по-нашему, съ временемъ года); дѣло шло, положимъ, объ одной изъ равноденственныхъ бурь, которыя обычны во многихъ странахъ. Въ такомъ случаѣ прибавится еще одна связь: солнце повелѣло бурѣ взволновать море. А солнце будетъ разсматриваться, какъ вполнѣ независимое авторитарное существо, которое само по себѣ способно распоряжаться подчиненными ему силами.

Вообще, цѣпь авторитарной причинности можетъ удлиняться, но всегда остается ограниченной, замкнутой.

— *Не слѣдуетъ ли разсматривать авторитарное пониманіе причинной связи, какъ заблужденіе, и не было ли оно, какъ заблужденіе, вредно для жизни?*

— Для насъ, людей иной ступени развитія, оно, дѣйствительно, заблужденіе; если бы мы его раздѣляли, оно было бы, разумѣется, и вреднымъ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія той эпохи. Идея причинности и въ самомъ несовершенномъ своемъ видѣ пріучала людей находить въ явленіяхъ необходимую связь, объединять ихъ въ организованный порядокъ. Это было полезно и нужно для развитія общественнаго сознанія.—Иной же идеи причинности быть не могло. Она приспособлялась къ тогдашнему типу жизни, а онъ былъ авторитарный; она должна была организовать тогдашнее сотрудничество, а оно было авторитарнымъ. Въ области трудовой организаціи эта идея была вѣрна во всякомъ смыслѣ: дѣйствія руководителей на самомъ дѣлѣ вызывали соотвѣтственныя дѣйствія исполнителей,—такъ и слѣдовало это мыслить.

Безъ сомнѣнія, для другихъ областей этотъ способъ мышленія былъ искаженіемъ дѣйствительности: вѣтеръ не приказываетъ деревьямъ качаться, солнце звѣздамъ—скрыться, и т. п. Но практическая связь фактовъ выражалась достаточно правильно: ощущая порывъ вѣтра, человѣкъ законно ожидалъ, что деревья закачаются, и не бывалъ обманутъ въ ожиданіяхъ. Мыслить эту связь авторитарно было для него всего проще и удобнѣе; взять иное представленіе было и неоткуда, и въ случаѣ даже его возможности было бы безполезно: это ничего не прибавляло бы къ наличному знанію связи фактовъ, потому что все-равно не были извѣстны способы дѣйствія вещей однихъ на другія; это являлось бы только ненужнымъ усложненіемъ мыслей, увеличеніемъ работы мозга. Лучше было пользоваться привычнымъ шаблономъ, уже выработаннымъ самой

жизнью. И главное, выбирать было не изъ чего. Авторитарная причинность была о б щ е с т в е н н о-н е о б х о д и м о й формою сознанія.

е) Анимизмъ.

— *Существовало ли понятіе о душѣ въ первобытной идеологіи?*

— Нѣтъ, не существовало. Это можно сказать съ увѣренностью потому, что на с а м ы х ъ н и з к и х ъ ступеняхъ развитія, какія намъ извѣстны, оно выражено чрезвычайно слабо и неясно; и есть еще теперь, или, по крайней мѣрѣ, еще недавно были, по описаніямъ путешественниковъ, племена, лишенныя всякаго представленія о душѣ, не имѣющія на своемъ языкѣ словъ, которыя бы ему соотвѣтствовали. Таковы нѣкоторыя племена островитянъ, калифорнійскихъ индѣйцевъ, нѣкоторыя изъ готтентотскихъ и кафрскихъ племенъ Южной Африки и др.

— *Когда же возникло понятіе о душѣ, и откуда?*

— Оно возникло въ патріархальную эпоху, на основѣ уже развившейся авторитарной причинности. Оно было результатомъ ея расширеннаго примѣненія.

— *Какимъ именно способомъ оно получилось?*

— Когда авторитарная причинность уже стала привычной, постоянной формой мышленія, тогда во многихъ случаяхъ стала являться п о т р е б н о с т ь отыскивать причинныхъ связей. Конечно, цѣпь причинности оставалась всегда ограниченной, и мысль очень часто удовлетворялась малымъ числомъ ея звеньевъ; но все же это ц ѣ п ь, и не можетъ состоять изъ одного звена; надо по меньшей мѣрѣ два; если же ихъ нѣтъ, то нѣтъ и никакой «связи»; тогда потребность сознанія въ опредѣленной связи фактовъ не удовлетворена, и оно начинаетъ неизбѣжно къ одному наличному факту искать другого звена— его причины.

Какъ долженъ былъ человѣкъ, съ этой точки зрѣнія, смотрѣть на свои собственныя дѣйствія, или на дѣйствія другого человѣка? Многія и наиболѣе важныя его дѣйствія—трудовые акты—«причиняются», если онъ рядовой членъ общины, распоряженіями организатора; но все же многія, а не всѣ. Въ цѣлой массѣ случаевъ онъ дѣйствуетъ по собственной иниціативѣ: и тогда, когда удовлетворяетъ личныя потребности, и тогда когда забавляется или развлекается, и наконецъ, даже въ трудовомъ процессѣ, во многихъ его мелочахъ и частностяхъ, которыми организаторъ не можетъ руководить. Затѣмъ, самъ организаторъ поступаетъ всюду самостоятельно. Между тѣмъ онъ не меньше другихъ привыкъ видѣть свои дѣйствія вызванными властной волею, потому что лишь на старости лѣтъ сталъ во главѣ общины, и всю предыдущую жизнь подчинялся, какъ

другіе. Гдѣ же авторитарная причина всѣхъ этихъ «произвольныхъ», какъ мы бы сказали, дѣйствій? Кто ихъ опредѣляетъ своей организаторской властью? Разъ только вопросъ возникъ, отвѣтъ неизбѣженъ одинъ: *самъ человѣкъ*.

Но если такъ, то во всѣхъ этихъ безчисленныхъ случаяхъ человѣкъ самъ и *исполнитель*, и *организаторъ* своихъ актовъ; онъ самъ занимаетъ мѣсто обоихъ звеньевъ, и причины, и слѣдствія. Къ нему, въ тогдашнемъ мышленіи, должны относиться оба эти понятія, весьма различныя, хотя и тѣсно связанныя между собою. Что изъ этого слѣдуетъ?

Надо помнить, что сознаніе той эпохи въ высшей степени непосредственно и конкретно; оно движется въ живыхъ образахъ, въ немъ нѣтъ отвлеченностей и тонкостей, созданныхъ послѣдующимъ развитіемъ. Оно не можетъ придумывать такихъ, напр., объясненій: «съ одной стороны, человѣкъ есть исполнитель, съ другой стороны онъ же—организаторъ»,—или: «въ одномъ отношеніи онъ является причиною, въ другомъ отношеніи—слѣдствіемъ», и т. под. Для простого наивнаго мышленія *два понятія—значитъ, два предмета*, не иначе.

Что же оказалось? *Человѣкъ удвоился въ своихъ мысляхъ*. Теперь онъ — два человѣка: властный руководитель его дѣйствій, и покорный ихъ исполнитель. Но видѣть-то можно только одного, *исполнителя*, такъ какъ мы постоянно наблюдаемъ самое выполненіе дѣйствій... Ну, такъ что же? Очевидно, другой *скрытъ* въ немъ, организаторъ въ исполнителѣ. Это не мѣшаетъ ему существовать столь же несомнѣнно, ибо руководитъ же кто-нибудь дѣйствіями второго.

Такова сила сложившагося способа мышленія. Онъ есть какъ-бы мощный, непреодолимый механизмъ, который все укладываетъ въ опредѣленную форму, все устраиваетъ или перестраиваетъ въ сознаніи людей по опредѣленной модели.

Итакъ, мы имѣемъ двойного человѣка,—хотя онъ одинъ. Въ доступномъ внѣшнему наблюденію исполнителѣ заключенъ, спрятанъ организаторъ. Первый получилъ названіе «тѣла», второй—«души». Это—начало анимизма, идей о душѣ.

— *Если душа—удвоеніе тѣла, если она—тотъ же человѣкъ, только взятый въ роли распорядителя своихъ собственныхъ дѣйствій, то не должна ли она представляться въ одинаковомъ видѣ съ тѣломъ?*

— Да, именно такъ оно первоначально и было. У наиболѣе отсталыхъ племенъ, имѣющихъ понятіе о душѣ, такъ оно есть и теперь: душѣ приписывается вся внѣшность, всѣ, по нашимъ понятіямъ, «физическія» свойства и матеріальныя потребности, какъ у тѣла. Никакой «воздушности» или эѳирности ей на этой ступени не приписывается, равно какъ и никакого безсмертія. Эти черты явились въ результатѣ дальнѣйшаго, весьма долгаго и постепеннаго развитія, главнымъ обра-

зомъ, уже за предѣлами патріархальной эпохи. Есть всѣ переходныя ступени отъ души грубо-матеріальной, полнаго двойника тѣла, до современной, безтѣлесной и неуловимой. Напр., у нѣкоторыхъ племенъ ее воображаютъ въ образѣ маленькаго человѣчка, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сходнаго съ «тѣломъ»—представленіе, остатки котораго можно найти и въ Европѣ ранняго средневѣковья. У иныхъ племенъ душа уже утратила нѣкоторыя физическія особенности: она невѣсома, осязаема лишь на подобіе воздуха, и обладаетъ большой легкостью передвиженія, но сохраняетъ всѣ физіологическія функціи, и т. под. Еще въ такой, высоко-развитой религіи феодальнаго періода, какъ магометанство, душа обладаетъ половыми отправленіями («Магометовъ рай»), аппетитомъ, и пр., а въ другой, не менѣе развитой, тоже феодальной—въ католицизмѣ Среднихъ Вѣковъ, она имѣетъ способность жариться на огнѣ.—Столь же медленно и послѣдовательно, какъ увидимъ, складывалась мысль о безсмертіи души.

— *Каково точное значеніе слова «душа» или «духъ?»*

— Оно означаетъ «дыханіе» (въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ смыслъ его тотъ же: латинскія «animus», «spiritus», греческія «θυμός, «πνεῦμα»). Это употребленіе словъ получилось вотъ какимъ образомъ. Жизнь продолжается до тѣхъ поръ, пока есть дыханіе: оно наиболѣе постоянный ея объективный признакъ. Когда нѣтъ дыханія, тѣло неподвижно; «исполнитель» бездѣйствуетъ, значитъ—«организатора» нѣтъ, онъ ушелъ. Эта устойчивая связь «души» съ «дыханіемъ» и повела къ нерѣдкому обозначенію ихъ однимъ или почти однимъ и тѣмъ же словомъ.

— *Коснулось ли удвоеніе «тѣло-душа» только понятія о человѣкѣ, или пошло дальше и шире?*

— Оно съ самаго начала распространилось на всѣ другія существа и вещи, явилось универсальнымъ. Основная метафора и тутъ, разумѣется, сохранила свою силу, и придала всеобщность новой модели мышленія. Было совершенно естественно разсматривать движенія и дѣйствія животныхъ съ той же точки зрѣнія, какъ и человѣческія. А такъ какъ не было накоплено знанія, которое позволяло бы различать предметы «одушевленные» и «неодушевленные», такъ какъ дѣйствіе, напр., вѣтра, движенія ручья, облаковъ, солнца, и т. д., воспринимались одинаково съ разными актами живыхъ организмовъ, то принять «души» всякихъ вещей было неизбѣжно. Анимизмъ на первыхъ своихъ ступеняхъ и охватываетъ всю природу, вкладываетъ «души» во всѣ предметы: человѣкъ, звѣрь, растеніе, камень, рѣка, все получаетъ своихъ внутреннихъ организаторовъ.

— *Какимъ образомъ зародилась мысль о безсмертіи души?*

— У нѣкоторыхъ племенъ безсмертіе души имѣетъ такую форму, что когда старый организаторъ—патріархъ или вождь—

умираетъ, его душа переходитъ къ его преемнику. Если принять во вниманіе, что слово «душа» означаетъ, собственно, организаторскую функцію, то ясно, что это вѣрованіе, или этотъ «миѳъ», есть весьма вѣрное описаніе факта: организаторская функція отъ умершаго властителя перешла къ другому лицу, отъ него перейдетъ къ третьему, и т. д.—Здѣсь же, очевидно, и начало широко распространенныхъ позднѣйшихъ, напр., индусскихъ миѳовъ о переселеніи душъ.

Надо замѣтить, что и вообще у племенъ патріархальнаго и ранняго феодальнаго быта безсмертны лишь души вождей, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и безъ передачи ихъ новымъ лицамъ. Здѣсь передъ нами также «миѳъ», описывающій факты наивнымъ языкомъ, но отнюдь не выдуманный. Въ общинѣ господствуетъ т р а д и ц і я, завѣты предковъ-организаторовъ. Люди живутъ по этимъ завѣтамъ, подчиняются имъ, даже и патріархи. Слѣдовательно, хотя предки умерли, но ихъ руководящая роль остается, ихъ организаторская воля живетъ, управляя жизнью, ихъ «душа» не умерла. Это прямая очевидность для мышленія конкретнаго, не знающаго отвлеченностей: предки повелѣваютъ, значитъ, они живы, хотя тѣла ихъ, такъ же несомнѣнно, умерли.

Отсюда вытекаетъ и первоначальная ограниченность «безсмертія»: душа переживаетъ тѣло, но, вообще говоря, не живетъ безъ конца; она впослѣдствіи можетъ сама умереть, или быть убита другой, болѣе сильной душою. Какъ ни консервативенъ еще бытъ людей, но все же иногда замѣчалось, что завѣты предковъ не вѣчны, что они могутъ вытѣсняться изъ жизни болѣе поздними завѣтами. А когда самое имя того или иного предка изгладилось изъ памяти потомства, никто уже не можетъ мыслить его, какъ живого руководителя.

— *Не существуетъ ли въ наукѣ другихъ теорій, объясняющихъ происхожденіе анимизма?*

— Да, существуетъ иная теорія, при томъ наиболѣе распространенная. Она выводитъ понятіе о душѣ изъ с н о в и д ѣ н і й. Сущность ея такова. Умершія существа и разрушенныя вещи часто еще долго являются людямъ въ ихъ сновидѣніяхъ; а пониманіе того, что сны—только обманъ чувства, развилось лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры. Получалось убѣжденіе, что отъ погибшихъ людей и вещей остается нѣчто, имъ вполнѣ подобное. Съ другой стороны, спящій самъ во снѣ видитъ себя дѣйствующимъ и въ измѣняющейся обстановкѣ,—тогда какъ наблюденія и сообщенія другихъ людей убѣждаютъ его, что тѣло его лежало въ это время неподвижно. Мертвое тѣло физически вполнѣ сходно съ живымъ; но чего-то въ немъ не хватаетъ, и оно бездѣйственно, а затѣмъ должно разрушиться. То, что остается отъ тѣлъ послѣ ихъ разрушенія, то, что живетъ и перемѣщается во время сна, чего нѣтъ въ мертвомъ тѣлѣ, люди стали называть «душою».

— *Какъ слѣдуетъ смотрѣть на эту теорію?*

— Въ своей основѣ она не только ошибочна, но и наивна. Анимизмъ есть цѣлая система міровоззрѣнія, простиравшаяся на все мышленіе людей, имѣвшая огромное вліяніе на всю ихъ жизнь,—стоитъ лишь вспомнить значеніе заботъ о душѣ, объ ея благосостояніи, въ цѣломъ рядѣ высоко-развитыхъ позднѣйшихъ религій, о томъ, какъ ее спасали цѣною хотя бы гибели тѣла, и пр. Эта система держалась въ ряду тысячелѣтій, прошла черезъ нѣсколько экономическихъ формацій, и далеко не исчезла даже въ наше время. Между тѣмъ, ее пытаются объяснить на основѣ фактовъ, имѣющихъ самое ничтожное значеніе въ жизни, каковы сновидѣнія. Невозможно допустить, чтобы такая важная, такая устойчивая и всеобщая по масштабу форма мышленія была приспособленіемъ къ условіямъ столь маловажнымъ, неустойчивымъ и частнымъ.

Затѣмъ, эта теорія неспособна объяснить соціальныхъ судебъ анимизма: почему идея души возникаетъ лишь на извѣстной ступени развитія, тогда какъ сновидѣнія существовали, конечно, и въ первобытную эпоху; почему, какъ показываетъ исторія, эта идея пріобрѣтаетъ наибольшую яркость и практическую силу въ обществахъ, построенныхъ по авторитарному типу, каково, напр., средневѣковое съ его католицизмомъ; почему она утрачиваетъ свое могущество и свою ясность при господствѣ иныхъ, индивидуалистическихъ отношеній въ обществѣ, и всего прочнѣе удерживается именно въ тѣхъ классахъ новѣйшаго общества, гдѣ въ наибольшей мѣрѣ удерживается авторитарная связь (въ аристократіи, въ крестьянствѣ), и т. д.

— *Слѣдуетъ ли принять, что эта теорія—сплошное заблужденіе?*

— Нѣтъ, въ ней есть доля истины; но чтобы ее найти, надо перевернуть самую теорію. Когда возникла, на основѣ авторитарнаго сотрудничества, идея души, то она послужила естественнымъ и удобнымъ способомъ объяснять сновидѣнія и т. под. факты; они стали матеріаломъ для нея, и легко уложились въ ея рамки.

— *Существуютъ ли прямыя доказательства въ пользу авторитарной теоріи души?*

— Самое простое и прямое доказательство заключается въ дѣйствительномъ соотношеніи души и тѣла по понятіямъ анимиста. Это соотношеніе, безспорнымъ и очевиднымъ образомъ, есть авторитарное сотрудничество: душа руководитъ тѣломъ, распоряжается имъ, властвуетъ надъ нимъ; и въ то же время оно ей необходимо, чтобы матеріально выполнять ея цѣли. какъ необходимъ исполнитель для осуществленія цѣлей организатора.

Далѣе, изслѣдуя абстрактнымъ методомъ историческое развитіе міровоззрѣній, можно убѣдиться, что, какъ было

уже указано, возникновеніе, усиленіе, упадокъ анимизма и его роли въ жизни идутъ слѣдомъ за возникновеніемъ, усиленіемъ, упадкомъ авторитарнаго типа общественной организаціи. И когда шла борьба новыхъ, индивидуалистическихъ формъ противъ этого типа организаціи, какъ было, напр., въ Европѣ на исходѣ Среднихъ Вѣковъ, то, какъ мы увидимъ, представители новыхъ отношеній (мѣновыхъ, буржуазныхъ) вели борьбу и противъ практическаго господства анимизма, противъ подчиненія жизни заботамъ о душѣ; таковы были «гуманисты», а впослѣдствіи матеріалисты и другіе свободомыслящіе люди, защищавшіе «права плоти» противъ «правъ души».

Современный языкъ сохранилъ еще сознаніе истиннаго смысла понятія «душа»: нерѣдко это слово примѣняется такъ, что его можно прямо замѣнять или переводить выраженіями «организаторъ», «организующее начало». Напр., про человѣка говорится, что онъ «душа» такого-то предпріятія, такого-то общества; это значитъ, что онъ всѣхъ больше и успѣшнѣе работаетъ надъ организаціей предпріятія, или что именно онъ своими усиліями поддерживаетъ связь даннаго общества и организуетъ его дѣятельность. Относительно науки часто утверждаютъ, что ея «душа» есть ея методъ; это то же, что сказать: «методъ есть организующее начало науки». Языкъ есть идеологія, т.-е. часть о б щ е с т в е н н а г о сознанія, и потому иногда въ немъ есть скрытое рѣшеніе вопросовъ, которыхъ не въ силахъ разрѣшить отдѣльные ученые.

— *Но почему же все-таки могла получить господство старая, ошибочная и наивная теорія анимизма, и такъ долго не могла возникнуть новая, правильная, въ пользу которой имѣются прямыя данныя и доказательства?*

— Это зависѣло отъ т о ч к и з р ѣ н і я, съ которой подходили къ вопросу. Современная наука выработана обществомъ и н д и в и д у а л и с т и ч е с к и м ъ, и проникнута его способомъ мышленія; она, поэтому, основу для идеи души искала въ сознаніи и н д и в и д у у м а, отдѣльно взятой личности; а надо было искать эту основу въ о б щ е с т в е н н о й жизни людей, въ ихъ с о т р у д н и ч е с т в ѣ; значитъ, надо было стать на иную, к о л л е к т и в и с т и ч е с к у ю точку зрѣнія, чуждую мышленію большинства ученыхъ.

f) Начало религій.

— *Что означаетъ слово «религія»?*

— По обычному истолкованію, это слово производится отъ глагола «religare», по-латыни—связывать. Въ такомъ случаѣ, слово должно означать «связь». При авторитарномъ бытѣ общая религія была, дѣйствительно, главнымъ, наиболѣе для всѣхъ понятнымъ и близкимъ выраженіемъ организаціонной связи

общества.—По другому истолкованію, отъ «relegere»—собирать—смыслъ, очевидно, въ томъ же родѣ.

— *Откуда произошли религіи?*

— Изъ «культа предковъ», т.-е., изъ почитанія предковъ-организаторовъ, которыхъ народное мышленіе постепенно превратило въ божества.

— *Какимъ путемъ совершилось это превращеніе?*

— Путемъ прогрессивнаго н а к о п л е н і я а в т о р и т е т а древнѣйшихъ предковъ по мѣрѣ смѣны поколѣній въ общинѣ и племени. Этотъ своеобразный, стихійный процессъ идетъ слѣдующимъ образомъ.

Распоряжаясь жизненными отношеніями столь обширной и сложной системы, какъ община, патріархъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ это по готовому шаблону, пользуясь накопленнымъ опытомъ своихъ предшественниковъ, ихъ «завѣтами», т.-е., правилами и указаніями, которыя отъ нихъ перешли къ нему, передаваясь въ ряду ихъ поколѣній. Постоянно ссылаясь на эти «завѣты», выставляя себя передъ общиною исполнителемъ воли предковъ, онъ тѣмъ самымъ поднимаетъ ихъ авторитетъ надъ своимъ, какъ высшій и болѣе могущественный. Большую часть своей жизни каждый патріархъ былъ раньше подчиненнымъ исполнителемъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, привыкъ повиноваться имъ и почитать ихъ, ставить ихъ надъ собою. Ставъ патріархомъ, онъ, въ силу консерватизма мышленія, сохраняетъ этотъ взглядъ на нихъ, и какъ хранитель общинной традиціи, передаетъ его всѣмъ родичамъ. Но въ такомъ же точно отношеніи предыдущіе патріархи стояли къ тѣмъ, мѣсто которыхъ они заняли, и подобнымъ же образомъ поставили ихъ выше себя въ глазахъ общины; а тѣ сдѣлали то же по отношенію къ своимъ предшественникамъ, и т. д. Уходя въ даль прошлаго, образы предковъ-организаторовъ растутъ въ сознаніи потомковъ, достигая сверхъ-человѣческихъ размѣровъ; уваженіе къ нимъ переходитъ, наконецъ, въ настоящее о б о ж е с т в л е н і е. Такъ почитаніе предковъ привело къ созданію боговъ, и положило начало древнѣйшимъ религіямъ.

Процессъ накопленія авторитета не только можетъ быть логически выведенъ изъ консерватизма авторитарной мысли, какъ мы это сдѣлали. Онъ наблюдается и на памяти исторіи, конечно, въ другой обстановкѣ.

Мыслители, поэты, художники каждаго поколѣнія воспитываются на произведеніяхъ своихъ предшественниковъ, и потому безсознательно привыкаютъ большей частью разсматривать ихъ, какъ авторитеты для себя, ссылаться на нихъ и цитировать ихъ въ этомъ смыслѣ. Въ смѣнѣ поколѣній идейные творцы прошлаго такимъ способомъ превращаются въ какихъ-то гигантовъ; и всякая попытка сравнивать съ ними идейныхъ творцовъ современности кажется странною, почти недопустимою, своего рода профанаціей величія. Можетъ ли нашъ современ-

никъ безъ большого усилія представить себѣ появленіе теперь новаго Ньютона, Гёте, Леонардо-да-Винчи? А въ прежнія времена съ реформаторами религій дѣло доходило и до прямого обожествленія, какъ это случилось, напр., съ Буддой.

Въ накопленіи авторитета есть опредѣленный, реальный смыслъ. Если завѣты умершаго организатора продолжаютъ дѣйствовать, то его организаторская роль въ жизни на дѣлѣ расширяется. При жизни патріархъ руководилъ, можетъ-быть, сотнею родичей; черезъ двадцать поколѣній потомство этой общины можетъ образовать цѣлое племя, во много тысячъ человѣкъ, вѣрныхъ его завѣтамъ, и если прибавить промежуточныя поколѣнія, то легко сообразить, во сколько разъ увеличилось поле его авторитета. Не удивительно, что онъ иногда дѣлается племеннымъ богомъ.

— *Но могли ли вообще произойти изъ культа предковъ тѣ многочисленныя религіи, которыя представляютъ боговъ въ видѣ животныхъ, или растеній, иногда даже неодушевленныхъ вещей—солнца, рѣкъ, и т. под.?*

— Что и такія религіи возникли изъ культа предковъ, на то указываютъ явленія такъ называемаго «тотемизма». Многія племена, напр., краснокожихъ Америки, прямо признаютъ, что они происходятъ отъ такого-то звѣря, птицы, рыбы, дерева, и весьма гордятся подобнымъ предкомъ—своимъ «тотемомъ». Въ основѣ такихъ миѳовъ лежитъ, повидимому, какъ и въ другихъ случаяхъ, вліяніе языка съ его первоначальной неопредѣленностью значенія словъ. Если отдаленный предокъ носилъ имя или прозваніе «Бизона», «Крокодила», «Коршуна», и т. под., то въ устной передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію это названіе понималось, съ теченіемъ времени, буквально, и изъ человѣка получался тотемъ,—животное или растеніе.

— *Были ли первоначальныя религіи многобожными или единобожными?*

— Вообще говоря, онѣ были многобожными: даже у отдѣльной общины могъ оказаться не одинъ обожествленный прародитель; а когда онѣ объединялись въ племенные союзы, то и родовыя божества объединялись въ общемъ почитаніи, обыкновенно, подъ предсѣдательствомъ одного или нѣсколькихъ боговъ наиболѣе сильной и богатой общины,—какъ и ея патріархъ становился во главѣ племеннаго совѣта родовыхъ старѣйшинъ.

Но затѣмъ иногда случалось такъ, что, при очень большомъ усиленіи одной общины среди другихъ, ея божество оттѣсняло остальныя, и становилось единственнымъ племеннымъ богомъ. Однако, это «единобожіе» не имѣло того характера, какъ позднѣйшій «монотеизмъ»: племенное божество не принималось за міровое, а оставалось племеннымъ. Такъ, евреи патріархальной эпохи поклонялись единому племенному богу, но отнюдь не отвергали существованія боговъ другихъ племенъ и народовъ:

даже въ гораздо позже возникшихъ еврейскихъ священныхъ книгахъ часто говорится о богахъ египетскихъ, финикійскихъ и другихъ, какъ о вполнѣ реальныхъ существахъ, лишь болѣе слабыхъ, чѣмъ еврейскій. Временами, поэтому, случалось, что евреи, наблюдая богатство сосѣднихъ племенъ, или на практикѣ убѣждаясь въ ихъ могуществѣ, приходили къ выводу, что ихъ божества болѣе могущественны или, по крайней мѣрѣ, тоже заслуживаютъ почитанія. Тогда совершались тѣ совращенія къ инобожію, частота и легкость которыхъ кажутся столь загадочными читателю повѣствующихъ объ этомъ книгъ, не знакомому съ истиннымъ характеромъ племеннаго единобожія.

— *Что называется религіознымъ культомъ?*

— Слово «культъ» происходитъ отъ латинскаго глагола «cólere»—воздѣлывать, почитать (отъ котораго, между прочимъ, и слово «культура»). Культъ есть вся практическая сторона религіознаго почитанія: молитвы, жертвы, обряды.

— *Откуда произошли религіозные культы?*

— Для наивнаго религіознаго сознанія, божества являлись живыми, реальными руководителями общины или племени. Какъ съ таковыми, люди вступали съ ними въ общеніе, прося ихъ о помощи или выражая благодарность за нее въ случаѣ успѣха; это обозначается, какъ «молитва». Равнымъ образомъ, люди считали себя обязанными заботиться о матеріальныхъ потребностяхъ своихъ божественныхъ руководителей, кормить, поить ихъ, какъ и живыхъ организаторовъ,—потому что боги отнюдь не представлялись тогда существами безтѣлесными; отсюда—жертвы.

«Обрядность» заключается въ тѣхъ особыхъ способахъ, которые полагается примѣнять, и тѣхъ условіяхъ, которыя предписывается соблюдать при молитвахъ и жертвоприношеніяхъ. Вначалѣ спеціальной обрядности почти не было: къ умершимъ прародителямъ—божествамъ обращались приблизительно такъ, какъ и къ живымъ организаторамъ, и столь же просто ихъ угощали, оставляя, напр., кушанья на ихъ могилахъ. Особыя правила обрядности впослѣдствіи выдѣлились благодаря тому, что культъ оказался к о н с е р в а т и в н ѣ е остальной жизни.

Пусть развитіе племени, его внѣшнія сношенія, практическія заимствованія привели къ тому, что каменныя орудія смѣнились бронзовыми. Остается, однако, преданіе, что предки рѣзали кремневыми ножами, рубили кремневыми топорами, и т. д. Если община рѣшаетъ предложить въ угощеніе божеству, положимъ, барана, то она не можетъ не считаться съ привычками божества,—иначе рисковала бы не достигнуть цѣли: жертва могла бы быть отвергнута. Но такъ какъ божество есть не что иное, какъ прародитель общины или племени, то его привычки—именно тѣ, какія существовали у далекихъ предковъ. А предки убивали барановъ каменнымъ топоромъ и рѣзали на куски

каменнымъ ножемъ. Слѣдовательно, такъ надо и поступать съ жертвеннымъ барановъ: хотя имѣются гораздо болѣе удобныя металлическія орудія, но «обрядность» требуетъ, чтобы при жертвоприношеніи употреблялись только каменныя, которыя и хранятся спеціально для этого. Такъ дѣлалось, напр., у евреевъ въ Палестинѣ.

Подобнымъ же образомъ въ обрядахъ культа хранятся древніе, давно заброшенные способы приготовленія пищи (у тѣхъ же евреевъ—употребленіе опрѣсноковъ, т.-е., не заквашеннаго хлѣба, въ опредѣленные праздники, въ честь племенного божества). Далѣе, также древніе способы устройства жилища (праздникъ «кущей» или «палатокъ» въ Палестинѣ, когда евреи уже давно перестали кочевать и жили осѣдло въ домахъ), и т. д.

Этотъ неизбѣжный консерватизмъ культа дѣлаетъ его часто незамѣнимымъ памятникомъ отдаленнѣйшаго, забытаго прошлаго.

— *Каковъ мѣсто занимаетъ религія въ идеологической жизни патріархальнаго періода?*

— Она охватываетъ все міровоззрѣніе людей, проникаетъ собою все ихъ мышленіе. Сущность религіи состоитъ въ традиціи, въ связи съ предками. Все то, что идетъ отъ нихъ, что является ихъ наслѣдіемъ, все это разсматривается, какъ божественные завѣты или «откровенія», все это священно, принадлежитъ къ религіи. Но въ тѣ консервативныя времена развитіе совершается до неуловимости медленно, новое въ каждомъ поколѣніи несоизмѣримо малò сравнительно со старымъ, и потому вся жизнь людей лежитъ въ завѣтахъ; священное, т.-е., собственно, традиціонное, окружаетъ ихъ постоянно и повсюду, руководитъ каждымъ ихъ шагомъ. Всѣ техническіе пріемы, всѣ взаимоотношенія людей установлены богами; отъ нихъ же идетъ и всякое знаніе, всякая мудрость; они вдохновляютъ руководителей общины въ ихъ дѣятельности.

Искусство въ эту эпоху также всецѣло религіозно: танцы, музыка,—священные обряды; миѳы, безсознательная поэзія эпохи—исторія боговъ и ихъ отношеній съ людьми; произведенія живописи, скульптуры, если даже не изображаютъ боговъ, то «посвящаются» имъ, и бываютъ удачны лишь тогда, когда внушены ими,—какъ, впрочемъ, и всякое вообще дѣло.

Но, охватывая всю жизнь, религіозное или священное въ тѣ времена вполнѣ обыденно; въ немъ нѣтъ таинственнаго, мистическаго характера, который оно пріобрѣтаетъ впослѣдствіи, когда религія отдѣляется, какъ особая область, отъ остальной жизни. Религіозные обряды понятны и доступны каждому; всѣ въ нихъ участвуютъ, подъ руководствомъ, конечно, патріарха, какъ и въ производительномъ трудѣ.

Религія была какъ-бы всеобщею оболочкой жизни и мышленія.

— *Не была ли эта религіозная оболочка заблужденіемъ?*

Исходя изъ ложнаго представленія о божествахъ-предкахъ, не вела ли она къ лишнимъ и безплоднымъ затратамъ силъ и средствъ общины на обрядность, жертвы и т. под.?

— Представленія ошибочныя и затраты энергіи безполезныя съ нынѣшней точки зрѣнія вовсе не были таковыми въ ту эпоху. Не только они являлись результатомъ исторической необходимости, но и были полезными соціальными приспособленіями. Они представляли прочную живую связь общины, а затѣмъ племени, придавали сплоченность коллективу, единство и стройность его сознанію, помогали кристаллизаціи и собиранію трудового опыта поколѣній. Все это было въ высшей степени важно для успѣха въ борьбѣ съ природою и врагами.

g) Обычай.

— *Что называется обычаемъ?*

— Установившееся въ обществѣ и устно передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію правило жизни. Это можетъ быть и правило техническое, и даже относящееся къ образу мышленія; но спеціально словомъ «обычай» обозначаютъ правила, которыми регулируются взаимныя отношенія между людьми: какъ и въ какихъ предѣлахъ члены общества должны поддерживать другъ друга, въ какихъ рамкахъ они обязаны удерживаться при своихъ столкновеніяхъ и разногласіяхъ, какими путями ихъ разрѣшать, и т. под. Слѣдовательно, обычаи—это первичныя общественныя нормы, устныя и строго традиціонныя. Онѣ—то начало, изъ котораго на дальнѣйшихъ ступеняхъ культуры развились право и нравственность.

— *Какую роль игралъ обычай въ жизни первобытной эпохи?*

— Тамъ, собственно «обычай» только начиналъ зарождаться. Въ отношеніяхъ между людьми царствовалъ не обычай, а стихійныя, тысячелѣтнія привычки, которыя не формулировались въ особыхъ правилахъ, не передавались и не запоминались въ словесномъ видѣ, а усваивались непосредственно въ жизни, путемъ подражанія; онѣ, такимъ образомъ, не были идеологіей, чѣмъ и отличались отъ обычая. Настоящее господство обычая идетъ съ патріархальной эпохи.

— *Почему патріархальная эпоха характеризуется развитіемъ и господствомъ обычая?*

— Потому что человѣческія отношенія стали гораздо сложнѣе и разнообразнѣе прежнихъ, и не могли уже устанавливаться и регулироваться посредствомъ одной только стихійной привычки: стали необходимы особыя правила, чтобы организовать ихъ въ надлежащій порядокъ, т.-е., потребовалась соотвѣтственная идеологія. Съ другой стороны, вся жизнь была построена на традиціи, на завѣтахъ прошлаго; т.-е., общественныя нормы должны были быть всецѣло традиціонными. А это и есть обычаи.

— *Кто былъ хранителемъ и блюстителемъ обычаевъ?*

— Община или племя въ цѣломъ; но по преимуществу—старѣйшіе, патріархи, представители накопленнаго опыта, мудрости прошлаго. Они истолковывали обычай, если его указанія были недостаточно ясны, или если его приходилось примѣнить къ новому, раньше не наблюдавшемуся случаю.

— *Въ какомъ отношеніи находился обычай къ религіи?*

— Какъ всѣ завѣты предковъ, онъ являлся религіознымъ установленіемъ, выраженіемъ воли божества.

— *Какъ поступали съ нарушителями обычаевъ?*

— Въ тѣ времена, при величайшемъ консерватизмѣ сознанія людей, при полномъ господствѣ авторитета, нарушеніе обычая—священной воли божества—могло быть только рѣдкимъ, исключительнымъ фактомъ, и разсматривалось какъ нѣчто чудовищное. Нарушитель обычая какъ-бы отрывался отъ всей жизни общины; его убивали, или изгоняли, что практически сводилось къ тому же, ибо внѣ общины жить было невозможно.

Эта исключительность и какъ-бы непонятность «преступленія» для тогдашней консервативной мысли объясняетъ кажущуюся чрезмѣрной жестокость расправы съ нарушителями обычаевъ, какая поражаетъ насъ въ древнихъ описаніяхъ патріархальнаго быта, въ религіозныхъ книгахъ разныхъ народовъ, напр., евреевъ.

Обычай—уже идеологія, т. е., форма общественнаго сознанія; но отношеніе къ нему людей было еще стихійнымъ.

h) Общая характеристика идеологій патріархальнаго періода.

— *Консерватизмъ авторитарныхъ идеологій былъ ли того же рода, какъ консерватизмъ первобытнаго мышленія?*

— Не вполнѣ. Первобытный консерватизмъ вытекалъ изъ величайшей технической слабости человѣка передъ природою, изъ отсутствія всякаго избытка силъ, за счетъ котораго могло бы итти развитіе. При патріархальномъ бытѣ такой излишекъ—прибавочный трудъ—уже существуетъ, хотя очень небольшой; и дѣйствительный консерватизмъ жизни уменьшается во много разъ, хотя съ точки зрѣнія нашей эпохи и остается еще огромнымъ. Измѣненія въ техникѣ, въ отношеніяхъ людей, а тѣмъ болѣе въ понятіяхъ остаются все-же неуловимыми для каждаго поколѣнія, и потому въ сознаніи людей царствуетъ традиція. Авторитарный строй общины въ самомъ себѣ заключаетъ особое сопротивленіе всякимъ новшествамъ: на организаторѣ лежитъ сложная и для слабаго еще мышленія страшно трудная задача, которую онъ способенъ выполнить, только руководясь готовыми шаблонами, выработанными въ прошломъ. Всякое нововведеніе порождаетъ цѣпь перемѣнъ

и въ распредѣленіи силъ общины, и въ отношеніяхъ ея членовъ, а это до крайности усложняетъ и затрудняетъ организаціонную задачу. Напр., допустимъ, что вводится новое орудіе, сберегающее трудъ. Приходится измѣнить все прежнее, привычное равновѣсіе производства: направить часть рабочихъ силъ на приготовленіе этого орудія, или же лишняго количества того продукта, на который его можно вымѣнять у другой общины, и надо точно разсчитать, сколько именно ихъ надо для этого. Надо, затѣмъ, убавить работниковъ въ той отрасли, гдѣ примѣняется новое орудіе, потому что труда теперь требуется меньше. Надо распредѣлить освободившіяся рабочія силы между другими занятіями. Надо измѣнить распредѣленіе продуктовъ, потому что благосостояніе общины повышается. Если орудіе пріобрѣтается обмѣномъ, надо сообразить условія обмѣна, опредѣлить, на какія условія итти можно, на какія нельзя, и т. д. Начавшееся измѣненіе волнами распространяется на всю жизнь общины, и требуетъ отъ организатора по всей линіи новой работы обдумыванія. А это—самая трудная работа для мало развитой психики. Понятно, что организаторъ инстинктивно сопротивляется всякому нововведенію. Консерватизмъ техники и экономики неизбѣжно влечетъ и консерватизмъ идеологіи, по извѣстному намъ закону соціальной причинности.

Консерватизмъ идеологіи, при этомъ, еще сильнѣе, чѣмъ консерватизмъ техники, потому что идеологія, завѣты предковъ, это и есть главное орудіе, при помощи котораго организаторъ управляетъ жизнью общины: какъ только что-нибудь мѣняется въ этомъ орудіи, патріархъ оказывается въ положеніи работника, у котораго отняли привычный для его руки, испытанный инструментъ, и дали новый, незнакомый, къ которому надо еще привыкать.

— *Въ чемъ состоитъ основная черта строенія авторитарныхъ идеологій?*

— Въ такъ называемомъ а в т о р и т а р н о м ъ или н а т у р а л ь н о м ъ ф е т и ш и з м ѣ.

«Фетишизмомъ» первоначально называли поклоненіе неодушевленнымъ предметамъ. Потомъ это слово пріобрѣло въ наукѣ и философіи болѣе широкій смыслъ: извращенное пониманіе какихъ-либо отношеній дѣйствительности. Такова авторитарная причинность: она понимаетъ связь явленій природы извращенно, для нея слѣдствіе опредѣляется причиной по образцу того, какъ исполненіе—приказаніемъ у людей. Слѣдовательно, о т н о ш е н і я в е щ е й о н а п о н и м а е т ъ, к а к ъ о т н о ш е н і я л ю д е й, а именно, какъ авторитарную связь: фетишизмъ авторитарный. Такъ какъ при этомъ искажается именно картина стихійной природы, то его называютъ еще «натуральнымъ».

Анимизмъ, очевидно, тоже относится къ натуральному фетишизму, а съ нимъ и религіозныя представленія о природѣ.

— *Сохранилась ли въ патріархальной идеологіи первобытная динамика?*

— Только отчасти; она мало-по-малу устранялась развитіемъ мышленія. Роль орудій въ трудѣ постоянно возрастала; а это, какъ мы знаемъ, вело къ выработкѣ мышленія о в е щ а х ъ тамъ, гдѣ прежде человѣкъ мыслилъ только д ѣ й с т в і я. Начавшійся еще къ концу первобытнаго періода процессъ превращенія природы, въ глазахъ человѣка, изъ міра дѣйствій въ міръ вещей, продолжался, хотя еще не завершился въ авторитарную эпоху. Первобытную динамику оттѣсняла с т а т и ч е с к а я точка зрѣнія на міръ. Но даже «вещи» въ ту эпоху не стали еще вполнѣ устойчивыми, неподвижными реальностями: въ нихъ былъ дѣйственный элементъ, ихъ «души», придававшія имъ самостоятельную активность.

— *Представляетъ ли патріархальная идеологія для насъ только историческій интересъ, или еще какой-либо иной?*

— Сходныя причины порождаютъ сходныя слѣдствія. Авторитарныя отношенія въ хозяйствѣ и вообще въ практической жизни существуютъ и теперь, принимая разнообразныя формы, но оставаясь однородными въ своей основѣ. Приспособляясь и къ этимъ остаткамъ, современное мышленіе отчасти сохраняетъ черты авторитарнаго фетишизма: свойственнаго ему пониманія причинности, анимизма, религіозныхъ представленій, слѣпого консерватизма традиціи. Прослѣдивъ происхожденіе и развитіе этихъ чертъ, несравненно легче улавливать ихъ въ жизни, выяснять ихъ значеніе для ея общаго хода, опредѣлять ихъ вѣроятную судьбу и свое практическое отношеніе къ нимъ.

II. Эпоха феодальнаго быта.

а) Т е х н и ч е с к а я и э к о н о м и ч е с к а я х а р а к т е р и с т и к а э п о х и.

— *Какія измѣненія въ техникѣ производства вызвалъ переходъ отъ патріархата къ феодализму?*

— Дальнѣйшее повышеніе производительности труда, благодаря которому прибавочный трудъ увеличился настолько, что сдѣлалась возможна настоящая эксплуатація.

Въ большинствѣ странъ Европы и Азіи основу для такого повышенія производительности далъ переходъ отъ кочевого скотоводства, или отъ примитивнаго, полу-бродячаго земледѣлія, къ осѣдлому земледѣлію, соединенному со скотоводствомъ, при соотвѣтственномъ развитіи производства орудій, ростѣ ремеселъ, и пр.

Въ результатѣ—плотность населенія могла возрасти въ нѣсколько разъ. По весьма приблизительнымъ расчетамъ, пер-

вобытная бродячая охота въ нашемъ, умѣренно-холодномъ климатѣ прокармливала человѣкъ 20 на квадратную милю, кочевое скотоводство или примитивное земледѣліе патріархальной эпохи—человѣкъ 60—80; а сельское хозяйство начала феодальнаго періода—уже человѣкъ до 200.

— *Какія превобразованія въ экономическомъ строеніи общества характеризуютъ смѣну патріархата феодализмомъ?*

— Основныя преобразованія слѣдующія: 1) родовая община перешла въ сосѣдскую; 2) обособились организаторы мирные—жрецы, и военные—сначала просто вожди, потомъ «сеньеры»—феодалы; 3) хотя хозяйство въ общемъ и цѣломъ оставалось натуральнымъ, но обмѣнъ уже сдѣлался явленіемъ постояннымъ, и пріобрѣлъ замѣтное, прочное, все возраставшее вліяніе на экономическую жизнь; 4) постепенно сложились обширныя свѣтско-феодальныя и духовно-феодальныя организаціи, которыя охватили цѣлыя области, затѣмъ большія страны.

— *Какъ совершилось превращеніе родовой общины въ сосѣдскую?*

— Новые способы земледѣлія были таковы, что его удобнѣе было вести на отдѣльныхъ участкахъ семьями. Родственныя же связи и помимо этого слабѣли, теряли свое значеніе, благодаря тому, что общины тѣснѣе соприкасались и смѣшивались между собою, и разростались до огромныхъ размѣровъ, при которыхъ патріархально-единое хозяйство было невозможно. Шагъ за шагомъ шло распаденіе на семейныя хозяйства; каждое изъ нихъ было маленькимъ подобіемъ старой патріархальной группы. Экономическая связь между ними все-таки сохранялась: общинное землевладѣніе; сосѣдское сотрудничество во многихъ работахъ (покосъ на общинныхъ лугахъ, пастьба скота, и т. под.); сосѣдскій обмѣнъ продуктами и услугами; наконецъ, на основѣ этихъ связей, внутреннее самоуправленіе общины, которое велось сходомъ ея домохозяевъ, организаторовъ каждый въ своемъ семейномъ хозяйствѣ.

— *Откуда явились жрецы и феодалы?*

— Уже къ концу патріархальнаго періода, когда возросшая плотность населенія, а за ней земельная тѣснота сдѣлала гораздо болѣе частыми, чѣмъ прежде, военныя столкновенія между общинами, между цѣлыми племенами, практика выдвинула, на ряду съ прежними патріархами, особыхъ военныхъ организаторовъ—вождей. На войнѣ отъ предводителя требовались иныя качества, чѣмъ въ мирномъ трудѣ, не столько многолѣтняя опытность и мудрая расчетливость, сколько быстрое соображеніе, гибкое воображеніе, храбрость, стремительность и т. п.—свойства, менѣе рѣдкія у людей молодыхъ, чѣмъ у стариковъ. Вначалѣ вожди назначались на каждую кампанію патріархами, совѣтами племенныхъ патріарховъ; затѣмъ это званіе мало-по-малу стало постояннымъ, пожизненнымъ въ рукахъ однажды избраннаго; а затѣмъ, когда община

уже распалась на самостоятельныя семьи, оно стало и наслѣдственнымъ. Его захватывали себѣ въ привилегію опредѣленныя семьи, развивавшія въ своей средѣ спеціально-военныя добродѣтели, и потому раньше наиболѣе часто поставлявшія вождей; упрочить привилегію имъ помогала ихъ экономическая сила, возраставшая благодаря тому, что имъ доставалась болѣе крупная доля военной добычи.

За прежними патріархами и ихъ семьями оставались въ общинѣ мирно-организаторскія функціи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ хозяйственная дѣятельность обособившихся семей продолжала соприкасаться: они, какъ хранители опыта и знанія, указывали сроки земледѣльческихъ работъ, лѣчили больныхъ, выступали какъ примирители и судьи въ столкновеніяхъ между со-общинниками, воспитывали молодежь, и т. п. Они поддерживали религіозную связь общины и племени; а такъ какъ вся ихъ дѣятельность исходила изъ завѣтовъ прошлаго, т.-е. изъ традиціи, которая имѣла р е л и г і о з н у ю форму, то они являлись «священниками» или жрецами, представителями культа, посредниками между общиной или племенемъ и ихъ божествами.

Такъ раздѣлились двѣ стороны организаторской функціи, мирная и военная, воплотившись во власти жрецовъ и вождей, а впослѣдствіи—духовныхъ и свѣтскихъ феодаловъ.

— *Въ чемъ выражалось вліяніе обмѣна на ходъ развитія отъ патріархальнаго къ феодальному быту?*

— Такъ какъ при обмѣнѣ интересы двухъ сторонъ противопоставляются,—каждая хочетъ взять больше, отдать меньше,—то обмѣнъ имѣетъ вообще свойство разъединять людей; естественно. что онъ усиливалъ и ускорялъ разложеніе родовой общины, обособленіе семейныхъ хозяйствъ; онъ подрывалъ остатки стараго коммунизма, и упрочивалъ сознаніе частной собственности, еще не личной впрочемъ, а семейной. Расширяясь же за предѣлы не только общинъ, но и племенъ, распространяясь, хотя и въ не крупныхъ, по нашимъ понятіямъ, размѣрахъ на цѣлыя области, даже цѣлыя страны, обмѣнъ сдѣлалъ возможнымъ значительное расширеніе потребностей въ экономическ-сильныхъ хозяйствахъ: вымѣнивались разнообразные продукты; и если раньше патріархъ могъ потреблять больше другихъ родичей и лучшее изъ того, что производила община, но въ общемъ тѣ же и немногіе продукты,—то теперь начало развиваться потребленіе усложненное и утонченное. А оно, въ свою очередь, явилось мотивомъ для э к с п л о а т а ц і и массы общинниковъ жрецами и феодалами. Но все-же, пока обмѣнъ былъ сравнительно ограниченнымъ, ограниченнымъ оказывалось и развитіе потребностей господствующихъ сословій, а значитъ, и обусловленная имъ эксплоатація.

Имѣя свойство раскидываться въ пространствѣ и косвенной, цѣпной связью объединять весьма отдаленныя мѣстности,

мѣновыя отношенія подготовили образованіе областныхъ, національныхъ, и даже еще болѣе широкихъ организацій духовнаго и свѣтскаго феодализма.

— *Какимъ путемъ возникали, и что представляли эти феодальныя организаціи?*

— Возникали онѣ частью путемъ естественнаго размноженія и колонизаціоннаго распространенія племени на все болѣе значительныя территоріи, частью—путемъ завоеванія и насильственнаго подчиненія однихъ племенъ другими. Строеніе же ихъ было по прежнему авторитарное, но несравненно болѣе сложное, а именно «іерархическое», представлявшее цѣпь авторитетовъ однихъ надъ другими.

Простые общинники были «вассалами», т.-е. подвластными и данниками, своего «сеньера», мелкаго феодала, который организовывалъ ихъ военную защиту и въ случаѣ нужды экономически поддерживалъ ихъ за счетъ своихъ запасовъ, а съ нихъ получалъ въ свою пользу прибавочный трудъ въ видѣ ли прямо работы (барщина) или продуктами (оброкъ). Нѣсколько такихъ мелкихъ феодаловъ составляли вассальную группу своего «сюзерена», феодала болѣе крупнаго,—за его защиту и покровительство платили ему дань, и по его призыву приходили съ дружинами ему на подмогу. Онъ, въ свою очередь, былъ подобнымъ же вассаломъ сюзерена еще болѣе крупнаго, и т. д., вплоть до верховнаго феодала, называвшагося королемъ или императоромъ.

Аналогичнымъ образомъ была построена цѣпь духовной іерархіи, отъ низшихъ священнослужителей до верховнаго жреца (первосвященника, папы, далай-ламы, и т. п.).

b) Развитіе рѣчи и мышленія вообще.

— *Какія основныя условія опредѣлили развитіе рѣчи въ феодальную эпоху? и насколько оно было значительно?*

— Общественныя организаціи раскинулись тогда на огромныя территоріи, охватили сотни тысячъ, иногда милліоны людей. Экономическая связь, прямо или косвенно, объединила тысячи общинъ, которыя вели свое производство въ самой различной природной обстановкѣ, а слѣдовательно также различными методами и средствами, создавая и продукты несравненно болѣе разнообразные, чѣмъ это было раньше. Для выраженія всѣхъ безчисленныхъ элементовъ производства и всевозможныхъ человѣческихъ отношеній, возникавшихъ изъ него, разумѣется, уже не годился бѣдный словами и мало гибкій языкъ патріархальнаго періода. Во времена феодализма и сложились такіе высоко-совершенные языки, какъ, напр., арійскіе и семитическіе: древне-индусскій (санскритъ), древне-иранскій, греческій, латинскій, древне-славянскій и германскіе; еврейскій, арабскій и т. д. Рѣчь достигла такого богатства выраженій и

такой ихъ гибкости, что стала способной передавать почти все, переживаемое людьми. Какъ организаціонное орудіе, она должна была приспособиться, и въ ряду вѣковъ приспособилась къ новымъ потребностямъ соціальной практики.

— *Какія перемѣны испытало человѣческое мышленіе?*

— Прежде всего и главнымъ образомъ, количественныя. Съ этой стороны, прогрессъ мышленія былъ столь же значителенъ, какъ прогрессъ рѣчи, его внѣшняго выраженія, и обусловливался тѣми же причинами: накопленіемъ и передачей опыта, техническаго и экономическаго, въ гигантскихъ общественныхъ организаціяхъ.

Что же касается пріемовъ и способовъ мышленія, то они, разумѣется, совершенствовались и усложнялись, но сохраняли свой прежній основной характеръ: мышленіе было авторитарнымъ, потому что таково продолжало оставаться строеніе общества въ своемъ цѣломъ.

Однако, ростъ обмѣна знаменовалъ развитіе, пока еще слабое и ограниченное рамками старыхъ формъ, но все-же— новой формы сотрудничества (неорганизованное раздѣленіе труда въ обществѣ). Соотвѣтственно этому, должны были намѣчаться, особенно къ концу феодализма, и болѣе глубокія измѣненія въ методахъ мышленія.

с) Авторитарная причинность и анимизмъ.

— *Въ какомъ направленіи шло развитіе причинной связи за періодъ феодализма?*

— Прежде всего, въ сторону умноженія и удлиненія цѣпей причинности. Трудовой опытъ накоплялся, количество установленныхъ наблюденіемъ постоянныхъ связей въ немъ возрастало во много разъ. Тамъ, гдѣ раньше съ перваго шага объясненіе факта сводилось къ волѣ какого-нибудь «духа», скрытаго въ соотвѣтственной «вещи», теперь оно шло дальше и глубже. Напр., въ прежнія времена племя, жившее на низовьяхъ большой рѣки, приписывало ея разливы и наводненія просто «духу» этой рѣки, чѣмъ и исчерпывался вопросъ. Когда же феодальное завоеваніе или мѣновыя сношенія связывали данное племя съ другими, жившими въ верховьяхъ рѣки, то на почвѣ ихъ общенія выяснялось, что разливы вызываются, напр., періодическими сильными дождями въ верхнемъ бассейнѣ рѣки. Дожди, естественно, объяснялись тучами, ихъ производившими; появленіе этихъ тучъ—вѣтрами, ихъ пригонявшими; зависимость вѣтровъ отъ времени года, т. -е., отъ положенія солнца на небѣ, заставляла видѣть ихъ причину въ дѣйствіяхъ солнца; а эти послѣднія, наконецъ, приписывались властной волѣ «духа» или «бога» солнца. Вмѣсто первоначальныхъ двухъ звеньевъ, причины—слѣдствія, въ цѣпи оказалось ихъ пять или шесть, благодаря общенію племенъ, раньше не имѣвшихъ связей.

Такъ бывало и въ массѣ другихъ случаевъ, не только вслѣдствіе расширенія общественной организаціи въ пространствѣ, но, конечно, и на основѣ ея продолженія во времени: опытъ новыхъ поколѣній прибавлялся къ знаніямъ старыхъ, увеличивалъ ихъ сумму и углублялъ ихъ. Напр., когда арійцы пришли съ сѣвера въ Остъ-Индію, то они, безъ сомнѣнія, не сразу, а только въ ряду поколѣній могли уловить власть солнца надъ вѣтрами, приносящими дожди, и т. п.

Въ патріархальную эпоху мышленіе людей легко удовлетворялось причинной связью всего двухъ звеньевъ: явленіе, и какой-нибудь «духъ», его произвольно вызывающій. При феодализмѣ сама жизнь дѣлала болѣе привычными для сознанія, а слѣдовательно, и полнѣе его удовлетворяющими, удлиненныя цѣпи причинъ—слѣдствій. Вѣдь, началомъ авторитарной причинности была связь власти—подчиненія въ общественной практикѣ. Феодализмъ же развертывалъ эту связь въ многочленные ряды. Пусть, напр., по волѣ папы или короля молодого крестьянина гонятъ въ крестовый походъ, берутъ съ него налогъ на предпринятую войну, и т. д. Сколько звеньевъ представляетъ путь отъ этой первой причины до обусловленнаго ею, въ концѣ концовъ, ощутительнаго крестьянину факта? Иногда цѣлые десятки, по всей сюзеренно-вассальной линіи, отъ высшихъ авторитетовъ, духовныхъ или свѣтскихъ, до послѣдняго феодала, или его управляющаго, поставленнаго надъ крестьянской общиною. По соціальной же или экономической причинности какъ бы «моделируется» и всякая иная.

— *Въ какомъ направленіи происходило развитіе анимизма?*

— Въ направленіи, которое можно назвать «ограничительнымъ». Отъ всеобщаго анимизма мышленіе перешло, шагъ за шагомъ, къ разграниченію предметовъ «одушевленныхъ» и «неодушевленныхъ». Область первыхъ большей частью свелась къ людямъ, животнымъ, небеснымъ свѣтиламъ; область вторыхъ захватила обычные и доступные объекты безжизненной природы. Кромѣ того, и сами «души» постепенно теряли свои «физическія», какъ мы бы ихъ назвали, свойства, одни за другими, въ разной мѣрѣ и степени.

— *Какимъ путемъ были выдѣлены вещи «неодушевленныя»?*

— Путемъ болѣе полнаго и точнаго ознакомленія съ ихъ реальными свойствами.

Наивное мышленіе легко приписывало иниціативу и самостоятельность дѣйствій самымъ различнымъ вещамъ; оно дѣлало это такъ же непосредственно, какъ ребенокъ, обвиняющій столъ, о который онъ ушибся. Если камень катится съ горы, очевидно, такъ захотѣлось этому камню, точнѣе—его душѣ; если съ дерева падаютъ плоды, значитъ, душа дерева пожелала ихъ сбросить. Но эта точка зрѣнія не можетъ устоять передъ растущимъ познаніемъ. Рано или поздно, люди убѣждаются, что камень самъ по себѣ—существо въ высшей степени спокой-

ное, и ни къ какой иниціативѣ дѣйствій не способное; онъ приходитъ въ движеніе лишь тогда, когда получитъ толчокъ извнѣ, или когда вода подмоетъ его опору, и т. п. Другими словами, у камня нѣтъ своей активной, властной воли, которая бы имъ управляла,—нѣтъ «души». То же оказывается и относительно многихъ другихъ тѣлъ. Но люди, животныя, а также, по тогдашнимъ понятіямъ, солнце, луна, звѣзды, не таковы: они предпринимаютъ разныя движенія безъ всякаго наблюдаемаго толчка извнѣ; они, слѣдовательно, сами собою управляютъ, т.-е. имѣютъ «душу», дѣятельную организаторскую сущность.

Область анимизма сузилась; но не надо думать, что его значеніе въ жизни отъ этого уменьшилось. Интересъ сосредоточился на человѣческой душѣ; зато ею въ ту эпоху мышленіе занималось особенно много, какъ показываетъ исторія большинства феодальныхъ религій, съ ихъ усиленными заботами о спасеніи души.

— *Какимъ путемъ душа теряла матеріальныя свойства?*

— Равнымъ образомъ, вслѣдствіе прогресса знаній о тѣлахъ. Напр., вскорѣ послѣ того какъ начали примѣняться вѣсы, душа должна была сдѣлаться невѣсомою: люди не разъ могли убѣдиться, что убитый ягненокъ вѣситъ столько же, сколько передъ тѣмъ онъ вѣсилъ живой. Къ убѣжденію въ неосязаемости души приводило то, что когда она уходила изъ тѣла, въ моментъ смерти, никому изъ окружающихъ не удавалось ощущать ея прикосновенія, и т. п.

— *Что стало съ идеей безсмертія души?*

— Она получила болѣе широкое развитіе, чѣмъ прежде, и распространялась уже на всѣхъ людей. Это произошло вполнѣ естественно. Первоначально безсмертными признавались только души организаторовъ. Но съ разложеніемъ патріархальной общины число организаторовъ сильно увеличилось: каждый глава семьи былъ таковымъ въ своемъ хозяйствѣ. Но и каждый изъ простыхъ членовъ семьи могъ въ дальнѣйшемъ стать организаторомъ особаго хозяйства. Слѣдовательно, «организующее начало» или «душа» присуще всякому человѣку, по самой его природѣ.

Съ этой точки зрѣнія понятны средневѣковые богословскіе споры о томъ, есть у женщины настоящая, т.-е. безсмертная, душа, или нѣтъ. Женщина въ тогдашней семьѣ была существомъ въ высшей степени подчиненнымъ; властнымъ главой семьи она стать не могла, или это случалось крайне рѣдко; у людей наиболѣе послѣдовательно мыслившихъ само собой являлось сомнѣніе, имѣется ли въ женщинахъ «организующее начало» такое, какъ въ мужчинахъ, т.-е., способное выходить въ своихъ функціяхъ за предѣлы ихъ личнаго существованія. На одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ духовенства Франціи вопросъ о душѣ женщины, по обсужденіи, былъ поставленъ на голосованіе, и разрѣшенъ благопріятно для женщинъ, но лишь большинствомъ одного голоса.

Что касается, въ частности, формъ безсмертія души, то онѣ въ разныхъ феодальныхъ религіяхъ представлялись различно: переходъ въ особый загробный міръ у германцевъ, арабовъ, переселеніе душъ изъ однихъ организмовъ въ другіе—у индусовъ (въ дальнѣйшемъ тоже съ освобожденіемъ души отъ всякаго тѣла).

— *Когда создалось понятіе о вещахъ бездушныхъ, то могла ли удержаться и по отношенію къ нимъ авторитарная идея причинной связи, т.-е., ея представленіе по образцу власти—подчиненія?*

— Для позднѣйшаго мышленія «душа» нужна не только повелѣвающему, но и подчиняющемуся, чтобы воспринять и исполнить повелѣніе. Но это вовсе не было такъ для мышленія болѣе наивнаго, не разсуждавшаго о способности воспріятія, о томъ, что она принадлежитъ спеціально душѣ, и т. п. Тогда, напротивъ, представлялось какъ нельзя болѣе естественнымъ и понятнымъ, что тѣлесное, неодушевленное подчиняется одушевленному, что, напр., вещи можно привести въ движеніе магическими словами.

Но если причинная связь понималась по образцу или на подобіе приказанія—исполненія, то не надо думать, что въ ней прямо, конкретно воображалось, напр., особое словесное приказаніе со стороны «причины». Въ ней было только неопредѣленное сознаніе какой-то властности, какого-то господства на одной сторонѣ, пассивности—на другой. А это сознаніе сохраняется постоянно въ авторитарной причинности. О немъ ясно свидѣтельствуетъ характерное, въ тѣ времена казавшееся самоочевиднымъ, убѣжденіе, что причина всегда «больше» или «выше» своего слѣдствія.

— *Какое отношеніе къ авторитарной причинности имѣетъ идея «чуда»?*

— Когда накопленный трудовой опытъ далъ людямъ знаніе множества причинныхъ связей въ окружающей ихъ природѣ, когда, пользуясь этими связями, люди научились надежно, безъ неожиданностей, справляться со многими вещами, увѣренно достигать опредѣленными средствами намѣченныхъ результатовъ, тогда въ мышленіи стала все прочнѣе укореняться идея всеобщей закономѣрности явленій. Закономѣрность эта принималась, конечно, не въ современномъ научномъ смыслѣ, не какъ естественная необходимость, а какъ законъ или правило, установленное для вещей какой-нибудь верховной волею; тѣмъ не менѣе, вѣра въ найденную привычную связь фактовъ была очень глубокой и прочной, особенно благодаря огромному консерватизму авторитарнаго сознанія. Но время отъ времени случались событія, не входившія въ эту привычную связь, или прямо ей противорѣчившія: затмевалось солнце и появлялись звѣзды среди бѣлаго дня,—или яркая комета проходила по небу,—или вдругъ колебалась

земля,—или рождался ребенокъ о двухъ головахъ,—или приходила невиданная болѣзнь и косила человѣческія жизни, и т. п. Какъ должно было относиться къ подобнымъ событіямъ авторитарное мышленіе?

Вѣрное себѣ, оно въ нихъ видѣло спеціальное вмѣшательство какой-нибудь высшей или верховной воли, нарушающее обычный ходъ вещей, и обозначало его, какъ «чудо». Необъяснимое сразу этимъ объяснялось, безпримѣрное укладывалось въ обычный кругъ понятій. Разъ верховная организаторская воля устроила данный порядокъ міра, то почему не можетъ она же, или по ея попущенію другая, низшая божественная или полу-божественная воля, нарушить въ извѣстномъ случаѣ этотъ порядокъ, въ цѣляхъ, напр., наказанія, исправленія, предостереженія людей? Вѣдь, властитель-человѣкъ, съ котораго копировались религіознымъ сознаніемъ всѣ высшія воли, позволяетъ себѣ иногда уклониться отъ имъ же изданной для подвластныхъ нормы, нарушить имъ же организованный порядокъ.

Понятіе «чуда» не было возможно ни въ первобытной идеологіи, ни даже на первыхъ ступеняхъ анимизма, когда всѣ вещи были одушевлены и, значитъ, способны къ проявленіямъ произвола. Чудо же означаетъ исключительный случай вмѣшательства свыше въ установленный ходъ вещей, т.-е., предполагаетъ прочно сложившуюся идею о нормальной ихъ закономѣрности.

— *Было ли понятіе «чуда» простымъ заблужденіемъ?*

— Для нынѣшней научной мысли оно, разумѣется, не только заблужденіе, а просто лишено смысла и содержанія. Но для сознанія авторитарнаго оно было полезнымъ и цѣлесообразнымъ приспособленіемъ. Все необычное, раньше не наблюдавшееся, не входившее въ рамки стараго опыта, должно было бы тогда разрушать и разстраивать столь важныя для прогресса, для побѣды человѣчества надъ природою представленія о постоянныхъ связяхъ, о закономѣрности явленій. Если, напр., неожиданно тряслась земля, то могло бы исчезнуть всякое довѣріе къ устойчивости почвы, безъ котораго нельзя строить зданій. Понятіе «чуда» какъ-бы отвлекало и отстраняло подобные факты отъ нормальной связи опыта, въ качествѣ исключеній, вызванныхъ особымъ вмѣшательствомъ свыше; этимъ идея постоянной закономѣрности оберегалась отъ ихъ разрушительнаго дѣйствія. Есть пословица—«исключенія подтверждаютъ правило». Она выражена плохо: исключенія, конечно, правила не подтверждаютъ; но, будучи спеціально выдѣлены и указаны въ качествѣ исключеній, они позволяютъ увѣренно пользоваться правиломъ въ остальныхъ случаяхъ, и тѣмъ самымъ укрѣпляютъ его на дѣлѣ. Такую роль игралo «чудо» въ развитіи понятія о всеобщей связи явленій.

d) Феодальныя религіи.

— *Чѣмъ религіи феодальнаго періода отличаются отъ религій патріархальнаго?*

— Во-первыхъ, разумѣется, большей сложностью и богатствомъ содержанія. Во-вторыхъ, онѣ представляютъ устройство міра не по образцу патріархальной общины, а по образцу феодальной организаціи. Въ-третьихъ, эти религіи становятся основою жреческой эксплоатаціи массъ,—хотя вообще служатъ отнюдь не для одной эксплоатаціи.

— *Какъ именно представляется организація міра въ феодальныхъ религіяхъ?*

— Міръ дѣйствительный дополняется воображаемымъ міромъ полу-боговъ, боговъ и высшихъ боговъ, вплоть до одного верховнаго, образующихъ совершенно такую же цѣпь авторитетовъ, какъ іерархія жреческая или свѣтско-феодальная. Между ними распредѣлена власть надъ міромъ, какъ между феодалами власть надъ обществомъ. Различныя стихіи, различныя стороны жизни людей—ленныя владѣнія отдѣльныхъ боговъ, гдѣ они являются полновластными организаторами. У грековъ, напр., Зевсъ былъ высшимъ властителемъ міра; его собственнымъ владѣніемъ было небо, его оружіемъ—громъ и молнія. Крупнѣйшіе вассалы Зевса были Посейдонъ—властитель моря, и Плутонъ—подземной области; дальше слѣдовали боги менѣе крупные, затѣмъ мелкіе боги, полу-боги, въ общемъ—цѣлыя тысячи. Развивавшееся общественное раздѣленіе труда въ дальнѣйшемъ придавало многимъ богамъ характеръ спеціалистовъ, руководителей разныхъ его отраслей; напр., Деметра, «мать-земля», была также богинею хлѣбопашества, Гермесъ, богъ дорогъ, руководителемъ путешествій и вообще мирныхъ сношеній между людьми, въ томъ числѣ не только торговли, но и родственнаго ей въ тѣ времена воровства; Геліосъ-Аполлонъ, властитель солнца и свѣта, былъ богомъ искусства, миѳовъ и т. д. При этомъ, такъ какъ общая религія сложилась у грековъ на переходѣ отъ родового быта къ феодальному, то она сохранила и много чертъ чисто патріархальнаго строенія: родственная связь между богами, совмѣстная жизнь ихъ на Олимпѣ и пр. Послѣдовавшій за феодализмомъ въ Греціи рабовладѣльческій строй мало измѣнилъ феодально-родовыя черты народной религіи, потому что въ основѣ тоже былъ авторитарнымъ.

Подобная картина повторяется и въ другихъ религіяхъ феодальнаго періода—древне-германской, славянской, индусской, и др. Различны имена боговъ, распредѣленіе между ними территоріи вселенной и спеціальныхъ функцій, но та же іерархическая цѣпь, и сами боги—тѣ же, только идеализированные, жрецы или свѣтскіе феодалы. Въ иныхъ религіяхъ эпохи мелкія божества замѣняются святыми, или пророками (у католиковъ, мусульманъ); но мѣсто и значеніе въ системѣ остаются

тѣ же: то это божества территоріальныя, напр., опредѣленные святые—покровители опредѣленныхъ городовъ и мѣстностей, то они завѣдуютъ опредѣленными стихійными силами, какъ пророкъ Илья—громомъ и молніей, Николай Чудотворецъ—плодородіемъ почвы, и т.-п. Часто существуетъ полное соотвѣтствіе между иными божествами болѣе древней «многобожной» религіи, и замѣнившими ихъ святыми болѣе поздней, считаемой «единобожною»; иногда же новая религія, вытѣсняя старую, принимаетъ ея божества, въ другой только роли—въ качествѣ злыхъ властителей, дьяволовъ; такъ поступилъ, напр., католицизмъ со многими богами древности, которыхъ онъ сдѣлалъ феодалами подземнаго царства, организаторами зла и бѣдствій.

Всюду міръ сверхъестественный въ своемъ строеніи повторяетъ идеально міръ общественный.

— *Какъ отразилось на религіи то обстоятельство, что при феодализмѣ власть стала средствомъ эксплоатаціи?*

— Отношеніе боговъ къ людямъ начало пониматься въ смыслѣ эксплоатаціи; жертва приняла характеръ дани, оброка. Соціальная жизнь воспроизводилась въ религіи настолько точно, что, напр., у индусовъ не только люди обязаны были приносить жертвы богамъ, но и низшіе боги высшимъ, а тѣ верховнымъ, какъ вассалы дань своимъ сюзеренамъ. Первоначально же, какъ мы знаемъ, жертва была просто выраженіемъ мыслимаго сотрудничества между давно умершимъ предкомъ-организаторомъ, и живымъ поколѣніемъ, которымъ онъ продолжаетъ руководить въ трудѣ, при чемъ, естественно, беретъ и свою долю въ продуктѣ для удовлетворенія своихъ потребностей. Прежнее значеніе жертвы ясно выступаетъ въ томъ же индусскомъ миѳѣ: онъ утверждалъ, что верховные боги, древнѣйшіе изъ всѣхъ, «приносили жертвы самимъ себѣ». Это вначалѣ означало просто вотъ что: древнѣйшіе боги, сохранившіеся отъ патріархальной религіи, какъ и подобаетъ патріархамъ, сами вели хозяйство и распредѣляли продуктъ, сами брали въ немъ свою долю. Впослѣдствіи смыслъ термина «жертва» измѣнился, и простое описаніе факта пріобрѣло загадочный, миѳическій характеръ.

— *Какимъ образомъ религіи феодальнаго общества стали орудіемъ эксплоатаціи?*

— Жрецы пользовались своимъ положеніемъ посредниковъ между людьми и богами для того, чтобы брать, въ видѣ пожертвованій, «десятины» и другихъ религіозныхъ оброковъ, изъ народнаго продукта не только средства нормальнаго удовлетворенія своихъ потребностей, но гораздо больше этого, такъ что жреческія организаціи накопляли огромныя богатства и сокровища. Какъ мирные организаторы, необходимые для общества хранители опыта, руководители производства во всемъ, что выходило за предѣлы отдѣльныхъ хозяйствъ, или за предѣлы знаній ихъ руководителей, жрецы не являлись, конечно, эксплоататорами, поскольку ихъ поборы не превосходили нормальныхъ потребно-

стей, связанныхъ съ поддержаніемъ ихъ трудовой энергіи. Но они, какъ и свѣтскіе феодалы, шли дальше этого, и свою эксплоатацію, вначалѣ умѣренную, усиливали по мѣрѣ развитія общественнаго труда и роста феодальнаго общества.

Чтобы увеличивать свои богатства и усиливать эксплоатацію, жрецы всячески расширяли и углубляли свое вмѣшательство во всѣ дѣла своей паствы. Въ иныхъ феодальныхъ религіяхъ былъ установленъ обычай исповѣди, позволявшій жрецамъ слѣдить за каждымъ жизненнымъ шагомъ каждаго человѣка. Къ концу феодальнаго періода его религіи пріобрѣтали особено устрашающій характеръ; картины ужасовъ загробной жизни служили для того, чтобы обострять заботу о спасеніи души, и такимъ образомъ упрочивать вліяніе жрецовъ. Въ пользу жреческихъ корпорацій дѣлалась масса завѣщаній, отдававшихъ имъ земли и движимыя имущества. Въ Зап. Европѣ къ концу Ср. Вѣковъ въ рукахъ духовенства было больше трети земель, и притомъ лучшія; а его богатства были несмѣтны. Оно подчинило своей власти даже свѣтскихъ феодаловъ, послѣ долгой и жестокой борьбы: папы господствовали надъ королями и императорами. Чтобы упрочить свою экономическую силу, избѣжать ея раздробленія между потомками, духовенство тамъ обрекло даже себя на безбрачіе.

Но если феодальныя религіи были *средствомъ* жреческой эксплоатаціи, то онѣ отнюдь не являлись ея *основой*. Основой же была общественная полезность и необходимость жречества, какъ мирно-организаторскаго сословія. Связи общества были слабы; свѣтскіе феодалы, въ силу своей военной спеціальности, были мало способны поддерживать его единство и сплоченность; это дѣлалось почти всецѣло жреческими корпораціями. Онѣ, насколько возможно, охраняли миръ и ставили въ рамки военно-грабительское буйство эпохи; онѣ, за счетъ накопленныхъ богатствъ и запасовъ, помогали жертвамъ безчисленныхъ войнъ—разореннымъ и калѣкамъ; онѣ залѣчивали раны производства, руководя возстановленіемъ экономической жизни въ опустошенныхъ мѣстностяхъ, и т. д. Изъ такихъ соціально-практическихъ функцій вытекала идеологическая власть надъ умами.

е) Отношеніе феодальныхъ религій къ знаніямъ и искусству.

— *Сохраняло ли знаніе при феодализмѣ религіозныя формы?*

— Въ наибольшей долѣ, сохраняло; но уже не всецѣло. При феодализмѣ начало развиваться, и чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе, разграниченіе знанія религіознаго и свѣтскаго.

— *Какимъ образомъ возникало это разграниченіе?*

— Знаніе было всецѣло религіознымъ, пока все оно оставалось «завѣтнымъ», традиціоннымъ, пока его накопленіе было

неуловимо для самихъ людей, такъ что его источники естественно относились къ отдаленнѣйшимъ предкамъ—божествамъ. Но въ эпоху феодализма, благодаря расширенію общественныхъ связей, развитіе ускоряется настолько, что въ иныхъ случаяхъ прогрессъ уже замѣтенъ и на памяти отдѣльнаго поколѣнія. Тогда вновь пріобрѣтенный опытъ не можетъ стать «священнымъ» и быть приписанъ древнему откровенію. Появляется знаніе другого типа; по мѣрѣ своего накопленія оно начинаетъ противополагаться религіозному, какъ «свѣтское» или «мірское».

Главную роль въ его обособленіи, какъ и вообще въ его развитіи, играли мѣновыя связи. При обмѣнѣ вмѣстѣ съ чужими продуктами часто заимствовалась и чужая техника, а значитъ, и практическое знаніе. На своей родинѣ это знаніе было «завѣтнымъ» и «священнымъ», шло отъ предковъ; но для другого племени или народа, къ которому оно перешло, оно вовсе не таково, потому что здѣсь почитаются и обожествляются, какъ и тамъ, лишь собственные предки. Напр., евреи въ своихъ сношеніяхъ съ сумерійцами и аккадійцами, древнѣйшими народами Месопотаміи, пріобрѣтая отъ нихъ металлическія орудія, усвоили относящуюся къ этимъ орудіямъ технику и знанія. Но, конечно, эти заимствованія у «потомковъ Каина» или «сыновъ человѣческихъ» (въ противоположность «сынамъ Божіимъ»—евреямъ) не вошли въ религіозную сокровищницу, и попытка примѣнить ихъ въ области культа, совершить, положимъ, обрѣзаніе желѣзнымъ ножемъ, была бы «осквернѣніемъ святыни». Напротивъ, практика обыденной жизни отказаться отъ нихъ не могла, и, слѣдовательно, сама теряла прежній религіозный, т.-е. свято-традиціонный характеръ.

Обособленіе жреческаго сословія закрѣпляло противоположность знанія священнаго и мірского. Жрецы ревниво охраняли религіозное знаніе, какъ свою привилегію, какъ опору своей власти и эксплоатаціи. Міряне отстранялись отъ этой области знанія, она пріобрѣтала окраску таинственнаго, магическаго, недоступнаго разумѣнію простыхъ смертныхъ. Истины обыденныя допускали обсужденіе, разногласія; религіозныя были непререкаемы, неизмѣнны, требовали «слѣпой вѣры», т.-е. на дѣлѣ, слѣпого довѣрія къ ихъ носителямъ и провозвѣстникамъ—жрецамъ.

— *Соотвѣтствовало ли тогдашнее раздѣленіе знанія священнаго и мірского нынѣшнему разграниченію между религіей и наукой?*

— Далеко не вполнѣ: границы того и другого были совсѣмъ иныя. Такъ какъ священнымъ или мірскимъ знаніе являлось не по внутреннему содержанію, а въ зависимости отъ того, передано ли оно жреческой традиціей или получилось другими путями, то въ области религіи оставалось очень многое, что теперь относятъ къ наукамъ. Напр., у египтянъ геометрія и астрономія были священными знаніями, потому что принадлежали

всецѣло къ жреческой традиціи. На эти науки, можно сказать, опиралась вся власть и вліяніе жречества, его мирно-организаторская роль въ жизни.

Дѣло въ томъ, что плодородіе египетской страны—долины Нила—основывалось на періодическихъ разливахъ этой рѣки, и къ нимъ должна была приспособляться вся организація сельскаго хозяйства. Но разливы—явленія стихійныя; чтобы справляться съ ними, требовалось огромное накопленіе опыта и методы, которые мы называемъ научными. Необходимы были точные расчеты времени, какіе могутъ достигаться только посредствомъ наблюденій надъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ. Необходимы были, затѣмъ, грандіозныя инженерныя работы: плотины, каналы, гигантскіе резервуары для отведенія излишка воды, и пр. Выполненіе всего этого немыслимо безъ геометрическихъ пріемовъ измѣренія и составленія плановъ. Немыслимы безъ нихъ и землемѣрныя работы, столь важныя тамъ, гдѣ каждый разливъ смывалъ границы между земельными участками общинъ и отдѣльныхъ хозяйствъ. Жрецы владѣли этими знаніями, примѣняли ихъ, и хранили, какъ религіозную тайну. То, что современная наука выражаетъ въ отвлеченныхъ формулахъ, для нихъ выражалось въ религіозныхъ символахъ. Созвѣздія были священными животными небесъ; теорема, извѣстная у насъ подъ названіемъ Пиѳагоровой, передавалась сочетаніемъ символовъ трехъ главныхъ божествъ Египта: короткій катетъ означался Озирисомъ, богомъ Нила; длинный—Изидою, богиней земли; гипотенуза—ихъ сыномъ, Горусомъ, богомъ плодородія; и т. п.

Но когда грекамъ удалось вывѣдать и усвоить, черезъ своихъ торговцевъ-путешественниковъ, тайны египетской астрономіи и геометріи, то для нихъ это не могло уже стать священнымъ знаніемъ, и религіозную символику египетскихъ жрецовъ они отбросили, какъ чуждую. Для грековъ это были интересныя и полезныя истины, не болѣе,—знаніе мірское.

Медицина же и у грековъ долго оставалась религіозной научной спеціальностью, тайною жрецовъ Асклепія.

Вообще, границы «божественнаго» и «мірского» въ области знанія были тогда различны у разныхъ народовъ; но первое преобладало надъ вторымъ повсюду, и по богатству содержанія и по практической важности.

— *Въ какомъ отношеніи находилась религія къ искусству?*

— Здѣсь намѣчалось то же разграниченіе искусства религіознаго и мірского, и по аналогичнымъ же причинамъ . Напр., еврейское преданіе разсказываетъ, что отецъ Авраама былъ художникомъ и дѣлалъ «идоловъ», которыхъ продавалъ окрестнымъ племенамъ. Ясно, что для него самого эти «идолы» не могли быть священными изображеніями, потому что относились къ чужимъ божествамъ.

Но и въ области искусства религіозное далеко преобла-

дало надъ свѣтскимъ. Въ ту эпоху выступило новое искусство —архитектура, и выдвинулось на первый планъ. Храмы и другія жреческія сооруженія были объединяющими центрами, къ которымъ тяготѣло населеніе, большей частью, множества феодально-связанныхъ между собою общинъ, иногда цѣлыхъ обширныхъ областей, иногда цѣлыхъ странъ. Къ храмамъ въ дни, посвященные религіознымъ воспоминаніямъ, стекались тысячи людей, не имѣвшихъ между собою прямой связи въ будничной экономической жизни. Тамъ они объединялись въ гармоніи общихъ молитвенныхъ настроеній; а затѣмъ вокругъ храма, подъ охраной его примиряющаго вліянія и могущества жреческой корпораціи, они завязывали болѣе практическія связи, обмѣнивались товарами, заводили знакомства, заключали договоры гостепріимства, и т. под.

— *Въ чемъ заключается сущность архитектуры, какъ искусства, т.-е. ея организаціонная функція?*

— Архитектура, подобно своей противоположности — музыкѣ, есть своеобразный языкъ чувства; она выражаетъ и обобществляетъ человѣческія настроенія, но, конечно, длительныя, устойчивыя, вѣковыя настроенія массъ. Цѣлыми поколѣніями, иногда цѣлымъ рядомъ поколѣній строились гигантскіе храмы феодальныхъ религій; и художники строители, дѣти своей эпохи, сознательно, а еще больше безсознательно, вкладывали въ ихъ каменныя формы свои господствующія чувства, свою вѣру. Готическія зданія Среднихъ Вѣковъ, такія, какъ Кёльнскій соборъ, самая яркая и простая иллюстрація смысла архитектурнаго «стиля». Ихъ стройныя, стрѣльчатыя, съ огромной силой устремляющіяся вверхъ очертанія идеально-глубоко и живо воплощали порывъ къ отрѣшенію отъ всего земного и обыденнаго, порывъ къ небесно-далекому. Это—основное настроеніе католической религіи, утѣшительницы массъ, обѣщавшей имъ небо за муки этой жизни, которая среди земельной тѣсноты, необузданно-жестокихъ войнъ и подъ гнетомъ эксплоатаціи представляла значительное сходство съ адомъ.

Архитектура закрѣпляла и непрерывно передавала отъ поколѣнія къ поколѣнію преобладающія чувствованія народовъ и классовъ. Въ этомъ ея огромное воспитательное значеніе. Органуя чувствованія потомковъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что переживали ихъ предки, она являлась хранительницей организующей традиціи по преимуществу.

Скульптура и живопись храмовъ дополняли дѣло ихъ архитектуры, также какъ и музыка богослуженій.

— *Почему свѣтское искусство было много слабѣе религіознаго?*

— При феодализмѣ религіозное искусство было не только жреческимъ, но и народнымъ. Зарождавшееся же свѣтское искусство связывалось, главнымъ образомъ, съ потребностями свѣтскихъ феодаловъ, поскольку они мало-по-малу превращались въ представителей эксплоатаціи, роскоши и наслажденія

жизнью. Оно не имѣло корней въ массахъ; это и было причиной его сравнительной слабости.

f) Письменность.

— *Въ какомъ культурномъ періодѣ возникла письменность, и по какимъ причинамъ?*

— Въ большинствѣ случаевъ, начало письменности относится именно къ эпохѣ феодализма. Два основныхъ обстоятельства обусловили ея зарожденіе: 1) накопленіе опыта, настолько значительное, что его устная передача отъ поколѣнія къ поколѣнію и прямое запоминаніе становились затруднительными; 2) развитіе связей и сношеній между людьми, пространственно отдаленными одни отъ другихъ. Записи жрецовъ, надгробныя надписи, указы феодаловъ, письма и кредитные документы торговцевъ—наиболѣе типичные памятники самой ранней письменности.

— *Откуда произошла письменность?*

— Изъ живописи, черезъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ. Рисунки служили естественнымъ способомъ повѣствованія и описанія фактовъ; чтобы дать понятіе объ извѣстномъ рядѣ событій, достаточно было ихъ нарисовать. При этомъ являлось само собой стремленіе упрощать фигуры, чтобы больше выражать съ меньшей затратой труда; напр., человѣка, домъ, дерево изображали нѣсколькими черточками общихъ контуровъ, на подобіе того какъ рисуютъ дѣти. Затѣмъ подобная фигурка превращалась въ обозначеніе не столько самаго предмета, сколько звуковъ его названія; если слово имѣло не одинъ смыслъ, а нѣсколько, то всѣ ихъ выражали однимъ и тѣмъ же контуромъ, какъ если бы у насъ, положимъ, косу—орудіе, косу—женскій головной уборъ и косу—разновидность мыса обозначали бы очертаніемъ косы-орудія. Это уже можно назвать началомъ «гіероглифовъ».

Дальше, іероглифы пріобрѣтали характеръ нашихъ ребусовъ. Они примѣнялись вродѣ того, какъ если бы мы, желая написать «чертежъ», сдѣлали это посредствомъ двухъ фигуръ, одна—«чертъ» и другая—«ежъ». При этомъ всего удобнѣе оказывались іероглифы односложныхъ словъ, которые и примѣнялись, какъ знаки простыхъ слоговъ. На такомъ, приблизительно, уровнѣ осталась древняя письменность Китая.

Затѣмъ іероглифы стали обозначать отдѣльные звуки, и превратились въ настоящія «буквы». Ихъ очертанія до такой степени упростились и измѣнились, что въ нихъ нельзя уже было и узнать первоначальныхъ рисунковъ.

— *Насколько широко при феодализмѣ была распространена письменность?*

— Употребленіе письменныхъ знаковъ являлось, обычно, привилегіей жрецовъ. Кромѣ нихъ, писать и читать учились не-

многіе высшіе феодалы; другіе научались только подписывать свое имя на актахъ, большинство не шло и до этого. Для народной массы письменность представляла недоступную тайну, проникнуть въ которую удавалось развѣ лишь немногимъ, предпріимчивымъ торговцамъ. Функція письменности—мирно-организаціонная; ее и держали въ своихъ рукахъ, почти всецѣло, мирные организаторы—жрецы.

d) Развитіе обычая.

— *Какія основныя измѣненія выступили въ области общественныхъ нормъ за періодъ феодализма?*

— Изъ обычая выдѣлилось обычное право, а затѣмъ право—законъ, чаще всего называемое «писаннымъ правомъ».

— *Чѣмъ обычное право отличается отъ простого обычая?*

— Обычное право характеризуется тѣмъ, что оно имѣетъ особые, спеціальные органы для его соблюденія и выполненія, напр., судъ, общинный, сеньеріальный, жреческій. Обычай же отдѣльнаго органа не имѣетъ, его носителемъ и исполнителемъ является община, племя, общество въ цѣломъ. Если же патріархъ и былъ въ свое время по преимуществу хранителемъ и истолкователемъ обычая, то именно какъ организаторъ всей жизни и дѣятельности родовой группы, а не въ качествѣ, напр., спеціально, «судьи».

— *По какимъ причинамъ обычное право выдѣлилось изъ обычая?*

— При родовомъ бытѣ нарушеніе обычая было случаемъ совершенно исключительнымъ, и создавать для него особые органы вовсе не требовалось. Феодальное общество не обладало сплоченностью и простотой отношеній патріархальной общины; противорѣчія интересовъ и внутреннія столкновенія тамъ несравненно чаще, и нарушенія нормъ обычая весьма многочисленны. Съ ними приходилось бороться постоянно, систематически; оттого и понадобились спеціальныя учрежденія—судебная власть, которая судила «по обычаю». Эта власть частью принадлежала общинѣ, которая поручала ее своимъ выборнымъ, частью—феодаламъ свѣтскимъ и духовнымъ, которые могли передавать ее своимъ довѣреннымъ лицамъ, иногда же судили сами или совмѣстно съ этими назначенными судьями.

— *Какія условія породили право формальное или писанное?*

— Право обычное часто оказывалось недостаточнымъ, потому что, во-1), ходъ жизни приносилъ и новыя столкновенія, противорѣчія, преступленія, вовсе не предусмотрѣнныя старыми обычаями; во-2), иногда, и притомъ все чаще, возникали споры и тяжбы между людьми изъ мѣстностей, гдѣ обычаи были неодинаковые, такъ что прежнія нормы оказывались во взаимномъ противорѣчіи, рѣшеніе становилось невозможнымъ

безъ вмѣшательства новой нормы, которая должна была спеціально вырабатываться.

Такія нормы издавались высшими феодалами или корпораціями феодаловъ, жрецовъ, и назывались «законами». За ними не было вѣковой традиціи, такъ что онѣ легко могли бы искажаться или забываться, если бы старательно не записывались, и при посредствѣ записей не сохранялись въ точности. Отсюда терминъ—«право писанное».

— *Уступилъ ли древній обычай мѣсто всецѣло праву обычному и формальному, или продолжалъ также сохраняться и въ своемъ прежнемъ видѣ?*

— Значительная доля нормъ обычая не перешла въ вѣдѣніе правовыхъ органовъ, а осталась внѣ ихъ, въ общественномъ сознаніи разныхъ сословій. Приводить судебный аппаратъ въ дѣйствіе по поводу каждаго, хотя бы мелкаго, проступка противъ старыхъ нормъ было невозможно: понадобилась бы чрезмѣрная затрата времени и энергіи; судъ выступалъ на сцену лишь тогда, когда ощутительно затрагивались интересы общества или власти. Въ остальныхъ случаяхъ правовые органы не вмѣшивались; но коллективъ не могъ остаться равнодушнымъ къ нарушенію его организаціонныхъ нормъ; онъ воздѣйствовалъ не матеріальной силой, потому что это было функціей правовыхъ органовъ, а своимъ порицаніемъ. Напр., ложь, трусость, неопрятность противорѣчили старымъ обычаямъ, какъ явленія, ослабляющія связь коллектива; но пока они не наносили очевиднаго для всѣхъ реальнаго ущерба чьимъ-либо интересамъ, судить за нихъ формально не приходилось. Но общественное мнѣніе клеймило подобные факты, какъ «грѣхъ», «порокъ», «безчестіе», «неприличіе»; это было смягченное, но широко-массовое воздѣйствіе на уклоняющуюся отъ нормъ личность, иногда по своимъ результатамъ болѣе сильное, чѣмъ правовое.

Не-правовыя нормы обычая, такимъ образомъ, приняли видъ нормъ «добродѣтели», «чести», «приличія», т.-е., пріобрѣли тотъ характеръ, который мы выражаемъ словомъ «нравственность».

— *Были ли нормы права и обычая—нравственности одинаковы для всѣхъ сословій феодальнаго общества?*

— Нѣтъ. Эти нормы—организующія приспособленія; а такъ какъ въ феодальномъ мірѣ организаціонная роль сословій была различная, то понятно, что и нормы для нихъ складывались разныя. «Права» каждаго сословія отличались отъ «правъ» другого; равнымъ образомъ несходны были ихъ «добродѣтели», ихъ «честь», ихъ «приличія».

То, что являлось страшнымъ преступленіемъ для одного сословія, разсматривалось, какъ нѣчто дозволенное, или какъ едва наказуемый пустякъ для другого. Напр., если феодалъ убивалъ крестьянина, онъ въ худшемъ случаѣ платился за это штрафомъ; если крестьянинъ убивалъ феодала, хотя бы защищая

свою жизнь, его неизмѣнно ожидала жестокая казнь. Для феодала или солдата поединокъ былъ дѣломъ «чести»; для жреца—великимъ «грѣхомъ», для крестьянина—преступленіемъ. «Добродѣтели», которыя прежде всего требовались отъ духовнаго лица въ феодальной Европѣ, были смиреніе и кротость. Ихъ организаціонный смыслъ очевиденъ: онѣ обезпечиваютъ, съ одной стороны, дисциплину внутри духовной іерархіи, съ другой—легкость сближенія и общенія духовенства съ руководимой паствой. Нечего и говорить, что на дѣлѣ эти добродѣтели были чаще всего лишь внѣшней формой; но она сохранялась вѣка, и дошла до нашихъ временъ. Для феодала «добродѣтелью» или «честью» являлись родовая гордость—условіе достойнаго поддержанія наслѣдственной власти, храбрость и свирѣпость—условія успѣха въ военно-организаторской функціи. Добродѣтели крестьянина—покорность и терпѣніе—понятны сами собой.

— *Какъ относилась религія ко всѣмъ этимъ кастовымъ нормамъ права и обычая?*

— Какъ всеобщая организаціонная форма самого феодальнаго строя, она всѣ ихъ освящала.

h) Общая характеристика феодальныхъ идеологій.

— *Въ чемъ феодальныя идеологіи сходны съ патріархальными?*

— Онѣ также авторитарныя и религіозныя, по своей тенденціи—консервативныя,—черты, обусловленныя авторитарнымъ строеніемъ общества.

— *Въ чемъ феодальныя идеологіи отличаются отъ патріархальныхъ?*

— Во-1), несравненно бо́льшая широта и богатство содержанія, какъ результатъ расширенія рамокъ самого общества. Быть можетъ, самымъ яркимъ выраженіемъ этого богатства являются великіе народные эпосы, которые складывались при феодализмѣ: индусская Магабгарата, германская Эдда, финская Калевала, греческія поэмы Гомера, все гигантскія сокровищницы народнаго опыта.

Во-2), на той же основѣ—роста соціальной организаціи, роста общенія людей,—гораздо большая фактическая гибкость идеологій. Онѣ развиваются во много разъ быстрѣе, и самыя формы ихъ разнообразнѣе.

Въ-3), религіозная оболочка не охватываетъ мышленія полностью. На почвѣ обмѣна опытомъ между людьми, имѣющими традиціи разнаго содержанія, возникаетъ «свѣтское», «мірское» знаніе, искусство. Преобладаніе, тѣмъ не менѣе, остается, весьма значительное, за религіознымъ знаніемъ и искусствомъ.—Усложненіе жизни, ея растущія противорѣчія намѣчаютъ пе-

реходные типы и въ области нормъ: обычай—право, обычай—нравственность.

Въ-4), сословный строй порождаетъ и сословныя идеологіи: священное знаніе—привилегія жречества, спеціальныя права и нравственность жрецовъ, сеньеровъ, простого народа. Но эти сословныя идеологіи не находятся въ борьбѣ между собою, какъ впослѣдствіи классовыя, а мирно сожительствуютъ, признавая другъ друга, взаимно дополняя другъ друга въ качествѣ различныхъ органическихъ опоръ единаго феодальнаго строя. Для крестьянина привилегіи жрецовъ, сеньеровъ, ихъ иныя понятія о правахъ, чести, добродѣтели представляются фактомъ нормальнымъ и непреложнымъ; мысль о борьбѣ противъ кастовыхъ перегородокъ ему чужда.

Когда же сословныя идеологіи вступаютъ въ борьбу, это означаетъ, что феодальное общество переходитъ въ новое, чуждое его единства и цѣльности, въ общество чисто классовое, капиталистическое.

ПЕРІОДЪ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИХЪ ИДЕОЛОГІЙ.

I. Идеально-индивидуалистическое общество.

— *Въ чемъ главная трудность изслѣдованія индивидуалистическихъ идеологій?*

— Въ томъ, что онѣ исторически никогда не являлись хотя бы въ приблизительно чистомъ видѣ, а всегда со значительной примѣсью иныхъ, переплетенныхъ съ ними самымъ тѣснымъ образомъ, въ живой, органической связи.

— *Какимъ способомъ всего проще и легче преодолѣть эту трудность?*

— Путемъ самаго широкаго примѣненія абстрактнаго метода. Надо выдѣлить основныя тенденціи, которыя порождаютъ индивидуализмъ въ самой жизни, въ трудовой практикѣ, и на нихъ построить картину идеальнаго индивидуалистическаго общества, котораго, разумѣется, нѣтъ и не было въ дѣйствительности, но которое дастъ намъ упрощенную схему, удобнѣйшій исходный пунктъ для изслѣдованія. Затѣмъ, въ соотвѣтствіи съ техникой и экономическимъ строеніемъ этого мыслимаго общества, можно выяснить необходимыя, основныя черты его идеологіи, какъ системы организующихъ его приспособленій. Потомъ отъ идеально-упрощенной картины надо будетъ перейти къ исторически-наблюдаемымъ общественнымъ системамъ, во всемъ ихъ смѣшеніи формъ, и прослѣживать, какъ въ самой практикѣ и въ идеологіи соединяются тенденціи индивидуалистическія съ иными, напр., съ изученными раньше—авторитарными.

— *Имѣются ли уже въ наукѣ примѣры такого способа изученія общественныхъ явленій?*

— Да, онъ съ успѣхомъ примѣняется въ политической экономіи. Въ виду крайней сложности экономическихъ процессовъ капитализма, его абстрактное изслѣдованіе начинаютъ именно съ построенія схемы идеально-упрощеннаго мѣнового общества, а затѣмъ отъ нея, вводя одно за другимъ усложняющія условія, переходятъ къ реальнымъ капиталистическимъ системамъ, какъ онѣ развивались въ жизни.

а) Техника и экономика идеально-индивидуалистическаго общества.

— *Какъ слѣдуетъ представлять идеально-индивидуалистическое общество?*

— Какъ общество независимыхъ мелкихъ товаропроизводителей. Это—именно то «абстрактное мѣновое общество», которымъ пользуются, какъ исходной точкой экономическаго анализа капитализма и родственныхъ ему организацій.

— *Какъ характеризовать технику такого общества?*

— Во-1), множественностью обособленныхъ техническихъ методовъ; во-2), мелкими размѣрами производства въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ.

Производство распадается на рядъ спеціализированныхъ отраслей, съ особыми орудіями и пріемами. Каждая отрасль состоитъ изъ индивидуальныхъ предпріятій, гдѣ единичный работникъ, одновременно организаторъ и исполнитель, ведетъ своими силами весь техническій процессъ, очевидно, въ размѣрахъ соотвѣтственно мелкихъ, какъ ремесленникъ или крестьянинъ-земледѣлецъ.

— *Чѣмъ характеризуется экономика такого общества?*

— Неорганизованнымъ сотрудничествомъ, обмѣномъ товаровъ, частной собственностью.

Спеціализированныя предпріятія не способны существовать иначе, какъ работая одни на другія: сапожникъ, кузнецъ не могутъ питаться своими продуктами, крестьянинъ самъ дѣлать свои орудія, и т. п. Слѣдовательно, они находятся въ сотрудничествѣ, которое называется «общественнымъ раздѣленіемъ труда». Но въ своей внутренней жизни каждое предпріятіе организовано независимо отъ другихъ, они не объединены какой-либо планомѣрно руководящею волей, индивидуальною, какъ воля патріарха въ древней общинѣ, или коллективною. Такимъ образомъ, въ своемъ цѣломъ сотрудничество является неорганизованнымъ или «анархическимъ».

Связь между предпріятіями реализуется при посредствѣ обмѣна ихъ продуктовъ. Рынокъ товаровъ замѣняетъ объединяющую организацію въ экономикѣ общества.

Индивидуальное веденіе предпріятій и обмѣнъ между ними предполагаютъ частную собственность производителя на орудія и продукты его труда.

— *Консервативная или прогрессивная тенденція господствуетъ въ техникѣ и экономикѣ мѣнового общества?*

— Мы видѣли, какимъ образомъ консервативная тенденція вытекаетъ изъ условій авторитарнаго сотрудничества. Здѣсь этихъ условій нѣтъ. Здѣсь, напротивъ, существуетъ рыночная борьба и конкурренція, какъ результатъ неорганизованности сотрудничества. Въ этой борьбѣ

побѣждаютъ и экономически выживаютъ тѣ производители, которые производятъ продукты болѣе совершенными способами, и которые лучше другихъ умѣютъ устроить свои экономическія связи. Значитъ, имѣется прямой жизненный интересъ для производителей въ развитіи техники ихъ труда и въ расширеніи ихъ экономическихъ отношеній: тенденція прогрессивная.

— *Какъ вліяетъ неорганизованность производства въ цѣломъ на судьбу производителя?*

— Онъ попадаетъ подъ власть экономической необходимости, которая есть не что иное, какъ господство надъ людьми общественно-трудовыхъ отношеній.

Производитель экономически-вынужденъ нести свой продуктъ на рынокъ, потому что при спеціализаціи производства онъ не можетъ жить прямо этимъ продуктомъ. На рынкѣ онъ экономически вынужденъ подчиняться тѣмъ цѣнамъ, которыя тамъ находитъ, которыя не имъ установлены, и на которыя онъ лично не въ силахъ замѣтно повліять. Если цѣны окажутся неблагопріятны для него, онъ не выручитъ за свой товаръ столько, чтобы пріобрѣсти достаточныя средства для жизни и для дальнѣйшаго веденія своего предпріятія; тогда наступаетъ разореніе, экономическая гибель. Вполнѣ гарантировать себя противъ такой возможности нѣтъ никакихъ способовъ: несмотря на величайшія усилія, на большое искусство въ своемъ дѣлѣ, онъ не продастъ за достаточную цѣну, или вовсе не продастъ своего товара, если другіе производители той же отрасли доставили на рынокъ его чрезмѣрное количество, такъ что предложеніе сильно превысило спросъ общества на товаръ. Производитель разорится и тогда, когда нужныхъ ему средствъ труда не хватаетъ на рынкѣ, такъ что ему не удастся ихъ купить, или придется заплатить непосильно-высокую цѣну. Планомѣрной общей организаціи производства нѣтъ, и потому предложеніе всегда можетъ расходиться со спросомъ, къ неожиданной выгодѣ для однихъ, къ ущербу для другихъ, при чемъ ни тѣ, ни другіе не способны, какъ вызвать подобную конъюнктуру, такъ и избѣгнуть ея.

Спеціализація расширяетъ и совершенствуетъ производство; благодаря этому человѣкъ выходитъ изъ-подъ власти природы, тяготѣвшей надъ нимъ въ раннія эпохи, съ ихъ организованнымъ, но узкимъ и консервативнымъ хозяйствомъ. Зато неорганизованность мѣновой системы ставитъ человѣка подъ власть общественныхъ отношеній, въ образѣ не зависящихъ отъ него условій рынка.

b) Формы рѣчи.

— *Какія черты языка вытекаютъ изъ основныхъ условій мѣновой организаціи общества?*

— Богатство и гибкость, соотвѣтственно широтѣ и сложности системы сотрудничества; спеціализація языка, въ зависимости отъ спеціализаціи труда.

Мѣновое общество можетъ неограниченно расширяться разрастаться, въ противоположность авторитарному, для котораго предѣломъ служитъ ограниченность индивидуальной природы организатора: мѣновое общество такого организатора для системы производства не имѣетъ, а мѣновыя связи способны развертываться цѣпью безъ конца. При этомъ растущее многообразіе условій труда, его средствъ, его пріемовъ, его продуктовъ, неизбѣжно должно выразиться въ растущемъ богатствѣ ихъ обозначеній, т.-е. словъ-понятій.

Отношенія между предпріятіями мѣнового общества не только сложны, соотвѣтственно ихъ разнообразію и безчисленнымъ актамъ необходимаго общенія между ними на основѣ обмѣна, но кромѣ того имѣютъ измѣнчивый и колеблющійся характеръ: разныя стадіи торга—борьбы между покупателемъ и продавцомъ, разныя степени конкурренціи между наличными продавцами или покупателями, измѣняющіеся уровни спроса, предложенія, цѣнъ... Чтобы успѣшно выражать такія сложныя, постоянно варіирующія соотношенія, требуется языкъ въ высшей степени гибкій, «пластичный», допускающій точную передачу новыхъ и новыхъ оттѣнковъ.

Въ общественной спеціализаціи, каждая обособленная отрасль неизбѣжно вырабатываетъ рядъ словъ и выраженій, которыя имѣютъ значеніе почти исключительно въ ней и для нея: многіе термины сапожнаго дѣла, касающіеся подробностей его техники, лишены всякаго интереса для кузнеца или крестьянина, и не интересуютъ ихъ, не запоминаются ими; такъ же и въ любой спеціальности. Въ общій, для всѣхъ понятный языкъ входятъ, обычно, лишь тѣ термины сапожнаго, кузнечнаго дѣла, и т. д., которые относятся къ готовому продукту, выносимому на рынокъ, и къ его примѣненію или потребленію: кто покупаетъ сапоги и носитъ ихъ, тотъ въ собственныхъ интересахъ долженъ знать, что такое «подошва», «каблукъ», «подъемъ», но не всегда знаетъ, что такое «дратва», а слушая разговоръ сапожниковъ объ ихъ работѣ, очень многаго бы въ немъ, навѣрное, не понялъ.—Такимъ образомъ, рядомъ съ языкомъ, на которомъ говоритъ все общество, и посредствомъ котораго организуется его экономическая связь въ цѣломъ, развиваются, какъ отходящіе отъ него придатки, особыя области языка спеціальнаго, число которыхъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше отраслей въ общественномъ раздѣленіи труда.

— *Годятся ли языки изученныхъ нами періодовъ культуры для общества идеально-мѣнового?*

— Языки феодальной эпохи, хотя и не вполнѣ соотвѣтствуютъ его потребностямъ, весьма близко подходятъ къ нимъ, и по богатству, и по гибкости формъ, а также заключаютъ въ себѣ

и начало спеціализаціи. Это зависитъ, съ одной стороны, отъ широты и сложности феодальныхъ организацій, съ другой стороны—отъ того, что общественное раздѣленіе труда въ нихъ уже есть, хотя и въ ограниченной степени, что обмѣнъ тамъ—явленіе постоянное и важное въ экономической жизни, хотя еще и не преобладающее.

с) Мышленіе вообще.

— *Какія черты мышленія вытекаютъ изъ уже разсмотрѣнныхъ нами условій мѣновой организаціи общества?*

— Во-1), богатство, пластичность или гибкость, а также частичная спеціализація—по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и для рѣчи, потому что всѣ ея черты необходимо свойственны и мышленію, которое есть внутренняя рѣчь.

Во-2), прогрессивная тенденція, т.-е., стремленіе къ совершенствованію формъ,—потому что оно, какъ мы знаемъ, имѣется въ технической и экономической жизни мѣнового общества, въ тѣхъ областяхъ, которыя даютъ основное содержаніе мышленія.

— *Какія еще основныя черты мышленія порождаются строеніемъ мѣнового общества?*

— Отвлеченный фетишизмъ въ разныхъ его видахъ, которые мы изучимъ одинъ за другимъ. Основа же ихъ общая, именно вотъ какая.

Мѣновая организація есть общество, т.-е. прежде всего, система сотрудничества. Но сотрудничество это, какъ мы знаемъ, неорганизованное, и благодаря этому оно отнюдь не обладаетъ очевидностью. Каждое предпріятіе внѣшнимъ образомъ независимо отъ другихъ, работаетъ отдѣльно отъ нихъ, и только на рынкѣ вступаетъ въ прямую связь съ ними. Но тамъ эта связь принимаетъ очень своеобразную форму: форму борьбы. Покупатель и продавецъ, въ дѣйствительности, сотрудники: если они, произведя товары, обмѣниваются ими, то оба работали, объективно, другъ на друга, или вѣрнѣе—на общество. Два производителя конкуррента тоже—сотрудники, потому что трудъ ихъ одинаково создаетъ продуктъ для рынка, т.-е. для общества. Тѣмъ не менѣе, интересы покупателя и продавца на рынкѣ сталкиваются, равно какъ интересы конкуррентовъ. Продавецъ стремится дать своего товару какъ можно меньше за цѣну возможно большую; покупатель стремится получить его товаръ по наименьшей цѣнѣ; отсюда—борьба, въ видѣ «торга». Конкуррентъ старается отбить покупателя у всѣхъ другихъ конкуррентовъ; отсюда—борьба рыночнаго соперничества, еще болѣе ожесточенная. Гдѣ же товаропроизводитель увидитъ сотрудничество? Онъ не можетъ его видѣть: сотрудничество скрыто подъ внѣшней самостоятельностью предпріятій, замаскиро-

вано борьбой. И товаропроизводитель не мыслитъ ни общества, какъ трудового коллектива, ни себя и другихъ членовъ его, какъ сотрудниковъ. Онъ мыслитъ общество, какъ совокупность отдѣльныхъ личностей, противостоящихъ другъ другу, съ особыми для каждой, сталкивающимися въ жизненной борьбѣ, интересами.

Законъ приспособленія требуетъ, чтобы онъ мыслилъ именно такъ, а не иначе. Вѣдь, если бы онъ представлялъ себѣ человѣка, съ которымъ торгуется на рынкѣ, или конкуррента, какъ сотрудника въ общемъ дѣлѣ, то не былъ бы способенъ отстоять противъ него свои интересы, и обрекался бы тѣмъ самымъ на экономическую гибель.

Этотъ, извращенный съ нашей точки зрѣнія, но необходимый въ мѣновомъ обществѣ способъ мышленія, мы будемъ называть отвлеченнымъ фетишизмомъ. «Отвлеченный» онъ потому, что отъ сознанія людей «отвлекаетъ» самое основное и главное въ ихъ жизни—общественно-трудовую связь.

Отвлеченный фетишизмъ проходитъ по всей линіи общественнаго сознанія въ мѣновой организаціи, проникаетъ насквозь всѣ ея идеологіи.

d) Отвлеченная причинность—«необходимость».

— *Въ какой области жизни, какимъ путемъ возникаетъ первоначально идея отвлеченной необходимости, и въ чемъ ея сущность?*

— Въ экономической жизни, на основѣ отношеній рынка; первообразомъ отвлеченной причинности является экономическая необходимость, которая, какъ мы знаемъ, есть не что иное, какъ власть общественныхъ отношеній надъ людьми.

Производитель по опыту знаетъ, что онъ необходимо долженъ нести свой товаръ на рынокъ, и необходимо подчиниться тѣмъ цѣнамъ, которыя тамъ найдетъ. Онъ знаетъ, что тамъ его дѣйствія связаны съ дѣйствіями другихъ людей, но какой связью? Покупатель предложилъ ему извѣстную цѣну; онъ отдалъ за нее товаръ. Актъ одного человѣка вызвалъ соотвѣтственный актъ другого; это—причинная связь; однако, это не просто приказаніе—исполненіе, какъ въ авторитарномъ сотрудничествѣ.

Патріархъ общины говорилъ одному изъ ея членовъ: «дай мнѣ сдѣланное тобою платье», и тотъ отдавалъ, при чемъ понималъ, что не можетъ поступить иначе. Покупатель говоритъ продавцу тоже, какъ-будто, въ повелительномъ наклоненіи: «дай мнѣ сдѣланное тобою платье за полъ-фунта серебра»; продавецъ исполняетъ, и опять-таки сознаетъ, что при данной рыночной конъюнктурѣ не можетъ поступить иначе: такова на

рынкѣ цѣна, и если онъ ее не возьметъ, то не найдетъ покупателя, а продать товаръ необходимо. Но если предложеніе покупателя—причина, а уступка товара—слѣдствіе, то все-таки товаропроизводитель сознаетъ, что воля покупателя для него—не власть, не авторитетъ, и покоряется онъ, продавецъ, вовсе не этой волѣ. Покупатель не можетъ получить товаръ, предложивъ меньше данной цѣны, потому что такова конъюнктура рынка. Никакими усиліями не измѣнить ея ни тому, ни другому; и они оба подчиняются ей одинаково. Если бы конъюнктура была иная, иной была бы и «причина» и «слѣдствіе». Это—*необходимость*, которая вызываетъ и причину, и за нею слѣдствіе, которая ихъ связываетъ и господствуетъ надъ ними, но лежитъ не въ причинѣ и не въ слѣдствіи.

Что же она такое? Въ дѣйствительности, она—*общественно-трудовая связь людей*. Для жизни общества необходимо, чтобы такое-то количество труда, заключенное въ одномъ продуктѣ, обмѣнивалось на такое-то количество труда, заключенное въ другомъ продуктѣ; это необходимо, потому что этимъ способомъ удовлетворяются потребности производства, безъ чего оно не могло бы продолжаться. Цѣна понижается, если даннаго продукта на рынокъ доставлено больше, чѣмъ требуется обществу, повышается, если его недостаточно, потому что необходимо въ первомъ случаѣ сокращеніе, во второмъ—расширеніе производства этого продукта, для чего и служатъ цѣны невыгодныя и цѣны исключительно выгодныя. Словомъ, это необходимость общественной организаціи производства. Но такъ ли понимаютъ ее сами подчиненные ей товаропроизводители?

Отнюдь нѣтъ. Намъ извѣстно, что для ихъ сознанія общественно-трудовая связь недоступна, скрытая за борьбою интересовъ. Значитъ, что же такое для нихъ экономическая необходимость, которая на дѣлѣ какъ нельзя болѣе несомнѣнна, потому что сурово даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу ихъ экономической жизни? Она—просто «необходимость», и только, и ничего больше. Въ ней нѣтъ никакого иного содержанія, ничего, кромѣ того, что она—необходимость, противъ которой ничего нельзя подѣлать, закономѣрность невидимая, которую невозможно представить въ живомъ образѣ,—и тѣмъ не менѣе непреодолимая.

Она—*отвлеченное* понятіе; потому мы и называемъ ее «отвлеченной причинностью».

— *При такомъ пониманіи причинной связи, мыслится ли причина, какъ нѣчто большее, высшее, чѣмъ слѣдствіе?*

— Нѣтъ, для этого никакихъ основаній не имѣется,—еще одно различіе съ древней, авторитарной причинностью. И предложеніе со стороны покупателя, и уступка ему товара продавцомъ одинаково вызваны необходимостью, одинаково подчинены ей, и въ этомъ смыслѣ равны передъ нею.

— *Какъ развертывается цѣпь причинъ-слѣдствій подъ экономической необходимостью рынка?*

— Она воплощается въ процессахъ обмѣна товаровъ, а значитъ и развертывается, какъ цѣпь этихъ процессовъ. Иванъ предложилъ Петру полъ-фунта серебра за одежду—причина; Петръ уступилъ ему одежду—слѣдствіе. Но затѣмъ Петръ самъ становится покупателемъ, и предлагаетъ полъ-фунта серебра другимъ продавцамъ за извѣстное количество тканей, нитокъ, иглъ, жизненныхъ средствъ, чтобы дальше жить и производить платье; тѣ на вырученное серебро покупаютъ то, что нужно имъ для жизни и работы, и т. д. Если покупка—причина продажи, то продажа эта становится затѣмъ причиною новой покупки, та—новой продажи, та—опять покупки, и акты товарообмѣна идутъ причинной цѣпью безъ конца.

Въ этомъ—еще различіе съ авторитарной причинной связью, въ которой рядъ звеньевъ непремѣнно обрывается на какой-либо «первопричинѣ», какъ само авторитарное сотрудничество всегда имѣетъ начальное звено въ видѣ какого-либо верховнаго организатора.

— *Остается ли отвлеченная причинность только въ сферѣ мышленія объ экономическихъ отношеніяхъ рынка, или идетъ дальше?*

— Какъ въ свое время авторитарная причинность, и эта, сложившись въ экономической области, распространяется затѣмъ на все мышленіе. Постоянная связь явленій всякаго рода въ жизни и во внѣшнемъ мірѣ понимается по образцу, внушенному экономической необходимостью: явленіе *A* необходимо влечетъ за собою явленіе *B*; необходимо—и только; между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего, кромѣ голой идеи о принудительности, неизбѣжности перехода отъ *A* къ *B*.

Для иллюстраціи, сравнимъ причинный рядъ фактовъ въ авторитарномъ и въ «отвлеченномъ» его пониманіи.

Пусть вѣтеръ съ моря принесъ дождевыя тучи, дождь увлажнилъ и смягчилъ сухую, растрескавшуюся почву, поля и луга зазеленѣли. Для народнаго сознанія патріархальной или ранней феодальной эпохи дѣло представлялось, примѣрно, въ слѣдующемъ видѣ. Спеціальное божество повелѣло вѣтру дуть съ моря; вѣтеръ распорядился, чтобы туча съ дождемъ пришла въ данную мѣстность; дождь приказалъ почвѣ стать мягкой и влажной; это измѣненіе почвы вызвало травки изъ земли.—Въ сознаніи человѣка мѣновой организаціи та же цѣпь событій принимаетъ иную форму, приблизительно, такую:

По какой-то, еще невыясненной, но необходимой причинѣ возникъ вѣтеръ съ моря. Движеніе вѣтра необходимымъ образомъ повлекло перемѣщеніе дождевой тучи, состояніе которой въ извѣстный моментъ необходимо обусловило дождь. Дождь имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ измѣненія въ почвѣ, они же, въ свою очередь,—развитіе зелени на поляхъ и лу-

гахъ. Вѣтеръ, дождь, почва, трава равно бездушны, и никакой «властью» одни надъ другими не обладаютъ. Всѣ событія ряда вызваны одной и той же непреложной необходимостью, которая для вселенной есть то же, что конъюнктура для рынка. Эта необходимость вызвала одинъ фактъ, какъ причину, и она же вызвала за нимъ другой, какъ его слѣдствіе, а затѣмъ третій, какъ слѣдствіе того слѣдствія, и т. д., безъ конца. Но и первый фактъ имѣетъ за собой предшествующую ему причину—порожденіе той же необходимости; эта, еще невыясненная причина—другую, та—третью; и рядъ въ прошлое продолжается опять безпредѣльно.

— *Представляетъ ли отвлеченная причинность способъ мышленія болѣе совершенный и прогрессивный, чѣмъ авторитарная?*

— Да. Во-1), тутъ пониманіе закономѣрности глубже,—произволу нѣтъ мѣста: если необходимость вызвала опредѣленную причину, то она вызоветъ за нею непреложно и соотвѣтствующее слѣдствіе; зная ихъ связь, можно предвидѣть безошибочно, потому что необходимость, безличная и отвлеченная, не знаетъ капризовъ, не принесетъ неожиданностей. Въ авторитарной же причинности всегда остается и элементъ произвола, по крайней мѣрѣ, въ первой причинѣ ряда, которой предвидѣть нельзя, потому что это—какая-нибудь высшая воля.

Во-2), развертываясь безконечно, отвлеченная причинность побуждаетъ сознаніе искать причинъ дальше и дальше, не останавливаясь на какой-либо изъ нихъ, не удовлетворяясь достигнутымъ объясненіемъ. Авторитарная же останавливается и удовлетворяется, дойдя до какой-нибудь высшей, и потому неисповѣдимой воли: покорный исполнитель, вѣдь, не можетъ предвидѣть воли организатора.

— *Какимъ путемъ долженъ былъ совершаться переходъ отъ причинности авторитарной къ отвлеченной?*

— Переходъ отъ организаціи авторитарной, напр., феодализма, къ мѣновой происходилъ благодаря прогрессу техники и росту спеціализаціи. То и другое соединялось какъ съ расширеніемъ знанія, такъ и съ возрастаніемъ его точности. Причинныя цѣпи удлинялись, пріобрѣтали больше опредѣленности, элементъ произвола въ нихъ слабѣлъ и отодвигался въ даль; то, что приписывалось раньше прямо волѣ какого-нибудь «духа» или божества, находило въ накоплявшемся опытѣ естественныя причины; то, что считалось одушевленнымъ, оказывалось бездушнымъ. Идея «власти» причинъ надъ слѣдствіями стушевывалась и блѣднѣла: чѣмъ одно безжизненное явленіе выше другого такого же? Оставалась и усиливалась п р и н у д и т е л ь н о с т ь связи между ними; но эта принудительность все меньше приписывалась самимъ причинамъ, которыя опускались къ одному уровню со слѣдствіями; она все больше, поэтому, от-

дѣлялась отъ самыхъ звеньевъ причинной связи, и уходила куда-то за нихъ, какъ тяготѣющая надъ всѣми ими одинаково. Такъ она принимала мало-по-малу характеръ отвлеченной необходимости.

Но облечься вполнѣ въ эту форму она могла только тогда, когда сознаніе людей было воспитано въ достаточной мѣрѣ экономической необходимостью рынка, и люди въ самой жизни привыкли ощущать принудительность, не связанную ни съ какимъ живымъ, конкретнымъ властелиномъ. Пока старая привычка мысли—соединять всякую принудительность съ человѣческой или человѣкоподобной властью—еще сохранялась, и сама необходимость представлялась въ образѣ особаго божества. Такова была у грековъ «Ана́нкэ», властвующая даже надъ богами, суровая, непреклонная богиня, но уже съ неясными чертами, не похожая на свѣтлыхъ, одаренныхъ плотью и кровью боговъ Олимпа, и живущая гдѣ-то далеко, не вмѣстѣ съ ними. Имя же Ананкэ означаетъ прямо—принужденіе, необходимость.

е) Товарный фетишизмъ.

— *Что такое «товарный фетишизмъ»?*

— Это—своеобразное извращеніе экономической дѣйствительности въ сознаніи мѣнового общества. Товарамъ, продуктамъ человѣческаго труда, приписываются отношенія, которыя на дѣлѣ суть отношенія самихъ людей. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Принужденный постоянно подчиняться колебаніямъ товарныхъ цѣнъ, товаропроизводитель, конечно, наблюдаетъ ихъ съ усиленнымъ вниманіемъ. При этомъ для него выясняется, что въ цѣнахъ, несмотря на колебанія, есть устойчивая закономѣрность: для каждаго товара онѣ тяготѣютъ къ опредѣленному уровню, то поднимаясь выше его, то опускаясь ниже, но никогда надолго и очень сильно отъ него не удаляясь. Отсюда у него возникаетъ понятіе о «цѣнности» или «стоимости» товара; это—основа цѣнъ, уровень, къ которому онѣ тяготѣютъ, законъ, отъ котораго онѣ не могутъ чрезмѣрно отклоняться; каждый товаръ имѣетъ свою особенную «цѣнность», и сообразно ей обмѣнивается на большее или на меньшее количество другихъ товаровъ. Что же она такое?

Въ дѣйствительности, она выражаетъ о б щ е с т в е н н о е отношеніе, а именно—раздѣленіе труда между производителями. Обмѣнъ товаровъ есть распредѣленіе въ мѣновомъ обществѣ продуктовъ труда; оно, конечно, не можетъ быть случайнымъ, а должно совершаться, по закону приспособленія такъ, чтобы потребности общества удовлетворялись, чтобы производство могло продолжаться и развиваться. Экономическое изслѣдованіе показываетъ, что для этого товары должны обмѣниваться въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда, котораго

они сто́ятъ при данной техникѣ общества; «цѣнность» товара и опредѣляется суммой общественно-необходимаго труда, въ немъ заключеннаго. Обмѣнъ товаровъ есть обмѣнъ работы, раздѣленной между людьми-сотрудниками.

Но такъ ли понимаетъ дѣло самъ товаропроизводитель? Нѣтъ, потому что для этого ему надо было бы видѣть общественный характеръ своего труда, что, какъ мы уже знаемъ, для него невозможно: борьба интересовъ заслонила отъ него сотрудничество. Въ такомъ случаѣ, что же для него «цѣнность»?

Она для него—просто «цѣнность», и ничего больше: свойство товара обмѣниваться на другіе товары въ опредѣленной пропорціи. Онъ не можетъ отнести ее къ природѣ общества, которой не сознаетъ, и относитъ къ природѣ самого товара. Онъ полагаетъ, что алмазъ имѣетъ высокую стоимость именно въ силу своихъ алмазныхъ свойствъ, уголь—низкую въ силу своихъ угольныхъ качествъ. Она объясняетъ для него и самую возможность обмѣна товаровъ, и закономѣрность въ немъ.

Если платье обмѣнивается на полъ-фунта серебра, то въ сознаніи товаропроизводителя это представляется отношеніемъ между самими товарами, а не между людьми, которые ихъ произвели. Такъ переворачивается реальность жизни: о т н о ш е н і я л ю д е й п р и н и м а ю т с я з а о т н о ш е н і я в е щ е й.

Товарный фетишизмъ есть, въ то же время, и отвлеченный—одна изъ его разновидностей. «Цѣнность» приписывается природѣ самого товара именно потому, что лишена, въ сознаніи мѣнового общества, своего истиннаго содержанія, принадлежащаго природѣ соціальной.

— *Въ какомъ отношеніи находится фетишизмъ товарный къ натуральному, или къ «анимизму».*

— Между ними есть и родство, и своего рода противоположность. «Цѣнность» товара сравниваютъ съ «душой»; и дѣйствительно, роль «цѣнности» аналогична роли души,—она какъ-бы управляетъ передвиженіями товара въ процессахъ обмѣна, его рыночной жизнью. Но «души» вещей у анимиста—живые образы, а «цѣнность» товаровъ въ сознаніи товаропроизводителя—безжизненная отвлеченность. Анимизмъ предполагаетъ незнаніе человѣкомъ силъ и свойствъ предметовъ внѣшняго міра, т.-е., недостатокъ власти человѣка надъ природою, преобладаніе в л а с т и п р и р о д ы н а д ъ н и м ъ; товарный фетишизмъ основанъ на непониманіи человѣкомъ его трудовыхъ связей съ другими людьми, на в л а с т и н а д ъ н и м ъ о б щ е с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і й. Анимизмъ с в я з ь в е щ е й природы превращаетъ въ авторитарное сотрудничество, т.-е., в ъ п р о и з в о д с т в е н н о е о т н о ш е н і е; товарный фетишизмъ—раздѣленіе труда въ способность товаровъ взаимно обмѣниваться, т.-е., п р о и з в о д с т в е н н у ю с в я з ь в ъ о т н о ш е н і е м е ж д у в е щ а м и.

— *Слѣдуетъ ли считать товарный фетишизмъ простымъ заблужденіемъ?*

— Онъ, разумѣется, заблужденіе съ точки зрѣнія болѣе высокой, чѣмъ мышленіе мѣнового общества; но для этого именно общества это вовсе не такъ: тамъ товарный фетишизмъ есть наиболѣе простой, наиболѣе практически-удобный, наименѣе противорѣчивый способъ пониманія фактовъ. Хотя мы знаемъ, что мѣновая цѣнность скрываетъ подъ собою кристаллизованный общественный трудъ, но когда мы покупаемъ себѣ платье за десять рублей, намъ нѣтъ никакой пользы мыслить общественный трудъ, заключенный въ платьѣ и въ золотой монетѣ, сравнивать его количество и заботиться объ ихъ соотвѣтствіи. Напротивъ, это могло бы только затруднить и запутать наши расчеты, поставить насъ въ противорѣчіе съ нашими собственными интересами, даже если бы у насъ имѣлись способы для точнаго учета количества труда въ товарахъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ оказалась бы практически-безплодная затрата энергіи, потому что мыслить «цѣнность» въ отвлеченномъ, пустомъ видѣ много легче, чѣмъ мыслить это понятіе съ его сложнымъ общественно-трудовымъ содержаніемъ; а между тѣмъ перваго для нашей экономической цѣли—покупки товара за деньги—вполнѣ достаточно. Для мѣновой организаціи фетишизмъ есть приспособленіе цѣлесообразное, и потому д л я н е я онъ «объективенъ», онъ—не заблужденіе.

Но какъ только намъ потребуется выяснять законы р а з в и т і я мѣнового общества, такъ точка зрѣнія фетишизма уже недостаточна и ошибочна: она означаетъ п о д ч и н е н і е отношеніямъ этого общества; а понять ихъ развитіе, представить себѣ путь ихъ перехода въ новыя можетъ лишь тотъ, кто п р е о д о л ѣ л ъ ихъ, хотя бы мысленно. Тогда надо подняться надъ этимъ общественнымъ строемъ, сравнивать его съ другими формами организаціи; фетишизмъ разоблачится, и наше изслѣдованіе освободится отъ порождаемыхъ имъ ошибокъ.

f) И н д и в и д у а л ь н о е х о з я й с т в о и ч а с т н а я с о б с т в е н н о с т ь.

— *Существуетъ ли индивидуальное хозяйство въ точномъ смыслѣ этого слова?*

— Въ дѣйствительности, такого не существуетъ; даже хозяйство Робинзона, выброшеннаго на пустынный островъ, не вполнѣ индивидуальное, если ему удалось спасти какія-нибудь орудія, произведенныя трудомъ другихъ людей. Въ обществѣ же мѣновомъ каждый живетъ почти всецѣло продуктами чужой работы, получаемыми путемъ покупки-продажи; и потому слѣдуетъ считать, что хозяйство каждаго—въ высшей степени соціальнаго характера. Но борьба интересовъ, противополагающая хозяйства другъ другу, и основа этой борьбы—

отсутствіе общей ихъ планомѣрной организаціи—создаетъ иллюзію, будто каждое хозяйство живетъ индивидуально. Такая иллюзія неизбѣжна въ мышленіи товаропроизводителя, и притомъ законна для него: идея, что его хозяйство не личное, а частица общественнаго, ни въ чемъ не облегчила бы его задачъ, но усложнила бы ходъ его практическихъ размышленій, и отняла бы твердую опору въ необходимой экономической борьбѣ.

— *Какая еще важнѣйшая иллюзія вытекаетъ изъ понятія объ индивидуальномъ хозяйствѣ?*

— Фетишизмъ частной собственности. Индивидууму принадлежатъ въ собственность орудія его работы, ея продукты, товары, которые онъ пріобрѣлъ на рынкѣ; и человѣкъ думаетъ, что все это для него—нѣчто свое, безъ всякаго касательства къ другимъ людямъ, что его собственность на вещь есть отношеніе только между нимъ самимъ и этой вещью.

— *Развѣ это не такъ въ дѣйствительности? Развѣ собственность не есть отношеніе между человѣкомъ и вещью?*

— Нѣтъ, собственность—нѣчто иное. Легко убѣдиться, что она на дѣлѣ—не просто отношеніе человѣка къ вещи. Такое отношеніе можетъ быть лишь двоякаго рода: техническое или идейное. Техническое, когда мы пользуемся вещью, перемѣщаемъ ее, измѣняемъ, потребляемъ, разрушаемъ; идейное—когда мы ее познаемъ, изслѣдуемъ, говоримъ о ней. Факты жизни показываютъ, что собственность—не то и не другое. Человѣкъ, получившій наслѣдство, тѣмъ самымъ становится собственникомъ пѣлаго ряда вещей, къ которымъ онъ еще не имѣетъ никакого практическаго отношенія, которыхъ даже не видалъ, о которыхъ иногда и понятія не имѣетъ. Грудной младенецъ бываетъ нерѣдко собственникомъ, напр., мастерской, орудій, которыхъ не только примѣнять, но и мыслить еще не можетъ.—Этотъ примѣръ особенно удобенъ, чтобы опредѣлить, въ чемъ истинная суть дѣла.

Младенецъ—собственникъ своего имущества потому, что общество признаетъ его таковымъ и активно ограждаетъ, въ случаѣ надобности, его имущество, не допуская, чтобы оно было присвоено другими лицами. Если младенецъ случайно вырастетъ идіотомъ, онъ такъ никогда и не будетъ способенъ стать въ техническое или идейное отношеніе ко многимъ «своимъ» вещамъ; но собственникомъ онъ останется, потому что общество не перестанетъ признавать и ограждать его имущество.

Очевидно, частная собственность—соціальное отношеніе, а именно, отношеніе общества къ данной личности и къ даннымъ вещамъ одновременно.

Но въ мышленіи товаропроизводителя собственность—это вещь, принадлежащая къ его индивидуальному хозяйству, и только,—вещь, связанная съ нимъ самимъ лично. Отношеніе

между людьми превращается въ отношеніе между человѣкомъ и вещью.

— *Какое значеніе частная собственность имѣетъ для индивидуалистической культуры?*

— Можно сказать, что именно она формируетъ индивидуализмъ: она завершаетъ и закрѣпляетъ выдѣленіе личности изъ общества,—разумѣется, только идеологическое, только въ мышленіи людей. Противополагая «свое» и «чужое», индивидуумъ рѣзко отграничивается отъ другихъ членовъ общества подобно тому, какъ его участокъ земли отгораживается заборомъ отъ ихъ участковъ. Люди—сотрудники по производству—мыслятся, какъ «чужіе», т.-е., какъ существа безразличныя или враждебныя; вещи, имущество человѣка, части внѣшней природы—какъ «свои», какъ нѣчто близкое человѣку, жизненно съ нимъ связанное. Фетишизмъ собственности охватываетъ и мысль, и чувство: когда дѣло идетъ о собственности, человѣкъ не-соціально относится къ другимъ личностямъ, и соціально—къ вещамъ.

g) Отвлеченное знаніе.

— *Что называется «отвлеченнымъ знаніемъ»?*

— Знаніе, которое оторвалось отъ общественнаго труда—своей основы, и мыслится совершенно независимымъ отъ нея.

Знаніе началось съ техническаго правила, и всегда было продуктомъ трудового опыта людей, а въ то же время способомъ или орудіемъ цѣлесообразной организаціи дальнѣйшаго труда. Таковымъ оно всегда затѣмъ и оставалось, но не всегда въ этомъ видѣ мыслилось людьми.

Уже въ авторитарныхъ идеологіяхъ затемнено происхожденіе знаній изъ общественной практики: религія приписываетъ ихъ откровеніямъ разныхъ боговъ, а не видитъ въ нихъ того, что есть,—накопленнаго практическаго опыта предковъ. Но все-же знаніе не оторвано отъ живого труда: оно понимается, какъ руководящія указанія для дѣятельности людей.

Въ мѣновомъ обществѣ спеціализація отраслей и предпріятій ведетъ разрывъ дальше и глубже: познаніе принимаетъ дѣйствительно отвлеченный или «теоретическій» характеръ, который не только отдѣляется отъ характера «практическаго», но даже обычно противополагается ему. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ.

Въ разныхъ отрасляхъ общественно-трудового механизма складываются самыя различныя знанія. Если бы всякое изъ нихъ прямо и сохранялось только въ той отрасли, гдѣ оно выработалось, то его неразрывная связь съ практикой оставалась бы всегда очевидною; не возникло бы и мысли о «чистомъ», внѣпрактическомъ, отвлеченномъ знаніи. Но общество есть об-

щество, т.-е., во всякомъ случаѣ, о б щ е н і е людей, какъ бы ни сталкивались на рынкѣ ихъ интересы. Знаніе распространяется въ обществѣ, и при этомъ мѣняетъ свой видъ.

Такъ, напр., астрономія первоначально развивалась, какъ з е м л е д ѣ л ь ч е с к о е знаніе; такой она являлась въ странахъ древнѣйшихъ цивилизацій, возникавшихъ по долинамъ великихъ рѣкъ: у египтянъ, китайцевъ, вавилонянъ. Тамъ все хозяйство находилось въ зависимости отъ колебаній уровня водъ, а колебанія эти относились къ опредѣленнымъ моментамъ года, т.-е., астрономическимъ положеніямъ солнца среди небесныхъ свѣтилъ. Тутъ астрономическія знанія такъ и понимались, какъ руководящія указанія для земледѣлія, и всѣхъ работъ, къ нему относящихся, напр., по регулированію рѣки и полевой канализаціи, и т. п. Теперь предположимъ, что черезъ мѣновыя связи тѣ же знанія перешли къ какому-нибудь греческому торговцу, живущему въ городѣ, или къ ремесленнику: ясно, что для него они, хотя и будутъ, можетъ быть, очень интересны, но совершенно независимо отъ его собственной практики, мелко-торговой или ремесленной; а такъ какъ до чужой земледѣльческой практики ему, въ силу спеціализаціи, нѣтъ дѣла, и онъ почти не знаетъ ея, то пріобрѣтенныя свѣдѣнія о небесныхъ тѣлахъ будутъ представляться ему, какъ существующія сами по себѣ, какъ не имѣющія отношенія къ труду людей, какъ «чистыя», т.-е. о т в л е ч е н н ы я знанія.

— *Развѣ знанія, возникшія въ одной отрасли труда, не находятъ нерѣдко примѣненія и въ другихъ отрасляхъ?*

— Находятъ, и очень часто. Напр., та же астрономія, перейдя къ купцамъ-мореплавателямъ, оказывала имъ незамѣнимыя услуги въ странствованіяхъ, давая имъ точное руководство для того, чтобы опредѣлять направленія и положеніе корабля на морѣ. Но мореплаватели, получая астрономическія знанія готовыми отъ жрецовъ—организаторовъ земледѣлія—не могли считать астрономіи наукой собственно-мореходной, и не интересовались ею, какъ наукой земледѣльческой. Значитъ, и для нихъ она была просто «наукой», и только, т.-е., они принимали ее въ отвлеченномъ смыслѣ, не какъ продуктъ и организующую форму труда. Они, разумѣется, признавали, что астрономія полезна и нужна въ ихъ практикѣ; но причина этого была для нихъ недоступна; и единственный выводъ, какой они могли сдѣлать, это тотъ, что въ самомъ чистомъ знаніи, которое относится къ небеснымъ свѣтиламъ, есть особенная с и л а, которой людямъ часто возможно пользоваться въ своихъ практическихъ интересахъ. Что это—с и л а п р о ш л а г о о б щ е с т в е н н а г о т р у д а, накоплявшаяся въ ряду поколѣній, они неспособны были понять, потому что отъ ихъ сознанія общественная связь труда была скрыта.

Пусть даже астрономію египтянъ усваиваетъ сельскій хозяинъ—грекъ или римлянинъ. Въ его странѣ земледѣліе не

зависитъ отъ грандіозныхъ рѣчныхъ разливовъ; ему нужны астрономическіе пріемы, чтобы опредѣлять время года, но далеко не съ такой точностью, какъ это необходимо въ Египтѣ; можетъ быть, цѣлыхъ девять десятыхъ заимствованнаго научнаго матеріала не найдутъ примѣненія въ его практикѣ. Понятно, что и ему астрономія не будетъ казаться земледѣльческой наукой,—и онъ будетъ разсматривать ее, какъ чистое знаніе, связанное не съ землей, а съ небомъ, но имѣющее такую силу, которой люди могутъ пользоваться и на землѣ.

— *Но если такъ, то какой же, въ самомъ дѣлѣ, наукой считать астрономію—земледѣльческой или мореходной, или еще иной? И вообще какъ понимать связь ея или другихъ «чистыхъ» наукъ съ производствомъ?*

— Астрономія перестала быть только земледѣльческой или мореходной наукой; ее, какъ и другія науки, математическія, естественныя, соціальныя, нельзя прикрѣплять къ той или другой спеціальной отрасли производства.

Дѣло въ томъ, что какъ бы ни дробился общественный трудъ, во всѣхъ его отрасляхъ остаются нѣкоторыя о б щ і я у с л о в і я, и потому примѣнимы нѣкоторые о б щ і е п р і е м ы. Ихъ и выражаютъ разныя «отвлеченныя» науки. Напр., та же астрономія руководитъ рѣшительно всѣми областями производства, какъ наука, дающая р а з д ѣ л е н і е в р е м е н и. Гдѣ теперь, въ жизни и въ работѣ, не примѣняются часы? А они—всецѣло астрономическій инструментъ: они строятся по даннымъ астрономіи, а потомъ постоянно контролируются ею; провѣрка всѣхъ часовъ, отъ однихъ къ другимъ, дѣлается, въ концѣ-концовъ, по астрономическимъ обсерваторіямъ; а безъ этой провѣрки всѣ часы быстро разошлись бы между собою, и людямъ нельзя было бы точно съорганизовать никакого дѣла, никакого общенія между собою. Въ старыя же времена часами служили прямо солнце и звѣзды; ихъ движенію по небу подражаетъ равномѣрное движеніе стрѣлокъ по циферблату.

То же относится и къ другимъ отвлеченнымъ наукамъ. Математика, въ качествѣ метода счетнаго и измѣрительнаго, примѣняется повсюду въ производствѣ; аналогичнымъ образомъ физика, механика, и т. д. Экономическія знанія, пока еще большей частью въ научно не выработанной формѣ, руководятъ организаціей всякаго хозяйства; ибо знаніе рынка, денежныхъ знаковъ, цѣнъ, выгодъ сотрудничества, и т. под., все это э к о н о м и ч е с к і я знанія, безъ которыхъ не можетъ обойтись даже ни одинъ крестьянинъ, ни одинъ ремесленникъ.

Такимъ образомъ, именно «чистыя» науки по преимуществу выражаютъ единство соціально-трудовой жизни, и въ то же время какъ разъ онѣ представляются въ сознаніи товаропроизводителей вполнѣ независимыми отъ общественной практики, представительницами истины «самой по себѣ».

— *Но существуютъ и науки «прикладныя» или «техниче-*

скія», какъ агрономія, металлургія, медицина и пр.; свойственъ ли также имъ этотъ «отвлеченный фетишизмъ»?

— Про нихъ, разумѣется, нельзя сказать, что онѣ оторваны отъ практики въ сознаніи мѣнового общества; оттого ихъ и не считаютъ «чистымъ» знаніемъ. Но каждая изъ нихъ представляется связанной только съ опредѣленной отраслью производства: агрономія—съ сельскимъ хозяйствомъ, металлургія—съ добываніемъ и обработкой металловъ, и т. д. Къ производству въ цѣломъ, ко всей общественной системѣ труда и онѣ не относятся въ мышленіи товаропроизводителя, потому что нѣтъ сознанія, что въ каждой отрасли, какъ и въ каждомъ ея предпріятіи, трудъ является общественнымъ. Какъ бы ни были спеціальны прикладныя науки, ихъ значеніе на дѣлѣ обще-трудовое: агрономія есть, въ сущности, наука о добываніи питательныхъ средствъ для поддержанія всей рабочей силы общества, металлургія—о добываніи металловъ для орудій всякаго техническаго процесса, медицина—о способахъ возстановленія ослабленной болѣзнью рабочей силы для всякой дѣятельности. Но этотъ ихъ характеръ ускользаетъ отъ товаропроизводителя: онѣ для него только спеціальныя, только профессіональныя знанія, не болѣе. И это—тоже отвлеченный фетишизмъ.

— А какъ слѣдуетъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія на идеологическія науки, логику, филологію и др.?

— Мы знаемъ, что идеологія есть средство организаціи общественной жизни; въ идеологическихъ наукахъ заключаются знанія объ этомъ организаціонномъ средствѣ; очевидно, что соціально-практическое значеніе ихъ того же рода, какъ и знаній, напр., объ орудіяхъ труда,—только болѣе широкое и общее.

Такъ, филологія съ лингвистикой есть наука о словесномъ общеніи людей, посредствомъ котораго устраиваются всѣ связи между людьми, всѣ ихъ практическія взаимоотношенія. Ея реальный смыслъ особенно ясенъ тамъ, гдѣ встрѣчаются разные языки, нарѣчія, говоры разныхъ слоевъ общества, и гдѣ выступаетъ задача—достигнуть того, чтобы въ какомъ-либо дѣлѣ русскій понималъ француза, великоруссъ—малоросса, интеллигентъ—крестьянина, и т. под. Филологія можетъ казаться намъ наукой «отвлеченною», стремящейся къ чистому, свободному отъ практическихъ интересовъ, познанію, лишь потому, что мы не замѣчаемъ элементарнаго факта: всѣ наши знанія въ своемъ и въ чужихъ языкахъ, дающія намъ возможность о чемъ бы то ни было столковываться съ другими людьми, это—филологическія знанія; наука же только приводитъ ихъ въ порядокъ, въ систему.

Логику считаютъ обыкновенно наукой наиболѣе отвлеченной, предметъ которой—чистое мышленіе. Въ дѣйствительности, это наука о томъ, какіе пріемы и правила людямъ надо

соблюдать, чтобы нормально столковываться между собою. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое происхожденіе логики. Начало ея систематизаціи было положено въ Греціи, въ противовѣсъ увлеченіямъ софистовъ, крайнихъ представителей быстро развивавшагося тамъ индивидуализма. Софисты утверждали, что каждый человѣкъ по-своему воспринимаетъ вещи, и по-своему понимаетъ, такъ что настоящимъ образомъ убѣдить другъ друга въ чемъ-либо люди не могутъ. Доказывать же можно, благодаря этому, съ одинаковымъ правомъ и съ одинаковымъ успѣхомъ вещи противоположныя,—это дѣло словеснаго искусства, которое они и преподавали, или примѣняли въ качествѣ адвокатовъ въ процессахъ. Дѣйствительно, на рынкѣ при торгѣ обѣ стороны нерѣдко съ искреннимъ и равнымъ убѣжденіемъ доказываютъ, одна—что немыслимо продать дешевле, чѣмъ она требуетъ, другая—что цѣна вовсе не такова, а ниже; то же наблюдается и въ судебныхъ тяжбахъ изъ-за собственности между индивидуальными хозяйствами. Но софисты черезчуръ обобщили и преувеличили законность противоположныхъ точекъ зрѣнія: вѣдь и мѣновое общество должно быть обществомъ, а гдѣ нельзя столковываться, тамъ оно должно распасться. Основатели логики—школа Сократа—и разоблачили неправильность пріемовъ, примѣнявшихся софистами, при чемъ выясняли методы, слѣдуя которымъ люди получаютъ возможность убѣждать другъ друга, приходить къ единству практическаго рѣшенія или мнѣнія о вещахъ.—А такъ какъ размышленіе есть внутренняя рѣчь, «разговоръ души самой съ собою о воспринимаемыхъ вещахъ», какъ говорилъ Платонъ, то понятно, что логика должна была относиться и къ размышленію, помогать человѣку столковываться съ самимъ собою, и отъ колебанія между двумя точками зрѣнія въ какомъ-либо вопросѣ приходить къ опредѣленному убѣжденію. А согласіе человѣка съ самимъ собою организаціонно-необходимо во всякомъ дѣлѣ, конечно, по той же причинѣ, какъ необходимо согласіе между сотрудниками.

— *Какое значеніе въ общественно-трудовомъ смыслѣ имѣетъ философія, метафизика, и т. под.?*

— На основѣ спеціализаціи, въ обществѣ получается огромная разрозненность знаній. Какъ бы ни было широко общеніе людей, но у каждаго идейный матерьялъ оказывается иной, чѣмъ у другихъ. Каждый пріобрѣтаетъ по преимуществу тѣ знанія, которыя нужны въ его спеціальной отрасли труда,—а изъ иныхъ знаній, обыденныхъ или научныхъ, какія случайно придется. Въ результатѣ, взаимное пониманіе людей становится весьма неполнымъ, и возможность столковываться ограниченной: одинъ опирается на тѣ свѣдѣнія, которыя другому недоступны, и обратно.

Сами руководящія науки подчиняются той же спеціализаціи, превращаются въ особыя отрасли труда, развиваются

отдѣльно, и дробятся дальше, на болѣе мелкія отрасли. Ихъ методы разнообразятся и расходятся, въ каждой вырабатывается свой спеціальный языкъ, данныя въ нихъ накопляются больше и больше. Дѣлается невозможнымъ для отдѣльнаго лица усвоеніе не то что всѣхъ научныхъ отраслей, но даже хотя бы нѣсколькихъ. Вмѣсто того, чтобы объединять людей, спеціализированныя науки начинаютъ разъединять ихъ; ученые разныхъ отраслей говорятъ на разныхъ языкахъ, и не понимаютъ во многомъ другъ друга, а не-ученое большинство не понимаетъ ихъ вообще.

Невыгоды и противорѣчія такого положенія ощущаются чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Стремленіе къ единству знанія, къ общей наукѣ, которая связывала бы остальныя и давала бы людямъ основное руководство въ жизни, само собой вытекаетъ отсюда. Попытки создать такое единое и основное знаніе образуютъ ф и л о с о ф і ю.

Первоначально, когда науки еще не спеціализировались въ отдѣльныя отрасли, философіей называли всю совокупность научнаго, т.-е. связнаго, приведеннаго въ порядокъ знанія. Потомъ это слово стало обозначать науку наукъ, посвященную самымъ общимъ вопросамъ о жизни и вселенной, науку м і р о п о н и м а н і я.

Задача философіи состояла въ томъ, чтобы дать единое, для всѣхъ людей обязательное, всѣхъ ихъ удовлетворяющее знаніе. Но единства нѣтъ въ самой жизни мѣнового общества; поэтому не можетъ его быть и въ идеологіи. Мышленіе въ мѣновомъ обществѣ разрознено потому, что разрозненъ трудъ людей, къ которому оно необходимо приспособляется. Не объединивъ труда въ цѣльную, стройную организацію, нельзя получить объединеннаго, стройнаго мышленія. Поэтому задача философіи была въ дѣйствительности неразрѣшима. Философія должна была неизбѣжно остаться цѣпью попытокъ, но никогда не сдѣлаться настоящей наукою. Возникали одна за другой философскія школы, вырабатывали разныя ученія о сущности вещей, о цѣли и причинѣ жизни, объ истинѣ, и т. д.; въ разной мѣрѣ онѣ имѣли успѣхъ и вліяніе, но никогда не могли прійти къ соглашенію между собою, убѣдить другъ друга: стремясь все объединить и примирить, философія постоянно являлась, и до сихъ поръ является областью спора и разногласій.

Это отнюдь не значитъ, чтобы ее слѣдовало считать безполезною, безплодною. Попытки были важны, во-1), уже тѣмъ, что поддерживали и закрѣпляли въ обществѣ стремленіе организовать мысли людей въ цѣлостную систему; во-2), хотя въ цѣломъ задача не разрѣшалась, но въ частностяхъ способы мышленія совершенствовались, и вырабатывались полезныя идеи, которыя переходили потомъ въ спеціальныя науки. Напр., ученіе о томъ, что существующее не можетъ уничтожаться, а только мѣняетъ формы, возникло въ философіи гораздо раньше,

чѣмъ химикамъ удалось опытами доказать неуничтожаемость матеріи, а затѣмъ физикамъ—сохраненіе энергіи.

— *Если потребность въ философіи была порождена разрозненностью идей на основѣ спеціализаціи, то устояла ли сама философія противъ стремленія къ спеціализаціи?*

— Нѣтъ, не устояла. Вначалѣ философы стараются собирать и усваивать всѣ имѣвшіяся научныя знанія, чтобы какъ можно полнѣе охватить истину въ своихъ построеніяхъ. Но когда число спеціальныхъ наукъ увеличилось, а матеріалъ ихъ разросся, такая «энциклопедичность» вообще стала невозможна. Тогда сама философія превратилась въ особую спеціальность. Это, разумѣется, не облегчило ея задачу, а наоборотъ: дать всеобъясняющее, всеобязательное знаніе отдѣльная спеціальность, одна изъ множества, съ кругозоромъ ограниченнымъ, какъ и для всякой другой, была еще менѣе способна. Спеціалистъ-философъ изучаетъ мнѣнія другихъ философовъ, прежнихъ и современныхъ ему, при чемъ для него остаются скрытыми въ огромной долѣ тѣ знанія и опытъ, на которыхъ эти мнѣнія основаны,—присоединяетъ сюда случайно ему доступную частицу научныхъ и обыденныхъ знаній, и на этомъ строитъ свое ученіе. Понятно, что удовлетворяетъ оно немногихъ, а въ массы и не находитъ доступа.

— *Принимаетъ ли мышленіе мѣнового общества религіозныя формы?*

— Какъ мы видѣли, религіозныя формы происходятъ изъ авторитарнаго сотрудничества, путемъ консервативной традиціи. Въ идеальномъ же мѣновомъ обществѣ господствуетъ не авторитарное сотрудничество, а общественное раздѣленіе труда, и тенденція въ мышленіи, какъ было раньше выяснено, не консервативная, а прогрессивная. Поэтому въ идеальномъ мѣновомъ обществѣ религіозныя формы не могли бы сложиться, ни даже сохраняться отъ предыдущихъ эпохъ. Но надо помнить, что такого «идеальнаго» общества въ исторіи не было.

h) Отвлеченный фетишизмъ въ искусствѣ.

— *Какія основныя черты характеризуютъ искусство въ идеальной мѣновой организаціи?*

— Во-1), оно превращается въ спеціальность отдѣльныхъ хозяйствъ, и образуетъ, такимъ образомъ, рядъ особыхъ отраслей среди другихъ, работая, какъ и онѣ, на рынокъ. Произведеніе искусства съ тѣхъ поръ разсматривается, какъ индивидуальный продуктъ опредѣленнаго мастера. Безличному народному творчеству, которое свойственно авторитарнымъ культурамъ, тутъ нѣтъ мѣста. Тамъ не только миѳы, сказки, эпосъ, пѣсни, музыка, танцы являлись созданіемъ не того или другого лица, а общины, племени, народа,—но также архитектура, скульптура, живопись: храмы, которые сооружались иногда

десятками поколѣній подъ руководствомъ неизвѣстныхъ, смѣнявшихся архитекторовъ, священныя статуи, иконописная живопись этихъ храмовъ, и т. п. Въ идеально-мѣновомъ обществѣ такой безыменно-коллективный типъ работы немыслимъ, потому что онъ основанъ на живой связи съ обществомъ, которой художникъ-товаропроизводитель чувствовать не можетъ: онъ п р о д а е т ъ свои произведенія, переживая при этомъ всю борьбу, всю конкуренцію рынка.

Во-2), общественно-организующая роль искусства ускользаетъ отъ сознанія художниковъ, да и всего общества. Отвлеченный фетишизмъ здѣсь такой же, какъ въ наукѣ: идея «чистаго» искусства, «чистой» красоты, подобная идеѣ «чистаго» знанія, «чистой» истины.

Въ-3), самое содержаніе произведеній искусства—и н д и в и д у а л и с т и ч е с к о е: въ нихъ дѣло идетъ о личности, взятой отдѣльно и въ противоположеніи съ другими, объ ея интересахъ, борьбѣ, ея судьбахъ, ея чувствахъ, и т. д. Обособленный въ своемъ сознаніи индивидуумъ, явно или скрыто, бываетъ постояннымъ героемъ этихъ произведеній: явно—напр., въ романахъ, поэмахъ, лирикѣ, скульптурѣ, гдѣ онъ прямо изображается въ своихъ переживаніяхъ; скрыто—напр., въ музыкѣ, въ ландшафтѣ, которые не изображаютъ его, но по-своему передаютъ его душевныя настроенія, его стремленія и порывы.

— *Какъ возможно говорить объ «отвлеченномъ фетишизмѣ» въ искусствѣ, когда оно отличается тѣмъ, что творитъ посредствомъ живыхъ образовъ, и часто—матеріально-техническими методами, какъ, напр., архитектура, скульптура?*

— Отвлеченный фетишизмъ заключается не въ томъ, что мысли или образы отвлеченны, а въ отвлеченной точкѣ зрѣнія на нихъ, напр., когда научная истина или произведеніе искусства разсматриваются, какъ нѣчто имѣющее значеніе всецѣло само по себѣ, безо всякаго отношенія къ обществу, въ жизнь котораго они входятъ, т.-е., какъ если бы отъ нихъ былъ «отвлеченъ» ихъ дѣйствительный смыслъ—ихъ общественная функція. Въ религіозномъ искусствѣ такого отвлеченія не было: храмъ, статуя божества, понимались, какъ нѣчто объединяющее вѣрныхъ между собою и съ самимъ божествомъ, идеализированнымъ представителемъ прошлыхъ поколѣній, т-е., какъ нѣкоторая общественная связь. Но пусть та же статуя божества, послѣ ряда вѣковъ, досталась мѣновому обществу, напр., найдена при раскопкахъ; тогда въ ней увидятъ болѣе или менѣе совершенный образъ красоты, но и только. Между тѣмъ на дѣлѣ она и тутъ продолжаетъ связывать людей, которые видятъ ее, въ общемъ настроеніи, давать имъ нѣкоторое, общее для нихъ, знаніе о томъ, какова можетъ быть сильная и гармоничная жизнь, воспитывать ихъ чувство и мысль къ единенію, словомъ, остается, лишь въ новомъ видѣ, нѣкоторой общественной связью. Но отъ мышленія мѣнового общества эта функція скрыта.

— *Слѣдуетъ ли считать, что извѣстная теорія, по которой художникъ долженъ стараться, чтобы его произведенія служили обществу, проводили полезныя мысли, внушали добродѣтельныя чувства,—что эта теорія свободна отъ отвлеченнаго фетишизма?*

— Нѣтъ, и она отъ него вовсе не свободна. Она т р е б у е т ъ чтобы искусство служило обществу; слѣдовательно, она полагаетъ, что оно само по себѣ м о ж е т ъ и н е с л у ж и т ь е м у, т.-е., она также не сознаетъ дѣйствительнаго смысла искусства. А этотъ смыслъ — общественно-организаціонный — в с е г д а имѣется въ художественныхъ произведеніяхъ. Произведеніе можетъ хорошо выполнять эту функцію для однихъ элементовъ, слоевъ, классовъ общества, и плохо для другихъ, когда соціальная организація раздѣлена на разнородныя части: искусство аристократическое не подходитъ, положимъ, для демократовъ-ремесленниковъ, крестьянъ, мелкихъ торговцевъ, а демократическое для аристократовъ; но то и другое обладаетъ о р г а н и з у ю щ и м ъ характеромъ, только направленнымъ къ двумъ разнымъ типамъ строенія общественной жизни.

Когда отъ искусства требуютъ, чтобы оно сознательно отдавало себя на службу, напр., политическимъ задачамъ, или нравственной доктринѣ, то его просто превращаютъ въ «прикладное» искусство, въ родѣ того, какое примѣняется для украшенія и комфорта домашней обстановки людей. Но мы видѣли, что прикладныя науки не свободны отъ отвлеченнаго фетишизма въ мѣновомъ обществѣ, потому что существуетъ только сознаніе ихъ связи съ опредѣленными отраслями производства, но не ихъ общественно-трудовой роли въ цѣломъ. То же относится и къ прикладному искусству. Если оно, напр., политическое, то налицо есть сознаніе связи его со спеціально-политической дѣятельностью, но нѣтъ пониманія организаціоннаго значенія его вообще, помимо этой частной связи. Теорія «гражданскаго» искусства фетишистична, какъ и теорія «чистаго» искусства.

i) О т в л е ч е н н ы й ф е т и ш и з м ъ н о р м ъ.

— *Чѣмъ характеризуется идеально-мѣновое общество со стороны развитія нормъ, организующихъ взаимныя отношенія людей?*

— Если мы станемъ сравнивать его, положимъ, съ обществомъ феодальнымъ, то окажется, что мѣновому свойственны слѣдующія черты:

во-1), гораздо большее б о г а т с т в о, р а з н о о б р а з і е и с л о ж н о с т ь соціальныхъ нормъ;

во-2), отсутствіе священно-традиціоннаго характера, присущаго обычаю въ авторитарной идеологіи; нормы мѣнового общества—это п р а в о и н р а в с т в е н н о с т ь;

въ-3), о т в л е ч е н н ы й ф е т и ш и з м ъ, въ силу кото-

раго право и нравственность понимаются людьми не какъ организаціонныя формы ихъ общественно-практическихъ отношеній, а какъ нѣчто независимое отъ людей,—какъ выраженіе нѣкоей «чистой справедливости» или «чистаго блага» или «чистаго долга», и т. под.

— *Почему для мѣнового общества необходимы нормы особенно многочисленныя, разнообразныя и сложныя?*

— Именно потому, что оно въ своемъ цѣломъ экономически неорганизованно, полно противорѣчій и борьбы. Его безчисленныя внутреннія столкновенія интересовъ и усилій должны быть введены въ опредѣленныя рамки,—иначе, развертываясь безпрепятственно, они переходили бы въ разрушеніе общественной связи. Всякая жизненная борьба, развиваясь свободно и послѣдовательно, стремится перейти въ истребленіе, въ уничтоженіе. Это понятно само собою: каждый актъ борьбы—не только каждый ударъ, но какое бы то ни было враждебное воздѣйствіе—усиливаетъ и обостряетъ борьбу. Напр., несогласіе покупателя и продавца о цѣнѣ приводило бы къ насилію и грабежу, какъ это и наблюдалось на каждомъ шагу въ началѣ развитія торговли, когда купцы обычно являлись при удобномъ случаѣ также разбойниками и пиратами (торговцы финикійскіе, древне-греческіе, карѳагенскіе и др.). Конкурренція же и теперь иногда разрываетъ всѣ нормы права и нравственности, доходитъ до примѣненія кражи техническихъ секретовъ, даже до поджоговъ и бомбъ, что наблюдалось недавно въ передовой странѣ—Америкѣ, но бываетъ, конечно, и въ другихъ странахъ.

Въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ обязательныхъ правовыхъ и нравственныхъ нормъ; тамъ вполнѣ открыто торговля пользуется насиліемъ: передовыя страны силой принуждаютъ остальныя покупать ихъ товары, а между собою ведутъ войны вслѣдствіе конкурренціи за рынки. Ясно, что если бы не было обязательныхъ нормъ внутри мѣнового общества, то самая жизнь его стала бы невозможна, и оно распалось бы. Чѣмъ больше рыночныхъ связей, чѣмъ шире и разнообразнѣе мѣновыя сношенія, тѣмъ многочисленнѣе и сложнѣе противорѣчія практическихъ интересовъ, тѣмъ сильнѣе потребность въ развитіи нормъ, которыми бы все это регулировалось.

— *Почему не нормы обычая, а правовыя и нравственныя типичны для мѣнового общества?*

— Потому что сила обычая—въ консерватизмѣ сознанія людей и въ глубоко чувствуемой связи съ предками; а въ мѣновомъ обществѣ мышленіе отличается прогрессивной тенденціей, и жизненная связь съ предками ощущается слабо. Эта связь, которую можно назвать сотрудничествомъ поколѣній, подобно сотрудничеству живыхъ людей, затемняется иллюзіей «индивидуальнаго хозяйства». Дѣти, ставши взрослыми, заводятъ свои

отдѣльныя хозяйства, и экономически отрываются даже отъ родителей, не говоря уже о болѣе далекихъ предкахъ.

Нормы же нравственныя и правовыя принимаются не потому, что онѣ—завѣты предковъ, а потому что признаются обязательными с а м и п о с е б ѣ.

— *Какъ это понимать, что норма «обязательна сама по себѣ»?*

— Такъ какъ товаропроизводитель не видитъ того трудового коллектива, къ которому принадлежитъ, то онъ неспособенъ и въ нормѣ увидѣть продуктъ и орудіе организаціи этого коллектива. Человѣкъ находитъ законы, юридическіе и нравственные, готовыми въ своей общественной средѣ, и долженъ имъ подчиняться. Но почему? Только ли потому, что нарушеніе закона наказывается судомъ, а нарушеніе нравственности—общественнымъ мнѣніемъ? Легко видѣть, что нѣтъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ человѣкъ, слѣдуя нормамъ, даже не думаетъ о судѣ и общественномъ мнѣніи, и вспоминаетъ о нихъ развѣ тогда, когда соблазняется совершить преступное или порочное дѣло, т.-е., когда норма болѣе или менѣе потеряла власть надъ его душою. При томъ, каждый нормальный членъ общества поддерживаетъ борьбу противъ преступленій и пороковъ, прямымъ ли содѣйствіемъ или сочувствіемъ, или участіемъ въ общественномъ порицаніи виновныхъ: ясно, что это дѣлается не за страхъ, а за совѣсть; если бы было иначе, законы и мораль не являлись бы сколько-нибудь прочными и устойчивыми, сколько-нибудь надежными приспособленіями.

Итакъ, человѣкъ въ своей совѣсти находитъ, что нормы о б я з а т е л ь н ы для него. Но откуда эта обязательность? Приписать ея происхожденіе коллективу онъ неспособенъ, потому что самъ—индивидуалистъ, которому мысль о трудовой связи общества въ цѣломъ вполнѣ чужда. Приписать ее себѣ самому, какъ личности, онъ также не можетъ, такъ какъ не въ силахъ по произволу отдѣлаться отъ сознанія этой обязательности, хотя бы даже очень хотѣлъ этого; онъ убѣждается въ этомъ каждый разъ, какъ нарушитъ законъ или мораль, и потомъ испытываетъ очень непріятныя «угрызенія совѣсти», устранить которыя было бы для него, конечно, весьма желательно, но, вообще говоря, невозможно. Что же ему остается? Только одно: принять, что обязательность заключается в ъ с а м о й н о р м ѣ, въ самомъ законѣ, нравственномъ или правовомъ. Путь совершенно такой же, какъ тотъ, который приводитъ къ фетишизму товарной стоимости: товаропроизводитель не можетъ отнести ее ни къ общественно-трудовымъ отношеніямъ, которыхъ не сознаетъ, ни къ своей волѣ, потому что находитъ эту стоимость на дѣлѣ независимой отъ своего желанія; онъ и относитъ ее къ товару с а м о м у п о с е б ѣ, къ природѣ товара. Такъ и обязательность нормы онъ принимаетъ, какъ свойство ея природы: с п о с о б ъ м ы ш л е н і я тотъ же.

«Долгъ есть долгъ, и требуетъ исполненія, потому что онъ есть долгъ»,—въ этихъ словахъ объяснилъ обязательность нормъ Кантъ, одинъ изъ величайшихъ философовъ мѣнового общества, завоевавшій себѣ огромный и длительный успѣхъ тѣмъ, что удачно выразилъ нѣкоторыя основныя черты мѣновой идеологіи. Безъ сомнѣнія, формула Канта принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «тавтологій» (буквально—«тождесловіе»), т.-е., въ объясненіи она просто повторяетъ и утверждаетъ то же самое, что надо объяснить. Но она удовлетворяетъ товаропроизводителя, потому что таковъ его способъ мышленія, а именно—отвлеченный фетишизмъ. Почему товаръ такой-то обмѣнивается на другой товаръ въ такой-то пропорціи?—«Потому что такова его стоимость», отвѣчаетъ мѣновая идеологія. Но «такова его стоимость»—какъ разъ и означаетъ, что онъ обмѣнивается именно въ этой, а не иной пропорціи, т.-е., то самое, о чемъ заданъ вопросъ. Почему истина нужна и полезна людямъ? «Потому что она соотвѣтствуетъ дѣйствительности». Но «соотвѣтствіе дѣйствительности»—это то же самое, что «истинность», лишь въ другихъ словахъ; и опять получается: значеніе истины въ томъ, что она—истина, и только.

Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Разъ человѣческому мышленію стала недоступна общественно-трудовая основа его понятій, то естественно, что они для него необъяснимы; а значитъ, вмѣсто объясненія оно можетъ только ихъ повторять и подтверждать, въ прежнихъ или въ иныхъ словахъ. Надо выйти изъ подъ власти мѣновой идеологіи, чтобы понять, что стоимость—общественно-трудовое отношеніе, долгъ—общественно-организаціонная норма, истина—общественно-трудовой, кристаллизованный въ понятіяхъ, опытъ.

— *Какимъ образомъ, все-таки, возможно таковъ «отвлеченное» пониманіе права и нравственности, когда товаропроизводитель не можетъ не видѣть, что ихъ нормы всегда ограждаютъ чьи-либо интересы?*

— Индивидуалистъ въ общественной жизни находитъ только индивидуальные интересы, сталкивающіеся между собою или случайно согласующіеся. Съ этой точки зрѣнія норма закона или морали ограждаетъ одни частные интересы въ ущербъ другимъ, «справедливые» или «законные», т.-е., согласные съ нею самой, въ ущербъ «несправедливымъ» и «незаконнымъ», т.-е., ей противорѣчащимъ; а значитъ, она властвуетъ надъ ними всѣми, но не зависитъ отъ нихъ. Она, поэтому, «абсолютна», т.-е., безусловна, не связана никакими условіями.

Этотъ взглядъ съ огромной силой и чистотой былъ выраженъ самими представителями отвлеченнаго фетишизма въ древней формулѣ: «да погибнетъ міръ, лишь бы былъ исполненъ законъ;» или, согласно позднѣйшему, кантовскому ученію морали: «то, что повелѣваетъ мнѣ голосъ совѣсти, я должен ъ исполнить, хотя бы вселенная разрушилась отъ этого».

Такой «абсолютный» характеръ нормъ и даетъ имъ силу вводить въ рамки столкновенія частныхъ интересовъ и стремленій, всю внутреннюю борьбу мѣнового общества. Человѣкъ, котораго личныя желанія толкаютъ на то, чтобы выйти изъ этихъ рамокъ, въ себѣ самомъ встрѣчаетъ препятствіе въ видѣ «голоса совѣсти», который напоминаетъ ему о законѣ; и не понимая, что этотъ голосъ есть выраженіе собственной его связи съ коллективомъ, онъ видитъ въ нормѣ высшую силу, которой надо подчинять личныя желанія. Когда же онъ все-таки не удержится отъ нарушенія, то затѣмъ, независимо отъ судебныхъ репрессій или общественнаго порицанія, онъ страдаетъ отъ «угрызеній совѣсти»; т.-е., въ дѣйствительности, онъ, какъ членъ общественной организаціи, наказываетъ себя, какъ нарушителя этой организаціи; но для него это представляется карающею силой самой нормы.

— *Какъ, однако, можетъ индивидуалистъ совмѣстить абсолютный, безусловный характеръ права и нравственности съ прогрессивной тенденціей своего мышленія, съ тѣмъ фактомъ, что законы, нравственныя правила совершенствуются, мѣняются съ развитіемъ общества?*

— Если онъ наблюдаетъ измѣненіе нормы, и чувствуетъ, что новая лучше, выше прежней, и если онъ размышляетъ объ этомъ, что дѣлаютъ, обыкновенно, не всѣ, а, благодаря спеціализаціи, главнымъ образомъ, спеціалисты-мыслители, то онъ приходитъ къ такимъ выводамъ. Абсолютный законъ, конечно, существуетъ, но, какъ нѣчто высшее, онъ непостижимъ для ограниченнаго разума людей. Нормы же, которыя людьми сознаются и принимаются, это только несовершенныя выраженія абсолютнаго закона. Понятно, что онѣ могутъ и должны совершенствоваться, приближаясь, такимъ образомъ, къ абсолютному закону, т.-е., безконечному благу и справедливости; и понятно, что цѣпь этого развитія безконечна.

Такимъ образомъ, хотя отвлеченный фетишизмъ и не даетъ людямъ возможности понять, что прогрессъ нравственности и права есть просто прогрессъ формъ общественной организаціи, но все-же не составляетъ и препятствія къ этому движенію впередъ,—конечно, до тѣхъ поръ, пока мѣновое общество способно вообще развиваться.

к) Характеристика чистой мѣновой идеологіи въ ея цѣломъ.

— *Какія черты слѣдуетъ считать основными для всей культуры идеальнаго мѣнового общества?*

— Во-1) идеологическое богатство;

во-2) прогрессивность;

въ-3) индивидуализмъ;

въ-4) отвлеченный фетишизмъ.

— *Чѣмъ опредѣляется особенное идеологическое богатство идеальнаго мѣнового общества?*

— Тѣмъ, что съ одной стороны это общество экономически неорганизовано, какъ цѣлое, и потому для него тѣмъ болѣе необходимы организующія приспособленія идеологическія; и что, съ другой стороны, въ силу спеціализаціи, оно очень разнородно въ своихъ частяхъ, и потому необходимы организующія приспособленія очень разнообразныя.

— *Чѣмъ опредѣляется идеологическая прогрессивность такого общества?*

— Она—просто результатъ его т е х н и ч е с к о й и э к о н о м и ч е с к о й прогрессивности. Вслѣдствіе внутренней борьбы общества, и особенно—конкурренціи предпріятій, техника ихъ совершенствуется, а ихъ взаимоотношенія, экономическая связь, измѣняются. Идеологія должна приспособляться къ этимъ основнымъ условіямъ жизни общества, и прогрессировать вслѣдъ за ними. Такимъ образомъ, она прогрессивна н е с а м а п о с е б ѣ, а въ зависимости отъ другихъ сторонъ жизни. Сама же идеологія должна быть въ достаточной мѣрѣ г и б к о й или п л а с т и ч н о й, чтобы по мѣрѣ надобности приспособляться къ прогрессу техники и экономики.

— *Въ чемъ причины, и въ чемъ сущность индивидуализма?*

— Причины — въ анархичности общества, въ рыночной борьбѣ и конкурренціи предпріятій, маскирующей сотрудничество. Сущность—въ томъ, что индивидуумъ, ведущій свое по внѣшности независимое предпріятіе, мыслитъ себя, какъ особый, самостоятельный центръ дѣятельности, центръ интересовъ, противополагая себя со своей частной собственностью другимъ такимъ же индивидуумамъ, и всему міру. Всѣ задачи человѣка, весь смыслъ его существованія сосредоточиваются въ «я», и въ «мое»; и трудъ, и познаніе разсматриваются, какъ творчество отдѣльныхъ личностей, при чемъ каждая дѣйствуетъ сама по себѣ; личная «совѣсть»—основа ихъ поведенія; личная свобода и частная собственность—ихъ первыя, «естественныя», т.-е., въ самой природѣ людей лежащія, права.

Индивидуализмъ—необходимое приспособленіе въ мѣновомъ обществѣ: онъ позволяетъ личности отстаивать себя и свое хозяйство въ экономической борьбѣ, побуждаетъ ее развивать свои силы, чтобы устоять и побѣдить,—ведетъ ее, такимъ образомъ, по пути творчества и прогресса.

— *Въ чемъ причины отвлеченнаго фетишизма, и его проявленія?*

— Причины: власть надъ людьми ихъ собственныхъ общественно-трудовыхъ отношеній, не позволяющая имъ понять сущности этихъ отношеній,—въ частности же неорганизованность общества и его внутренняя борьба, скрывающія связь сотрудничества отъ сознанія людей. Проявляется этотъ фетишизмъ въ томъ, что за дѣйствительностью принимаются разныя

безличныя силы, которымъ приписывается господство надъ нею: отвлеченная причинность—необходимость, непреложно ведущая слѣдствія за ихъ причинами; стоимость, господствующая надъ обмѣномъ товаровъ; чистая истина, независимая отъ людей и властвующая въ познаніи; абсолютная справедливость и долгъ, также независимые отъ людей, и обязательные для нихъ во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Отвлеченный фетишизмъ, подобно религіямъ, надъ личностями ставитъ нѣчто высшее, чему онѣ должны подчиняться и съ чѣмъ сообразоваться,—только не въ живыхъ образахъ божествъ, а въ видѣ безличныхъ силъ. Этимъ устраняются стихійно-хаотическія проявленія произвола личностей, и не допускается ихъ безграничное расхожденіе между собою въ ихъ разрозненномъ развитіи. Такимъ образомъ и отвлеченный фетишизмъ есть необходимое приспособленіе, какъ противовѣсъ анархическимъ тенденціямъ индивидуализма, который иначе разрушалъ бы всякое общественное единство.

II. Переходныя формы: рабовладѣльческій строй классическаго міра.

а) Техника и экономика античнаго рабовладѣльческаго общества.

— *На какой производственной основѣ развилось античное рабство?*

— До эпохи рабства организація греческихъ и латинскихъ племенъ была феодальная; такова была Грецiя во времена Гомера, Римъ во времена своихъ легендарныхъ царей. Прогрессъ техники и обмѣна, въ силу разныхъ благопріятныхъ условій, шелъ тамъ быстрѣе, чѣмъ у окружающихъ племенъ, низшаго феодальнаго и родового быта, племенъ, которыя обозначались, какъ «варвары». Съ варварами велись постоянныя войны, въ которыхъ греки и римляне, благодаря техническимъ и культурнымъ преимуществамъ, все болѣе систематически оказывались побѣдителями. Было много плѣнниковъ; ими пользовались, какъ рабочею силой. Мало-по-малу создалась настоящая эксплоатація варварскаго міра путемъ насильственнаго захвата его рабочихъ силъ, а затѣмъ и торговля ими. Плѣнникъ превратился въ товаръ, и тѣмъ самымъ—въ простое орудіе труда, т.-е., уже не разсматривался, какъ членъ общества.

Развилось крупное хозяйство, основанное на потребленіи рабочей силы рабовъ; экономически такое хозяйство было могущественнѣе мелкаго, крестьянскаго и ремесленнаго, такъ что шагъ за шагомъ приспособило къ себѣ всю организацію общества, наложило отпечатокъ на весь строй жизни, обусловило рабовладѣльческую культуру.

— *Можно ли считать рабовладѣльческое общество мѣновымъ въ полномъ смыслѣ этого слова?*

— Нѣтъ, его типъ смѣшанный, наполовину мѣновой, наполовину авторитарный. В н у т р и, рабовладѣльческое хозяйство было организовано, какъ всецѣло авторитарное; м е ж д у хозяйствами преобладали мѣновыя связи. Къ этой двойствен ности должна была приспособляться вся античная идеологія.

в) О с н о в н ы я ч е р т ы и д е о л о г і и к л а с с и ч е с к а г о м і р а.

— *Каковъ общій характеръ классической культуры?*

— Двойственный, какъ и самое строеніе тогдашняго общества: частью авторитарный, частью индивидуалистическій. Въ раннія эпохи рабства, когда не только во внутреннемъ строеніи хозяйства господствовали власть—подчиненіе, но и въ отношеніяхъ между хозяйствами сохранялись еще отчасти черты феодализма—владычество аристократовъ и жрецовъ въ общественныхъ дѣлахъ,—тогда преобладали черты авторитарно-религіозной культуры. Но по мѣрѣ того, какъ усиливался обмѣнъ, и исчезали остатки феодализма, на первый планъ выступали черты индивидуалистической идеологіи; въ эпоху расцвѣта античнаго міра перевѣсъ на ихъ сторонѣ. Въ періодѣ упадка, когда производство и обмѣнъ стали слабѣть, вновь начали усиливаться тенденціи авторитарно-религіозныя. Идеологія, какъ всегда, отражала и выражала производственную связь общества, и измѣнялась вслѣдъ за нею.

— *Какія проявленія античной культуры наиболѣе для нея характерны?*

— Въ эпохи ея роста и расцвѣта—созданныя ею науки, философія, искусство; широкая политическая жизнь съ ея величайшимъ продуктомъ—системой римскаго права. Въ періодѣ упадка—религіозное творчество, и въ частности—выработка новой религіи, ставшей затѣмъ міровою, а именно христіанства.

— *Какая судьба постигла классическую культуру?*

— Бо́льшая часть ея произведеній погибла или затерялась въ общемъ крушеніи античнаго міра; меньшая была усвоена возникшимъ на его развалинахъ феодальнымъ обществомъ Среднихъ Вѣковъ—разумѣется, то, что подходило къ его строенію, въ особенности—послѣдняя религія древности, христіанство, со всей его организаціей. Затѣмъ, спустя рядъ вѣковъ, феодализмъ, разлагаясь, началъ вновь уступать мѣсто мѣновой организаціи, хотя иной, чѣмъ рабовладѣльческая, но все-же во многихъ и важныхъ чертахъ сходной съ нею. Тогда было разыскано и использовано многое изъ забытыхъ и затерянныхъ продуктовъ древней культуры и еще больше—ея методовъ: это было такъ называемое «Возрожденіе классической древности». Вообще, отъ погибшаго греко-римскаго общества

осталось огромное идеологическое наслѣдство, изъ котораго послѣдующіе вѣка черпали все, что способны были усвоить.

с) Греческая философія и наука.

— *Что представляла греческая философія и наука при своемъ зарожденіи?*

— Систематизацію накоплявшагося «свѣтскаго» знанія, которое не укладывалось въ рамки религіознаго преданія. Родиной античной философіи, которая тогда заключала въ себѣ и зачатки наукъ, были торговыя греческія колоніи въ Малой Азіи. Мы уже знаемъ, что именно обмѣнъ опыта, идущій въ зависимости отъ обмѣна товарами, кладетъ основу свѣтскому знанію: то, что было священной традиціей у одного племени, когда заимствуется другимъ племенемъ, съ иной религіей, иными богами, не можетъ войти въ составъ преданія отъ этихъ боговъ, и оказывается просто полезнымъ свѣдѣніемъ, интересной и цѣнной истиной. Широкія сношенія малоазійскихъ грековъ, которые жили на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ древности, приводили ихъ въ связь съ великими культурными народами Востока—египтянами, финикіянами, ассиро-вавилонянами и другими; отъ нихъ греки усваивали массу новыхъ и важныхъ знаній,—прежде всего, конечно, тѣхъ, которыя были нужны для самой торговли, морской и сухопутной. Таковы географія и астрономія, руководящія людьми въ путешествіяхъ; геометрія, какъ необходимый методъ для той и другой, именно—способъ опредѣлять разстоянія и направленія; нѣкоторыя указанія въ области атмосферныхъ явленій, которыя такъ сильно вліяютъ на судьбу мореплавателя; очевидно, также ариѳметика, методы счета, постоянно примѣняемые въ покупкѣ - продажѣ; коекакія свѣдѣнія изъ механики и физики, особенно тѣ, которыя относятся къ взвѣшиванію тѣлъ, необходимому въ торговлѣ.

Помимо этого, пріобрѣтались обрывки опыта изъ всѣхъ отраслей производства, потому что всѣ онѣ, при развитіи мѣнового хозяйства, приходятъ въ соприкосновеніе съ торговлей и рынкомъ, а черезъ нихъ—и между собою.

Вначалѣ, пока подобныхъ знаній было не особенно много, они не дробились на отдѣльныя отрасли, а собирались во-едино, подъ именемъ «философіи». Впослѣдствіи, накопленіе повело къ ихъ спеціализаціи; названіе «философія» стало съ тѣхъ поръ, какъ и всегда въ дальнѣйшемъ, примѣняться только къ объединяющей ихъ систематизаціи, къ наукѣ наукъ.

Раньше общихъ или «чистыхъ» наукъ спеціализировались прикладныя, техническія; онѣ частью обособлялись даже еще до философіи, въ стадіи религіознаго знанія. Такъ было, напр., съ агрономіей, наукой о сельскомъ хозяйствѣ; въ нѣкоторомъ родѣ курсъ ея далъ еще полу-легендарный поэтъ Гесіодъ въ своей поэмѣ «Труды и дни»; такъ было и съ медициной, которая,

однако, до эпохи греческаго расцвѣта сохраняла религіозную форму.

— *Въ какомъ направленіи шло развитіе научно-философской мысли?*

— Въ разные періоды жизни рабовладѣльческаго общества это направленіе было различнымъ. Сначала, пока господствующій классъ не терялъ еще связи съ производствомъ, пока господинъ—рабовладѣлецъ лично руководилъ своимъ хозяйствомъ, интересъ мыслителей устремлялся въ сторону практики, живого опыта, изслѣдованія природы, въ сторону знаній, примѣнимыхъ въ трудовой дѣятельности, полемъ которой является внѣшній міръ. Первые философы и были натуралистами; послѣ нихъ еще долго главной задачей философіи было объясненіе природы. За этотъ періодъ былъ собранъ богатый матеріалъ естественно-научныхъ знаній, впослѣдствіи, уже на переходѣ къ слѣдующему періоду, сведенный во-едино великимъ энциклопедистомъ древности, Аристотелемъ (въ IV вѣкѣ до Р. Х.).

Ростъ и расширеніе рабовладѣльческаго хозяйства сопровождались удаленіемъ «господъ» отъ сферы производства. Они передавали свои организаторскія функціи управляющимъ и надсмотрщикамъ, большей частью изъ довѣренныхъ рабовъ, сами же превращались мало-по-малу въ чистыхъ паразитовъ. А такъ какъ этотъ классъ былъ главнымъ поставщикомъ идеологовъ и оказывалъ наибольшее вліяніе на развитіе духовной культуры, то съ перемѣной его положенія мѣнялись и основные интересы познающей мысли. Развивалось презрѣніе ко всякому производительному труду, какъ дѣлу рабскому, и ко всему, что для него служитъ, т.-е., и ко всякимъ практическимъ, прикладнымъ знаніямъ. Не только остановился прогрессъ наукъ техническихъ, но и въ естественныхъ наступилъ застой: наблюденія и опыты надъ живыми явленіями природы, вѣдь, также служатъ развитію производства. Мышленіе дѣлалось средствомъ утонченнаго самоуслажденія.

Продолжали пользоваться почетомъ математика, логика, какъ науки наиболѣе «чистаго» мышленія, не имѣющія необходимости оперировать съ практическими фактами. Платонъ, напр., находилъ, что примѣнять геометрію къ рѣшенію механическихъ задачъ значитъ унижать геометрію.—Сохранялся интересъ къ астрономіи, предметъ которой возвышенъ, и въ которой силенъ элементъ эстетическаго созерцанія.—Въ философіи главное мѣсто занялъ вопросъ о томъ, какъ устроить личную жизнь, чтобы достигнуть счастья и самоудовлетворенія; даже умозрѣнія о сущности вещей отступаютъ передъ этимъ вопросомъ или подчиняются ему, какъ средство—цѣли.

Временами въ колоніяхъ, когда тамъ или здѣсь вспыхивала промышленная жизнь, вновь расцвѣтали также технические и натуралистическія знанія: въ Сициліи временъ Архимеда (къ концу III вѣка до Р. Х.), въ Египтѣ въ эпоху «алек-

сандрійской учености» (II—III в. по Р. Х.). Но каждый разъ это продолжалось недолго и было непрочно: духъ паразитизма и рабства побѣждалъ, какъ только кончалось экономическое процвѣтаніе.—Въ общемъ, наука и философія во второй періодъ античной культуры перестали быть жизненно-прогрессивны.

— *Какой типъ мышленія преобладалъ въ научно-философской области классической культуры?*

— Какъ видно изъ предыдущаго, преобладалъ отвлеченный фетишизмъ: знаніе понималось, какъ «чистая истина», а отнюдь не какъ продуктъ и орудіе общественно-трудового процесса. Но не могъ исчезнуть вполнѣ и фетишизмъ авторитарный, потому что въ жизни авторитарныя отношенія играли огромную роль. Изслѣдованіе причинъ въ общемъ было проникнуто идеей необходимости, т.-е. отвлеченной причинности; но цѣпь ихъ обычно оканчивалась на какой-нибудь «первопричинѣ», явно или скрыто божественнаго характера, не только въ философіи, но и въ наукѣ. Такъ, астрономія источникомъ изучаемаго движенія свѣтилъ принимала таинственный «перводвигатель»; въ ученіи о жизни прочно держалось представленіе о душѣ, хотя и освобожденное отъ физическихъ элементовъ—ослабленный анимизмъ. Философія же вообще принимала, въ разной мѣрѣ, религіозныя понятія. Даже въ ея крайнихъ матеріалистическихъ ученіяхъ имѣются слѣды авторитарнаго мышленія. Напр., школа Эпикура отвергала боговъ, или, по всей вѣроятности, несерьезно, допускала ихъ существованіе «въ расщелинахъ міра», безо всякой связи съ его жизнью; но та же школа серьезно допускала, что атомы матеріи, падая черезъ міровое пространство, могутъ «случайно» уклоняться отъ прямого пути, благодаря чему они сталкиваются, пріобрѣтаютъ новыя сложныя движенія, и такимъ путемъ, въ концѣ-концовъ, образуютъ міры. Эти «случайныя» отклоненія представляютъ, очевидно, своеобразный произволъ атомовъ, т.-е. приписываютъ имъ, въ замаскированной формѣ, свойства авторитарныхъ первопричинъ. Школы же идеалистическія гораздо тѣснѣе связывались съ религіозными міровоззрѣніями. Въ нихъ идеи о божествѣ, о безсмертной душѣ, о свободной волѣ являлись, большей частью, основными,—хотя, въ то же время, сильно измѣненными, обезцвѣченными, лишенными наивно-матеріальной окраски, свойственной религіямъ. Эти понятія выступали въ несравненно болѣе отвлеченномъ, «идеальномъ» видѣ.

Въ практической или нравственной философіи древности господствуетъ индивидуализмъ: весь интересъ сосредоточенъ на личности, на ея самочувствіи, на путяхъ къ ея счастью или самоудовлетворенію. Особенно силенъ этотъ индивидуализмъ во второмъ, упадочномъ періодѣ классической древности (школы киренская, стоическая, эпикурейская, и др.).

Раньше, и особенно въ философіи политической, съ индивидуализмомъ конкуррируетъ идея отечества («πόλις»—городъ, государство), для котораго личность является только средствомъ; таковы, напр., взгляды Платона въ этой области. Гражданско-патріотическая тенденція была сильна въ жизни. Но она не заключала въ себѣ сознанія трудовой неразрывности общества, а только—духъ сплоченности передъ внѣшними врагами, выработанный необходимостью общей самозащиты въ безчисленныхъ войнахъ эпохи. Власть Рима прекратила затѣмъ эти войны, и старый патріотизмъ сталъ быстро исчезать, оставляя уже полный просторъ индивидуализму.

d) Античное искусство.

— *Каковъ былъ первоначальный характеръ античнаго искусства? И въ какомъ направленіи онъ измѣнялся?*

— По преимуществу религіозный, въ силу преемственной связи съ искусствомъ предыдущей эпохи, феодальной. Но уже существовали и быстро развивались зародыши свѣтскаго искусства, параллельно съ прогрессомъ мѣнового хозяйства и научно-философскаго мышленія. Въ эпоху расцвѣта свѣтское искусство преобладало, но и религіозное сохраняло значительную силу; и даже именно оно въ наибольшей мѣрѣ удовлетворяло потребностямъ демократической массы населенія, которая оставалась глубоко-религіозною.—Впрочемъ, и самую границу между обоими видами искусства провести не всегда легко: чрезвычайно часто свѣтское художественное творчество брало сюжеты изъ религіозной миѳологіи.

— *Чѣмъ объяснить безпримѣрное развитіе искусства въ античномъ мірѣ?*

— Благодаря тому, что искусство выражаетъ дѣйствительность въ живыхъ образахъ, доступныхъ, хотя и въ разной мѣрѣ, всякому, его организующая функція особенно широка и разносторонняя. Одна и та же статуя божества могла быть для образованнаго патриція воплощеніемъ чистой красоты, источникомъ утонченно-эстетическаго наслажденія,—а для наивныхъ плебеевъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія. Трагедіи Эсхила и Софокла для избраннаго меньшинства зрителей выступали, какъ художественная постановка и разрѣшеніе глубочайшихъ философскихъ вопросовъ, для большинства—какъ захватывающія картины борьбы, героизма, непреклонной человѣческой воли. Каждый почерпалъ въ искусствѣ то, что ему было понятно, и такимъ путемъ оно сближало всѣхъ, укрѣпляло общеніе, дѣлалось опорою патріотической привязанности къ родинѣ, его создавшей и на немъ воспитывающей гражданъ. Оно являлось прочнѣйшей общественной связью въ классическомъ мірѣ.

Эта культурная связь была особенно важна и необходима

при массѣ внутреннихъ противорѣчій тогдашняго общества, среди столкновеній разныхъ его слоевъ—паразитовъ рабовладѣльцевъ, разоряемыхъ ими ремесленниковъ и крестьянъ, вырваннаго изъ трудовой жизни паразитическаго пролетаріата. Не случайно разные «тираны» греческихъ городовъ, и римскіе императоры, достигшіе трона нелегальными путями, чтобы укрѣпить свою власть, прежде всего старались украсить отечество храмами, публичными зданіями грандіозной архитектуры, воздвигнуть новыя статуи на улицахъ, площадяхъ и гуляньяхъ, и т. под. Организаціонный смыслъ искусства если не сознавался ясно, вслѣдствіе отвлеченнаго фетишизма, то инстинктивно чувствовался въ ту эпоху.

Богатство высшихъ классовъ, ихъ жадное стремленіе усложнять и разнообразить удовольствія жизни, порождало и помимо того огромный спросъ на художественныя произведенія, что давало другую экономическую опору для искусства.

е) Политически-правовая жизнь классическаго міра.

— *Чѣмъ объясняется огромное развитіе политической жизни въ античномъ обществѣ?*

— Разнородностью его состава и возникавшими отсюда сложными столкновеніями интересовъ разныхъ его слоевъ. Оно было уже классовымъ обществомъ. Имѣлась рабовладѣльческая аристократія, съ крупными предпріятіями, земледѣльческими, промышленными и ростовщическими. Имѣлись несравненно болѣе многочисленные ремесленники и крестьяне, разоряемые конкурренціей рабовладѣльческихъ предпріятій и ростовщичествомъ богачей. Былъ также классъ торговцевъ, одинаково ненавистный всѣмъ остальнымъ, благодаря огромной торговой прибыли, которую онъ бралъ съ нихъ за посредническія услуги. Образовался съ теченіемъ времени изъ разорившихся крестьянъ и ремесленниковъ, а также вольноотпущенныхъ рабовъ, паразитическій пролетаріатъ, переполнившій города. Каждый классъ отстаивалъ свои интересы, и потому долженъ былъ организоваться; а для этого городская жизнь, процвѣтавшая въ тогдашнемъ обществѣ, давала подходящія условія. Политическая организація и политическая борьба являлись формою, въ которой происходило отстаиванье классовыхъ или групповыхъ интересовъ, какъ это наблюдается и въ наше время.

Рабы не были классомъ, а были сословіемъ, исключеннымъ изъ общества и поставленнымъ внѣ политической жизни. Если въ ней они и принимались въ расчетъ, то лишь въ томъ смыслѣ, что вызывали со стороны всякой общественной власти заботу объ удержаніи ихъ въ полной покорности. Когда древніе опредѣляли человѣка, какъ «животное политическое» (или

«гражданское»), то при этомъ само собою подразумѣвалось, что рабъ—не человѣкъ.

— *Каковы были формы политическаго устройства?*

— Разнообразныя, въ зависимости отъ соотношенія силъ боровшихся классовъ, и значитъ—отъ организованности ихъ партій. Вначалѣ преобладаютъ аристократическія республики: это—господство аристократіи, оставшейся отъ феодальнаго періода, сильной своимъ богатствомъ и той ростовщической задолженностью, въ которую она привела бѣдный классъ населенія. Это, по существу, а в т о р и т а р н а я организація; но въ ней исчезаетъ цѣпь авторитетовъ (сюзереновъ—вассаловъ), а властители объединяются въ «республиканскій» союзъ, на основѣ уравнивающей силы денегъ и общаго классового интереса.

Затѣмъ организуются низшіе слои населенія, городская демократія. По своей численности, они—главная военная сила общества, а тѣмъ самымъ, несмотря на свою бѣдность, и основа его экономическаго могущества; ибо и рабовладѣніе черпало рабочую силу изъ побѣдоносныхъ войнъ. Поэтому, организовавшись, демократія становится властительницей государства, сначала подъ руководствомъ «тирановъ», какъ вождей въ ея борьбѣ; а затѣмъ, такъ какъ они, захвативъ власть, неизбѣжно измѣняли народу, демосу, онъ, политически воспитавшись и подготовившись, организовалъ демократическія республики. Это была эпоха расцвѣта.

Упадокъ, начавшійся затѣмъ, привелъ мало-по-малу къ вырожденію высшаго класса на почвѣ паразитизма, къ обезсиленью демократіи путемъ разоренія крестьянства и ремесленниковъ конкурренціей рабскаго труда, ростовщичествомъ, войнами, налогами. Старыя политическія партіи деморализовались, превратились въ простыя клики любителей наживы; для республики, аристократической или демократической, одинаково не было опоры. Сохранялась еще одна организованная сила: римская армія, при республикѣ завоевавшая весь тогдашній «кругъ земель», и продолжавшая охранять государство отъ надвигавшихся варваровъ. Армія и дала обществу новую политическую форму, конечно, авторитарную, потому что сама армія организована авторитарно. Это была основанная полководцами имперія, съ ея бюрократіей. Ей суждено было довершить и систематизировать огромную работу предыдущихъ вѣковъ по созданію стройной с и с т е м ы п р а в а,—но также довести античное общество до окончательнаго крушенія.

— *Что представляла система римскаго права, и въ чемъ ея историческое значеніе?*

— Риму пришлось организовать гигантское государство, привести къ единству разнообразныя, сложныя и противорѣчивыя соціальныя отношенія множества странъ и народовъ. Въ этой грандіозной работѣ онъ и создалъ ту систему нормъ, которая называется римскимъ правомъ, и которая отличалась

поразительной полнотой, внутренней послѣдовательностью, точностью выраженія.

Духъ римскаго права, или его организующее начало, это неуклонно его проникающій принципъ частной собственности. Экономическая связь античнаго общества въ его цѣломъ была мѣновая; и каждое его хозяйство имѣло основой индивидуальную собственность на средства производства, была ли то собственность, напр., крестьянина на его орудія и участокъ земли, или рабовладѣльца—не только на орудія и землю, но также на рабовъ, какъ одно изъ орудій. Даже семейныя отношенія пріобрѣли тотъ же характеръ—полной или ограниченной собственности отца на дѣтей, мужа на жену. Естественно, что римское право явилось законодательнымъ отраженіемъ и закрѣпленіемъ такого порядка вещей; и во всѣхъ странахъ, гдѣ оно, вслѣдъ за римскимъ завоеваніемъ, вновь примѣнялось, оно было орудіемъ перестройки общественныхъ отношеній въ томъ же смыслѣ—въ духѣ частной собственности.

Ту же роль, но въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, сыграло оно впослѣдствіи, на переходѣ отъ средневѣковаго феодализма къ новому мѣновому обществу, не рабовладѣльческому, а капиталистическому, но также, разумѣется, основанному на частной собственности. Введеніе римскаго права въ одной странѣ за другою служило средствомъ разрушенія старыхъ, феодальныхъ формъ организаціи, замѣны ихъ буржуазными. Этимъ былъ сильно ускоренъ ходъ развитія.

f) Міровая религія конца античной эпохи.

— *Чѣмъ объясняется усиленное исканіе и созиданіе новыхъ религій въ періодѣ упадка классическаго міра?*

— Дезорганизація жизни тогда сильно ощущалась всѣми классами общества—одними, какъ тяжелое пресыщеніе паразитовъ, теряющихъ способность наслаждаться, другими—какъ мучительное истощеніе угнетенныхъ, не видящихъ выхода изъ бѣдствій. Тамъ, гдѣ идетъ и чувствуется дезорганизація, вполнѣ естественно искать новыхъ организующихъ формъ; а таковы, мы знаемъ, именно формы идеологическія. Исканія въ области науки были подорваны разрывомъ между наукой и производительнымъ трудомъ, который есть ея дѣйствительная основа; исканія философскія развились значительно, но лишь въ узкихъ кругахъ образованныхъ людей. Въ массахъ преобладало міровоззрѣніе религіозное; и потому для религіозныхъ исканій опора была несравненно болѣе широкая. Объединеніе множества религій подъ властью Римской имперіи давало богатѣйшій матеріалъ для творчества. Народы заимствовали другъ у друга боговъ, культы, догмы; секты росли, множились, измѣнялись, разрушались, и на ихъ мѣстѣ вы-

растали новыя; столкновенія и взаимодѣйствія вѣръ и суевѣрій порождали настоящій религіозный хаосъ. Въ концѣ-концовъ изъ него кристаллизовалась и выплыла, побѣждая и вытѣсняя остальныя религіи, одна новая, которой суждено было сдѣлаться міровою: христіанство.

— *Откуда произошло христіанство?*

— Оно возникло первоначально въ видѣ маленькой секты среди евреевъ Палестины, именно среди пролетаріевъ; ихъ было немало въ этой странѣ, экономически ослабленной и общими причинами тогдашняго мірового упадка, и хищническимъ владычествомъ римской бюрократіи. Первые христіане жили тѣсно сплоченными, настоящими общинами: въ нихъ все было общее. Коммунизмъ въ древности, какъ и всегда позже, былъ свойственъ, конечно, не классамъ собственниковъ, хотя бы и мелкихъ, но классамъ лишеннымъ собственности; таковы были тогда свободный пролетаріатъ—не трудовой, а паразитическій, въ родѣ босяковъ,—и рабы. Выйдя изъ Палестины, новое ученіе со своей коммунистической организаціей широко разлилось по древнему міру, привлекая массы пролетаріевъ и еще больше—рабовъ. Коммунизмъ былъ потребительнаго характера: онъ заключался не въ устройствѣ какихъ-либо производительныхъ ассоціацій, а въ общихъ трапезахъ, во всяческой жизненной поддержкѣ членовъ организаціи, въ братскомъ распредѣленіи притекавшихъ пожертвованій. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ трудовыхъ элементовъ,—рабовъ и нарождавшагося класса колоновъ, земледѣльческихъ крѣпостныхъ и полу-крѣпостныхъ, а также вовлеченныхъ въ секту ремесленниковъ, крестьянъ—стали развиваться и производительныя ассоціаціи, «монастыри». Мало-по-малу, христіанство охватило весь древній міръ, и сдѣлалось религіей всѣхъ его угнетенныхъ классовъ.

Римская имперія сначала боролась противъ христіанства жестокими гоненіями, опасаясь могущества новой организаціи; но затѣмъ, убѣдившись въ его силѣ и неистребимости, признала его и объявила государственною религіей, чтобы получить на него вліяніе, и чтобы пользоваться его поддержкой. Это былъ правильный для государства образъ дѣйствій, потому что въ христіанствѣ не было практической революціонности: оно являлось идеологіей безнадежно угнетенныхъ, по преимуществу—рабовъ, и призывало не къ активной борьбѣ противъ существовавшаго строя, а къ покорности и терпѣнію. Оно, правда, ожидало переустройства жизни въ пользу страдающихъ и обремененныхъ—ученіе о второмъ пришествіи,—но ожидало свыше, не предлагая бороться за него, не намѣчая путей къ нему.

— *Какъ сложилась самая доктрина христіанства?*

— При своемъ возникновеніи оно представляло секту еврейской религіи, многіе элементы которой и сохранило, большей

частью, однако, въ новомъ смыслѣ и значеніи. Таково было особенно ученіе о Мессіи, вождѣ-спасителѣ, воплощавшее для евреевъ мечту объ освобожденіи отъ чужеземнаго, тяжелаго ига, а для христіанъ—жажду спасенія, очищенія, новой организаціи всего тогдашняго міра, который разлагался и погибалъ. Затѣмъ, разливаясь по «кругу земель», оно включало въ себя массу разнообразнѣйшаго идейнаго матеріала. Изслѣдованія ученыхъ спеціалистовъ установили въ немъ наличность многихъ образовъ и понятій, существовавшихъ раньше въ греческой, и особенно въ восточныхъ миѳологіяхъ, также въ античной философіи, особенно школы Платона. Это богатство содержанія было результатомъ распространенія новой религіи, но затѣмъ и одною изъ причинъ дальнѣйшихъ ея побѣдъ, ея мірового захвата.

Идеи христіанства были выражены и развиты по преимуществу свободными людьми—пролетаріями, и отчасти представителями имущихъ классовъ, примкнувшими къ новой вѣрѣ. Рабы, слишкомъ задавленные неволей и эксплоатаціей, рѣдко являлись идеологами-творцами. Однако, именно ихъ жизненныя условія всего сильнѣе отпечатлѣлись въ христіанствѣ. Представленіе объ устройствѣ міра тамъ выработалось глубоко авторитарное: безпредѣльная, руководящая вселенною власть, и люди—ея рабы, независимо отъ своихъ свойствъ и положенія. О томъ же говоритъ и нравственное ученіе, проникнутое духомъ кротости, смиренія, непротивленія; оно далеко не настолько соотвѣтствуетъ настроенію тогдашнихъ пролетаріевъ, съ ихъ вовсе не мягкими, часто буйными нравами, съ ихъ пристрастіемъ къ жестокимъ зрѣлищамъ, въ родѣ гладіаторскихъ игръ,—сколько настроенію рабовъ, беззащитныхъ жертвъ чужой жестокости, далекихъ даже отъ мысли о борьбѣ.—Вліяніе рабовъ, а не пролетаріевъ сказалось и въ замѣчательной, по тѣмъ временамъ, организованности движенія: пролетаріи-босяки всегда къ ней мало способны, рабы же воспитаны въ строгой дисциплинѣ.

— *Какимъ же образомъ христіанство могло стать общею религіей разныхъ угнетенныхъ жизнью классовъ?*

— Въ утѣшающемъ ученіи о другой жизни, о превращеніи послѣднихъ въ первыхъ, равно какъ и во всемъ богатомъ идейномъ матеріалѣ христіанства было многое, удовлетворявшее равно всѣ эти классы. Да и самыя границы между ними въ жизни стирались: среди пролетаріевъ имѣлись и разоренные мелкіе хозяева, и вольноотпущенные рабы. Никакой борьбы между низшими классами не было, униженное положеніе сближало ихъ, и потому могла выработаться общая идеологія.

— *Почему эта идеологія удержалась послѣ крушенія античнаго міра, и осталась религіей средневѣковаго феодализма?*

— Потому что сохранилась организація Церкви, какъ наиболѣе прочная изъ всего общества. А ея ученіе приспособилось

къ новому, феодальному строю: католицизмъ Среднихъ Вѣковъ во многомъ отличается отъ древняго христіанства. Переходъ изъ религіи рабовъ и пролетаріевъ въ феодальную облегчался тѣмъ, что міровозрѣніе и той и другой строго авторитарное.

III. Переходныя формы. 2) Крѣпостная система; 3) Ремесленно-цеховой строй; 4) Торговый капитализмъ.

а) Техника и экономическія отношенія.

— *Какія причины вызвали смѣну феодальной организаціи новыми формами на исходѣ Среднихъ Вѣковъ и въ началѣ Новаго времени?*

— Прогрессъ техники и общественнаго раздѣленія труда, выразившійся въ развитіи товарнаго обмѣна.

Въ сельскомъ хозяйствѣ техника оставалась застойной, орудія и пріемы земледѣлія почти или совсѣмъ не совершенствовались. Но происходилъ ростъ и улучшеніе методовъ ремесленнаго производства; оно отрывалось отъ деревни и сосредоточивалось въ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ города становились по преимуществу рынками, центрами торговли какъ ремесленными продуктами, такъ, разумѣется, и земледѣльческими, доставляемыми изъ деревни и необходимыми для самаго существованія города. Слѣдовательно, въ общественное раздѣленіе труда вовлекалась, при всей своей отсталости, и деревня, путемъ превращенія ея продуктовъ въ товары для городского рынка.

Этотъ процессъ перехода феодальнаго общества въ мѣновое шелъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, порождая на своемъ пути промежуточныя общественныя формы: ремесленно-цеховой строй въ городахъ, крѣпостное хозяйство въ деревнѣ, а затѣмъ господство торговаго капитала, преобразовавшее ту и другую организацію.

— *Почему въ городѣ и деревнѣ, двухъ областяхъ одной общественной системы, получилось разное общественное устройство?*

— Деревня, по своей экономической отсталости, не могла сбросить или хотя бы ослабить владычества феодаловъ; городъ же, быстро развивавшій свою промышленно-торговую жизнь, накопилъ силы, позволившія ему успѣшно бороться противъ феодальнаго ига—откупаться отъ него или свергать его оружіемъ. Въ деревнѣ, поэтому, вторженіе обмѣна вначалѣ только усилило эксплоатацію: феодалъ, имѣя возможность превращать прибавочный продуктъ въ деньги, и покупкою разнообразныхъ товаровъ расширять свои потребности, старался извлечь изъ крестьянъ наибольшую сумму прибавочнаго труда, увеличивалъ барщину и оброкъ. Крестьяне, отъ новыхъ тяготъ, часто бѣжали изъ деревни, и потому были затѣмъ прикрѣплены къ

землѣ; такъ и возникло крѣпостное право. Города же, напротивъ, организуясь для самозащиты отъ феодаловъ, выработали болѣе свободный строй: сначала аристократическій, подъ руководствомъ торговыхъ гильдій—денежной знати, потомъ демократическій, подъ управленіемъ ремесленныхъ цеховъ,—путь, аналогичный тому, какой прошли города античнаго міра, но только на этотъ разъ безъ рабства.—Естественно, что въ торговлѣ между городомъ и деревнею городъ, стоявшій на болѣе высокой ступени развитія, эксплоатировалъ деревню, т.-е., продавалъ свои товары выше ихъ стоимости.

— *Какое мѣсто занимали авторитарныя отношенія въ жизни деревенской и городской?*

— Въ деревнѣ они продолжали господствовать почти въ полной мѣрѣ, при чемъ утратили всякій остатокъ патріархальности, стали гораздо суровѣе, чѣмъ прежде: жажда денегъ направляла весь интересъ помѣщика въ сторону эксплоатаціи, забота о благосостояніи крестьянъ почти отпала. Въ городѣ же на первый планъ выступили мѣновыя связи; однако, и авторитарныя сохраняли большое значеніе: организація каждаго въ отдѣльности ремесленнаго или купеческаго хозяйства строилась на нихъ по-прежнему; власть хозяина надъ членами семьи и надъ другими, введенными въ предпріятіе, сотрудниками—подмастерьями, учениками, приказчиками—была приблизительно въ томъ же родѣ, какъ нѣкогда власть патріарха надъ общиною, правда, и съ тѣмъ же смягчающимъ родственнымъ характеромъ.

— *Въ какой формѣ проявляется властъ торговаго капитала?*

— Это—власть скупщика или кулака надъ мелкими производителями. Торговый капиталистъ—посредникъ между ними и рынкомъ; онъ покупаетъ на мѣстахъ, для перепродажи, продукты у крестьянъ, кустарей, ремесленниковъ, доставляетъ имъ матеріалы, орудія, при случаѣ—въ качествѣ ростовщика—деньги для поддержанія хозяйства. Трудность добраться помимо него до рынка, а затѣмъ—задолженность ставятъ ихъ во все болѣе полную зависимость отъ торговаго капиталиста, и онъ получаетъ возможность диктовать имъ всѣ условія производства, т.-е. на дѣлѣ руководить ихъ трудомъ, хотя по видимости они остаются самостоятельными хозяевами.

На болѣе высокой ступени торговаго капитализма, предприниматель прямо раздаетъ матеріалы и работу на̀ домъ подчиненнымъ мелкимъ производителямъ, и платитъ имъ за продуктъ сдѣльно, по заранѣе имъ установленной цѣнѣ. Это—такъ назыв. «домашне-капиталистическое производство».

Эксплоатацію торговый капиталъ доводитъ до крайней степени, потому что его силѣ—экономическому «закабаленію» мелкій производитель не можетъ ничего противопоставить.

— *Какія измѣненія въ общественномъ строѣ порождаются торговымъ капитализмомъ?*

— Собирая продуктъ мелкихъ производителей для мас-

совой продажи, заставляя ихъ своей эксплоатаціей увеличивать производство и усиленно спеціализироваться, онъ расширяетъ и углубляетъ общественное раздѣленіе труда; проникая повсюду, онъ всюду распространяетъ мѣновое, денежное хозяйство, и вытѣсняетъ тѣмъ самымъ остатки феодальнаго хозяйства и быта.

Раздробленная феодальная власть стѣсняетъ капиталъ въ его движеніяхъ, въ перемѣщеніяхъ товаровъ и торговыхъ операціяхъ. Поэтому онъ поддерживаетъ крупныхъ феодаловъ—королей, великихъ князей—въ дѣлѣ покоренія мелкихъ, или «собиранія земли». Городская ремесленная демократія также, въ интересахъ экономической безопасности и свободы обмѣна, поддержала собирателей земли. Феодалы были покорены, создалась абсолютная монархія или полицейско-бюрократическое государство.

Затѣмъ торговый капитализмъ сталъ подрывать крѣпостное право. Власть помѣщиковъ въ деревнѣ и необузданная эксплоатація ими крестьянъ мѣшали свободно развернуться торговому капиталу съ его аппетитами. Такъ какъ крѣпостное право не было выгодно никому, кромѣ помѣщиковъ, да и тѣ начинали искать новыхъ способовъ эксплоатаціи, потому что старые слишкомъ истощали деревню, къ невыгодѣ самихъ же помѣщиковъ, то борьба общественныхъ силъ привела, наконецъ, къ паденію крѣпостного права въ одной странѣ за другою.

b) Общій характеръ идеологическаго развитія эпохи.

— *Какъ вообще можно характеризовать идеологіи эпохи?*

— Въ соотвѣтствіи съ экономическими отношеніями, онѣ—переходныя. Онѣ полны смѣшанныхъ, и даже частью противорѣчивыхъ формъ. Авторитарное мышленіе съ отвлеченнымъ, религіозное съ научно-философскимъ то сплетаются такъ, что нуженъ очень тщательный анализъ, чтобы ихъ раздѣлить, то сталкиваются, какъ рѣзко враждебныя силы.

Тенденція развитія такова, что съ начала и до конца эпохи, лишь съ нѣкоторыми колебаніями, формы авторитарно-религіозныя отступаютъ передъ отвлеченно-фетишистическими,—однако и въ послѣднихъ ея стадіяхъ сохраняютъ еще огромную роль въ жизни.

— *Какіе главные моменты слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ идеологическомъ развитіи?*

— Во-1), великія открытія и изобрѣтенія эпохи; во-2), воскрешеніе классической культуры; въ-3), ереси и Реформацію. Всѣ эти три момента трудно разграничить во времени, такъ какъ перевороты въ разныхъ областяхъ культуры шли параллельно.

с) Великія открытія и изобрѣтенія.

— *Чѣмъ была вызвана полоса открытій и изобрѣтеній изучаемаго періода?*

— Практическими исканіями, возникшими изъ новыхъ экономическихъ потребностей. Жажда денегъ и нужда въ рынкахъ были основными двигателями этихъ исканій.

Жажда денегъ вообще свойственна товаропроизводителю, а тѣмъ болѣе—капиталисту. Деньги—орудіе обмѣна товаровъ, и потому наиболѣе полное, наиболѣе чистое воплощеніе мѣновой цѣнности: на нихъ можно купить что угодно, всякій товаръ стремится къ обмѣну на деньги; но при покупкахъ онѣ истрачиваются, а съ ними—экономическая сила ихъ владѣльца. Отсюда—желаніе имѣть и пріобрѣтать какъ можно больше денегъ, переходящее у капиталиста, особенно торговца или ростовщика, въ настоящую страсть накопленія—своеобразный «мѣновой фетишизмъ чувства».

Но помимо этого общаго закона, жажду денегъ обострялъ въ тѣ времена дѣйствительный ихъ недостатокъ въ системѣ рынка. Количество золота и серебра въ Европѣ сильно уменьшилось за періодъ средневѣкового феодализма. Добываніе ихъ, которое не было значительнымъ и въ античную эпоху, пришло совсѣмъ въ упадокъ, благодаря какъ безчисленнымъ грабительскимъ войнамъ эпохи, такъ и просто истощенію старыхъ рудниковъ. Раньше накопленные запасы денежныхъ металловъ сильно растаяли: часть исчезла въ ряду вѣковъ путемъ стиранія монетъ, часть затерялась въ видѣ «кладовъ», зарытыхъ въ землѣ во время разныхъ междоусобій, часть ушла къ купцамъ восточныхъ странъ въ уплату за предметы роскоши для европейскихъ феодаловъ. Когда общественное хозяйство стало вновь принимать товарно-мѣновую форму, денегъ, какъ покупательнаго и платежнаго средства, оказалось мало для возросшей во много разъ потребности въ нихъ. Это было большимъ стѣсненіемъ для мѣнового процесса. Цѣнность золота и серебра чрезвычайно возросла; и началось усиленное исканіе новыхъ источниковъ ихъ добыванія или пріобрѣтенія.

Отсюда и стремленіе найти новые рынки, особенно такіе, которые были бы обильны золотомъ и серебромъ. Торговый капиталъ быстро развивалъ массовое производство для рынка; но покупательная сила этого рынка, пока онъ ограничивался Европою, не могла расти съ такой скоростью.

— *Какимъ же именно путемъ исканія денегъ и рынковъ вело къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ?*

— Вопросъ о добываніи золота и серебра послужилъ могучимъ толчкомъ къ изслѣдованію природы вообще; вопросъ о рынкахъ—къ дальнимъ путешествіямъ, сухопутнымъ и особенно океаническимъ, какія не предпринимались раньше. По первому методу работали алхимики, по второму—авантюристы

открыватели земель. Тѣ и другіе были представителями одного историческаго настроенія, однородной психологіи.

Именемъ «алхиміи» обозначались въ тѣ времена всѣ знанія о природѣ веществъ и жизни, зачатки химіи, минералогіи, физіологіи, патологіи, не обособленные тогда другъ отъ друга, и въ наибольшей части заимствованные у арабовъ, которые въ свою очередь взяли основы своихъ натуралистическихъ знаній отъ грековъ. Цѣлью занятій алхиміей ставилось отысканіе «философскаго камня», превращающаго неблагородные металлы въ золото и дающаго обладателю возможность неограниченно длить свою жизнь. Это былъ, въ сущности, просто символъ для выраженія могущества науки; но мышленіе, воспитанное феодальнымъ средневѣковьемъ, понимало еще символы не отвлеченно, а образно, принимало ихъ за живыя реальности; и жажда золота оживляла научную дѣятельность алхимиковъ.

Черезъ алхимиковъ перешли въ Европу съ Востока важныя технически-научныя пріобрѣтенія, такія, какъ приготовленіе кислотъ, писчей бумаги, многія медицинскія средства, и т. п. Со своей стороны алхимики, стремясь путемъ опытовъ проникнуть въ природу вещей, дѣлали важныя и полезныя открытія; изъ нихъ на первомъ планѣ надо поставить приготовленіе пороха, съ его огромнымъ вліяніемъ на ходъ борьбы новаго общества противъ силы военныхъ феодаловъ. Подобныя открытія, хотя не вели къ основнымъ цѣлямъ алхиміи, не затеривались, однако, въ лабораторіяхъ алхимиковъ, а распространялись въ обществѣ, и находили широкое практическое примѣненіе; въ этомъ сказывалась прогрессивная тенденція, вносимая въ жизнь мѣновыми отношеніями.

Индія въ древности являлась для Европы главной поставщицей денежныхъ металловъ; но прямыя, сухопутныя связи съ ней были разорваны мусульманскимъ завоеваніемъ промежуточныхъ странъ—Византіи, Малой Азіи, Сиріи, Персіи. Преданія объ Индіи пріобрѣтали въ средне-вѣковой Европѣ полумиѳическій характеръ, и въ началѣ Новаго времени отысканіе морского пути въ нее сдѣлалось завѣтной мечтой смѣлыхъ мореплавателей—купцовъ и авантюристовъ. Индія была для нихъ такимъ же золотымъ идеаломъ, какъ философскій камень для алхимиковъ; и здѣсь также, въ поискахъ идеала, было найдено очень многое, чего не искали: цѣлый рядъ неизвѣстныхъ раньше странъ Америки, затѣмъ вся Африка, и еще новыя страны Азіи, Океанія. Была въ томъ числѣ найдена и сама Индія—не миѳическая, а реальная; но еще за шесть лѣтъ до того, какъ въ нее проникъ Васко де-Гама, Колумбъ, открывая Америку, былъ увѣренъ, что нашелъ ту же Индію.

— *Какую роль сыграло исканіе новыхъ рынковъ въ развитіи научныхъ методовъ и знаній?*

— Оно тоже послужило двигателемъ цѣлаго ряда изслѣдованій и открытій. Такъ, трудности океаническаго морепла-

ванія требовали новыхъ, болѣе совершенныхъ способовъ оріентировки на морѣ, чѣмъ тѣ, какими могло довольствоваться прежнее плаванье, направлявшееся, главнымъ образомъ, вдоль береговъ. Возникло примѣненіе компаса, и затѣмъ, въ связи съ нимъ, изученіе магнетизма вообще.—Далѣе, старыя астрономическія таблицы, дошедшія отъ древнихъ астрономовъ, уже стали негодны для опредѣленія мѣста и направленія въ пути, потому что ихъ первоначальныя неточности, накопляясь въ ряду вѣковъ, возрасли до значительныхъ размѣровъ. Одинъ испанскій король, въ XIII вѣкѣ, организовалъ, поэтому, коллективныя работы нѣсколькихъ десятковъ ученыхъ для составленія новыхъ таблицъ. Изъ этихъ таблицъ впослѣдствіи произошелъ величайшій научный переворотъ: изучая ихъ съ цѣлью возможно точнѣе и проще установить ихъ закономѣрности, Коперникъ, въ XV вѣкѣ, пришелъ къ своей теоріи вращенія земли вокругъ солнца.

Аналогичныя побужденія привели къ усовершенствованью угломѣрныхъ инструментовъ, при помощи которыхъ составляются и практически примѣняются звѣздныя таблицы, а также—важнѣйшаго астрономическаго орудія—часовъ. При феодальномъ, и даже еще при вольно-ремесленномъ способѣ производства часы являлись излишней роскошью: достаточно было приблизительнаго разсчета времени на глазъ, по положенію солнца и звѣздъ. Но въ дальнихъ путешествіяхъ и плаваньяхъ точные часы—незамѣнимый инструментъ для опредѣленія долготы, да и вообще для многихъ операцій оріентировки.

Въ связи съ тѣми же условіями путешествій и потребностями практической астрономіи выступили, далѣе, изобрѣтенія въ области оптики: зрительныя трубы, телескопы, и т. д.,—орудія точнаго наблюденія и измѣренія.

Какъ видимъ, исканіе рынковъ само по себѣ вызвало огромный прогрессъ научныхъ методовъ въ различныхъ отрасляхъ. А затѣмъ открытіе обширнѣйшихъ странъ, съ иной, богатой природою, дало европейцамъ гигантское поле новаго опыта, неиспытанныхъ раньше впечатлѣній, а отсюда—новыхъ знаній и мыслей.

— *Какое техническое изобрѣтеніе эпохи имѣло исключительно большое вліяніе на ходъ идеологическаго развитія?*

— Книгопечатаніе (середина XV вѣка). Оно быстро сдѣлалось могущественнѣйшимъ методомъ распространенія новыхъ идей, и въ области культуры нанесло еще болѣе сильный ударъ остаткамъ средневѣковья, чѣмъ примѣненіе пороха—въ области матеріальной борьбы общественныхъ силъ.

— *Заключалась ли такая громадная идеологическая сила въ книгопечатаньи самомъ по себѣ?*

— Нѣтъ, разумѣется. Изобрѣтеніе это, технически-простое, сводящееся къ употребленію подвижныхъ буквъ для печати, тогда какъ раньше пользовались только неподвижными зна-

ками, гравированными на доскахъ, получило свое значеніе отъ соціально-исторической обстановки. Если бы оно было сдѣлано двумя-тремя вѣками раньше, когда знанія, и даже грамотность являлись привилегіей немногихъ избранныхъ, оно осталось бы безплоднымъ: не для кого было печатать. Гуттенбергу и въ голову не пришло бы найти выгоднымъ приготовленіе буквъ и процессъ набора, если бы въ его время не было огромнаго спроса на рукописныя книги. Спросъ же этотъ создался въ результатѣ начавшейся въ ту эпоху д е м о к р а т и з а ц і и з н а н і й.

d) П е р в ы е ш а г и д е м о к р а т и з а ц і и з н а н і й.

— *Насколько были распространены въ обществѣ знанія къ концу Среднихъ Вѣковъ?*

— Не только для крестьянской массы, но и для свѣтскихъ феодаловъ глубочайшее невѣжество было правиломъ, простая грамотность—рѣдкимъ исключеніемъ. Это и не составляло практическаго неудобства: тогдашнее хозяйство, съ его однообразно повторявшимися отношеніями людей, съ его застойной техникой, легко обходилось обыденнымъ, устно передававшимся опытомъ, и почти не нуждалось въ письменности. А если возникалъ необычный случай, когда требовалось ея примѣненіе, то дѣло бралъ на себя жрецъ, который заботливо сохранялъ отъ непосвященныхъ монополію своихъ «высшихъ знаній».

— *Могло ли продолжаться такое положеніе при развитіи обмѣна товаровъ?*

— Нѣтъ, условія тутъ измѣнились. Обращеніе товаровъ и кредита, по мѣрѣ своего расширенія, порождали потребность и въ точномъ счетѣ, и въ примѣненіи письменныхъ документовъ—расписокъ, долговыхъ обязательствъ, и т. п. Грамотность становилась необходима товаропроизводителю для сколько-нибудь успѣшнаго выполненія функцій, связанныхъ съ рынкомъ.

— *Значитъ ли это, что вмѣстѣ съ денежнымъ хозяйствомъ элементарное образованіе распространилось въ массахъ народа и стало всеобщимъ?*

— Нѣтъ, до этого было еще далеко. Эпоха была переходною: мѣновыя отношенія завоевывали шагъ за шагомъ господство, но еще во многомъ и многомъ жизнь опредѣлялась не ими. Напр., очевидно, что во времена крѣпостного права большинство крестьянъ, вовлеченное въ товарообмѣнъ косвенно, черезъ помѣщика, продававшаго на рынкѣ полученный съ нихъ прибавочный продуктъ, могло и должно было коснѣть въ прежнемъ невѣжествѣ; и помѣщики, въ своихъ интересахъ, заботились объ этомъ. Даже послѣ освобожденія крестьянъ, повсюду требовалось еще долгое время, чтобы грамотность охватила всю ихъ массу, и это вообще не было достигнуто въ предѣлахъ періода торговаго капитализма.

Но все-же произошла очень большая перемѣна. Тѣ знанія,

которыя мы теперь называемъ «начальными», быстро перестали быть привилегіей немногихъ, и сдѣлались довольно обычными, по крайней мѣрѣ, среди горожанъ, а также захватили въ крестьянствѣ верхніе слои, спеціализировавшіеся на торговлѣ и ростовщичествѣ, слои «кулаковъ», «богатѣевъ».

При этомъ темнота и невѣжество остальной массы послужили для торговаго капитала могучимъ орудіемъ ея закабаленія, а затѣмъ и разоренія, подготовлявшаго дорогу высшей формѣ—промышленному капиталу.

— *Ограничивался ли процессъ распространенія знаній одной грамотностью?*

— Нѣтъ, онъ касался и знаній болѣе сложныхъ. Мы уже видѣли, напр., насколько все торговое мореплаваніе нуждалось въ астрономіи, математикѣ, и т. п. Исканіе рынковъ и разраставшіяся связи съ отдаленными странами, а также часто ощущавшаяся зависимость рыночной конъюнктуры отъ политическихъ условій—государственныхъ мѣропріятій, войнъ, договоровъ о таможенныхъ тарифахъ—толкали къ ознакомленію съ географіей, иностранными языками, исторіей, къ изученію законовъ и обычаевъ. Многочисленность и разнообразіе обращавшихся товаровъ, необходимость разбираться въ ихъ качествахъ и способахъ производства, дѣлали практически необходимыми въ торговлѣ разныя другія отрасли техническихъ наукъ, и связанныхъ съ ними естественныхъ. Зависимость людей отъ рынка, измѣнчивость конъюнктуры заставляли общественную мысль работать надъ экономическими вопросами, и зарождавшіяся знанія въ этой области вызывали живой интересъ въ передовой публикѣ.

Конечно, распространеніе болѣе сложныхъ научныхъ знаній было уже, чѣмъ простой грамотности. Но всѣ они не могли уже быть привилегіей того или иного сословія, а равно не могли носить священно-традиціоннаго, мистическаго характера «высшихъ», жреческихъ знаній феодальной эпохи.

Книгопечатаніе пріобрѣло свою силу, какъ мы видѣли, отъ этой начавшейся демократизаціи знаній; но затѣмъ оно же явилось ея самымъ могущественнымъ орудіемъ.

— *На какія рамки или препятствія наталкивался процессъ демократизаціи знаній?*

— Съ одной стороны, сопротивленіе феодальныхъ классовъ, сеньёровъ свѣтскихъ и жрецовъ: для нихъ невѣжество массъ было соціальной опорою, жизненной необходимостью. Съ другой стороны—превращеніе знаній въ товаръ, который приходится покупать цѣною денегъ; это еще долго преграждаетъ путь къ образованію самымъ многочисленнымъ слоямъ общества, особенно же въ эпоху систематическаго ихъ разоренія торговымъ капиталомъ.

Но все-таки, черезъ всѣ трудности, порой съ колебаніями, демократизація науки шла уже тогда: жажда знаній, какъ силы,

помогающей личности пролагать себѣ дорогу въ соціальной борьбѣ, разливалась въ обществѣ.

е) Возрожденіе классическихъ идеологій.

— *Какой историческій смыслъ имѣло воскрешеніе остатковъ античной культуры?*

— Античная культура была создана обществомъ если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ мѣновымъ, и притомъ тѣми его слоями, которые жили по преимуществу въ сферѣ денежно-товарныхъ отношеній. Феодальное общество Среднихъ Вѣковъ, пришедшее на смѣну античному, было не мѣновымъ, а натурально-хозяйственнымъ, и потому лишь въ малой степени могло воспользоваться культурнымъ наслѣдствомъ древняго міра. Когда, на зарѣ Новаго времени, вновь начала складываться товарно-мѣновая организація, то потребовалась вновь и мѣновая идеологія; а она была высоко выработана классическимъ міромъ. Такимъ образомъ, нарождавшееся общество въ остаткахъ древности находило для себя массу готовыхъ организующихъ формъ, которыя какъ нельзя легче могло частью прямо примѣнить, частью приспособить къ своимъ условіямъ, измѣнивши постольку, поскольку его формы отличались отъ формъ античнаго общества.

Выработка всякой идеологіи вообще достигается лишь цѣною огромной и длительной работы; а особенно это относится къ сложнѣйшей идеологіи буржуазнаго общества, полнаго противорѣчій. Поэтому легко себѣ представить, насколько важное сбереженіе соціальной энергіи получалось благодаря воскрешенію античной культуры, насколько облегчалось и ускорялось имъ соціальное развитіе. Въ этомъ заключалось тогда революціонное значеніе возрожденнаго классицизма. Такъ въ наше время отсталыя страны, выступающія на путь промышленнаго капитализма и классовой борьбы, не вырабатываютъ каждая заново свои классовыя идеологіи, а заимствуютъ ихъ у странъ болѣе старой капиталистической культуры, лишь нѣсколько измѣняя сообразно своимъ особеннымъ условіямъ, сберегая иногда цѣлыя столѣтія для своего развитія.

— *Что такое «схоластика», и какую роль она играла въ возрожденіи классической древности?*

— Буквально это слово значитъ «школьная наука». Она преподавалась въ средневѣковыхъ университетахъ, и первоначально была средствомъ подготовки духовныхъ пастырей. Тогда она сводилась къ истолкованію священныхъ книгъ, а также произведеній Аристотеля, относящихся къ логикѣ; эти произведенія языческаго философа сохранились въ школьной наукѣ потому, что давали правила точнаго истолкованія, доказательства, дедукціи на основѣ разъ принятыхъ истинъ; а это требовалось для широкаго использованія непреложныхъ ученій религіи въ церковной проповѣди, и вообще въ жреческой дѣятельности,

Схоластика была, какъ тогда выражались, служанкой богословія.

Вѣку къ XII—XIII до схоластиковъ дошли, черезъ арабовъ, и другія произведенія Аристотеля, образующія своего рода научно-философскую энциклопедію древности. Феодализмъ уже разлагался, и католическое богословіе было недостаточной идеологіей для новыхъ отношеній. Наука и философія Аристотеля встрѣтили горячій пріемъ, и вызвали переворотъ въ схоластикѣ, которая стала искать истины и на новомъ пути, что породило въ ней немало прогрессивныхъ для того времени, а слѣдовательно, еретическихъ идей. Схоластика тогда прокладывала путь для новаго міровоззрѣнія, а въ частности—для гуманизма, стремившагося воскресить всѣ великія идеологическія творенія древняго міра, о культурной силѣ котораго можно было судить по генію Аристотеля.

Впослѣдствіи, когда на сцену выступили теченія болѣе широкія и глубокія—гуманизмъ, Реформація—схоластика пришла въ упадокъ, и выродилась въ то, что обыкновенно называютъ теперь этимъ именемъ: безсодержательное упражненіе въ логическихъ тонкостяхъ, стремящееся изъ какихъ-нибудь заранѣе принятыхъ «истинъ» выводить неограниченное количество новыхъ, —на дѣлѣ, разумѣется, либо не новыхъ, а уже заключающихся въ томъ, что было признано, либо выведенныхъ не научно, произвольно, съ помощью чисто словесныхъ ухищреній.

— *Что представлялъ «гуманизмъ?»*

— Съ внѣшней стороны, гуманизмъ характеризуется интересомъ къ произведеніямъ античнаго искусства, науки, философіи: разыскиваньемъ того, что отъ нихъ осталось, ихъ изученіемъ, подражаніемъ ихъ образцамъ. Въ дѣйствительности, онъ представлялъ нѣчто гораздо большее,—иначе и не сдѣлался бы необыкновенно широкимъ, по тѣмъ временамъ, и вліятельнымъ культурнымъ теченіемъ. Гуманизмъ былъ первой попыткой новаго европейскаго общества систематизировать индивидуалистическое міровоззрѣніе. Онъ сознательно ставилъ своей цѣлью «humana», «человѣческое» (отсюда и слово «гуманизмъ»), въ противоположность «божественному», «divina», царившему до тѣхъ поръ безраздѣльно надъ жизнью.

Другими словами, человѣческая л и ч н о с т ь, съ ея особыми интересами, съ ея жаждой силы, знанія, красоты, счастья, заявляла свои права, противопоставляя ихъ правамъ а в т о р и т а р н о й т р а д и ц і и, подавляющей опекѣ католицизма. Большей частью, вначалѣ, это не былъ еще прямой, открытый бунтъ противъ самой феодальной религіи: гуманисты хотѣли, главнымъ образомъ, того, чтобы внѣ религіозной сферы обязанностей человѣкъ могъ жить «человѣческимъ», чтобы свою «мірскую» жизнь люди устраивали безъ вмѣшательства католической церкви. Но это значило—свести роль духовенства къ дѣламъ культа и благотворительности, тогда какъ раньше оно было

мирнымъ организаторомъ всей общественной жизни. Естественно, что въ дальнѣйшемъ борьба разгоралась и обострялась: изъ рядовъ гуманизма вышли многіе крупные дѣятели ересей и Реформаціи, чаще умѣренные, но иногда и такіе рѣшительные бойцы, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.

— *Если гуманисты искали въ античной культурѣ всего только «человѣческаго», то какъ относились они къ столь сильнымъ еще въ ней элементамъ «божественнаго», т.-е., къ ея авторитарной и религіозной сторонѣ?*

— Частью они принимали и эти элементы, потому что сами еще являлись идеологами промежуточныхъ формъ; напр., древнее рабство для большинства изъ нихъ казалось вещью естественной и понятной, какъ и крѣпостное право вокругъ нихъ. Что же касается собственно религіозно-языческой стороны древняго искусства и литературы, то для воспитанныхъ въ христіанствѣ гуманистовъ она не могла имѣть того значенія, какъ для самихъ грековъ и римлянъ, а воспринималась, какъ своего рода художественное украшеніе. Это особенно замѣтно на подражательныхъ произведеніяхъ самихъ гуманистовъ, гдѣ нерѣдко языческіе боги и католическіе святые перемѣшиваются и выводятся вмѣстѣ причудливымъ образомъ.

— *Ограничивался ли гуманизмъ только изученіемъ древнихъ образцовъ и подражаніемъ имъ?*

— Нѣтъ, онъ былъ таковъ развѣ лишь въ самомъ началѣ. Гуманисты были людьми своего времени, жили его интересами, старались удовлетворять его потребностямъ. Многіе являлись публицистами, обличителями недостатковъ общественной жизни, какъ знаменитые Эразмъ и У. фонъ Гуттенъ; въ Италіи задолго до нихъ Боккачьо въ остроумно-сатирической формѣ осмѣивалъ пороки католическаго духовенства, и даже феодальныхъ сеньеровъ. Тотъ же Боккачьо занимался одинъ изъ первыхъ научно-популяризаторской работой, мечталъ объ энциклопедіи знаній, дѣлалъ даже самъ попытки въ этомъ направленіи. Другіе гуманисты работали въ разныхъ областяхъ науки, иные были политиками и соціологами, какъ одинъ изъ позднѣйшихъ, Томасъ Моръ, авторъ «Утопіи». Изъ древней идеологіи они черпали средства, чтобы выражать и оформливать новыя практическія тенденціи, чтобы все рѣшительнѣе критиковать отживающее съ новой точки зрѣнія. Подражательная форма ихъ литературы не мѣшала исторической оригинальности ея содержанія, и съ развитіемъ гуманизма уступала мѣсто формамъ все болѣе самостоятельнымъ, вырабатывавшимся заново.

Новое искусство, пройдя черезъ школу античнаго, обучившись его художественнымъ пріемамъ, въ свою очередь пошло дальше, независимыми путями; выражая иную жизнь, иныя настроенія, оно по богатству содержанія и красотѣ формъ оказалось вполнѣ достойно классическихъ образцовъ, частью даже

ихъ превзошло. Геніальное творчество эпохи Возрожденія и нынѣшнимъ поколѣніямъ представляется недосягаемо высокимъ.

Всѣ культурно-революціонныя теченія развиваются аналогичнымъ образомъ: они сначала пользуются старыми, готовыми формами, чтобы вкладывать въ нихъ свое новое содержаніе; но по мѣрѣ его роста создаютъ иныя, оригинальныя, болѣе приспособленныя къ нему.

— *Какое значеніе въ жизни тогдашняго общества имѣла рецепція («принятіе») римскаго права?*

— Она также отнюдь не была дѣломъ простого подражанія. Дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы возсоздать античныя формы гражданской жизни, а о томъ, чтобы поддержать и укрѣпить нарождавшуюся буржуазную организацію, во многомъ отличавшуюся отъ древней рабовладѣльческой. Римское право должно было, главнымъ образомъ, кристаллизовать и упрочить частную собственность, являющуюся основой буржуазныхъ отношеній, какъ она являлась раньше основою рабовладѣльческихъ.

Феодализмъ и недостаточно развилъ частную собственность, и недостаточно ее ограждалъ. Собственность на землю оставалась еще во многихъ случаяхъ общинной, или неопредѣленной: значительная часть земли находилась въ мірскомъ владѣніи крестьянъ, часть въ совмѣстномъ пользованіи у нихъ съ помѣщиками. Римское право послужило орудіемъ уничтоженія такихъ формъ; въ массѣ случаевъ это повело къ экспропріаціи крестьянъ: занятыя ими земли объявлялись собственностью ихъ помѣщика, данною имъ лишь въ пользованіе; помѣщикъ могъ сгонять ихъ, могъ «огораживать» для себя земли, находившіяся въ совмѣстномъ у него пользованіи съ ними, и т. п. Римское право помогало помѣщикамъ превратить вассальныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ помѣщичьей земли, а затѣмъ, когда это стало выгоднѣе—замѣнять ихъ вольными арендаторами или наемными батраками.

Въ то же время, римское право должно было и ограждать индивидуальную собственность, положеніе которой при феодальномъ правѣ оказывалось на каждомъ шагу неустойчивымъ и ненадежнымъ, уже въ силу огромнаго разнообразія нормъ, ее регулировавшихъ: вопросы о спорномъ имуществѣ, о наслѣдованьи, и т. п., въ однихъ мѣстахъ рѣшались, по обычаямъ, такъ, въ другихъ иначе; и для произвола судебной власти, находившейся, чаще всего, въ рукахъ феодаловъ, открывался неограниченный просторъ. Римское право внесло опредѣленность и единство въ имущественныя отношенія.

f) Ереси и Реформація.

— *Откуда происходили ереси въ католической церкви?*

— Католицизмъ былъ христіанствомъ, переработаннымъ

примѣнительно къ феодальному строю: онъ представлялъ организацію міра въ образѣ цѣпи сюзеренно-вассальныхъ отношеній, высшія звенья которой были образованы іерархіей святыхъ; онъ проповѣдывалъ массамъ добродѣтели смиренія и терпѣнія, соотвѣтствующія условіямъ ихъ жизни при феодализмѣ; онъ давалъ духовенству неограниченныя руководительскія права въ обыденной жизни, подкрѣпленныя знаніемъ всѣхъ отношеній паствы, получавшимся черезъ исповѣдь, и т. д. Когда развитіе мѣновыхъ связей начало расшатывать феодализмъ, тогда его католическая идеологія перестала удовлетворять не только передовыхъ и образованныхъ людей, которые могли найти путь къ античной культурѣ, но и массы, поскольку онѣ втягивались въ обмѣнъ товаровъ, въ новыя экономическія формы жизни. Міровоззрѣніе массъ было еще всецѣло религіознымъ; понятно, что и потребность въ новыхъ идеологіяхъ вылилась тамъ въ религіозныя исканія. Отсюда и возникло огромное большинство ересей. Онѣ зарождались чаще всего въ экономически-передовыхъ областяхъ; такъ, одна изъ раннихъ, альбигойская ересь, затопленная потомъ въ крови еретическаго населенія, охватила югъ Франціи, гдѣ особенно по тогдашнему времени процвѣтали ремесла, садоводство и связанная съ ними торговля. Ереси являлись зародышевой стадіей мѣновой идеологіи.

— *Въ чемъ обнаруживался такой характеръ ересей?*

— Онѣ проповѣдывали христіанскую нравственность равную и обязательную для всѣхъ, а не различную по сословіямъ,— требовали, чтобы и высшія сословія проявляли любовь, кротость и смиреніе, и не налагали на народъ слишкомъ тяжелое бремя терпѣнія. Ереси возставали спеціально противъ организаторскихъ привилегій духовенства и противъ колоссальнаго обогащенія его корпорацій,—часто также и противъ безбрачія, облегчавшаго это обогащеніе. Затѣмъ, ереси покушались и на католическое представленіе объ организаціи міра,—отрицали значеніе святыхъ, которые были, въ сущности, для тогдашняго католическаго сознанія низшими божествами въ религіозно-феодальной ихъ цѣпи. Борьба противъ духовенства, его власти и эксплоатаціи стояла на первомъ планѣ, хотя это не всегда ясно для позднѣйшаго изслѣдователя, благодаря символическимъ способамъ выраженія. Напр., гусситы (послѣдователи чешскаго проповѣдника Яна Гуса, въ началѣ XV вѣка) однимъ изъ главныхъ требованій выставляли причащеніе мірянъ «подъ обоими видами» (Тѣла и Крови Христовыхъ), тогда какъ у католиковъ подъ обоими видами причащается лишь духовенство, а міряне—подъ однимъ (Тѣла Христова). Въ дѣйствительности, это требованіе символизировало вообще уничтоженіе привилегій духовенства, и изъ него дѣлался выводъ о томъ, что пастыри должны выбираться мірянами.

— *Какая разница между ересями и Реформаціей?*

— Такая же, какъ между бунтами и революціей. Католи-

цизму долгое время удавалось силой подавлять еретическія движенія. Но развитіе мѣнового хозяйства привело, наконецъ, къ тому, что противъ духовныхъ феодаловъ выступили огромныя, самыя различныя общественныя силы. Короли и князья—собиратели земель, руководители полицейско-бюрократическаго государства—не могли дольше переносить, чтобы рядомъ съ ними существовала независимая отъ нихъ организація, съ такой экономической силой и властью надъ массами, и кромѣ того, весьма желали присвоить себѣ колоссальныя имущества духовнаго сословія; помѣщики, подчинившіеся королямъ и князьямъ и ставшіе опять руководящимъ классомъ въ государствѣ, также должны были получить отъ экспропріаціи духовенства большія выгоды, и, кромѣ того, съ уменьшеніемъ церковныхъ поборовъ, могли соотвѣтственно усилить эксплоатацію своихъ крестьянъ. Крестьяне видѣли въ духовенствѣ не только присвоителей «десятины» (церковнаго налога на продукты и доходы), но и проповѣдниковъ покорности, защитниковъ крѣпостного права. Горожане, ремесленно-торговое сословіе, болѣе образованное, чѣмъ другія, и вольнолюбивое, воспитанное на демократизмѣ цеховой организаціи, не только находили излишними церковные поборы, но и не мирились съ крайне-авторитарнымъ духомъ католицизма, подавлявшимъ свободную мысль и личную инициативу.—Выступленіе всѣхъ этихъ силъ противъ католической церкви образовало великую революцію эпохи торговаго капитализма, носящую имя Реформаціи.

— *Представляла ли Реформація единое религіозно-идейное теченіе?*

— Нѣтъ, отдѣльные классы, и даже соціальныя группы выдвинули свои особыя доктрины, такъ что движеніе разбилось на исповѣданія или секты. Напр., княжеско-помѣщичій протестантизмъ принялъ форму лютеранства, умѣреннаго, угодливаго передъ силой и властью, враждебнаго демократіи. Въ буржуазныхъ республикахъ Швейцаріи и Голландіи сложился кальвинизмъ, рѣзче порвавшій съ религіозной обрядностью, патріархально-суровый, какъ нравы тогдашней мѣщанской семьи, глубоко проникнутый отвлеченнымъ фетишизмомъ. По ученію кальвинистовъ, Богъ заранѣе предопредѣлилъ всю жизнь, всю судьбу людей, такъ что о каждомъ еще до его рожденія рѣшено, пойдетъ ли онъ въ вѣчное спасеніе или въ вѣчную гибель; этотъ Богъ есть очевидная копія «отвлеченной необходимости», отражающей, какъ мы знаемъ, непреложную въ мѣновомъ обществѣ и часто жестокую власть экономическихъ отношеній надъ людьми. Ремесленный пролетаріатъ городовъ—подмастерья, ученики—шелъ подъ знаменемъ анабаптизма, революціонно-демократичнаго, частью даже склонявшагося къ коммунистическимъ идеямъ; и т. д.

Вначалѣ всѣ протестантскія теченія довольно дружно боролись противъ общаго врага, объединившись на критикѣ ка-

толицизма и на требованіи свободы исповѣданья. Но послѣ первыхъ же побѣдъ надъ католицизмомъ, послѣ уничтоженія церковной десятины и захвата князьями церковныхъ имуществъ, эта армія неизбѣжно должна была распасться, не столько въ силу различія догмъ, сколько, разумѣется, въ силу противорѣчія скрывавшихся за ними интересовъ. Начались жестокія междоусобія; секты господствующія, какъ лютеранство въ Германіи, кальвинизмъ въ Швейцаріи, несмотря на только что провозглашенную ими свободу религіозной мысли, огнемъ и мечомъ, пытками и кострами преслѣдовали крайнія секты, представителей общественныхъ низовъ. Здѣсь особенно ясна служебная, практически-организаціонная роль идей въ соціальной борьбѣ.

— *Покончила ли Реформація съ авторитарнымъ міровоззрѣніемъ Среднихъ вѣковъ?*

— Нѣтъ. Во-1), остались цѣлыя страны, гдѣ католицизмъ удержалъ свою позицію: Италія, которой онъ былъ экономически выгоденъ, потому что она при помощи папства эксплоатировала весь католическій міръ, Испанія, гдѣ экономическое развитіе задержалось и смѣнилось упадкомъ. Во-2), самая революція произошла все-таки въ религіозныхъ, т.-е., еще авторитарныхъ формахъ, хотя ихъ содержаніе было уже въ значительной части иное. Свобода личнаго исповѣданія являлась выраженіемъ индивидуализма, но только зародышевымъ; да и она на дѣлѣ не удержалась.

Дѣло въ томъ, что торговый капитализмъ сохранялъ массу жизненныхъ связей съ остатками феодальной системы. Свои первые шаги въ накопленіи капитала онъ сдѣлалъ путемъ торговой и ростовщической эксплоатаціи помѣщиковъ, эксплоатировавшихъ крестьянство, и долго еще продолжалъ черпать силу изъ торговаго присвоенія крѣпостнической ренты. Помѣщичье полицейски-бюрократическое государство было необходимымъ покровителемъ торговаго капитала, который не въ силахъ былъ создать своей организаціи въ государственномъ масштабѣ. Идеологія эпохи не могла быть иной, какъ смѣшанной, переходной.

IV. Промышленный капитализмъ.

а) Техническія и экономическія условія.

— *Какія черты техники промышленнаго капитализма особенно важны для изученія его идеологій?*

— Во-1), ея стремительный прогрессъ;

во-2), ея колоссальное развѣтвленіе на спеціализированныя отрасли;

въ-3), возрастающая роль механическихъ методовъ въ про-

изводствѣ: сначала превращеніе ручного труда въ механическій путемъ его крайней детализаціи, дробленія на простѣйшіе элементы работы (техника мануфактуръ); затѣмъ переходъ къ машинѣ (новѣйшая научная техника).

— *Какія экономическія особенности промышленнаго капитализма существенно отражаются въ характерѣ его идеологій?*

— Во-1), производство становится всецѣло товарнымъ: остатки натуральнаго хозяйства здѣсь быстро исчезаютъ.

Во-2), пріобрѣтаетъ основное значеніе одинъ спеціальный товаръ—рабочая сила: организація труда происходитъ при посредствѣ покупки-продажи этого товара (договоръ найма).

Въ-3), неорганизованное сотрудничество (мѣновое раздѣленіе труда) расширяется на весь міръ; организованное (кооперація въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ) вырастаетъ до гигантскихъ въ сравненіи съ прежнимъ размѣровъ, охватывая въ иныхъ случаяхъ уже теперь десятки, даже сотни тысячъ работниковъ.

Въ-4), рыночная конкурренція развивается до величайшей напряженности, обусловливая и ускоренную концентрацію капитала, и огромную неустойчивость производственныхъ отношеній: перепроизводство, кризисы, и т. под.

Въ-5), усиливается и усложняется борьба соціальныхъ группъ; а затѣмъ ее заслоняетъ и оттѣсняетъ борьба классовъ, все болѣе опредѣленно разбивающая общество на два лагеря, капиталистовъ и пролетаріевъ.

— *Какими чертами можно сжато характеризовать жизнь промышленнаго капитализма, въ отличіе отъ предыдущихъ формацій?*

— Сложностью, противорѣчивостью, неустойчивостью, но также богатствомъ силъ и содержанія.

b) Масштабъ и общій типъ идеологическаго развитія эпохи.

— *Чѣмъ отличается духовная культура капитализма отъ предыдущихъ съ количественной стороны?*

— Невиданной грандіозностью, какъ и его техника. Это—необходимый результатъ выясненныхъ нами особенностей его общественно-практической организаціи.

Во-1), неизмѣримая сложность его техническаго и экономическаго механизма необходимо требуетъ и порождаетъ такую же сложность механизма мышленія. Каждый элементъ каждаго изъ безчисленныхъ видовъ орудій, матеріаловъ труда, каждый необходимый моментъ каждаго рода трудовыхъ операцій должны имѣть свои обозначенія въ словахъ-понятіяхъ; всѣ ихъ соотношенія должны быть выражены въ идеяхъ. Всякая отрасль обладаетъ своимъ спеціальнымъ языкомъ и своимъ, обыденнымъ и научнымъ, опытомъ. Въ общемъ языкѣ и общемъ по-

знаніи связывается опытъ десятковъ и сотенъ милліоновъ людей, накопляющійся въ ряду поколѣній. Богатство формъ далеко превосходитъ не только память отдѣльнаго человѣка, но и его воображеніе.

Затѣмъ, мы знаемъ, что всякое мѣновое общество, въ силу своей коренной неорганизованности, нуждается въ особенномъ развитіи нормъ, регулирующихъ его отношенія, организующихъ его, по крайней мѣрѣ, частично. При капитализмѣ это условіе обнаруживается въ наибольшей степени, потому что онъ есть наиболѣе законченная мѣновая система. Его внутреннія противорѣчія безчисленны и многообразны. Къ противорѣчіямъ рынка онъ присоединяетъ классовые антагонизмы и столкновенія групповыхъ интересовъ; всѣ они измѣнчиво переплетаются между собою. Борьба повсюду проникаетъ процессы общественной жизни, и при безпрепятственномъ развитіи должна была бы разрушить общество, раздробить его въ пыль. Нормы ограничиваютъ, вводятъ въ рамки эту тенденцію. Но, какъ бы онѣ ни были многочисленны и совершенны, онѣ не могутъ з а м ѣ н и т ь планомѣрнаго единства общественной организаціи; поэтому онѣ не способны и остановить возникновенія новыхъ противорѣчій, новыхъ антагонизмовъ. Оно же, въ свою очередь, ведетъ къ усложненію прежнихъ нормъ и выработкѣ еще иныхъ, и т. д. Сѣть нормъ, моральныхъ, и особенно правовыхъ, разрастается, запутывается. Она быстро старѣетъ въ однихъ своихъ частяхъ, оказывается недостаточной въ другихъ, и такимъ образомъ сама порождаетъ добавочныя противорѣчія; а это означаетъ опять-таки необходимость дальнѣйшаго созиданія нормъ. Такъ, нерѣдко введеніе новаго закона, или даже простое сохраненіе стараго среди измѣняющихся условій, вынуждаетъ множество дополненій, разъясненій, истолкованій, правилъ примѣненія, и пр.

Несмотря ни на какія усилія государства сокращать и упрощать узаконенія, юридическое творчество при капитализмѣ неизбѣжно развивается на подобіе лавины. Отсюда вытекаетъ слѣдующая несообразность, какъ нельзя болѣе характерная для современной правовой организаціи: государство предполагаетъ всѣ свои законы извѣстными всѣмъ гражданамъ, и не позволяетъ отговариваться ихъ незнаніемъ; въ дѣйствительности же масса законовъ такъ огромна, что отдѣльной личности вообще невозможно вмѣстить ее въ памяти.

— *Какіе способы мышленія господствуютъ въ идеологіяхъ капитализма?*

— Тѣ, которые мы нашли, изслѣдуя идеальное мѣновое общество: индивидуализмъ и отвлеченный фетишизмъ. Въ царствѣ капитала они развиваются до высшей ступени, какой вообще способны достигнуть, потому что только здѣсь мѣновое хозяйство вполнѣ вытѣсняетъ—по крайней мѣрѣ, къ концу эпохи—хозяйство натуральное. Рыночная война всѣхъ противъ

всѣхъ—источникъ индивидуализма,—и власть общественныхъ отношеній надъ людьми—основа мѣнового и вообще отвлеченнаго фетишизма—здѣсь развертываются до своихъ крайнихъ предѣловъ: бѣшеная конкурренція мірового рынка и его стихійные кризисы типичны для капиталистическаго общества.

— *Вполнѣ ли исчезаютъ при капитализмѣ авторитарные способы мышленія?*

— Нѣтъ; но они теряютъ самостоятельное, опредѣляющее значеніе. Дѣло въ томъ, что ихъ экономическій источникъ—авторитарное сотрудничество—не устраняется окончательно, а только сводится къ ограниченнымъ размѣрамъ и подчиненной роли въ жизни. Неорганизованное, мѣновое сотрудничество неспособно по самой своей сущности охватить жизнь общества всецѣло: она не можетъ быть построена анархически по всей линіи, во всѣхъ своихъ частяхъ; никакое широкое соединеніе человѣческихъ усилій для той или иной общей цѣли не было бы тогда осуществимо; напр., не было бы крупнаго производства. Капитализмъ поэтому д о л ж е н ъ сохранить остатки авторитарныхъ отношеній; но онъ приспособляетъ ихъ къ себѣ, своеобразно передѣлываетъ ихъ для себя.

Такъ, каждое предпріятіе въ отдѣльности организовано авторитарно: капиталистъ въ немъ хозяинъ и господинъ; онъ передаетъ часть своей власти наемнымъ агентамъ—директорамъ, инженерамъ, и пр.; работники подчиняются ему и имъ въ процессѣ производства. Но это не такое соотношеніе, какъ, положимъ, въ патріархальной общинѣ, гдѣ связь организатора съ исполнителемъ имѣетъ постоянный, безусловный, и притомъ личный характеръ: въ капиталистическомъ предпріятіи она не постоянна, а ограничена рабочимъ временемъ,—не безусловна, а обусловлена рыночнымъ договоромъ найма рабочей силы,—не объединяетъ строго опредѣленнаго, устойчиваго состава лицъ, а допускаетъ неограниченное ихъ замѣщеніе. Капиталистъ Иванъ всегда можетъ продать предпріятіе капиталисту Петру или акціонерному обществу, по миновaніи договорнаго срока перемѣнить весь составъ служащихъ и рабочихъ; патріархъ же у себя въ общинѣ не можетъ сдѣлать ничего подобнаго. Между капиталистомъ и рабочимъ стоитъ рынокъ; власть капиталиста имѣетъ источникомъ продажу-покупку рабочей силы; т.-е., товарно-мѣновое отношеніе. Авторитетъ капиталиста—это его деньги, мѣновая стоимость, которою онъ располагаетъ. Слѣдовательно, авторитарное сотрудничество здѣсь пропитано мѣновой, рыночной связью: образуется нераздѣльное сочетаніе обѣихъ формъ.

Авторитарные элементы характерны и для государства, политически-правовой организаціи, воплощающей въ жизнь общіе интересы буржуазныхъ классовъ. Въ самыхъ демократичныхъ республикахъ, какъ и въ монархіяхъ, бюрократическій аппаратъ представляетъ іерархію, т.-е. цѣпь власти-подчиненія. Но

въ то же время между государствомъ и его чиновниками существуетъ договоръ найма, который можетъ быть прекращенъ отставкой, т.-е., по существу, та же рыночная связь, періодическая покупка-продажа трудовыхъ способностей служащаго, смѣшеніе въ неразрывный комплексъ формъ авторитарной и мѣновой.

Болѣе чистый авторитаризмъ свойственъ военному аппарату государства—его арміи: солдатъ, обыкновенно, не наемникъ, а принудительно вводится въ эту организацію. Однако, по истеченіи нѣкотораго обязательнаго срока и онъ остается дальше, лишь если пожелаетъ, по спеціальному договору найма; офицерство же вообще является разновидностью бюрократіи.

Наиболѣе чистые пережитки авторитарной связи удерживаются въ семьѣ: власть отца надъ женой и дѣтьми, маленькій остатокъ древняго патріархата.

Въ соотвѣтствіи со смѣшанными видами практической связи между людьми, складываются и сохраняются смѣшанныя идеологическія формы, въ которыхъ комбинируются разные способы мышленія—авторитарный съ индивидуалистическимъ.

— *Какъ представлять себѣ подобныя комбинаціи?*

— Онѣ бываютъ весьма разнообразны; самые типичные ихъ примѣры можно найти въ философіи, особенно въ религіозной философіи, которая вся является образцомъ этого рода.

Такъ, «душа» есть фетишъ авторитарный: человѣкъ-организаторъ, помѣщенный въ человѣкѣ-исполнителѣ. Но въ мышленьи нашего времени душа—нѣчто гораздо менѣе содержательное, и болѣе отвлеченное; это—«я», которое думаетъ, чувствуетъ, желаетъ, распоряжается тѣломъ, но само не есть ни та или другая мысль, ни то или другое чувство, желаніе, усиліе: какая-то скрытая въ человѣкѣ сила, которая дѣлаетъ его существомъ сознательнымъ, «одушевленнымъ». Другими словами, душа есть то, что одушевляетъ тѣло, т.-е., она есть душа, и только,—а въ то же время отъ нея зависитъ жизнь тѣла; это вполнѣ аналогично тому, что стоимость есть стоимость, и отъ нея зависитъ обмѣнъ товара, или истина есть истина, и ею опредѣляется разумность идеи, и т. под. Фетишъ авторитарный принялъ знакомыя намъ черты фетишизма отвлеченнаго.

Другой примѣръ: въ новѣйшихъ религіяхъ и религіозныхъ философіяхъ божество теряетъ свои живыя формы человѣка—патріарха вселенной или ея царя. Что остается? Въ «деистическихъ» философіяхъ (названіе отъ латинскаго «deus»—богъ) только то, что оно—первопричина міра и источникъ его закономѣрности, т.-е., что оно—божество; въ «теистическихъ» (отъ греческаго «θεός»—тоже «богъ») къ этому прибавляется признаніе его «личности», но не такой, какъ человѣческія личности, съ тѣломъ, потребностями, страстями; смыслъ понятія о «личности» здѣсь сводится всецѣло къ тому, что божество имѣетъ свое «я», того же типа, какъ человѣческая душа; а мы видѣли, что это «я»

само—отвлеченный фетишъ. Въ новѣйшихъ религіяхъ божеству приписываются, въ разной мѣрѣ, мысли, желанія, чувства, напр., знаніе всѣхъ фактовъ, забота о мірѣ, любовь, гнѣвъ; но все это въ безтѣлесномъ, отвлеченномъ видѣ, въ «символическомъ» значеніи, какъ выражаются часто сами теологи.

Третій примѣръ—власть. Это—авторитарное отношеніе между людьми; но, какъ мы видѣли, она необходимо сохраняется при капитализмѣ. Для человѣка патріархальной, или феодальной эпохи власть—нѣчто неотдѣлимое отъ самого властителя; вѣрнѣе, она и есть этотъ властитель въ его дѣятельности. Для современнаго человѣка власть, это—право распоряжаться или приказывать, соединенное съ обязанностью другихъ людей подчиняться; другими словами, власть есть то, что свойственно властителю, или просто, власть, и только. Мысль о сотрудничествѣ организатора и исполнителя при этомъ совершенно отпадаетъ; да и не можетъ быть иначе, потому что приказывающій и подчиняющійся, большей частью, люди другъ для друга совершенно безразличные, очень часто даже другъ другу внутренно враждебные. Соціально-трудовое содержаніе власти исчезло изъ мышленія современнаго человѣка; а въ этомъ и заключается сущность отвлеченнаго фетишизма.

— *Насколько широко распространены при капитализмѣ подобныя смѣшанныя формы, и вообще остатки авторитарной идеологіи?*

— Они сохраняются, а порой возобновляются или усиливаются въ сознаніи разныхъ группъ и классовъ, соотвѣтственно тому, въ какихъ размѣрахъ и степени практически-авторитарныя тенденціи выступаютъ въ самой ихъ жизни.

Такъ, характерна роль современной буржуазной семьи, какъ опоры религіозныхъ представленій. Наблюдается на каждомъ шагу, что родители, равнодушные къ религіи съ ея обрядами, или даже прямо невѣрующіе, допускаютъ, а часто и спеціально заботятся о томъ, чтобы ихъ дѣтямъ внушались религіозныя понятія, выполненіе обрядовъ, и пр. Въ объясненіе этого приводятъ разные доводы и соображенія о потребностяхъ дѣтской души, о томъ, что дѣтей не надо лишать возможности самостоятельно выбрать впослѣдствіи между религіей и философіей, и т. под. Но существо дѣла, конечно, не въ этихъ отвлеченно-произвольныхъ аргументахъ, а въ томъ, что авторитарный строй семьи нуждается, для своего равновѣсія и гармоничности, въ авторитарной идеологіи: чтобы родительская власть принималась безъ колебаній и критики, безъ протеста юныхъ индивидуальностей, для этого долженъ быть укрѣпленъ патріархальный принципъ власти въ дѣтскихъ душахъ; а это и дѣлается религіозными идеями.

По той же самой причинѣ классы, стремящіеся къ болѣе авторитарной организаціи государства и общества, къ усиленію бюрократіи, права административнаго усмотрѣнія, и т. под.,

стараются по преимуществу поддерживать религію. Такова помѣщичья аристократія; такова и сама буржуазія въ эпоху своего упадка, когда силы начинаютъ измѣнять ей въ классовой борьбѣ съ пролетаріатомъ: авторитетъ сильной и консервативной власти становится тогда для нея якоремъ спасенія; и раньше враждебная религіи, она тогда начинаетъ всячески поддерживать ее, дѣлается «клерикальной».

Подобными же обстоятельствами объясняется то, что демократическіе перевороты въ разныхъ странахъ, подрывающіе силу авторитетовъ на практикѣ, сопровождаются ослабленіемъ религіозныхъ идеологій; а возстановленіе монархической власти—ихъ немедленнымъ укрѣпленіемъ. Напр., Наполеонъ, устраивая имперію на мѣстѣ республики, немедленно возобновилъ государственную поддержку религіи, при чемъ нашелъ опору во всѣхъ тѣхъ слояхъ французскаго общества, которые чувствовали потребность въ твердой власти.

Въ наше время на каждомъ шагу обнаруживается тѣснѣйшая связь клерикализма и вообще религіозныхъ тенденцій съ милитаризмомъ: сторонники первыхъ являются обыкновенно и сторонниками второго. Связь эта могла бы казаться крайне загадочною, ибо трудно представить дѣло само по себѣ болѣе анти-христіанское, чѣмъ массовое истребленіе человѣческихъ жизней; на дѣлѣ же она вполнѣ логична, потому что армія есть организація авторитарная, и своимъ назначеніемъ имѣетъ защиту власти.

Въ общемъ же, при капитализмѣ авторитарныя идеологіи, все-таки, имѣютъ характеръ лишь «пережитковъ». Даже самые религіозные люди нашего времени не могутъ жить всецѣло религіознымъ сознаніемъ, не способны ко всему въ жизни относиться съ религіозной точки зрѣнія, какъ это было въ авторитарныя эпохи. Никому или почти никому изъ нихъ не приходитъ въ голову разсматривать тотъ обыденно-практическій опытъ, которымъ они руководятся въ большинствѣ случаевъ жизни, а тѣмъ болѣе научное знаніе, какъ нѣчто подчиненное, подлежащее контролю священной традиціи; среди ученыхъ и философовъ есть клерикалы, но и они не считаютъ возможнымъ обосновывать свои теоріи текстами писанія. Они отстаиваютъ права религіознаго сознанія, какъ особой, неприкосновенной о б л а с т и въ человѣческой душѣ; и нельзя сказать, чтобы даже у нихъ эта область была особенно обширною. Притязанія же на цѣлое, на все мышленіе и чувство людей давно оставлены.

— *Сводятся ли всѣ идеологіи эпохи капитализма къ элементамъ индивидуалистическимъ и авторитарнымъ?*

— Нѣтъ. На основѣ машиннаго производства развивается въ широкихъ размѣрахъ новый типъ сотрудничества, раньше существовавшій лишь въ зародышѣ: однородная или товарищеская кооперація. Въ соотвѣтствіи съ нимъ складываются

новыя идеологіи—коллективистическія. Но хотя эти формы сотрудничества и мышленія принадлежатъ одному изъ классовъ, порождаемыхъ капитализмомъ, тѣмъ не менѣе ихъ нецѣлесообразно изучать вмѣстѣ съ другими, буржуазными его идеологіями. Это—зарожденіе новой соціальной организаціи со своей особой культурою въ рамкахъ стараго общества, съ которыми онѣ и сталкиваются, которыя онѣ стремятся разорвать, въ борьбѣ все болѣе обостряющейся. Изучить этотъ типъ идеологій удобнѣе отдѣльно, въ связи съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который долженъ, придя на смѣну капитала, развить ихъ въ полной мѣрѣ.

с) Наука и философія.

— *Какими чертами характеризуется при капитализмѣ развитіе познанія?*

— Во-1) научное, т.-е. систематизированное, планомѣрно вырабатываемое познаніе начинаетъ играть въ жизни огромную роль, которая съ ходомъ капиталистическаго прогресса еще болѣе и болѣе возрастаетъ. Техника машиннаго производства является всецѣло научной, т.-е., руководится точными вычисленіями, теоретическими расчетами и предвидѣніями.

Во-2), рядомъ съ науками техническими и естественными складываются науки соціальныя, раньше находившіяся въ зародышѣ. Онѣ—особенно политическая экономія—также пріобрѣтаютъ весьма важное значеніе въ жизни, а именно въ области экономической и политической организаціонной практики.

Въ-3), научная спеціализація доходитъ до высшаго предѣла; и въ то же время въ наукѣ усиливается противоположная ей тенденція, сближающая методы и выводы разныхъ отраслей.

— *Нѣтъ ли противорѣчія между нашимъ пониманіемъ соціальной причинности и господствомъ науки надъ техникой? Не сталъ ли технической прогрессъ при капитализмѣ опредѣляться научнымъ, идеологическимъ, тогда какъ мы раньше повсюду принимали обратное?*

— Нѣтъ, никакого противорѣчія и никакой перемѣны въ закономѣрности здѣсь нѣтъ. Если, напр., техническое изобрѣтеніе сначала является въ головѣ изобрѣтателя въ видѣ научной идеи, то сама эта идея зарождается отнюдь не изъ какого-нибудь чистаго мышленія, а изъ предыдущаго трудового опыта, который даетъ матерьялъ для нея, и изъ технической или экономической потребности, которая направляетъ работу мысли; и затѣмъ судьба изобрѣтенія зависитъ отъ его соотвѣтствія или несоотвѣтствія техническимъ и экономическимъ условіямъ, среди которыхъ его приходится осуществлять.

Напр., сила пара была извѣстна уже въ древности, благодаря многократнымъ практическимъ наблюденіямъ надъ тѣмъ, какъ тяжелая, плотно прикрывающая какой-нибудь кухон-

ный котелъ крышка приподнимается или даже отбрасывается при кипѣніи воды. Александрійскіе ученые построили нѣчто въ родѣ паровой машины, турбиннаго типа; но въ технику ихъ изобрѣтеніе не вошло, и въ наукѣ не удержалось: въ тогдашней практикѣ его не къ чему оказалось примѣнять; оно потонуло въ общемъ упадкѣ древняго міра.

Когда возникло крупное производство, и съ нимъ потребность въ большихъ механическихъ силахъ, которыя можно было бы производить въ любомъ мѣстѣ, тогда технически-научное мышленіе обратилось вновь къ изученію энергіи пара. Основной принципъ устройства паровыхъ машинъ, поршневый, былъ на этотъ разъ взятъ съ водяныхъ насосовъ, примѣнявшихся въ гидравлической техникѣ, и съ воздушныхъ насосовъ, повторяющихъ ту же модель. Первыя машины примѣнялись для грубыхъ работъ, главнымъ образомъ, въ горномъ дѣлѣ— для выкачиванія воды изъ шахтъ, размельченія руды, и т. п. На самой практикѣ ихъ примѣненія одно за другимъ возникали усовершенствованія, иногда по иниціативѣ приставленныхъ къ нимъ рабочихъ. Джемсъ Уаттъ собралъ воедино эти усовершенствованія, прибавилъ нѣкоторыя новыя, и машина получила технически-удобную форму, въ которой она могла примѣняться для самыхъ различныхъ производственныхъ цѣлей. Потребность въ такой машинѣ сильно ощущалась въ это время потому, что текстильная промышленность Англіи отъ ручной работы переходила къ примѣненію прядильныхъ и ткацкихъ механическихъ станковъ: для ручного пряденья и тканья паровая машина была бы, конечно, безполезна, и не получила бы того огромнаго распространенія въ производствѣ, которое знаменовало англійскую «промышленную революцію».

Техническая роль паровыхъ машинъ, послѣ этой революціи, вызвала стремленіе изслѣдовать въ общемъ видѣ законы ихъ дѣйствія. Такъ была основана, Леонаромъ Карно, термодинамика, подводившая теоретическіе итоги практическому опыту въ этой области. Изъ термодинамики Карно произошелъ законъ сохраненія энергіи въ ея превращеніяхъ, преобразовавшій всю физику, а за ней и другія естественныя науки. Законъ превращеній энергіи выражаетъ сущность не только дѣйствія паровыхъ машинъ, но машиннаго производства вообще. Смыслъ его тотъ, что работа не создается, а лишь превращается въ опредѣленныхъ пропорціяхъ изъ однихъ формъ въ другія; чтобы получить ее, надо находить ея техническіе источники въ природѣ, и планомѣрно, какъ это дѣлается въ машинахъ, производить условія, при которыхъ она переходила бы въ желательныя, заранѣе намѣченныя формы.

Законъ сохраненія энергіи—основа всѣхъ научныхъ расчетовъ, руководящихъ современной техникой; но самъ онъ, какъ видимъ, продуктъ предыдущаго развитія производства.

Такова роль науки: ея прогрессъ о п р е д ѣ л я е т с я прогрессомъ техники, потому что изъ него исходитъ, но въ свою очередь служитъ затѣмъ его могущественнымъ орудіемъ.

— *Однако, нерѣдко вѣдь бываетъ теперь и такъ, что чисто научныя изслѣдованія, предпринятыя въ химическихъ или физическихъ лабораторіяхъ, даютъ въ результатѣ новый технический методъ, который и вводится уже затѣмъ въ производство; примѣръ, хотя бы, гальванопластика, фотографія, недавнія открытія икс-лучей, радія, и пр. Не предшествуетъ ли здѣсь очевиднымъ образомъ идеологія техникѣ?*

— Не слѣдуетъ думать, что лабораторное изслѣдованіе есть просто идеологическій процессъ. П р е ж д е в с е г о, это процессъ техническій: онъ выполняется надъ опредѣленными, взятыми изъ природы, матеріалами, при помощи орудій, часто тѣхъ же, какъ и примѣняемыя въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, напр., въ химической индустріи, электротехникѣ, и пр. Результатъ изслѣдованія также, прежде всего, матеріальный, техническій. Разница съ промышленнымъ предпріятіемъ та, что задача работы не коммерческая, а научная; но объективнаго характера дѣла это нисколько не мѣняетъ. Нерѣдко даже и эта разница исчезаетъ: многіе научные институты приготовляютъ и на продажу спеціальные продукты—сыворотки для леченія, фармацевтическіе, химическіе препараты, и пр. Вся организація научныхъ предпріятій совершенно такая же, какъ и въ индустріальныхъ: наемный трудъ, раздѣленіе функцій, и т. д. Нерѣдко научное предпріятіе представляетъ просто отдѣлъ индустріальнаго; напр., на химическихъ заводахъ, красильныхъ фабрикахъ устраиваются лабораторіи для соотвѣтственныхъ изысканій.

Такимъ образомъ и въ научныхъ предпріятіяхъ идеологія вырабатывается не сама изъ себя, какъ въ кабинетѣ какого-нибудь метафизика, а на технической основѣ. Но все-же тутъ передъ нами важная отличительная особенность промышленнаго капитализма: новые техническіе методы вырабатываются уже не только стихійнымъ образомъ, какъ результатъ накопленія случайно находимыхъ усовершенствованій,—но также и сознательнымъ путемъ систематическаго изслѣдованія; прогрессъ въ этой области дѣлается спеціальной цѣлью труда. «Научность» производственной техники есть въ то же время ея планомѣрная прогрессивность.

— *Чѣмъ объясняется развитіе при капитализмѣ политической экономіи, а также вообще соціальныхъ наукъ?*

— Потребность въ нихъ была вызвана не чѣмъ инымъ, какъ тяжелою для людей в л а с т ь ю о б щ е с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і й. Промышленный капитализмъ, сдѣлавъ хозяйство повсюду мѣновымъ, подчинивъ его всецѣло рынку, усиливъ до крайнихъ предѣловъ конкурренцію, чрезвычайно обострилъ проявленія этой власти. Чувствуя себя игрушкою непо-

нятныхъ, капризныхъ силъ рыночной конъюнктуры, испытывая отъ нихъ порою жестокіе удары, человѣкъ, естественно, стремится выяснить, въ чемъ же тутъ дѣло, и какъ избѣгнуть неожиданностей таинственной власти. Отсюда—энергичное изученіе экономической жизни. А за нимъ слѣдуетъ познаніе другихъ соціальныхъ явленій, такъ какъ связь самыхъ различныхъ сторонъ общественнаго процесса ощущается на каждомъ шагу; напр., политическія событія вліяютъ на конъюнктуру рынка, порождая повышеніе или пониженіе цѣны разныхъ государственныхъ бумагъ, акцій, затрудняя или облегчая торговыя сношенія, и пр.; а въ политической борьбѣ сказывается сила разныхъ идейныхъ теченій, и т. д.

— *И что же, политическая экономія съ другими соціальными науками дали способы успѣшно бороться противъ власти стихійныхъ общественныхъ отношеній?*

— Нѣтъ, въ общемъ и цѣломъ онѣ такихъ способовъ дать не могли, потому что въ основѣ этой власти лежитъ не просто какое-нибудь незнаніе, а коренная неорганизованность системы производства, т.-е., самое строеніе капиталистическаго общества; слѣдовательно, только его коренное переустройство способно преодолѣть эту власть; науки же, хотя бы самыя совершенныя, замѣнить такое переустройство, парализовать стихійность реальныхъ силъ, разумѣется, не могутъ: это было бы все равно, что словами и мыслями остановить разрушительныя дѣйствія бури.

Кромѣ того, есть причина, еще болѣе ограничивающая практическое значеніе этихъ наукъ. Онѣ созданы буржуазными, индивидуалистическими классами (мы, вѣдь, пока говоримъ только объ ихъ наукѣ, объ ихъ идеологіяхъ); поэтому онѣ необходимо проникнуты тѣми иллюзіями, тѣмъ извращеніемъ дѣйствительности, которыя заключаются въ индивидуализмѣ и отвлеченномъ фетишизмѣ.

Такъ, для буржуазной политической экономіи хозяйство товаропроизводителя представляется на самомъ дѣлѣ индивидуальнымъ; очень часто свое изслѣдованіе она начинала, ради упрощенія, съ хозяйственной жизни Робинзона на необитаемомъ островѣ, и изъ этихъ, нигдѣ не встрѣчающихся и ничего общаго съ капитализмомъ не имѣющихъ, условій пыталась выводить свои основныя понятія. Мѣновую цѣнность эта политическая экономія считала вообще свойствомъ продукта, въ чемъ, какъ мы знаемъ, заключается товарный фетишизмъ; мысль о другихъ способахъ производства, при которыхъ продуктъ—не товаръ, и никакой мѣновой цѣнностью не обладаетъ, была ей чужда. Но для того, чтобы опредѣлить общіе законы развитія капитализма, необходимо понять его происхожденіе изъ иныхъ общественныхъ организацій, его связь и различія съ ними, необходимо сравнивать его строеніе съ ихъ строеніемъ, и т. д.,—словомъ, умѣть становиться на другія, внѣ его

лежащія точки зрѣнія. Къ этому буржуазная наука, подчиненная мѣновому фетишизму, была неспособна, и потому вопроса о законахъ развитія рѣшить не могла.

— *Но развѣ буржуазная политическая экономія не отрѣшалась иногда отъ фетишизма? Развѣ не она первоначально выработала теорію, по которой мѣновая цѣнность товаровъ сводится къ труду? И не есть ли эта теорія раскрытіе истиннаго смысла мѣновой цѣнности и природы товара?*

— Дѣйствительно, буржуазные экономисты—Петти, Смитъ, Рикардо—съумѣли уловить зависимость мѣновой цѣнности отъ количества труда, заключеннаго въ товарахъ, и такимъ образомъ положили начало «теоріи трудовой стоимости». Но было бы ошибочно думать, что тѣмъ самымъ они пришли къ настоящему пониманію соціально-трудовой природы мѣнового хозяйства и капитализма, преодолѣли товарный фетишизмъ: до этого было еще весьма далеко.

Въ самомъ дѣлѣ, какова сущность этого фетишизма? Мѣновая цѣнность признается свойствомъ товара, тогда какъ объективно она есть свойство общественной организаціи. Но Петти, Смитъ, Рикардо и считали цѣнность, попрежнему, свойствомъ товара, хотя и зависящимъ отъ труда. По ихъ мнѣнію, разъ продуктъ произведенъ, этого достаточно, чтобы онъ обладалъ мѣновой цѣнностью, соотвѣтствующей количеству затраченной на него работы. Между тѣмъ, во-1), для этого требуется еще опредѣленная организація общества—индивидуалистическая, анархичная, мѣновая; иначе продуктъ никакой мѣновой цѣнности не получитъ; этого буржуазные экономисты не видѣли, потому что не представляли себѣ иного, высшаго типа общественнаго устройства. Во-2), самая величина мѣновой цѣнности опредѣляется не просто суммою фактически употребленнаго на товаръ труда, но также уровнемъ общественно-техническаго развитія, потому что ее создаетъ только общественно-необходимый, а не всякій трудъ: товаръ можетъ заключать въ себѣ много труда, и имѣть малую цѣнность, напр., если онъ произведенъ ручнымъ трудомъ, а въ данномъ обществѣ уже существуетъ его машинное производство; въ другихъ же случаяхъ можетъ быть наоборотъ. Но буржуазные экономисты въ производствѣ товара видѣли трудъ отдѣльныхъ работниковъ, индивидуальный, а не сотрудничество въ его соціальномъ цѣломъ.

Оттого буржуазная политическая экономія и не удержалась на теоріи трудовой стоимости. Она выработала эту теорію, главнымъ образомъ, за эпоху мануфактуръ, гдѣ трудъ былъ ручной, и его основное значеніе въ производствѣ цѣнности товаровъ являлось слишкомъ очевиднымъ. Когда же на сцену выступили машины, которыя, съ точки зрѣнія капитала, вполнѣ замѣняютъ вытѣсняемыхъ ими рабочихъ, тогда буржуазные

экономисты нашли, что дѣло отнюдь не въ одномъ трудѣ работниковъ, что онъ только отчасти вліяетъ на цѣнность, вызывая издержки на заработную плату, и т. д.

— *Надо ли изъ всего этого заключить, что буржуазная политическая экономія безплодна, и не имѣетъ значенія для организаціи хозяйства при капитализмѣ?*

— Нѣтъ, такой выводъ былъ бы ошибоченъ. Эта наука играетъ большую роль въ современной жизни капитализма, въ устройствѣ предпріятій, особенно такихъ сложныхъ, какъ банковыя, акціонерныя, синдикатныя, въ дѣятельности биржъ, партій, государственнаго механизма, и т. д. Она помогаетъ буржуазнымъ классамъ организовать общественныя отношенія сообразно своимъ потребностямъ и интересамъ. Но ея значеніе повсюду лишь частичное: она не въ силахъ ничего сдѣлать противъ основныхъ противорѣчій и неуравновѣшенности современнаго общества, а должна ограничиваться частями.

Матерьялъ же, собранный буржуазной наукою, исторически важенъ еще тѣмъ, что онъ послужилъ во многомъ для выработки иной, болѣе совершенной науки, высшаго идеологическаго типа, пролетарской политической экономіи, преодолѣвшей иллюзіи какъ индивидуализма, такъ и мѣнового фетишизма, науки, на которой основывается и все наше изслѣдованіе.

— *Въ чемъ выражается при капитализмѣ отрицательная сторона научной спеціализаціи?*

— Въ подавляющемъ нагроможденіи матеріала отдѣльныхъ научныхъ отраслей. Оно такъ сильно, что вынуждаетъ все большее и большее ихъ раздробленіе. Напр., если полторастадвѣсти лѣтъ тому назадъ возможны были спеціалисты по біологіи, т.-е. по изученію жизни вообще, то затѣмъ имъ пришлось раздѣлиться на зоологовъ и ботаниковъ. Затѣмъ зоологамъ, потребовалось разбить свои задачи, и выбирать для изученія какой-нибудь опредѣленный типъ животныхъ,—позвоночныхъ, моллюсковъ, простѣйшихъ, и т. под.; также и ботаникамъ. Затѣмъ и такія отрасли оказались черезчуръ обширны по матерьялу, чтобы ими могли успѣшно овладѣвать индивидуальныя способности; послѣдовало еще дальнѣйшее дробленіе. Теперь встрѣчаются спеціалисты по инфузоріямъ, по той или иной группѣ бактерій, по процессамъ образованія крахмала въ растеніяхъ, и пр. Изъ массы такихъ отраслей каждая настолько сложна и богата данными, что обычно заполняетъ цѣлую жизнь; лишь немногіе, исключительно одаренные люди совмѣщаютъ двѣ-три спеціальности. Съуживается поле дѣятельности ученыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь кругозоръ ихъ мышленія; уменьшается способность понимать то, что лежитъ внѣ спеціальности, и правильно оцѣнивать дѣйствительное жизненное значеніе какъ всей ея въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ ея вопросовъ: то и другое до крайности преувеличивается въ гла-

захъ ученыхъ. Словомъ, развивается такъ называемая «профессіональная ограниченность», которая вредитъ и прогрессу самой науки,—потому что узкое мышленіе проявляетъ мало творчества, сосредоточивается на собираніи мелочей и частностей, и тѣмъ самымъ еще усиливаетъ перенакопленіе матеріала.

— *Какія причины порождаютъ эту отрицательную сторону спеціализаціи?*

— Два основныхъ условія. Во-1), расширеніе капиталистической организаціи на весь міръ: поле труда-опыта, доставляющее матерьялъ для каждой научной отрасли, чрезвычайно увеличилось по сравненію съ прежнимъ; а усовершенствованная техника наблюденій, такія, напр., орудія, какъ микроскопы, телескопы, позволяютъ глубже проникать въ явленія и находить въ нихъ гораздо больше содержанія: подъ микроскопомъ капля воды изъ лужи оказывается цѣлымъ маленькимъ міромъ жизни и борьбы.

Но само по себѣ колоссальное возрастаніе матеріала вовсе не обязательно превращалось бы въ его нагроможденіе, перенакопленіе,—если бы настолько же прогрессировала степень его обработки. Тутъ выступаетъ второе обстоятельство: каждая отрасль науки живетъ и работаетъ отдѣльно отъ другихъ, своими, неизбѣжно ограниченными силами. Нѣсколько сотенъ, иногда десятковъ, въ лучшемъ случаѣ—тысячъ спеціалистовъ отрасли должны переработать, привести въ порядокъ, стройно организовать матеріалъ, собираемый въ м і р о в о м ъ масштабѣ. Понятно, что для успѣшности дѣла требуется большое совершенство м е т о д о в ъ, иначе получается непропорціональность. Но какъ оно можетъ быть достигнуто? Для этого надо, чтобы запасъ пріемовъ у спеціалиста былъ значительный, чтобы онъ примѣнялъ ихъ въ большомъ разнообразіи, сравнивая ихъ, комбинируя, исправляя одни другими, и такимъ образомъ вырабатывалъ бы наилучшіе. Между тѣмъ у спеціалистовъ такого богатаго запаса обыкновенно нѣтъ, именно потому, что они—спеціалисты, не знаютъ другихъ отраслей, кромѣ своей, другихъ методовъ, кромѣ тѣхъ, которые въ ней уже практикуются. Естественно, что ихъ методы на дѣлѣ бываютъ односторонни, лишены гибкости и широты, часто весьма рутинны; и обработка научныхъ данныхъ отъ этого менѣе успѣшна, менѣе производительна, такъ что при огромной ихъ массѣ она недостаточна: обнаруживается ихъ перенакопленіе; оно затѣмъ и возрастаетъ по мѣрѣ развитія самой спеціализаціи, съ ея узостью и ограниченностью, съ ея бѣдностью пріемовъ.

— *Если такъ, то не должно ли положеніе ухудшаться съ теченіемъ времени больше и больше? Не должна ли въ концѣ концовъ отрицательная сторона спеціализаціи перевѣсить даже ея выгоды для познанія?*

— Неудобства крайней спеціализаціи, дѣйствительно, за послѣднее столѣтіе ощущаются все сильнѣе, вызывая опасенія

передовыхъ ученыхъ. Но все же эта съуживающая тенденція не господствуетъ всецѣло: за тотъ же самый періодъ выступаетъ, съ возрастающей силою, другая, ей противоположная: тенденція къ сближенію научныхъ отраслей и къ объединенію научныхъ методовъ.

— *На чемъ основана эта вторая тенденція, и въ чемъ она проявляется?*

— Мы видѣли, что въ различныхъ отрасляхъ производства, какъ бы ни были онѣ далеки одна отъ другой, существуютъ общія условія, находятъ мѣсто одни пріемы. Такъ, измѣреніе и математическій расчетъ примѣняются повсюду въ производствѣ, особенно машиннаго типа, въ торговлѣ, банковомъ дѣлѣ, и т. д.; астрономическіе способы оріентироваться во времени и въ пространствѣ существенны для земледѣлія, для мореплаванья, для дорожно-строительнаго и военнаго дѣла, а равно и во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, гдѣ только требуется точное распредѣленіе времени по часамъ. «Чистыя» науки, естественныя, соціальныя, представляютъ именно системы подобныхъ общихъ методовъ.

Аналогичнымъ образомъ, и въ наукахъ, ставшихъ обособленными спеціальностями, возможны объединяющіе методы; и они, въ самомъ дѣлѣ, постоянно, хотя медленно и незамѣтно, вырабатывались съ самаго начала наукъ. Несмотря на спеціализацію, общеніе между научными отраслями было, хотя и слабое; методы однихъ оказывали вліяніе на другія, иногда же и переносились изъ однихъ въ другія. Во многихъ случаяхъ этимъ путемъ совершались цѣлые научные перевороты.

Такъ, напр., методъ точнаго взвѣшиванья создался первоначально даже не въ той или иной наукѣ, а въ горной и ювелирной промышленности—въ добываніи благородныхъ металловъ, ихъ обработкѣ и торговлѣ ими. Оттуда онъ проникъ въ физику, гдѣ его роль огромна. Однимъ изъ первыхъ его примѣнилъ въ древности Архимедъ, открывшій съ его помощью основные законы гидростатики; сохранились сообщенія о томъ, что толчокъ къ изслѣдованію данъ былъ вопросомъ грубо-практическимъ, изъ ювелирнаго дѣла: сиракузскій тиранъ Гіеронъ поручилъ Архимеду опредѣлить точное количество золота и лигатуры въ коронѣ, чтобы провѣрить добросовѣстность мастера, который ее сдѣлалъ.—Изъ физики пріемы точнаго взвѣшиванья перешли въ химію, которую и преобразовали радикально: этимъ путемъ Лавуазье открылъ «вѣчность матеріи»; и всѣ химическія реакціи съ тѣхъ поръ стали выражаться уравненіями.

Ньютонъ произвелъ такой же переворотъ въ астрономіи, воспользовавшись для этого галилеевой механикой (закономъ движенія падающихъ тѣлъ). Нынѣшняя физіологія всей своей научной строгостью обязана методомъ физики и химіи; экспериментальная психологія основана на физіологическихъ методахъ, и т. д.

То же самое, въ малыхъ размѣрахъ, происходитъ постоянно во всѣхъ областяхъ знанія. Параллельно съ растущей спеціализаціей, идетъ и сближеніе отраслей посредствомъ связи ихъ методовъ; въ эпоху машиннаго производства вторая тенденція все чаще перевѣшиваетъ первую. Въ физикѣ раньше такіе отдѣлы, какъ механика, оптика, теорія теплоты, теорія электричества работали каждая своими особыми методами, формулировали каждая свои частные законы. Теперь же всѣ они объединены между собою, а также со всей химіей и промежуточной наукой—теоріей строенія матеріи—общностью основныхъ методовъ, спеціально же—законами превращеній энергіи. А начало этихъ законовъ лежитъ, какъ мы знаемъ, въ машинномъ производствѣ: сущность его методовъ выражается въ идеѣ «энергіи».—Что касается біологіи, тамъ новѣйшая теорія развитія аналогичнымъ образомъ связала ея далеко разошедшіяся отрасли; и то же происходитъ въ другихъ наукахъ.

Спеціализація не остановилась, но ея отрицательное, съуживающее мысль дѣйствіе уже ослабляется. Въ настоящее время каждый спеціалистъ мелкой отрасли долженъ знать не только многое, относящееся къ отраслямъ сопредѣльнымъ, но и обладать большой суммою общихъ знаній изъ цѣлаго ряда наукъ.

— *Какую роль въ борьбѣ этихъ двухъ тенденцій, спеціализирующей и объединяющей, играла философія?*

— Задачей философіи, какъ намъ извѣстно, является единство мышленія. Поэтому она должна была бы представлять наиболѣе полное выраженіе объединяющей тенденціи. Въ прежнія времена отчасти такъ это и было: нѣкоторыя философскія идеи оказывались какъ бы «предчувствіемъ» научныхъ методовъ и теорій, сближавшихъ и связывавшихъ разныя отрасли познанія; такъ, древняя философія матеріалистовъ предчувствовала законъ «неуничтожаемости матеріи», Эмпедоклъ формулировалъ нѣчто подобное дарвиновскому ученію объ естественномъ подборѣ формъ, съ выживаніемъ приспособленныхъ, гибелью неприспособленныхъ.

Но въ эпоху капитализма философія сама успѣла рѣзко спеціализироваться. Это сдѣлало ее мало способной къ выполненію объединяющей задачи; больше чѣмъ когда-либо, она является областью спорнаго, царствомъ разногласій. По мѣрѣ того какъ наука вырабатывала новые широкіе методы, новыя точки зрѣнія, воплощенныя въ законахъ, охватывающихъ разрозненныя прежде отрасли, философія усваивала эти продукты науки, и приспособлялась къ нимъ, но почти всегда съ опозданіемъ. Послѣдній случай, когда философія отчасти опередила науку на этомъ пути, и дала извѣстный толчекъ ея движенію, была діалектика Гегеля, заключавшая въ себѣ идею мірового развитія, идущаго путемъ борьбы силъ (Гегель ошибочно представлялъ эти силы, какъ идеальныя, «логическія»). Въ дальнѣйшемъ философія лишь слѣдовала за наукой, не всегда успѣшно.

— *Является ли новѣйшая философія простымъ отраженіемъ прогресса науки, или въ ней есть и другіе элементы?*

— Философія отражаетъ и научное, и еще въ большей мѣрѣ—обыденное мышленіе эпохи. Такова и новѣйшая философія. По содержанію она очень разнообразна, въ ней масса школъ и оттѣнковъ.

Какъ всѣ идеологіи капитализма, она совмѣщаетъ элементы индивидуализма и отвлеченнаго фетишизма, которымъ принадлежитъ преобладаніе, съ остатками авторитарныхъ, болѣе или менѣе значительными. Эти остатки въ крайнихъ «позитивныхъ» философіяхъ, наиболѣе проникнутыхъ вліяніемъ науки, ничтожны, въ крайнихъ метафизическихъ и въ религіозныхъ такъ сильны, что опредѣляютъ собою, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ формы, ихъ основныя понятія: божественная субстанція, абсолютное творчество, и т. под.

Въ раннемъ періодѣ промышленнаго капитализма, когда буржуазные классы вели борьбу противъ могущественныхъ еще тогда пережитковъ феодальнаго строя, подготовляя и выполняя буржуазныя революціи, въ философіи съ особенной силой и рѣзкостью выступали идеи индивидуализма, понятія отвлеченно-фетишистическія: личность и свобода противополагались авторитетамъ прошлаго, знаніе и чистая истина—вѣрѣ и суевѣріямъ. Такая философія, освободительная и просвѣтительная, была боевымъ знаменемъ передовыхъ движеній эпохи, вдохновляла ихъ, культурно ихъ организовала. Особенно большое историческое значеніе въ этомъ смыслѣ имѣла матеріалистическая и либеральная философія XVIII вѣка, наложившая печать своихъ идей на Великую французскую и цѣлый рядъ послѣдующихъ революцій.

Послѣ завоеванія буржуазными классами господства, когда, въ свою очередь, имъ приходится это господство отстаивать противъ новаго движенія снизу, ихъ философія, естественно, становится въ общемъ болѣе консервативной,—усиливаются ея авторитарные элементы.

d) Демократизація знаній.

— *Какія условія въ промышленномъ капитализмѣ вызываютъ демократизацію знаній?*

— Потребности производства и товарнаго обращенія. Особенно сильно тутъ вліяетъ техника машиннаго производства. При машинахъ необходимы интеллигентныя рабочія силы, работники толковые, сообразительные, сознательные, значитъ, даже не просто грамотные, а съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ; иначе при малѣйшемъ нарушеніи сложнаго и тонкаго хода машинъ должна получаться порча матеріала и механизма, а то и гибель самихъ работниковъ. Такъ, въ Россіи введеніе высшей техники долго замедлялось темнотой и не-

вѣжественностью массъ населенія, изъ которыхъ капиталу приходилось черпать рабочую силу. Это сказывалось и въ промышленности, и еще рѣзче въ сельскомъ хозяйствѣ. Случалось, что помѣщикъ вышлетъ дорогую, хорошую машину, а черезъ нѣсколько дней она приведена въ негодность, притомъ, покалѣчивъ людей.

Что касается, спеціально, грамотности, то она требуется рѣшительно повсюду. Всякое индивидуальное хозяйство, даже крестьянское или пролетарское, строится на все болѣе сложныхъ денежныхъ счетахъ и расчетахъ, для которыхъ требуются и ариѳметическія знанія, и умѣнье записывать или, по крайней мѣрѣ, провѣрять записи въ лавочныхъ книжкахъ, въ расчетныхъ книжкахъ о работѣ по найму, и т. под. Жизнь мастерскихъ, дѣятельность государственныхъ и публичныхъ учрежденій, движеніе желѣзнодорожное и пароходное, часто и уличное, регулируются объявленіями, которыя надо умѣть читать. Чѣмъ отношенія и связи людей становятся сложнѣе, измѣнчивѣе, запутаннѣе, тѣмъ сильнѣе потребность «фиксировать» ихъ, закрѣплять при помощи письменныхъ знаковъ.

— *Простирается ли процессъ демократизаціи на всѣ научныя знанія?*

— Нѣтъ, только на болѣе элементарныя. Народныя школы устраиваются для всѣхъ, среднія, высшія и спеціально-научныя школы—только для дѣтей господствующихъ классовъ. Современная наука, съ ея множественностью методовъ и нагроможденіемъ матеріала, неспособна къ сколько-нибудь широкой демократизаціи; да и поскольку способна къ ней, наталкивается на препятствія въ классовомъ строеніи общества. Высшее, спеціализированное знаніе представляетъ драгоцѣнную организаторскую привилегію; оно, поэтому, принимаетъ форму чрезвычайно дорогого товара, покупка котораго доступна только немногимъ. Рядомъ съ демократизаціей низшихъ знаній, сохраняется аристократизмъ высшей науки.

— *Но развѣ не выполняется также, и притомъ въ возрастающемъ масштабѣ, популяризація самыхъ разнообразныхъ отраслей науки?*

— Да, выполняется; но то, что она даетъ, отнюдь не есть научное знаніе на всей его достигнутой высотѣ. Популяризація знакомитъ съ нѣкоторыми р е з у л ь т а т а м и и в ы в о д а м и наукъ, но не съ самыми ихъ м е т о д а м и; овладѣть серьезно какой-нибудь наукою, а тѣмъ болѣе—съ пользою работать въ ней нельзя на основѣ даже самыхъ лучшихъ популярныхъ ея изложеній.

Ни по широтѣ распространенія, ни по своему характеру, «научная популяризація» не представляетъ, въ полномъ смыслѣ слова, демократизаціи знанія, а только ея подготовительную ступень. «Демократизируются», т.-е. усваиваются широкими массами, знанія о б щ і я э л е м е н т а р н ы я; «популяри-

зуются» спеціализированныя, которыя, въ силу своего болѣе частнаго интереса, и воспринимаются лишь болѣе узкими кругами этихъ массъ: астрономія находитъ однихъ любителей, физика другихъ, біологія—третьихъ, и т.д. Иначе и быть не можетъ, потому что время для чтенія у трудовыхъ элементовъ общества ограниченное, а спеціальныхъ популяризацій, при дробности современной науки, очень много.

Надо замѣтить, что популярныя изложенія почти или вовсе не даютъ понятія о дѣйствительномъ, организаціонномъ значеніи соотвѣтственныхъ наукъ въ жизни: вѣдь и въ изложеніяхъ спеціально-научныхъ, по которымъ работаютъ популяризаторы, такого пониманія обыкновенно нѣтъ, а господствуетъ идея «чистаго» знанія. Астрономъ-спеціалистъ вовсе не думаетъ о томъ, что его наука регулируетъ всю нынѣшнюю трудовую жизнь человѣчества, руководя оріентировкой въ пространствѣ и распредѣленіемъ времени; понятно, что и популяризаторъ не можетъ объяснить этого; а читатель, которому изображаютъ астрономію, какъ науку о небесныхъ вещахъ, станетъ знакомиться съ нею лишь въ томъ случаѣ, если чувствуетъ влеченіе къ небеснымъ вещамъ.

Съ развитіемъ и усложненіемъ жизни, тѣ или иныя изъ числа спеціальныхъ наукъ пріобрѣтаютъ новое, возрастающее значеніе для массы индивидуальныхъ хозяйствъ; напр., знанія государственно-правовыя—по мѣрѣ усиленія политической борьбы въ обществѣ, гигіена—по мѣрѣ роста большихъ городовъ съ ихъ скученностью населенія, угрожающей его здоровью многими опасностями, порождающей эпидеміи, и т. под. Тогда эти знанія изъ области собственно «популяризаціи» начинаютъ переходить въ область настоящей демократизаціи, широко распространяются, иногда начинаютъ преподаваться въ народныхъ школахъ.

— *Какъ вліяетъ на демократизацію знаній классовое строеніе общества?*

— Двоякимъ образомъ. Во-1), какъ мы уже видѣли, высшее научное знаніе, которое есть продуктъ трудового опыта всего общества, превращается въ экономическую привилегію высшихъ классовъ, тѣхъ же, которыми присваивается и матеріальный продуктъ общественнаго труда. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: организація общества одна и та же, въ идейной и въ практической области.—Во-2), сама демократизація знаній дѣлается орудіемъ закрѣпленія, упроченія классового господства, потому что ею руководятъ тѣ же высшіе, имущіе классы. При посредствѣ государственнаго механизма они опредѣляютъ программу народной школы, понятно—въ строгомъ соотвѣтствіи съ основами современнаго строя, и вообще со своими классовыми потребностями. При посредствѣ своихъ ученыхъ и писателей они ведутъ популяризацію знаній, разумѣется, въ томъ же

смыслѣ и направленіи, при чемъ еще контролируютъ и регулируютъ ее черезъ то же государство.

е) Развитіе искусства.

— *Чѣмъ характеризуется при капитализмѣ жизнь искусства?*

— Во-1), съ количественной стороны—гигантской производительностью: ни одна изъ прежнихъ эпохъ не создавала такой массы художественныхъ продуктовъ.

Во-2), съ организаціонной стороны—сильной спеціализаціей, въ родѣ той, какая господствуетъ въ наукахъ, хотя все-же меньшей.

Въ-3), со стороны содержанія—тѣмъ, что искусство отражаетъ классовое строеніе общества, приспособляясь къ потребностямъ опредѣленныхъ классовъ, по преимуществу, конечно, тѣхъ, которые господствуютъ въ жизни.

— *Порождаетъ ли спеціализація въ искусствѣ тѣ же результаты, что и въ наукѣ?*

— Въ значительной мѣрѣ—да; но не вполнѣ. Профессіональная ограниченность развивается и у художниковъ-спеціалистовъ, —однако не до такой степени, какъ у людей науки: искусство менѣе способно отрываться отъ реальной практики, прежде всего потому, что оперируетъ надъ живыми образами, а не надъ понятіями.

Художественная техника въ большинствѣ отраслей требуетъ долгаго спеціальнаго изученія,—поэтому, какъ и спеціализированная наука, доступна немногимъ, имѣющимъ достаточныя средства. Здѣсь, опять-таки, исключеній сравнительно больше, особенно, напр., въ области поэзіи, беллетристики, гдѣ орудія несложны, а техническіе пріемы могутъ быть усвоены самостоятельно, путемъ чтенія и упражненія въ работѣ. Все-же и тутъ неравенство условій для представителей высшихъ и низшихъ классовъ остается огромное: первые, благодаря досугу и возможности работать со всѣми удобствами, получая безъ труда всѣ матеріалы, выбирая всюду лучшее, а также, если надо, находя и опытныхъ руководителей, могутъ съ успѣхомъ развивать свои, хотя бы крошечныя, дарованія; вторые во всей обстановкѣ встрѣчаютъ препятствія и трудности, имѣютъ мало свободнаго времени, тратятъ массу силъ на борьбу за жизнь, и преодолѣваютъ все это лишь при особенной глубинѣ призванія или силѣ таланта.

Такимъ образомъ, экономическій аристократизмъ искусства, въ общемъ, неизбѣженъ, поскольку дѣло касается самаго творчества. Но въ томъ, что касается п о л ь з о в а н і я продуктами этого творчества, демократизма на дѣлѣ гораздо больше. Въ качествѣ т о в а р а, продукты эти тяготѣютъ къ массамъ, гдѣ сбытъ и наиболѣе, въ концѣ концовъ, крупный, и наиболѣе устойчивый. Успѣхъ романа, поэмы непосредственно можетъ

измѣряться количествомъ проданныхъ экземпляровъ, и пониженіе цѣнъ обычно въ интересахъ какъ авторовъ, такъ и стоящихъ надъ ними капиталистовъ-издателей. Картина, статуя тѣмъ больше повышаются въ цѣнѣ, чѣмъ больше публики ими восхищается,—и также нерѣдко получаютъ массовое распространеніе въ дешевыхъ копіяхъ при помощи печати, фотографіи, и т. под. Популяризація искусства, организуемая государствомъ, мѣстными самоуправленіями, частными лицами, въ видѣ художественныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей, выставокъ, и т. д., гораздо болѣе успѣшно и широко достигаетъ своей цѣли, чѣмъ популяризація науки въ научныхъ музеяхъ, публичныхъ курсахъ и пр. Театръ же и музыка считаются по преимуществу «популярными удовольствіями».

— *Въ чемъ проявляется классовый характеръ искусства при капитализмѣ?*

— Во-1), въ томъ что художникъ смотритъ на жизнь глазами опредѣленнаго класса, и съ этой точки зрѣнія изображаетъ ее; во-2), въ томъ, что художникъ, сознательно или безсознательно, подчиняется интересамъ опредѣленнаго класса, и они направляютъ его работу, въ выборѣ предмета, въ тѣхъ результатахъ и выводахъ, къ которымъ онъ приходитъ.

Предположимъ, что художникъ, будучи членомъ мѣнового общества и, слѣдовательно, мысля по законамъ отвлеченнаго фетишизма, хочетъ выразить въ своихъ произведеніяхъ «чистую красоту», для чего и ищетъ ее, въ природѣ, въ людяхъ. Но «красота» вовсе не одна и та же, напр., для не-трудовыхъ и для трудовыхъ классовъ. Все, что въ человѣкѣ или во внѣшней средѣ напоминаетъ о длительныхъ физическихъ усиліяхъ, о напряженномъ трудѣ, аристократу или капиталисту кажется грубымъ не поэтичнымъ, не изящнымъ; для него красивы маленькія руки, маленькія ноги, тонкая женская талія—все признаки праздной жизни цѣлаго ряда поколѣній; среди душевныхъ свойствъ онъ находитъ поэтичными такія, какъ гордое сознаніе своего «благороднаго происхожденія» или своей власти надъ множествомъ людей, надъ ихъ судьбою,—какъ пренебреженіе къ массамъ, къ простому народу, къ его «мелкимъ» матеріальнымъ интересамъ. Все это совершенно иначе для крестьянина, ремесленника, рабочаго, если онъ не успѣлъ, какъ это часто бываетъ, пропитаться понятіями и чувствами, которыя внушаются ему всей культурою высшихъ классовъ. Для него понятіе «красиваго» естественно связывается съ признаками, говорящими о трудоспособности и выносливости; благородная гордость, презрѣніе къ черни кажутся ему грубымъ и не-эстетичнымъ высокомѣріемъ.

Но и у разныхъ трудовыхъ классовъ эстетика различная. Напр., для рабочаго, живущаго въ городѣ съ его сложными отношеніями, съ его напряженной борьбой общественныхъ силъ, чрезвычайно важнымъ элементомъ красоты лица является

выраженіе сознательности, боевого протеста; для крестьянина въ деревнѣ, съ ея узкой и простой жизнью, оно было бы непонятнымъ, и вызывало бы смутное безпокойство,—тогда какъ рабочему наивное лицо крестьянской дѣвушки часто можетъ казаться недостаточно умнымъ.—Такъ вообще каждый классъ видитъ иными глазами, чѣмъ другой классъ; а художникъ комбинируетъ и выражаетъ то, что видитъ.

Сюда присоединяется вліяніе классовыхъ интересовъ. Когда, напр., Шекспиръ изображаетъ возставшихъ крестьянъ XIV вѣка глупыми дикарями, или римскихъ гражданъ эпохи Цезаря—стадомъ, которое идетъ за всякимъ ловкимъ демагогомъ, то при несомнѣнной искренности Шекспира, нельзя не замѣтить здѣсь вліянія аристократической среды, въ которой онъ вращался: въ крестьянахъ и въ ихъ борьбѣ противъ зарождавшихся крѣпостныхъ отношеній, въ римскихъ демократахъ онъ находитъ именно то, что желательно найти для сторонника аристократическихъ привилегій. Тѣмъ менѣе могъ бы отвлечься отъ классовыхъ пристрастій и симпатій художникъ менѣе глубокій и объективный въ своихъ наблюденіяхъ жизни.

Слѣдовательно, художникъ опредѣленнаго класса смотритъ на міръ какъ-бы черезъ двойные очки: во-1), привычные классовые способы мышленія; во-2), классовые интересы и стремленія. Тѣ же очки онъ надѣваетъ и своей публикѣ посредствомъ своихъ произведеній,—воспитываетъ ее въ духѣ своей классовой культуры.

Въ современной общественной борьбѣ эта роль искусства огромна; и поскольку оно въ рукахъ господствующихъ классовъ, оно—очень важная консервативная сила.

f) Право, нравственность.

— *Чѣмъ характеризуется развитіе нравственныхъ и правовыхъ нормъ при капитализмѣ?*

— Помимо проникающаго ихъ отвлеченнаго фетишизма, и гигантскаго количества, въ которомъ порождаетъ ихъ усложненіе жизни съ ея противорѣчіями, здѣсь выступаютъ, притомъ наиболѣе рѣзко и очевидно, к л а с с о в ы я ихъ различія. Каждый классъ вырабатываетъ, сообразно своимъ понятіямъ и интересамъ, такія нормы, которыя наилучшимъ образомъ устраивали бы его существованіе, и считаетъ ихъ наиболѣе «справедливыми». Классъ господствующій имѣетъ возможность свои нормы сдѣлать обязательными для общества, и проводитъ ихъ въ жизнь черезъ государство, съ его судебными и другими учрежденіями, а также черезъ свое, реально-вліятельное, общественное мнѣніе. Классы подчиненные лишены этой возможности; ихъ нормы обладаютъ силою только въ ихъ собственной средѣ, и то лишь отчасти, благодаря ихъ общественному мнѣнію;

а вообще остаются не болѣе, какъ «нравственными и правовыми представленіями» или ученіями, теоріями.

Такъ, во Франціи XVIII вѣка, когда тамъ уже развивались мануфактуры, господствовала все еще помѣщичья аристократія, а буржуазія была классомъ ей подвластнымъ. Законы устанавливались государствомъ—оно имѣло форму неограниченной монархіи—въ соотвѣтствіи съ желаніями и выгодами дворянства. За нимъ закрѣплялись привилегіи, изъятія отъ налоговъ, власть надъ крестьянами, исключительныя права въ государственной службѣ, военной и всякой иной; за другими классами оставались главнымъ образомъ повинности и обязанности;—если же имъ давались и нѣкоторыя права, то именно постольку, поскольку правящее сословіе находило это въ своихъ интересахъ, потому ли, что интересы случайно совпадали, или потому, что казалось неудобнымъ чрезмѣрно обременять и раздражать низшіе классы, толкая ихъ тѣмъ на борьбу.

Буржуазія вырабатывала тѣмъ временемъ не только свою науку, философію, искусство, но также свои соціальныя нормы—свою мораль и право. Но осуществлять ихъ въ общественной практикѣ она не могла, обязательности реальной онѣ не имѣли: это были только «идеи» или «принципы». Они были теоретически выражены въ системѣ «естественныхъ правъ человѣка», въ ученіи о томъ, что человѣческая личность по самой своей природѣ обладаетъ извѣстной суммой правъ, образующихъ ея «индивидуальную свободу», и что всякое посягательство на эти права, откуда бы оно ни происходило, является беззаконнымъ насиліемъ. Такими прирожденными, неотъемлемыми правами признавалась свобода хозяйственной дѣятельности, свобода политическихъ и философскихъ или религіозныхъ убѣжденій, возможность ихъ безпрепятственно высказывать, равенство гражданъ передъ законами безъ различія сословій, рѣшеніе самыми гражданами вопросовъ о налагаемыхъ на нихъ обязанностяхъ, податяхъ, и т. под. Всего этого требовала, по тогдашнимъ буржуазнымъ понятіямъ, абсолютная справедливость: отвлеченно-фетишистическая форма, въ которой для буржуазіи, а за нею и для ниже стоявшихъ классовъ, представлялись необходимыя организаціонныя условія жизни и развитія.

Когда же буржуазія настолько организовала свои силы, что смогла выполнить революцію, тогда ея выработанная система права и морали изъ области классовыхъ стремленій перешла въ область широкой, обязательной для всего общества практики, воплотившись въ новомъ законодательствѣ и государственномъ управленіи, а также въ новомъ «общественномъ мнѣніи», гдѣ руководящую роль стали играть буржуазные слои. Напротивъ, старыя права и привилегіи дворянства превратились въ простыя пожеланія и мечты реакціонеровъ, а ихъ феодальные нравы могли съ тѣхъ поръ сохраняться лишь въ ихъ собствен-

ныхъ кругахъ, и то постольку, поскольку не сталкивались съ новымъ правовымъ строемъ.

— *Былъ ли новый правовый строй точнымъ воплощеніемъ той системы «естественныхъ» нормъ, которую буржуазія признавала идеаломъ въ эпоху своего угнетеннаго положенія, своей борьбы за господство?*

— Далеко не вполнѣ. Повсюду, гдѣ буржуазія, вмѣстѣ съ низшими классами, побѣждала старый порядокъ, немедленно обнаруживались противорѣчія между ея и ихъ интересами. Такъ, вмѣсто «равенства всѣхъ передъ закономъ», ведущаго ко всеобщему избирательному праву, она стремилась установить разныя правовыя привилегіи для капитала и въ частности—имущественный цензъ избирателей. «Свободу» она истолковывала такимъ образомъ, что еще на первыхъ этапахъ французской революціи строго запретила, закономъ Шапелье, рабочіе союзы и сообщества, какъ «стѣсненіе индивидуальной свободы» договора между работникомъ и работодателемъ. Къ женщинамъ идея «естественныхъ правъ человѣка», и въ частности—равенства съ мужчинами передъ закономъ, почти нигдѣ не примѣнялась. Соед. Штаты, при своей борьбѣ за отдѣленіе отъ Англіи впервые выработавшіе политическую декларацію «естественныхъ правъ», сохранили у себя рабство негровъ, и т. под.

Правда, въ дальнѣйшемъ принципы «естественныхъ правъ» шагъ за шагомъ осуществлялись, но уже борьбою широкихъ массъ, демократическихъ и рабочихъ, п р о т и в ъ буржуазіи, прежней носительницы этихъ принциповъ. По мѣрѣ того какъ она отходитъ отъ производства, передавая организаторскую функцію въ немъ наемнымъ служащимъ, ея и м у щ е с т в е н н а я сила оказывается все болѣе недостаточной, чтобы противостоять политическимъ усиліямъ этихъ п р о и з в о д и т е л ь н ы х ъ классовъ, и государство демократизуется, система правовыхъ нормъ и моральнаго общественнаго мнѣнія приближается къ старымъ либеральнымъ идеаламъ.

— *Доходитъ ли на дѣлѣ гдѣ-нибудь до конца ихъ осуществленіе?*

— Нѣтъ, нигдѣ. Этому помѣшало развитіе новаго класса, создавшее новыя, болѣе прогрессивныя идеологіи: выступленіе пролетаріата, съ его коллективизмомъ, съ борьбою противъ самыхъ основъ буржуазнаго строя и буржуазной культуры.

Пролетаріатъ вначалѣ, пока онъ культурно не отдѣлялся отъ остальной демократической массы—крестьянства, ремесленниковъ, низшей интеллигенціи,—былъ одною изъ тѣхъ силъ, которыя вынуждали буржуазію отказываться отъ правовыхъ привилегій, довольствоваться экономическимъ способомъ господства, т.-е., властью капитала, и которыя такимъ образомъ на дѣлѣ проводили въ жизнь идеалы настоящаго либерализма. Но когда пролетаріатъ обнаружилъ свои особыя организаціонныя стремленія, сталъ вырабатывать свою собственную культуру, ихъ выра-

жающую, сталъ бороться за переустройство общества сообразно съ нею,—то онъ вызвалъ тѣмъ самымъ двойное отклоненіе отъ прежняго пути развитія общественныхъ формъ.

Съ одной стороны, поскольку ему удавалось добиться для себя уступокъ, онѣ въ значительной мѣрѣ разрушали основной изъ принциповъ стараго «естественнаго права», именно экономическую свободу. Экономическая свобода, равная для капиталиста и рабочаго, при крайнемъ неравенствѣ ихъ матеріальнаго положенія, означаетъ свободу эксплоатаціи капиталистомъ рабочаго; и когда рабочіе борются, напр., за ограниченіе закономъ рабочаго дня или за обязательное огражденіе машинъ, они ставятъ своей цѣлью ограниченіе этой свободы.

Съ другой стороны, буржуазія, по мѣрѣ усиленія организованности пролетаріата и углубленія его противорѣчій съ буржуазнымъ строемъ, ищетъ сама новыхъ способовъ защиты своего господства, и сама старается ограничить гражданскую, т.-е., политическую и идейную свободу. Для этого она заключаетъ союзъ съ остатками аристократіи, и сообща съ ней борется за принципъ «твердой власти», за укрѣпленіе авторитета въ обществѣ, т.-е., за организаціонныя формы, противоположныя «естественно-правовымъ», или либеральнымъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Это—идеологическій поворотъ буржуазіи, отъ прогресса къ реакціи. Въ наше время онъ происходитъ во всѣхъ странахъ развитого капитализма, принимая разнообразныя и сложныя формы, не ограничиваясь областью политической жизни, а переходя и на другія идеологіи.

Самыя типичныя изъ этихъ формъ—націонализмъ и клерикализмъ буржуазіи.

Націонализмъ состоитъ въ томъ, что буржуазія старается вызвать въ массахъ племенную и расовую вражду, чтобы борьбою національностей замѣнить борьбу классовъ. Развивая въ народѣ страхъ передъ военною силою другихъ государствъ и жажду захвата новыхъ территорій, господствующіе классы пользуются тѣмъ и другимъ, чтобы усиливать милитаризмъ. Это представляетъ для нихъ, помимо того, что огромныя арміи нужны имъ для завоеванія и удержанія за собою внѣшнихъ рынковъ , еще двойное преимущество: во-1), армія есть строго авторитарная организація, школа слѣпого подчиненія; и черезъ эту школу проводится большинство молодыхъ людей низшихъ классовъ; во-2), армія—гигантская механическая сила въ рукахъ буржуазіи, съ успѣхомъ примѣняемая въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ экономическая и политическая классовая борьба принимаетъ оборотъ, неблагопріятный для буржуазныхъ интересовъ.

Развивая же, въ предѣлахъ одного государства, враждебныя чувства и столкновенія между разными живущими въ немъ національностями, буржуазія не только отвлекаетъ силы и мышленіе массъ отъ классовой борьбы, но кромѣ того получаетъ поводы для усмиреній, подавляющихъ, иногда надолго, политиче-

скую и идейную активность низовъ, и для разныхъ правовыхъ ограниченій, систематически стѣсняющихъ эту активность.

Клерикализмъ, идущій, обыкновенно, рука объ руку съ націонализмомъ, есть не что иное, какъ стремленіе поддержать или воскресить въ массахъ авторитарное религіозное сознаніе, вмѣстѣ съ его практическими выводами—покорностью и смиреніемъ, исключающими классовую борьбу. Клерикальныя организаціи бываютъ, большей частью, не только идейными, но еще въ большей мѣрѣ практическими, и нерѣдко экономическими: клерикальныя партіи разныхъ странъ, вѣроисповѣдные профессіональные союзы, кооперативы, и т. под. Въ области правовыхъ нормъ эти организаціи проводятъ разныя стѣсненія идейной и вообще гражданской свободы, опираясь на освященіе сословнаго и классоваго неравенства, нераздѣльное съ авторитарной сущностью религій.

Культурный поворотъ буржуазныхъ классовъ отъ индивидуализма къ авторитету знаменуетъ начало упадка индивидуалистическихъ идеологій.

b) Переходный характеръ капиталистической культуры.

— *Можно ли считать капитализмъ опредѣленной общественной системою, въ полномъ смыслѣ этого слова?*

— Нѣтъ, капитализмъ правильнѣе считать длительнымъ и сложнымъ переходнымъ процессомъ, ведущимъ отъ одной опредѣленной и однородно-построенной общественной организаціи къ другой. Этотъ переходный характеръ обнаруживается въ неоднородности его строенія, экономическаго и культурнаго, и въ постоянно измѣняющихся соотношеніяхъ его элементовъ.

— *Въ чёмъ заключается неоднородность экономическаго строенія капитализма?*

— Во-1), его производство, какъ цѣлое, построено иначе, чѣмъ его части: отдѣльныя предпріятія планомѣрно организованы, вся же система неорганизована, анархична.

Во-2), его производство разнородно съ его присвоеніемъ: первое въ самой основѣ коллективно, второе неизмѣнно остается индивидуальнымъ.

Въ-3), капиталистическое общество распадается на классы которые не представляютъ простыхъ органовъ единаго соціальнаго тѣла, взаимно дополняющихъ другъ друга, какъ феодальныя сословія, но организуются самостоятельно и отдѣльно, во взаимной борьбѣ.

— *Сглаживаются или усиливаются эти проявленія неоднородности?*

— По мѣрѣ развитія капитализма, они усиливаются.

Возрастающій размахъ техники машиннаго производства, съ вытекающимъ изъ него расширеніемъ сотрудничества, и концентрація капитала непрерывно повышаютъ степень организованности и ея размѣры въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ; но неорганизованность цѣлаго сохраняется въ полной мѣрѣ, и борьба предпріятій-гигантовъ на міровомъ рынкѣ еще обостряется; индивидуальное же присвоеніе стоимостей доводитъ до того, что въ распоряженіи отдѣльныхъ личностей оказывается коллективный трудъ сотенъ тысячъ людей и коллективный продуктъ милліоновъ работниковъ. Основные классы общества не только не приспособляются одинъ къ другому, но превращаются во все болѣе враждебные лагери: каждый классъ развиваетъ свой типъ организаціи, который и стремится распространить на все общество путемъ окончательнаго подчиненія, либо устраненія другого класса.

— *Въ чемъ состоитъ культурная неоднородность строенія свойственная капитализму?*

— Во-1), будучи въ основѣ индивидуалистической, культура буржуазныхъ классовъ неспособна, однако, цѣлостно и по всей линіи провести принципъ индивидуализма, а принуждена смѣшивать его съ авторитарными способами мышленія,—потому что въ самой практикѣ эти классы не могутъ обойтись безъ авторитарнаго типа организаціи.

Во-2), эта культура накопила гигантскій, коллективно-собранный или созданный матеріалъ научныхъ знаній и произведеній искусства. Но, какъ и само капиталистическое общество, эта масса идеологическихъ продуктовъ организована лишь въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, и неорганизована въ своемъ цѣломъ. Неорганизованность заключается , съ одной стороны, въ разъединяющей спеціализаціи, благодаря которой разныя отрасли науки, искусства живутъ обособленно и, независимо развивая свои методы, расходятся дальше и дальше. Съ другой стороны, ставъ товаромъ, коллективный идеологическій продуктъ присваивается каждымъ индивидуально, по мѣрѣ его средствъ, и потому въ своей наибольшей и наиболѣе совершенной части оказывается доступенъ лишь немногимъ; а этимъ съуживается и стѣсняется самая возможность идеологическаго развитія.

Въ-3), буржуазныя идеологіи, вначалѣ охватывающія все капиталистическое общество, затѣмъ становятся все менѣе способными организовать жизнь растущаго производительнаго класса—пролетаріата, все болѣе стѣснительными и враждебными ея развитію; и затѣмъ, на почвѣ классовой борьбы, онѣ сами извращаются, поворачиваютъ къ прошлому, приходятъ въ упадокъ.

Всѣ эти условія неоднородности, неорганизованности и противорѣчій культуры капиталистической преодолѣваются въ идеологіяхъ коллективизма.

ИДЕОЛОГІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА.

а) Техническія и экономическія основы коллективизма.

— *Гдѣ лежатъ техническія условія, породившія коллективизмъ?*

— Въ машинномъ производствѣ. Оно дало новый характеръ человѣческому труду, развило новый типъ сотрудничества между рабочими; а отсюда возникли и новые способы мышленія.

— *Въ чемъ заключается новый характеръ труда?*

— При ручномъ трудѣ инструментъ приводится въ дѣйствіе прямымъ усиліемъ работника, при машинномъ же—механизмомъ. Въ первомъ случаѣ, если инструментомъ сдѣлано, положимъ, 10.000 движеній, то это значитъ, что работникъ выполнилъ такое же число соотвѣтственныхъ усилій; во второмъ—совершенно иначе: работникъ только управляетъ машиною, т.-е., пускаетъ ее въ ходъ, контролируетъ и регулируетъ ея движеніе, исправляетъ нарушенія хода, останавливаетъ ее, когда надо. Въ первомъ случаѣ вся механическая сторона труда лежитъ на работникѣ; при мануфактурномъ раздѣленіи операцій часто только она на немъ и остается: работникъ превращается въ настоящую машину для опредѣленныхъ движеній. Во второмъ случаѣ, именно эта сторона труда въ значительной мѣрѣ—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—снимается съ работника; но взамѣнъ того выступаетъ, и получаетъ преобладаніе другая—распорядительская сторона: человѣкъ распоряжается работою машины, сообразно цѣлямъ производства.

Инымъ становится все содержаніе труда. Въ мануфактурѣ оно сводилось къ ряду физическихъ усилій, выполняемыхъ на основѣ пассивнаго подчиненія руководящей волѣ—предпринимателя или его надсмотрщика. При машинѣ функція работника отнюдь не ограничивается подчиненіемъ и физическимъ усиліемъ; главное мѣсто въ ней занимаютъ другіе моменты: наблюденіе, вниманіе, соображеніе, даже инициатива—когда разстраивается что-нибудь въ механизмѣ.

Но что представляютъ эти моменты труда? Раньше они были

свойственны спеціально работѣ организаторской. Роль организаторовъ производства во всѣ времена заключалась въ томъ, чтобы распоряжаться дѣйствіями исполнителей, контролировать, регулировать, направлять ихъ при помощи наблюденія, вниманія, соображенія, иниціативы; и все это мы находимъ здѣсь, только въ отношеніи работника не къ другимъ, подчиненнымъ работникамъ или рабамъ, а къ машинѣ—«желѣзному рабу», лишенному жизни, но замѣняющему многихъ живыхъ. Слѣдовательно, трудъ, оставаясь исполнительскимъ, здѣсь получаетъ содержаніе организаторскаго. И онъ пріобрѣтаетъ такой характеръ тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ выше типъ устройства машины. При машинахъ несовершенныхъ рабочій долженъ непосредственно дополнять грубыя движенія механизма своими, болѣе сложными; при машинахъ автоматическихъ онъ уже всецѣло «управляетъ» механизмомъ.

Итакъ, новая форма труда есть исполнительско-организаторская, сливающая во-едино черты двухъ его видовъ, прежде рѣзко раздѣленныхъ.

— *Можно ли считать развитіе этой новой формы уже теперь завершившимся?*

— Нѣтъ; даже въ отрасляхъ наиболѣе передовыхъ по техникѣ оно не доходитъ еще до конца; и не можетъ дойти при капитализмѣ. Оно, какъ мы видѣли, зависитъ отъ типа машинъ, отъ ихъ совершенства; но капиталистическій строй не стремится, собственно, къ совершенству машинъ, а считается только съ ихъ выгодностью для предпринимателей. Между тѣмъ далеко не всякое дѣйствительное усовершенствованіе выгодно для капиталиста.

Дѣло въ томъ, что нанимая рабочихъ, онъ оплачиваетъ имъ только необходимое рабочее время, а прибавочное получаетъ въ свою пользу,—въ этомъ и состоитъ сущность эксплоатаціи. Покупая же машину, которая замѣститъ часть этихъ рабочихъ, онъ оплачиваетъ другому капиталисту всю ея трудовую стоимость—и необходимое, и прибавочное рабочее время, которое на ея производство затрачено. Получается вотъ что.

Предположимъ, что сумма труда, идущая на производство машины—10.000 раб. дней; и значитъ, если рабочій въ день создаетъ стоимость, выражаемую однимъ рублемъ, то денежная цѣнность машины—10.000 рублей. Пусть она до своего изнашиванья сберегаетъ всего 18.000 трудовыхъ дней. Ясно что это—машина весьма полезная для производства, потому что сберегаетъ чистыхъ 8.000 дней работы. Но стоитъ ли капиталисту вводить ее? Если необходимое рабочее время—половина рабочаго дня, то нормальная заработная плата—половина рубля. Капиталистъ нанимаетъ рабочихъ на 18.000 дней труда, и платитъ имъ, по 50 коп., всего 9.000 рублей. За машину же, ихъ замѣняющую, надо платить 10.000: явная невыгода.

Поэтому часто наиболѣе совершенные механизмы не могутъ теперь находить себѣ примѣненія. Пока, наивысшій ихъ типъ, достигнутый притомъ въ немногихъ отрасляхъ, автоматическій, гдѣ машина производитъ весь продуктъ съ начала до конца. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ трудъ наиболѣе сложенъ, капитализмъ, очевидно, и до этого типа не дойдетъ, потому что машины тогда потребовались бы слишкомъ «дорогія». Типъ же еще болѣе высокій, какой намѣчается наукою, останется вообще чуждымъ капитализму; это—механизмы автоматически-регулирующіеся.

— *Въ чемъ сущность этого типа, и какъ онъ намѣчается?*

— Главная роль работника при машинѣ—надзоръ и контроль надъ ея дѣйствіемъ. Уже теперь въ иныхъ случаяхъ нѣкоторыя части этихъ функцій переходятъ отъ работника къ разнымъ регулирующимъ и предохранительнымъ аппаратамъ, причемъ выполняются, конечно, гораздо точнѣе и быстрѣе. Къ приспособленіямъ такого рода относятся «регуляторы», напр., силы пара въ котлахъ, силы тока, скорости машинъ, и т. под.; затѣмъ автоматически-сигнальные приборы, извѣщающіе работника о необходимости его вмѣшательства; далѣе, такіе, которые останавливаютъ машину при опредѣленныхъ нарушеніяхъ ея хода, и проч.

Когда машины доведены до ступени простого автоматизма, или хотя бы близкой къ нему, то работниковъ при нихъ остается уже немного, и дальнѣйшее введеніе цѣлаго ряда приспособленій контрольныхъ, сигнальныхъ, вообще «регуляторовъ», можетъ дать лишь небольшую, сравнительно, экономію на рабочей силѣ, а обойтись должно недешево; для капиталиста нѣтъ мотивовъ къ этому. Поэтому въ современной промышленности настоящихъ, цѣлостныхъ механизмовъ этого типа не найти; примѣры ихъ можно пока указать только среди машинъ для истребленія. Въ военномъ дѣлѣ предприниматель—государство, и экономія на цѣнѣ машинъ не такъ важна, какъ быстрота, точность и совершенство ихъ разрушительнаго дѣйствія; тамъ—высшіе образцы современной техники. Такова Уайтхедовская торпеда, самодвижущаяся пловучая мина для взрыва кораблей. Это машина не только автоматическая, но и сама регулирующая свой ходъ подъ водою: цѣлый рядъ геніально-тонкихъ приборовъ заботливо слѣдятъ за тѣмъ, чтобы она шла въ точности по тому направленію и на той глубинѣ, какія желательны для того, кто ее пустилъ; всякое случайное отклоненіе вверхъ или внизъ, вправо или влѣво они тотчасъ же исправляютъ, до конца пути. Сложность аппарата огромна.

Автоматически-регулирующіеся механизмы для производства будутъ, разумѣется, еще гораздо сложнѣе; и они станутъ возможны только тогда, когда въ экономикѣ руководящей силою сдѣлаются интересы производителей и производства, а не эксплоатаціи; другими словами—только при коллективистической организаціи.

— *Какія измѣненія въ характерѣ труда должна вызвать эта высшая ступень научной техники?*

— Дальнѣйшее сближеніе разныхъ видовъ труда. При нынѣшнемъ машинномъ производствѣ сохраняется все-же глубокое различіе между работою «простого работника» и инженера; первая только технически-сознательна, вторая же имѣетъ научный характеръ; первая требуетъ отъ человѣка общаго пониманія механизма, дисциплинированнаго вниманія, толковости; вторая же—и оформленнаго, точнаго научно-техническаго знанія.

При само-регулирующихся механизмахъ уровень «простой» рабочей силы долженъ еще повыситься. Тамъ работнику придется время отъ времени производить сопоставленіе данныхъ, доставляемыхъ разными регулирующими аппаратами, дѣлать оцѣнку совокупности этихъ данныхъ, и съ выводами, изъ нея вытекающими, сообразовать свое вмѣшательство въ ходъ всего механизма. Очевидно, это будетъ настолько же инженеръ, насколько рабочій: сліяніе функцій, теперь рѣзко раздѣленныхъ.

Если при этомъ и будетъ сохраняться роль инженера—руководителя надъ группой работниковъ, то она не будетъ качественно отличаться отъ роли этихъ работниковъ: «организаторъ» тогда дѣйствуетъ тѣми же методами, что «исполнители», только надъ болѣе широкимъ матерьяломъ техническихъ данныхъ. Типъ рабочей силы окажется одинъ, различны лишь степени ея развитія.

— *Какъ измѣняется форма сотрудничества въ зависимости отъ всего развитія рабочей силы, порождаемаго разными ступенями машинной техники?*

— Сотрудничество отъ разнородности шагъ за шагомъ переходитъ къ однородности.

Въ эпоху мануфактуръ капитализмъ довелъ спеціализацію до крайности. Работникъ превращался въ машину для отдѣльной, часто мельчайшей, трудовой операціи; все содержаніе труда сводилось для него къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ движеніямъ, въ каждой спеціальности инымъ, особымъ. Что общаго, въ булавочной мануфактурѣ, между дѣйствіями работника, который тянетъ проволоку, и дѣйствіями другого, который ее перерѣзываетъ? Здѣсь разнородность труда полная, не меньше или даже больше, чѣмъ между разными ремесленниками.—И рядомъ съ этимъ—цѣлая пропасть между работою такихъ машинообразныхъ исполнителей и руководящихъ ими организаторовъ, функція которыхъ всецѣло «духовная».

Машинное производство прогрессивно ослабляетъ эту разнородность по обѣимъ линіямъ. Спеціализація, собственно, остается: отрасли производства не смѣшиваются между собой, и въ каждой имѣются разныя техническія операціи, выполняемыя съ помощью разныхъ машинъ. Но все возрастающая доля

разнородности работъ переносится съ людей на машины. Содержаніе труда работниковъ даже при весьма несходныхъ машинахъ становится сходнымъ въ главной и наибольшей своей части: функціяхъ надзора за машиною, контроля, регулированія, соображенія. А движенія рукъ составляютъ все менѣе важную и значительную сторону этой работы, хотя она и называется по-прежнему «физической». Такая тенденція къ однородности рабочей силы уже теперь весьма сильна, особенно въ передовыхъ отрасляхъ производства.

Уменьшается, затѣмъ, хотя и болѣе медленно, степень другой разнородности—труда «умственнаго» и труда «простого», т.-е., научно-организаторскаго и исполнительскаго. Мы видѣли, что исполнительская роль при машинѣ принимаетъ черты организаторской; въ ней выступаютъ на первый планъ усилія характера «интеллектуальнаго» или «духовнаго», и возрастающая степень технической сознательности и общей интеллигентности работника становится основнымъ ея условіемъ. Дальнѣйшія же стадіи машинной техники—стадія автоматизма и затѣмъ автоматическаго регулированія машинъ, повышая дальше и дальше уровень «простой» рабочей силы, ведутъ, и въ концѣ концовъ должны привести ее къ настоящей однородности съ рабочею силой научно-организаторской, «инженерской».

Однородное, на сознательности основанное сотрудничество обозначается, какъ «товарищеское». Машинное производство широко развиваетъ его въ рабочей средѣ; но на ряду съ нимъ, или, вѣрнѣе, н а д ъ нимъ остается и сотрудничество авторитарное, власть научно-организаторская. Благодаря этому, товарищеское сотрудничество въ непосредственномъ рабочемъ процессѣ теперь еще не получаетъ законченной формы, своего полнаго значенія.

— *Какъ слѣдуетъ представлять эту законченную форму?*

— Она отличается тѣмъ, что въ товарищескомъ коллективѣ всѣ дѣла р ѣ ш а ю т с я с о о б щ а, и с о о б щ а, насколько это надо, в ы п о л н я ю т с я. На современной фабрикѣ организаторы работъ не принадлежатъ къ товарищескому коллективу, и основныя рѣшенія въ дѣлахъ производства принимаются безъ рабочихъ, роль которыхъ тутъ сводится къ подчиненію; они образуютъ товарищескій коллективъ и с п о л н и т е л е й. Это—вынужденное ограниченіе, которое можетъ быть устранено лишь измѣненіемъ всего строя экономическихъ отношеній, и притомъ съ поднятіемъ рабочей силы на высшій уровень, когда и организаторы войдутъ въ товарищескій коллективъ, какъ сотрудники, превосходящіе другихъ лишь по с т е п е н и, а не по т и п у развитія.

— *Всегда ли и всюду рабочій коллективъ при капитализмѣ остается только коллективомъ исполнителей?*

— Нѣтъ. Въ области классовой борьбы рабочіе являются, конечно, самостоятельной стороною. Тамъ у нихъ складывается

организація тоже товарищеская, потому что къ этой формѣ сотрудничества ихъ пріучилъ процессъ производства; и тамъ имъ приходится не только исполнять, но и самимъ рѣшать, такъ что вырабатывается уже теперь болѣе полная связь товарищества. Однако, надо имѣть въ виду, что вырабатывается она все-же не сразу. На первыхъ ступеняхъ классовой организаціи сильно сказываются привычки пассивнаго подчиненія, въ видѣ слабости иниціативы массовыхъ членовъ организаціи, недостаточнаго контроля надъ выборными товарищами-руководителями, слѣпого слѣдованія за отдѣльными выдвинувшимися вождями, и т. под. Самыя условія классовой борьбы примѣшиваютъ къ дисциплинѣ товарищеской элементы дисциплины авторитарной: необходимость централизованнаго единства дѣйствій и быстроты въ рѣшеніяхъ часто заставляютъ всѣхъ подчиняться указаніямъ немногихъ, безъ критики и обсужденія, по довѣрію къ ихъ компетентности.

Но по мѣрѣ повышенія сознательности рабочей силы, эти остатки авторитарныхъ отношеній въ рабочемъ классѣ частью отпадаютъ, частью же, сохраняясь лишь въ предѣлахъ необходимости, перестаютъ опредѣлять собою духовный складъ пролетаріата, способы его мышленія.

— *Насколько широкіе коллективы создаются товарищескимъ сотрудничествомъ?*

— Непосредственное объединеніе—въ одномъ предпріятіи—съ ростомъ концентраціи капитала доходитъ уже теперь часто до тысячъ, иногда до десятковъ тысячъ людей. Но рамки коллектива отнюдь не сводятся къ отдѣльному предпріятію.

Рабочая сила при капитализмѣ становится подвижной, человѣческій матеріалъ предпріятій текучимъ. Рабочій рынокъ то съуживается, выбрасывая изъ фабрикъ и заводовъ тысячи ненужныхъ ему рукъ, то расширяется, поглощая тѣ же и другія тысячи. Классовая борьба съ ея стачками и локаутами порождаетъ такія же перемѣщенія. Человѣкъ работаетъ сегодня съ одними, завтра съ другими товарищами, часто даже вчера въ одной, завтра въ другой трудовой спеціальности: однородность работъ, развиваемая машиннымъ производствомъ, позволяетъ переходить отъ одного дѣла къ другому послѣ обученія, во много разъ болѣе короткаго, чѣмъ это было раньше, когда ученичество въ ремеслѣ продолжалось по нѣсколько лѣтъ.

При такой подвижности труда, каждый рабочій становится возможнымъ сотрудникомъ для каждаго другого. Классовая борьба дополняетъ эту связь и закрѣпляетъ ее, на дѣлѣ обнаруживая общность экономическаго положенія всѣхъ работниковъ, общность ихъ интересовъ. Коллективъ расширяется до предѣловъ рабочаго класса, разрывая не только границы техническихъ спеціальностей и отраслей, но даже границы націй и государствъ: въ предѣлахъ одного класса, онъ стремится стать м і р о в ы м ъ.

Этотъ характеръ рабочаго коллектива намѣтился уже давно. Но степень его организованности въ различныхъ частяхъ весьма различна, и въ его цѣломъ пока еще слаба. Съ прогрессомъ жизни она непрерывно возрастаетъ: техническія и экономическія силы капитализма неуклонно формируютъ міровой товарищескій коллективъ.

b) Общія черты идеологій коллективизма.

— *Какія черты мышленія необходимо вытекаютъ изъ выясненныхъ нами техническихъ и экономическихъ условій?*

— Вытекаетъ рядъ тенденцій мышленія, изъ которыхъ основными можно считать слѣдующія:

1) Разрушеніе иллюзій индивидуализма: тамъ, гдѣ буржуазное сознаніе ставило личность, какъ самостоятельный центръ интересовъ, стремленій, познанія, дѣйствія,—новое сознаніе пріучается ставить группу, организацію, классъ, вообще коллективъ. Это—коренная перемѣна точки зрѣнія.

2) Разрушеніе отвлеченнаго фетишизма, который, какъ мы знаемъ, необходимо связанъ съ индивидуализмомъ, какъ его дополненіе. Отвлеченный фетишизмъ силы общественныя принимаетъ за независимыя отъ людей, напр., стоимость, которая есть соціально-трудовое отношеніе—за свойство товара, нравственный долгъ, который есть соціально-организаціонная форма—за абсолютный, надъ-міровой законъ, и т. п. Новое сознаніе раскрываетъ одинъ за другимъ всѣ подобные фетиши, находитъ ихъ дѣйствительный, соціальный смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ только историческое, преходящее значеніе.

3) Разрушеніе остатковъ фетишизма авторитарнаго. Мы видѣли, что буржуазное сознаніе не можетъ покончить съ ними, потому что буржуазный міръ не можетъ, по своей коренной неорганизованности, обойтись безъ авторитарнаго способа организаціи. Товарищеское сотрудничество само имѣетъ организованный характеръ; въ немъ организаторская и исполнительская функція не разъединяются, воплощаясь въ отдѣльныхъ личностяхъ, а сближаются и стремятся къ сліянію въ коллективѣ. Поэтому оно противоположно и враждебно авторитаризму, и въ практикѣ, и въ мышленіи.

4) Разрушеніе остатковъ статики. Въ буржуазномъ обществѣ она сохраняется по своей неразрывной связи съ авторитарными элементами, особенно—религіозными. Въ эпоху упадка буржуазныхъ классовъ она усиливается,—какъ усиливаются въ нихъ и авторитарныя стремленія. Задачей этихъ классовъ становится удержаніе стараго строя, остановка движенія, ведущаго къ новому. Понятно, что въ ихъ

мышленіи объ обществѣ, о соціальныхъ вопросахъ, идея неподвижнаго, неизмѣннаго, т.-е. статика, находитъ вновь себѣ мѣсто. Ихъ мышленіе перестраивается сообразно желаніямъ, стараются доказать, что внутри-общественная борьба, классы, подчиненіе и т. д.—вѣчны, неизмѣнно необходимы, что безъ нихъ невозможенъ прогрессъ жизни, и т. под. Для новаго коллектива задачей является какъ разъ наиболѣе глубокое и полное измѣненіе общественныхъ формъ; понятно, что тутъ для представленія о неизмѣнномъ и вѣчномъ никакой почвы не оказывается.

— *До конца ли идетъ развитіе этихъ общихъ тенденцій въ классовой идеологіи пролетаріата при капитализмѣ?*

— Нѣтъ. Въ капитализмѣ есть много условій, стѣсняющихъ и задерживающихъ идеологическое развитіе рабочаго класса. Поэтому въ его мышленіи сохраняется и теперь много элементовъ старыхъ культуръ, индивидуалистической и авторитарной; и полнаго ихъ исчезновенія, при отсутствіи м а т е р і а л ь н о й свободы культурнаго прогресса для пролетаріата, ожидать нельзя. Въ предѣлахъ же капитализма матеріальная свобода неосуществима: ее исключаютъ нужда, необезпеченность, принудительно-долгій рабочій день, невозможность выбора работы по призванію, и т. под.

Рабочій классъ происходитъ изъ мелкой буржуазіи, крестьянской и ремесленной, и на первыхъ порахъ вноситъ весь ея прежній духовный складъ въ свою новую жизнь. Затѣмъ онъ подвергается сильному культурному вліянію крупной буржуазіи и буржуазной интеллигенціи, которыя руководятъ имъ въ производствѣ; подчиняясь ихъ авторитету, рабочій классъ невольно усваиваетъ во многомъ ихъ взгляды, ихъ точку зрѣнія. Особенно сильно сказалось это на пролетаріатѣ Англіи, который всего дольше находился подъ воспитательнымъ дѣйствіемъ буржуазной культуры: Англія пережила мануфактурный періодъ—больше двухъ вѣковъ, тогда какъ другія страны переживали его гораздо короче, либо совсѣмъ миновали, выступивъ много позже на путь капитализма, когда уже была выработана техника машиннаго производства; а въ теченіе мануфактурнаго періода, классовой организаціи пролетаріата не существовало. И несмотря на экономически-передовое положеніе Англіи въ мірѣ, несмотря на высокій уровень общей интеллигентности англійскаго рабочаго и огромную энергію, обнаруженную имъ, за послѣднее столѣтіе, въ классовой борьбѣ, его культурная жизнь заключаетъ въ себѣ массу остатковъ индивидуализма и авторитаризма, которые теперь устраняются съ огромнымъ трудомъ и колебаніями. Тамъ высоко стоитъ до сихъ поръ религіозность, въ правовомъ сознаніи сильны еще идеи буржуазнаго либерализма, въ нравственномъ—мѣщанскіе идеалы, особенно по отношенію къ семьѣ, къ подчиненію жены и дѣтей, нерушимой святости брака, и т. под. Въ профессіо-

нальныхъ организаціяхъ—трэдъ-юніонахъ—самое объединеніе большей частью еще понимается, какъ союзъ личностей, совмѣстными дѣйствіями осуществляющихъ свои личные интересы; это пониманіе—вполнѣ индивидуалистическое, оно свойственно союзамъ мелкобуржуазнымъ и буржуазнымъ (старые цехи; крестьянско-мѣщанскія потребительныя, ссудо-сберегательныя общества; акціонерныя компаніи, синдикаты, трёсты). Для новаго сознанія цѣль организаціи—развитіе жизни и силъ цѣлаго, коллектива, а не личностей, какъ отдѣльныхъ, независимыхъ единицъ.

Такая же своеобразная отсталость, при высокой культурности, характеризуетъ и пролетаріатъ американскій, по своему происхожденію—вѣтвь англійскаго. Обычно, отсталость эта приписывается сравнительному благосостоянію того и другого за прошлое столѣтіе. Но благопріятныя условія труда сами по себѣ не порождаютъ идеологической отсталости,—они могутъ только способствовать ея поддержанію, когда она есть; иначе вся борьба пролетаріата за заработную плату, рабочій день и пр. вела бы къ замедленію и остановкѣ его идеологическаго развитія. Ухудшеніе условій труда въ Англіи и въ Америкѣ дало толчокъ ихъ движенію въ сторону коллективизма, но не потому, чтобы само въ себѣ заключало коллективизмъ, а потому, что разрушительно подѣйствовало на привычныя индивидуалистическія и религіозныя иллюзіи.

Пролетаріатъ другихъ странъ, будучи по уровню жизни и по степени интеллигентности большей частью ниже англійскаго и американскаго, долженъ больше ихъ учиться, но въ меньшихъ размѣрахъ переучиваться. Во всякомъ случаѣ, теперь во всѣхъ капиталистическихъ странахъ процессъ выработки формъ новаго сознанія, разрушенія стараго идетъ среди рабочаго класса быстро и интенсивно. Но переходъ отъ одной культуры къ другой, иной по самому типу, есть гигантская перестройка; онъ вполнѣ намѣтился и опредѣлился среди господствующаго смѣшенія ихъ элементовъ,—но завершится онъ лишь тогда, когда всѣ необходимыя для него силы будутъ экономически-освобождены.

— *Если основа индивидуализма есть рынокъ съ его борьбою то какъ можетъ освобождаться отъ индивидуализма пролетарское сознаніе, когда пролетарій связанъ съ рынкомъ и какъ продавецъ рабочей силы, и какъ покупатель товаровъ? И если основа авторитаризма лежитъ во власти-подчиненіи, то не должнѣ ли онъ нерушимо поддерживаться тѣмъ, что весь трудъ работника проходитъ въ подчиненіи власти предпринимателя и его служащихъ?*

— Рабочій и остается индивидуалистомъ, пока онъ на рынкѣ выступаетъ индивидуально, какъ всякій обыкновенный продавецъ-покупатель въ мѣновомъ обществѣ. Но на почвѣ трудового объединенія и классовой борьбы происходитъ пре-

вращеніе главнаго для рабочихъ мѣнового акта—продажи рабочей силы—въ новую форму: переходъ отъ индивидуальнаго къ коллективному договору съ капиталистами, результатъ стачечнаго движенія, и затѣмъ профессіональной организаціи рабочихъ. Въ коллективномъ договорѣ о наймѣ рабочій, въ дѣйствительности, не индивидуальный мелкій продавецъ своего товара—трудовой силы, а членъ борющагося коллектива, и рынокъ уже не можетъ больше развивать въ немъ иллюзій индивидуализма.

Какъ покупатель жизненныхъ средствъ, рабочій и тогда еще можетъ подтвергаться вліянію рынка. Но это, частичное, вліяніе, въ свою очередь, подрывается организаціоннымъ процессомъ; воспитываясь на единеніи, общей борьбѣ, коллективномъ договорѣ, пролетарій стремится и какъ покупатель дѣйствовать сообща: развивается организація «потребительныхъ обществъ», т. наз. кооперативное движеніе.

Такимъ образомъ, профессіональная и кооперативная организація не только экономически выгодны рабочему классу въ отстаиваньи его матеріальныхъ интересовъ: онѣ имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ огромное идеологически-воспитательное значеніе, освобождая его отъ индивидуальной борьбы рынка, порождающей иллюзіи буржуазнаго сознанія.

Что касается связи подчиненія между рабочимъ и тѣмъ, кому онъ подвластенъ въ производствѣ, то она, конечно, воспитывала въ немъ авторитарное мышленіе, пока онъ просто принималъ ее, какъ нѣчто естественное и необходимое, пока отношенія на фабрикѣ были, какъ принято говорить, «патріархальными». Но когда рабочіе борются противъ этихъ отношеній, когда ихъ подчиненіе практически выступаетъ, какъ вынужденное, и власть, надъ нимъ стоящая, какъ другой лагерь, тогда авторитарная связь теряетъ свою силу надъ ихъ мышленіемъ, потому что теряетъ характеръ живой связи, настоящаго сотрудничества: то, противъ чего люди борются, воспитательнаго вліянія уже имѣть не можетъ. Скорѣе даже напротивъ: вынужденность подчиненія подрываетъ авторитарный духъ. Такъ когда-то въ буржуазіи власть феодальнаго сословія, противъ которой она боролась, только обостряла духъ индивидуализма, жажду освобожденія личности. Для пролетаріата результатъ тотъ же, съ той разницей, что, вмѣсто индивидуализма буржуазіи, противъ авторитарности поднимается коллективизмъ, жажда освобожденія классового и съ нимъ общечеловѣческаго.

c) Трудовая причинность.

— *Что такое «трудовая причинность»?*

— Это—новое пониманіе причинной связи, развивающееся

на основѣ машиннаго производства и порождаемой имъ высшей формы сотрудничества.

— *Почему должно на этой основѣ возникнуть новое пониманіе причинности, и не можетъ удержаться старое, свойственное мѣщовому обществу,—идея «причинности—необходимости»?*

— Потому что «причинность—необходимость» произошла изъ «экономической необходимости» мѣщового общества, выражающей власть общественныхъ отношеній надъ людьми. А власть эта зависитъ отъ неорганизованности сотрудничества въ его цѣломъ, отъ «анархіи производства». Коллективизмъ же означаетъ развитіе организованнаго сотрудничества въ цѣломъ общественномъ классѣ, и борьбу этого класса противъ анархіи производства. Такимъ образомъ, хотя рабочій практически отнюдь еще не освободился изъ-подъ господства экономической необходимости, но основы ея вліянія на его мышленіе подрываются: противъ стихійныхъ силъ рынка и капитализма стоитъ уже не безсильный индивидуумъ, а организующійся классовый коллективъ, который не только подчиняется имъ, но и реально борется съ ними. Возникшая изъ ихъ власти надъ человѣкомъ идея отвлеченной причинности съ этого времени, естественно, неспособна удовлетворять новаго сознанія, и оно вырабатываетъ иной способъ пониманія всеобщей связи явленій.

— *Откуда беретъся новый типъ причинности, и въ чемъ онъ заключается?*

— Онъ берется изъ процесса производства. Въ своей основѣ это не что иное, какъ выраженіе самаго общаго метода машинной техники.

Машинное производство, по существу, сводится къ систематическому и планомѣрному превращенію силъ или, выражаясь научнѣе, превращенію энергіи. Такъ, химическое сродство угля и кислорода воздуха въ топкѣ переходитъ въ теплоту пламени; эта теплота въ паровомъ котлѣ—въ давленіе пара; оно, въ цилиндрахъ, становится движеніемъ поршня, затѣмъ махового колеса, ременныхъ приводовъ, станковъ; движеніе станковъ превращается въ различныя измѣненія рабочаго матеріала, дающія опредѣленный продуктъ. Но такія же движенія станковъ могутъ быть получены отъ работы электричества, получающаго энергію изъ динамо-машины, въ свою очередь ее черпающей, напр., изъ силы теченія запруженной рѣки, или отведенной воды водопада. И эта энергія можетъ быть, при случаѣ, замѣнена силой вѣтра, а въ малыхъ размѣрахъ—силой лошади, даже человѣка. Вмѣсто такого-то движенія станковъ можно, изъ тѣхъ же источниковъ, но при другомъ механизмѣ, получать иное, приводящее къ другимъ продуктамъ,—или производить свѣтъ, или химическую энергію, и т. д.

Что это значитъ? Что для трудового коллектива всякій процессъ природы можетъ служить источ-

никомъ для полученія всякихъ другихъ процессовъ. Усиліе работника тоже входитъ сюда; оно иногда замѣщаетъ другіе источники энергіи, еще чаще само замѣщается ими. Случается, что при порчѣ машины работникъ принужденъ временно выполнять то, что дѣлалось ею; несравненно чаще, на каждомъ шагу, происходитъ и обратное—машина замѣняетъ и вытѣсняетъ работника. Опытъ и наука показываютъ, что такія превращенія и замѣщенія, при подходящихъ механизмахъ, могутъ дѣлаться неограниченно: всякое явленіе природы—возможный источникъ всякаго другого явленія.

Такова практическая связь фактовъ для трудового коллектива во всей его жизни, въ каждую минуту, въ каждую секунду его дѣятельности. Понятно, что она и становится моделью для его мышленія, его способомъ пониманія причинности. Причина есть источникъ энергіи, за счетъ котораго получается слѣдствіе. Но сама она имѣетъ другую причину, т.-е., ея энергія происходитъ, въ свою очередь, изъ другого источника, и т. д., безъ конца: цѣпь причинности есть цѣпь превращеній энергіи.

Чтобы имѣть техническій источникъ энергіи для своихъ цѣлей, трудовой коллективъ долженъ гдѣ-нибудь его взять, но не можетъ просто создать: энергія, слѣдовательно, не создается въ трудовомъ опытѣ. Если трудъ наталкивается на враждебную, нежелательно для него направленную энергію, онъ можетъ преобразовать ее въ формы полезныя или безвредныя, но не можетъ просто уничтожить ее: энергія не уничтожается въ трудовомъ опытѣ. Но если такъ, то ея, очевидно, ровно столько же въ причинѣ, сколько въ слѣдствіи: причина равна своему слѣдствію. Вѣрнѣе сказать: причина равна суммѣ своихъ прямыхъ слѣдствій, потому что на дѣлѣ она переходитъ всегда не въ одну, а въ нѣсколько разныхъ формъ. Въ машинномъ производствѣ трудъ эксплоатируетъ энергію природы; но ему никогда не удается использовать взятый источникъ до конца. Энергія пламени идетъ не вся на образованіе пара, но частью на безполезное нагрѣваніе окружающихъ предметовъ; давленіе пара не все на полезное движеніе механизма, но частью на вредное треніе его частей, и т. п. Энергія источника переходитъ во всю сумму полезныхъ и вредныхъ результатовъ.

Конечно, эти результаты одни полезны, другіе вредны только въ данномъ случаѣ, а не сами по себѣ. Давленіе пара полезно при работѣ, вредно при взрывѣ котла; треніе вредно въ движеніяхъ поршня, но полезно въ безконечномъ ремнѣ передачи. А съ общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія трудового коллектива въ его цѣломъ, во всей его практикѣ, они не полезны и не вредны, а просто—формы энергіи, съ которыми коллективъ имѣетъ дѣло. Поэтому въ трудовой причинности причина просто равна суммѣ своихъ слѣдствій, взя-

тыхъ вмѣстѣ, безъ различія полезныхъ и безполезныхъ или вредныхъ.

— *Не есть ли эта новая «трудовая причинность»—обыкновенный «законъ сохраненія и превращеній энергіи», какимъ его выработала буржуазная наука?*

— Законъ сохраненія энергіи, въ томъ видѣ, какъ его даетъ нынѣшняя физика и философія, есть, дѣйствительно, н а ч а л о, или зародышъ, новаго пониманія причинности. И это вполнѣ естественно: какъ мы уже знаемъ, онъ и возникъ на основѣ машиннаго производства. Но все же это не есть сама новая, коллективистическая, форма причинности. Дѣло въ томъ, что господствующая теперь наука подчинена законамъ идеологіи мѣнового общества, и сообразно имъ мыслитъ объ «энергіи».

Нынѣшніе ученые, въ огромномъ большинствѣ, понимаютъ «энергію» вовсе не такъ, какъ мы изложили съ точки зрѣнія трудового коллектива: для нихъ эта идея н е з а в и с и т ъ отъ человѣческаго труда. Они установили такую связь, что, напр., химическая энергія одного фунта угля, при его сгораніи, переходитъ во столько-то единицъ, которыми измѣряется энергія тепловая. Но что именно есть эта энергія, явившаяся въ двухъ разныхъ воплощеніяхъ? Тутъ они думаютъ разно. Одни полагаютъ, что энергія — дѣйствительная вещь или «сущность», которая заключается въ явленіяхъ, или изъ которой они состоятъ: помимо насъ, «сама по себѣ», всегда, «вѣчно» она была и будетъ въ нихъ, въ п р и р о д ѣ. Можетъ ли новое сознаніе принять это? Отнюдь нѣтъ. Для него объ «энергіи» не можетъ быть и рѣчи, если нѣтъ того, кто ее и с п о л ь з у е т ъ, или с т р е м и т с я и с п о л ь з о в а т ь, т.-е., трудового коллектива. Если даже мы наблюдаемъ, что одно явленіе постоянно переходитъ въ другое, какъ, напр., день въ ночь, или зимній холодъ въ весеннее тепло,—но если при этомъ нѣтъ идеи о возможности технически-планомѣрно получать второе явленіе изъ перваго, то не возникаетъ даже вопроса объ энергіи, о томъ, что энергія дневного свѣта переходитъ въ энергію ночного мрака, и т. п.

Другіе полагаютъ, напротивъ, что въ природѣ никакой энергіи нѣтъ, а существуетъ она только в ъ м ы ш л е н ь и: что она лишь «символъ» или «знакъ», придуманный и условно примѣняемый людьми для обозначенія связи фактовъ. И этого тоже новое сознаніе допустить не можетъ. Для него это вовсе не символъ, который придуманъ нѣсколькими учеными, а дѣйствительныя силы труда и дѣйствительныя сопротивленія, съ которыми онъ уже имѣетъ или можетъ имѣть дѣло. Въ «энергіи» подразумѣвается настоящая борьба съ природою, реальныя столкновенія,—которыя были или будутъ,—съ ея силами, а не простое придумыванье «символовъ» или знаковъ.

Оба старыхъ пониманія энергіи,—а также и разныя промежуточныя между ними, существующія среди ученыхъ,—неправильны, потому что о т о р в а н ы отъ своей живой, обще-

ственно-трудовой основы, лишены своего истиннаго содержанія, какъ это всегда дѣлаетъ отвлеченный фетишизмъ. «Энергія» выражаетъ практическое отношеніе общества къ природѣ, и въ этомъ ея смыслъ. Напр., пусть найдено, что морской приливъ представляетъ такое-то количество механической энергіи, фунтъ нефти такое-то количество химической энергіи. Объективно, это значитъ, что если бы производство полностью овладѣло тѣмъ или этимъ явленіемъ, и до конца могло его съэксплоатировать въ своихъ цѣляхъ, то за счетъ его преодолѣло бы такую-то, опредѣленную сумму сопротивленій природы.

Въ новой причинности, такимъ образомъ, заключается идеалъ коллективно-трудового господства надъ природою. Проникая въ мышленіе массъ, и укрѣпляясь въ немъ, она шагъ за шагомъ преобразуетъ его по всей линіи, организуетъ его въ новый типъ.

d) Тенденціи развитія науки.

— *Какая область науки раньше всего подверглась превразующему дѣйствію коллективизма?*

— Науки общественныя. Уже болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ великій мыслитель Марксъ, сознательно ставшій на точку зрѣнія пролетаріата, далъ методы и основы коллективистической переработки исторіи, политической экономіи, частью также и науки о мышленьи. Съ тѣхъ поръ эта переработка продолжается.

— *Въ чемъ состояла сущность переработки?*

— Раньше исторія человѣчества понималась либо въ духѣ авторитарнаго, либо въ духѣ отвлеченнаго фетишизма. Одни видѣли въ ней исторію царей, героевъ, геніевъ, вообще авторитетовъ и властителей, ихъ подвиговъ и дѣяній, опредѣлявшихъ, будто-бы, судьбу міра. Другіе полагали, что сущность ея въ развитіи идей—знаній или нравственныхъ принциповъ, при чемъ думали, что развитіе это идетъ само собою, по своимъ законамъ,—а идеи, управляя людьми, заставляютъ ихъ дѣйствовать такъ или иначе, и отъ этого зависятъ историческія событія.

Марксъ показалъ, что всѣ подобные взгляды наивны или поверхностны, не охватываютъ дѣйствительности. Исторія человѣчества—это, прежде всего, развитіе производственнаго процесса, борьбы между обществомъ и природою. Въ процессѣ производства вырабатываются и складываются экономическія отношенія людей, а въ зависимости отъ нихъ и идеи. Люди—властители или подвластные, герои или массы—живутъ и дѣйствуютъ, подчиняясь силѣ тѣхъ способовъ производства и тѣхъ экономическихъ связей, которые ихъ окружаютъ, въ которыхъ они воспитываются; идеи, руководящія

людьми, только отражаютъ эти же способы производства и экономическія связи. Общественный трудъ, въ его движеніи, въ смѣнѣ его формъ,—основа исторіи.

Въ старой политической экономіи Марксъ разоблачилъ ея мѣновой фетишизмъ и ея буржуазно-классовый характеръ. Марксъ показалъ, что мѣновая стоимость, которую прежняя наука, слѣдуя обыденному мышленію товаропроизводителей, считала свойствомъ товара, есть на самомъ дѣлѣ кристаллизованный общественный трудъ; капиталъ же, который эта наука смѣшивала со средствами производства, есть общественное отношеніе, а именно—власть собственника средствъ производства надъ не имѣющими ихъ рабочими. Исходя изъ такихъ идей, удалось объяснить многое, раньше непонятное въ экономической жизни, и опредѣлить основное направленіе, по которому движется капиталистическая система, раскрыть ея тенденціи, намѣчающія неизбѣжный переходъ въ коллективизмъ.

Разоблачая мѣновой фетишизмъ, Марксъ о б ъ я с н и л ъ его: установилъ его происхожденіе изъ мѣновой организаціи, его историческую необходимость, его о б ъ е к т и в н о с т ь, т.-е., общественную пригодность и обязательность, при товарномъ производствѣ,—но также его коренную ошибочность, «иллюзорность», съ точки зрѣнія иныхъ, высшихъ, нарождающихся отношеній—коллективизма. Тѣмъ самымъ было положено начало научному изслѣдованію способовъ мышленія, ихъ объясненію черезъ способы производства,—той идеологической наукѣ, которую мы здѣсь изучаемъ.

— *Почему общественныя науки, наиболѣе молодыя, наименѣе развитыя изо всѣхъ, первыми подверглись переработкѣ въ духѣ коллективизма?*

— Потому что именно въ нихъ такая переработка была наиболѣе нужна. Предметъ этихъ наукъ—о р г а н и з а ц і я л ю д е й; и понятно, что въ томъ видѣ, какъ онѣ были выработаны старыми классами, индивидуалистическими, онѣ не могли служить для организаціи новаго класса—коллективистическаго.

— *Слѣдуетъ ли ожидать, что и другія науки—естественныя, математическія—испытаютъ подобное преобразованіе?*

— Несомнѣнно, да. Весь матеріалъ этихъ наукъ при новыхъ способахъ мышленія долженъ выступить въ иномъ свѣтѣ, и въ иной связи. Устраненіе отвлеченнаго фитишизма неизбѣжно измѣнитъ многое, прежде всего—въ основномъ ихъ пониманіи. Попутно, мы уже видѣли это. Астрономія — чистая истина о небесныхъ тѣлахъ, и астрономія—ученіе о способахъ точной оріентировки человѣческаго труда въ пространствѣ и во времени—не одно и то же. Формулы законовъ могутъ остаться тѣ же, пока не явится новаго матеріала данныхъ и наблюденій; но изложеніе, группировка содержанія, объясненіе методовъ, разграниченіе болѣе важнаго и менѣе важнаго измѣнятся, разъ

только астрономическіе факты будутъ разсматриваться не какъ «абсолютные», не оторванно отъ общественно-трудовой практики, а въ живомъ соотношеніи съ нею. То же относится и ко всякой другой наукѣ.

— *Но полезно ли такое преобразованіе? Развѣ не стремленіе къ чистой истинѣ привело къ величайшимъ научнымъ открытіямъ, имѣвшимъ и огромное практическое значеніе? И напротивъ, смѣшеніе вопроса объ истинѣ съ практическими задачами не должно ли ослабить глубину и энергію познанія, отнимая у него безкорыстный, идеальный характеръ?*

— Стремленіе къ истинѣ не можетъ стать ни слабѣе, ни менѣе безкорыстнымъ отъ того, что человѣкъ будетъ знать, что такое въ дѣйствительности она есть; оно только получаетъ иную, высшую форму.

Каждая система культуры развиваетъ свои, особенные мотивы идеальнаго стремленія къ истинѣ. Пророкъ феодальной эпохи искалъ истины с в я т о й: въ своихъ усиліяхъ постигнуть ее, чтобы возвѣстить людямъ,—прислушиваясь къ внутреннему голосу своей души и къ стихійнымъ голосамъ природы, онъ находилъ ее, какъ о т к р о в е н і е б о ж е с т в а, и этимъ она была дорога ему, священна для него; ему была бы непонятна жажда чистой, голой, отвлеченной истины, которая говоритъ только то, что есть, и не болѣе, и говоритъ сама по себѣ, а не отъ высшаго авторитета.—Напротивъ, при отвлеченномъ фетишизмѣ мѣновыхъ организацій и культуръ, наибольшій энтузіазмъ, самое пламенное влеченіе ученыхъ и мыслителей вызываетъ идея истины абсолютной, «самой по себѣ»; для этихъ непонятна жажда авторитетнаго откровенія свыше; но такъ же имъ чуждо стремленіе къ истинѣ, какъ живому продукту коллективно-трудового опыта и орудію общества въ борьбѣ съ природой.—Для коллективиста же, который проникнутъ инстинктомъ сотрудничества, чувствомъ своей связи съ борющимся человѣчествомъ,—пустой и безжизненной, поэтому и неинтересной казалась бы истина «сама по себѣ», отрѣшенная отъ жизни; но ему близка и дорога истина, какъ выраженіе прежнихъ усилій коллектива и орудіе новыхъ его побѣдъ.

Новый типъ истины не есть ея «смѣшеніе» съ практическими задачами, а ея в о з в р а щ е н і е къ единству съ практической жизнью, отъ которой она въ эпоху индивидуализма и спеціализаціи оторвалась.

— *Не будетъ ли новое познаніе много сложнѣе, чѣмъ прежнее?*

— Всякая высшая форма сложнѣе низшей, потому что заключаетъ въ себѣ больше содержанія; но она можетъ быть и с т р о й н ѣ е низшей, болѣе совершенно организована. Безъ сомнѣнія, проще полагать, что стоимость есть стоимость, а трудъ есть трудъ, чѣмъ понять, что стоимость—кристаллизованный общественный трудъ; но въ первомъ случаѣ область обмѣна оторвана въ познаніи отъ области труда, и заключаетъ массу непонят

наго, во второмъ она—связана съ областью труда, и непонятное въ ней объясняется.—Вернувшись къ своему источнику, общественно-трудовой жизни, наука дѣлаетъ ее понятнѣе, и себя—вмѣстѣ съ нею.

Но здѣсь опять надо различать общественные типы людей. Какой-нибудь узкій спеціалистъ, далекій отъ соціально-практической жизни въ ея цѣломъ, не имѣющій о ней понятія, конечно, ничего не выиграетъ, а только проиграетъ, если его спеціальное познаніе будетъ поставлено въ связь и зависимость отъ этой незнакомой и чуждой ему области. Астроному, не выходящему почти изъ своей обсерваторіи, безполезно и утомительно думать о томъ, какъ его наука организуетъ все міровое производство, распредѣляя элементы труда по мѣрамъ времени и по положеніямъ въ пространствѣ. Но для человѣка труда и борьбы астрономія будетъ понятнѣе, какъ наука организаціонная, чѣмъ какъ «чистое» знаніе о вещахъ, почти безконечно отъ насъ далекихъ.

— *Сохраняетъ ли коллективистическая наука прежнюю спеціализацію?*

— Она не уничтожаетъ спеціализаціи, но существенно измѣняетъ ея характеръ, подобно тому какъ въ производствѣ, мы видѣли, это дѣлаютъ высшія формы машинной техники. Уже въ старой наукѣ за послѣднее время происходитъ быстрое сближеніе научныхъ методовъ разныхъ областей, сліяніе раньше разрозненныхъ наукъ въ новыя, обширныя единства, какъ, напр., развитіе общей физики на основѣ цѣлаго ряда прежде обособленныхъ отраслей. Коллективизмъ долженъ, разумѣется, чрезвычайно усилить эту тенденцію. Если теперь она дѣйствуетъ безъ всякой планомѣрности, помимо всякаго систематическаго исканія объединяющихъ разныя отрасли методовъ, какъ-бы стихійно пробиваясь черезъ царящую спеціализацію, то въ новомъ мышленіи это окажется иначе. Когда всѣ науки понимаются, какъ организаціонныя орудія единаго соціально-трудового процесса, который необходимо организовать стройно и цѣлостно, тогда вполнѣ сознательно ставится задача—свести эти орудія къ стройному и цѣлостному единству, задача выработки общихъ методовъ и точекъ зрѣнія, связывающихъ всѣ научныя спеціальности.

Трудно заранѣе судить о томъ, до какихъ предѣловъ эта задача будетъ разрѣшена еще при капитализмѣ, въ какой мѣрѣ ее должно будетъ завершать коллективистическое общество. Но тенденція вполнѣ ясна. Наука должна стать «монистической». Въ ней должна сложиться система общихъ пріемовъ, выводовъ, законовъ, руководящихъ всѣми ея областями. Въ каждой области они будутъ дополняться особыми, болѣе частными пріемами, выводами, законами; но общая ихъ основа будетъ, по мѣрѣ развитія, все значительнѣе преобладать надъ этой спеціальной ихъ стороной.

Тогда исчезнетъ замкнутость отдѣльныхъ отраслей, и не

реходъ отъ одной изъ нихъ къ другой станетъ настолько же возможнымъ и обычнымъ дѣломъ, какъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой въ машинномъ производствѣ. Степень однородности труда въ сферѣ теоріи будетъ возрастать, какъ теперь она быстро возрастаетъ въ практикѣ.

Нельзя въ настоящее время представить конкретно науку будущаго, какъ нельзя конкретно представить и самый коллективистическій строй сколько-нибудь достовѣрнымъ образомъ. Но направленіе научнаго развитія, а съ нимъ основныя черты строенія монистической науки намѣтились уже теперь достаточно.

— *Какова должна оказаться при этомъ роль философіи?*

— Философія, какъ мы знаемъ, есть область попытокъ свести къ единству раздробленное познаніе. По мѣрѣ того, какъ наука будетъ становиться монистической, философія, очевидно, должна терять значеніе, частью—просто отпадать, какъ ненужная больше, частью—переходить въ содержаніе монистической науки. Послѣднее относится, конечно, по преимуществу къ той философіи, которая стоитъ на точкѣ зрѣнія коллективизма. Она развивается въ настоящее время, слѣдуя за коллективистическою наукой.

е) Тенденціи развитія искусства.

— *Что новаго вноситъ коллективизмъ въ искусство?*

— Прежде всего, разумѣется, новое пониманіе искусства, освобожденное отъ всякаго фетишизма,—сознаніе соціальной сущности, соціальнаго смысла искусства.

Далѣе, какъ новая культурная сила, коллективизмъ естественно ведетъ къ зарожденію и развитію новаго искусства; сначала классового—въ рамкахъ капитализма, затѣмъ общечеловѣческаго—по устраненіи классовъ. Въ этомъ новомъ искусствѣ центральной фигурой является уже не индивидуумъ, съ его личными интересами, личной активностью, личной судьбой,—а коллективъ, сначала классовой, въ его противопоставленіи враждебнымъ ему силамъ общества и стихій, потомъ—общечеловѣческій, въ его противопоставленіи природѣ.

— *При новомъ пониманіи искусства, должно ли быть отброшено и отвергнуто все старое искусство?*

— Отнюдь нѣтъ. Оно только иначе воспринимается, иначе освѣщается коллективистическимъ сознаніемъ. Каждая высшая культура получаетъ художественное наслѣдство отъ низшей, пользуется имъ, но по-своему.

Пусть художникъ феодальной эпохи изваялъ статую божества. Для него и его современниковъ это произведеніе имѣетъ религіозный смыслъ, воплощаетъ авторитарныя чувства и мысли, есть образъ высшей организующей силы. Но если эту статую найдутъ, напр., при раскопкахъ въ эпоху куль-

туры индивидуалистической, мѣновой, то она можетъ и здѣсь сохранить огромную цѣнность, какъ прекрасное художественное произведеніе, но въ совершенно иномъ, вовсе не религіозномъ значеніи: она будетъ для созерцающихъ ее образомъ чистой индивидуальной красоты, и мощи, или воплощеніемъ идей красоты и мощи. Но дойдя до эпохи коллективистическаго сознанія, она получитъ опять новый смыслъ: въ ней будутъ видѣть и чувствовать идеалъ жизни того коллектива—общины, племени, сословія,—который произвелъ ее черезъ своего художника, выраженіе вѣковой общности усилій, настроеній, вѣрованій этого коллектива.

Аналогичнымъ образомъ, читая какой-нибудь романъ, драму нашей эпохи, гдѣ изображаются личности въ ихъ внутренней борьбѣ и внѣшнихъ столкновеніяхъ, сознательный коллективистъ за этими личностями, за ихъ мотивами найдетъ общественный строй эпохи, борьбу соціальныхъ силъ, многообразно отражающихся и преломляющихся въ личныхъ характерахъ, въ какомъ-нибудь конфликтѣ долга и чувства—гнетъ вѣковой традиціи, отвлеченнаго фетишизма надъ ростомъ жизни, и т. п.

Создавая новое искусство, коллективизмъ преобразуетъ старое, и сдѣлаетъ его своимъ воспитательнымъ средствомъ, своимъ организаціоннымъ орудіемъ.

— *Возможно ли созданіе новаго искусства еще въ капиталистическую эпоху, при коллективизмѣ только одного класса? Не окажется ли непреодолимымъ препятствіемъ угнетенное положеніе этого класса, недостатокъ досуга и матеріальныхъ средствъ?*

— Безъ сомнѣнія, классъ жизненно стѣсненный не можетъ широко развернуть своего художественнаго творчества. Но, во-1), основа искусства не въ досугѣ, а въ особомъ строѣ чувствъ и мыслей, свойственномъ коллективу; строй же этотъ вырабатывается именно въ его трудѣ и борьбѣ, а не въ досугѣ. Поэтому народное художественное творчество существовало, и развивалось, въ классѣ еще болѣе угнетенномъ, чѣмъ пролетаріатъ,—въ старомъ крестьянствѣ.

Во-2), многомилліонный классъ, отвоевывая экономической борьбой полъ-часа, часъ досуга, получаетъ въ своей массѣ большее его количество, чѣмъ все свободное время какого-нибудь помѣщичьяго класса; и изъ милліоновъ часовъ коллектива, себя сознающаго, могутъ кристиллизоваться сотни и тысячи творческихъ часовъ живущихъ его жизнью единицъ. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы талантливый поэтъ или музыкантъ, выдвигающійся среди пролетаріата, оставался въ мастерской; гораздо выгоднѣе для коллектива, чтобы онъ отдался всецѣло своему дѣлу, какъ секретари и администраторы пролетарскихъ организацій, какъ ихъ публицисты, политики, ученые. Когда коллективизмъ достаточно сложится, какъ система мыслей и стремленій, тогда онъ, естественно, сможетъ овладѣть творче-

скими талантами даже не однихъ пролетаріевъ, но и людей изъ другихъ классовъ,—какъ выходили же изъ аристократіи буржуазные художники, какъ выходятъ уже пролетарскіе теоретики изъ буржуазной интеллигенціи.

Теперь существуютъ только зародыши новаго искусства; но они уже существуютъ. Ихъ развитіе должно могущественно содѣйствовать сплоченію коллектива, организаціи его силъ. Это значеніе не можетъ измѣряться количествомъ произведеній, которое, навѣрное, въ классовую эпоху не будетъ особенно велико. Значеніе измѣряется тѣмъ, насколько стройно и жизненно сумѣетъ себя выразить коллективъ черезъ своихъ представителей въ мірѣ искусства. Чѣмъ полнѣе и глубже будетъ это выраженіе, тѣмъ больше будетъ сила новаго художественнаго воспитанія массъ, которое позволитъ имъ овладѣть для себя и сокровищами стараго искусства, не подчиняясь его точкѣ зрѣнія, но открывая въ немъ свое.

f) Соціальныя нормы.

— *Вырабатываетъ ли коллективизмъ свои соціальныя нормы, подобныя нормамъ права и нравственности?*

— Да, вырабатываетъ, уже теперь: нормы товарищеской солидарности, подобныя, по значенію, нравственнымъ; уставы организацій, аналогичныя праву, законамъ.

— *Въ чемъ эти нормы отличаются отъ тѣхъ, которыя свойственны прежнимъ культурамъ?*

— Во-1), разумѣется, ихъ содержаніе иное, потому что онѣ организуютъ совершенно иную жизнь. Это очевидно само собою: «душа» новыхъ нормъ, ихъ принципъ есть товарищеская связь, принципъ, чуждый старымъ культурамъ, или знакомый имъ только въ зародышѣ, въ нѣкоторыхъ элементахъ морали организацій общинныхъ, цеховыхъ, дружинныхъ, и т. п.

Во-2), новая форма пониманія, свободная отъ фетишизма авторитарнаго и отвлеченнаго. Это—не велѣнія верховныхъ авторитетовъ, не завѣты предковъ или боговъ, какъ древній обычай; это также и не выраженіе «чистой справедливости» или «долга», абсолютнаго велѣнія индивидуальной совѣсти. Это—просто нормы единенія, сплоченія, организаціи.

— *Обладаютъ ли онѣ характеромъ принудительности?*

— Въ нынѣшней, классовой стадіи коллективизма—обладаютъ. Это—результатъ условій общественной борьбы, въ которой рабочій классъ живетъ. Нарушитель нормъ товарищеской солидарности выступаетъ, какъ представитель враждебной общественной силы; отсюда стремленіе активно бороться съ нимъ; оно выражается въ чувствѣ принудительности нормъ,—а въ самомъ нарушителѣ, напр., штрейкбрехерѣ, вызываетъ соот-

вѣтственное чувство отвращенія къ себѣ, отражающее ту же принудительность внутренно, субъективно.

— *Должна ли сохраниться эта принудительность при развитомъ, общественномъ коллективизмѣ?*

— Только до тѣхъ поръ, пока хотя отчасти и скрыто будетъ продолжаться внутренняя общественная борьба, остатки и отголоски борьбы классовой,—пока новыя поколѣнія не перевоспитаются вполнѣ въ духѣ коллективизма. А тогда, можно предвидѣть, она естественнымъ путемъ исчезнетъ,—потому что не будетъ для нея почвы. Соціальныя нормы будутъ пониматься просто какъ нормы о р г а н и з а ц і о н н о й ц ѣ л е с о о б р а з н о с т и, на подобіе техническихъ правилъ, которыя суть правила технической цѣлесообразности, или научныхъ положеній. Нарушители и тогда могутъ появляться; но они не будутъ представителями враждебныхъ общественныхъ силъ, а лишь уклоняющимися, ненормальными организмами, какъ душевнобольные, которые неспособны усвоить правилъ техники или науки. Можетъ потребоваться и насиліе по отношенію къ нимъ,—но безъ враждебности, каково и въ наше время насиліе по отношенію къ паціентамъ въ психіатрическихъ больницахъ.

Тогда соціальныя нормы потеряютъ свое послѣднее сходство съ правомъ и моралью.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы обрисовали идеологическія тенденціи коллективизма, насколько онѣ, съ одной стороны, ясно наблюдаются въ самой жизни, и насколько, съ другой стороны, можетъ мысленно продолжить ихъ путь предвидѣніе, пока еще слабое, нашей науки.

Наша наука сама—результатъ одной изъ этихъ тенденцій, научно-монистической. Она должна служить общей связью, организующимъ звеномъ, для цѣлаго ряда частныхъ, донынѣ разрозненныхъ отраслей: филологіи, логики, этики, теоріи права, теоріи искусства... И въ то же время мы видѣли, какъ она тѣсно соединяется съ наукой экономической.

Мы намѣтили только основныя тенденціи новой культуры, и тѣ не всѣ. Мы не говорили о тенденціяхъ скованныхъ, т.-е., такихъ, проявленія которыхъ слишкомъ ужъ подавлены современными условіями, и потому слишкомъ слабы. Для иллюстраціи сейчасъ укажемъ на одну—въ развитіи рѣчи.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ международномъ коллективизмѣ скрыта тенденція къ выработкѣ единаго языка человѣчества, какъ самой общей организующей формы для мірового сотрудничества. Но въ наше время эта тенденція стѣснена и замаскирована вліяніемъ борьбы національностей, которую усиленно поддерживаютъ и обостряютъ господствующіе классы. Къ этому ихъ побуждаетъ частью конкурренція капитала разныхъ странъ, націй и расъ, частью стремленіе направить растущую энергію низшихъ классовъ въ русло борьбы національной, вмѣсто классовой.

Тѣмъ не менѣе, возможно уловить и теперь тенденцію къ единству языка—въ области техники и науки. Всякое новое изобрѣтеніе порождаетъ рядъ терминовъ, обозначающихъ части машинъ, ихъ функціи, отношенія къ нимъ работника; и большинство этихъ терминовъ переходитъ во всѣ языки съ ничтожными измѣненіями. То же наблюдается и въ терминологіи точныхъ наукъ, гдѣ новыя обозначенія принимаются большей частью безъ перевода съ одного языка на другой. Да и въ другихъ областяхъ возрастающая масса «иностранныхъ словъ» указываетъ на взаимное проникновеніе различныхъ языковъ.

На этой почвѣ возникли попытки выдумать искусственный международный языкъ—«волапюкъ», «эсперанто»,

и др. Это—интеллигентская утопія, основанная на полномъ непониманіи того, что есть рѣчь. Она—основная организующая форма для всего трудового процесса, для всего трудового опыта. Единство рѣчи можетъ, поэтому, развиться только на основѣ практическаго единства жизни человѣчества, а не путемъ условнаго соглашенія среди борьбы народовъ и классовъ. И наивно полагать, что нѣсколько ученыхъ, обладающихъ вмѣстѣ, можетъ быть, милліонною долей общечеловѣческаго опыта, въ силахъ выдумать организаціонную форму для всего этого опыта.

Лишь при господствѣ коллективизма можетъ свободно развернуться тенденція къ міровому единству рѣчи.

Можно съ увѣренностью сказать, что существуютъ и другія важныя тенденціи новой культуры, частью еще болѣе скованныя, частью не достаточно бросающіяся въ глаза, чтобы быть легко уловленными нашей наукою. Достаточно представить себѣ, какъ грандіозна, какъ подавляюще богата современная культура: культура высшая необходимо должна явиться еще несравненно болѣе богатою, болѣе грандіозною.

Но во всѣхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ намъ, тенденціяхъ коллективизма заключается одинъ смыслъ, одинъ всеобщій принципъ:

Сознательно-организованное объединеніе всѣхъ силъ человѣчества для борьбы съ природою, для безконечнаго развитія власти труда надъ нею.

Общественное сознаніе въ міровой войнѣ.

Мы изучали общественное сознаніе людей въ разныхъ его формахъ и на разныхъ ступеняхъ, и при этомъ не дѣлали различія между періодами его мирнаго, «органическаго» развитія и эпохами соціальныхъ кризисовъ, которые въ видѣ революцій или войнъ какъ бы врываются въ ходъ развитія, какъ бы нарушаютъ его. Такое отношеніе было вполнѣ законно, потому что на самомъ дѣлѣ между обоими случаями нѣтъ разницы по существу, а есть только количественная: измѣняется число вновь образующихся и разрушающихся идеологическихъ формъ, измѣняется скорость ихъ созиданія и распаденія.

Кризисы соціальной жизни, это—процессы ея реорганизаціи; они происходятъ при нарушенномъ равновѣсіи общественныхъ силъ, отъ чего и завѣситъ ихъ стремительное теченіе. Такъ, великая революція была глубокою перестройкой французскаго общества. Нарушеніе же равновѣсія, ее вызвавшее, состояло въ томъ, что сила буржуазіи, прогрессивно развиваясь, переросла силу феодальныхъ сословій, которыя до тѣхъ поръ, господствуя, сдерживали и подавляли ее. Въ другихъ революціяхъ дѣло шло о соотношеніи силы иныхъ классовъ и группъ, но измѣнявшемся по такому же типу. Войны между народами, долго жившими въ мирномъ экономическомъ обмѣнѣ между собою, обусловливались нарушеніемъ равновѣсія между силами связи, вытекавшими изъ взаимности интересовъ въ этомъ обмѣнѣ, и силами давленія, происходившими изъ противорѣчія интересовъ. Эти силы давленія въ феодальную эпоху сводились, главнымъ образомъ, къ земельной тѣснотѣ вслѣдствіе роста населенія, такъ что тогдашнія войны были борьбою за землю; при капитализмѣ основа силъ давленія—рыночная тѣснота, создаваемая ростомъ конкуренціи; и нынѣшнія войны—борьба за рынки.

Міровая война вызвана подобнымъ же нарушеніемъ равновѣсія, лишь въ міровомъ масштабѣ. Силы экономической связи между государствами возрастали въ ряду мирныхъ десятилѣтій, вмѣстѣ съ развитіемъ международнаго товарообмѣна, въ которомъ поставщики—продавцы товаровъ такъ же нужны своимъ покупателямъ—кліентамъ, какъ и тѣ имъ. Но при стремительномъ прогрессѣ техники и размѣровъ производства еще быстрѣе росли силы давленія: основныя, экономическія, порождаемыя конкуренціей національныхъ капиталовъ на міровомъ рынкѣ, и производныя, милитаристическія.

Напряженная конкуренція національныхъ капиталовъ имѣла результатомъ огромное усиленіе милитаризма во всемъ мірѣ, образованіе невиданныхъ военныхъ организацій въ передовыхъ странахъ—милліонныхъ армій, снабженныхъ въ изобиліи самыми совершенными техническими средствами истребленія. Изъ этихъ организацій, изъ ихъ жизненнаго стремленія активно себя проявлять, исходили новыя могущественныя силы давленія. Присоединяясь къ силамъ давленія экономическимъ, и такъ же быстро возрастая, онѣ вмѣстѣ съ ними перевѣсили, наконецъ, силы связи, и тогда наступилъ кризисъ—разразилась война.

Всякій подобный кризисъ, поскольку онъ сопровождается общественной реорганизаціей, требуетъ, очевидно, и соотвѣтственныхъ перемѣнъ въ идеологическихъ организующихъ формахъ: разрушенія нѣкоторой доли старыхъ, преобразованія другой ихъ доли, созиданія еще иныхъ новыхъ; все это въ тѣмъ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ значительнѣе, чѣмъ глубже самая перестройка. Отсюда та кипучая идеологическая жизнь, которая характеризуетъ эпохи великихъ соціальныхъ кризисовъ.

Это относится, конечно, и къ нынѣшней войнѣ. Даже въ сферѣ идеологіи она развернулась въ настоящую катастрофу. Для нашей науки на представляетъ особенный интересъ: она—самая яркая и рельефная, самая доказательная иллюстрація той организующей роли, которую выполняетъ идеологія въ общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ разсматривать особенности идеологическихъ процессовъ, обнаружившіяся въ міровой войнѣ.

I.

Первый и самый замѣчательный переворотъ въ общественномъ сознаніи воюющихъ націй, выступившій съ самаго начала войны, это—крушеніе привычныхъ рамокъ классовыхъ идеологій.

Одной изъ главныхъ линій расхожденія въ идеологіи двухъ основныхъ классовъ общества было ихъ отношеніе къ войнѣ, милитаризму, націонализму. Вполнѣ естественно и логично, что буржуазные классы въ общемъ и цѣломъ, лишь въ разной степени, стоятъ на сторонѣ милитаризма и націонализма: первый есть воплощеніе принудительной силы государства, какъ организаціи господства этихъ классовъ, второй—выраженіе обособленности такихъ организацій и постоянныхъ столкновеній ихъ интересовъ на почвѣ міровой конкуренціи. Такъ же естественно и логично, что пролетаріатъ, какъ классъ отнюдь не господствующій, и въ то же время представитель неограниченнаго мірового сотрудничества, по мѣрѣ выработки своего

коллективнаго сознанія, относился все болѣе отрицательно къ тому и другому принципу. Буржуазные классы всецѣло сохранили во время войны свою точку зрѣнія и даже развили ее дальше. Въ пролетаріатѣ же съ первыхъ дней войны обнаружился рѣзкій идеологическій поворотъ въ сторону милитаризма и національнализма.

Поворотъ этотъ заключался отнюдь не въ томъ фактѣ, что рабочій классъ всѣхъ воюющихъ странъ подчинился мобилизаціи и не предпринялъ никакихъ активныхъ мѣръ, чтобы помѣшать начавшейся войнѣ. Этотъ фактъ самъ по себѣ не имѣетъ идеологическаго характера; онъ былъ, повидимому, просто практически неизбѣжнымъ, независимо отъ всякой перемѣны въ идеологіи; по существу же, онъ былъ вполнѣ совмѣстимъ съ прежними ея основами.

Чтобы выяснить это, разсмотримъ положеніе съ точки зрѣнія трудового коллективистическаго класса, живущаго въ условіяхъ капитализма. По своей производительной природѣ онъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть враждебенъ массовому разрушенію рабочихъ силъ и продуктовъ труда. Но даже въ Германіи, странѣ наибольшаго развитія его организацій, онъ къ началу войны далеко еще не стоялъ на такомъ уровнѣ сплоченности и силы, чтобы прямо противостать гигантскому, вѣками сформированному и разработанному механизму государства во всеоружіи его сконцентрированныхъ боевыхъ средствъ и подготовки: было практически невозможно не подчиниться обстановкѣ. Но подчиненіе обстановкѣ для того же рабочаго класса, хотя бы Германіи, никогда раньше не означало немедленной перемѣны идеологіи, немедленнаго перехода на точку зрѣнія господствующихъ силъ. Только прежняя и была способна дать послѣдовательное, ясное пониманіе условій и смысла физическаго участія подчиненнаго трудового класса въ войнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ классовая теорія строенія капиталистическаго общества? Рабочая сила отдѣльнаго работника принадлежитъ отдѣльному капиталисту на то время, на какое она имъ куплена. Но во всякое время вообще она принадлежитъ к л а с с у к а п и т а л и с т о в ъ, взятому въ цѣломъ, потому что работникъ не можетъ не продавать ея; и даже когда онъ безъ работы, то это значитъ только, что онъ находится въ «резервной арміи» для потребностей капитала. Государство же есть организація господства капитала въ его цѣломъ, воплощеніе власти всего класса капиталистовъ. Слѣдовательно, государству принадлежитъ вся рабочая сила пролетаріата во всякое время, когда только понадобится; а такъ какъ она неразрывно связана съ жизнью и тѣломъ работниковъ, такъ какъ въ нихъ она воплощается, то государству принадлежатъ жизнь и тѣло работниковъ. Это—объективный соціальный фактъ. И разъ уровень организованности рабочаго класса предписываетъ ему подчиненіе обстановкѣ, вполнѣ естественно

и логично, что его рабочія силы вмѣстѣ съ жизнью и тѣломъ работниковъ используются для военныхъ цѣлей государства.

Безъ сомнѣнія, разрушительный характеръ военной работы противорѣчитъ жизненнымъ стремленіямъ производительнаго класса. Но подобныя противорѣчія обычны для каждаго подчиненнаго класса. Напр., пролетарій считаетъ своей задачей борьбу противъ эксплоатаціи труда капиталомъ; однако, самъ производитъ прибавочную стоимость для капиталиста. Точно такъ же,—и въ мирное время, а не только въ военное,—онъ служитъ часто дѣлу разрушенія. И производство орудій, снарядовъ, защитныхъ сооруженій, военныхъ судовъ, и проведеніе стратегическихъ путей, и изготовленіе амуниціи, даже одежды, обуви, средствъ питанія для солдатъ,—все это звенья одной цѣпи, конечный пунктъ которой представляютъ военныя дѣйствія. Каждое звено цѣпи такъ же необходимо, какъ всѣ другія; и было бы поистинѣ дѣтскимъ самоутѣшеніемъ для какого-нибудь наборщика, участвующаго въ печатаньи военной газеты, или текстильщика, работающаго въ производствѣ тканей для солдатской одежды, думать, что его трудъ вполнѣ мирный, и что онъ не прилагалъ руки къ дѣлу истребленія. Такое самоутѣшеніе возможно и логично для индивидуалиста, мыслящаго разъединенными схемами, абсолютно отдѣляющаго свое «я», свою волю и свою дѣятельность отъ всѣхъ чужихъ; но для коллективиста, мыслящаго людей въ связи сотрудничества, представляющаго явленія въ организаціонномъ цѣломъ, оно совершенно непріемлемо; оно подобно тому, какъ если бы наводчикъ орудія считалъ себя мирнымъ работникомъ на томъ основаніи, что самъ онъ не стрѣляетъ, а орудіе, направленное на цѣль, безвредно, пока изъ него не выстрѣлятъ. Вопросъ о моральной отвѣтственности въ явленіяхъ такого порядка, весьма важный для индивидуалиста, съ точки зрѣнія коллективиста отпадаетъ, какъ неправильно поставленный, какъ мнимый вопросъ.

Если нѣмецкій рабочій классъ не имѣлъ возможности помѣшать катастрофѣ, и объективнымъ соотношеніемъ силъ былъ вынужденъ участвовать въ разрушительной работѣ войны, то онъ долженъ былъ принять это положеніе, какъ фактъ, и отнестись къ нему, какъ и къ другимъ отрицательнымъ, но въ данное время неустранимымъ фактамъ своего существованія: подчиняясь печальной необходимости, онъ долженъ былъ извлекать изъ нея и развивать въ ея предѣлахъ всѣ положительные элементы, какіе она въ себѣ заключаетъ. Напр., подчиняясь капиталистической эксплоатаціи, онъ всегда стремился использовать, усилить и расширить то объективное сплоченіе, которое она даетъ рабочимъ массамъ, организуя ихъ въ процессѣ производства, и то коллективное сознаніе, которое рождается на почвѣ этого сплоченія. Подчиняясь въ мирное время милитаризму съ его суровой казарменной дисциплиной, онъ пользовался отрицательными чертами милитаризма для уясненія

отсталой массѣ истиннаго характера всей капиталистической системы, а элементы военной выучки старался утилизировать, какъ матеріалъ или почву для развитія своей коллективной дисциплины. Въ томъ же смыслѣ и направленіи нѣмецкій рабочій классъ долженъ былъ отнестись и къ войнѣ—катастрофическому проявленію милитаризма.

Міровая война, разумѣется, еще болѣе, чѣмъ милитаризмъ мирнаго времени, даетъ матеріала для характеристики капиталистическаго строя съ его слѣпыми стихійными силами, игра которыхъ порождаетъ расточеніе живыхъ и мертвыхъ элементовъ производства; матеріалъ этотъ особенно нагляденъ и понятенъ даже для наименѣе развитого сознанія; въ этомъ смыслѣ воспитательное значеніе войны, при планомѣрномъ отношеніи къ ея опыту, должно оказаться огромнымъ. Но еще гораздо больше положительныхъ элементовъ заключаетъ въ себѣ чисто организаціонная сторона войны.

Война вызываетъ безпримѣрную организаціонную работу, безпримѣрное напряженіе организаціонныхъ способностей человѣческихъ единицъ и коллективовъ. Въ ней организація—вопросъ жизни и смерти; организаціонная ошибка немедленно наказывается гибелью людей, иногда тысячъ и тысячъ, разрушеніемъ матеріальныхъ средствъ, часто на милліоны и милліоны. Организаціонная работа, хозяйственная и строевая, здѣсь необыкновенно широка, сложна и основана на живой иниціативѣ. Стоитъ представить себѣ сложность хозяйства любого военнаго коллектива, даже наименьшей его единицы—роты. Это хозяйство, коммунистическое по своей формѣ, ведущееся въ необычныхъ и постоянно мѣняющихся условіяхъ, разумѣется, не можетъ сводиться всецѣло къ распоряженіямъ нѣсколькихъ, временныхъ и нерѣдко случайныхъ начальниковъ и къ механической дисциплинѣ со стороны остальныхъ: безъ иниціативнаго участія всѣхъ индивидуумовъ, по мѣрѣ ихъ организаціонной сознательности, оно было бы совершенно нежизнеспособно. То же относится и къ строевымъ функціямъ. А въ процессѣ современнаго боя судьба каждаго участника и каждой коллективной единицы зависитъ отъ быстраго и цѣлесообразнаго координированія всѣхъ наличныхъ элементовъ обстановки—природныхъ условій, техническихъ средствъ и человѣческихъ усилій—работы о р г а н и з а ц і о н н о й по существу; при чемъ она выполняется отнюдь не только начальниками за всѣхъ, но и каждымъ участникомъ боя—за себя и, по мѣрѣ его сознательности и умѣлости—также за другихъ. О сложности и широтѣ техническихъ функцій въ нынѣшней войнѣ, о роли въ нихъ иниціативы нѣтъ надобности и говорить особо. Все это организаціонное напряженіе простирается не только на дѣйствующія арміи: оно захватываетъ также весь тылъ, если и съ меньшей остротой, то не съ меньшей глубиной, и въ столь же гигантскомъ масштабѣ.

Такимъ образомъ, война есть величайшая въ своемъ родѣ организаціонная школа; и задача, съ точки зрѣнія коллективно-трудовой идеологіи, должна состоять въ томъ, чтобы изъ этой суровой, но уже неотвратимой школы вынести наибольшую сумму организаціоннаго опыта, навыковъ и силъ для будущаго. Рѣшеніе задачи достигается строго-дѣловымъ отношеніемъ къ войнѣ и ко всѣмъ ея требованіямъ со стороны всѣхъ ея невольныхъ участниковъ, индивидуальныхъ и коллективныхъ.

Но такое дѣловое отношеніе всего меньше требовало перестройки всей той идеологіи, изъ которой оно вытекаетъ, перехода на новыя, чуждыя и потому безплодно запутывающія точки зрѣнія.

II.

Наиболѣе яркій—но отнюдь не единственный—образецъ перехода на чуждую точку зрѣнія даетъ большинство германскаго организованнаго пролетаріата.

Съ самаго начала войны поднялся вопросъ объ ея виновникѣ. Прежняя коллективно-трудовая идеологія могла предложить только одно объясненіе вопроса, но тѣмъ болѣе убѣдительное, что оно въ существенныхъ чертахъ было выработано заранѣе, въ связи съ предвидѣніемъ катастрофы. Міровая война есть кризисъ, обусловленный стихійными силами капитализма, какъ ими былъ обусловленъ и тотъ стремительный ростъ милитаризма, завершеніемъ котораго она явилась. Государство представляетъ организацію капиталистическихъ классовъ въ національномъ масштабѣ; но въ отношеніяхъ между государствами господствуетъ анархія, подобно тому какъ она господствуетъ въ отношеніяхъ отдѣльныхъ предпріятій. Международная анархія выражается въ борьбѣ за обладаніе рынками, какъ и конкуренція отдѣльныхъ предпріятій—въ борьбѣ за данный рынокъ. Послѣдствія тоже аналогичны: конкуренція частныхъ предпріятій побуждаетъ ихъ развивать свою производительную силу безъ ограниченія и согласованія съ другими предпріятіями, изъ чего и возникаютъ мирные кризисы—перепроизводство товаровъ; конкуренція національныхъ капиталовъ побуждаетъ государства развивать неограниченно ихъ организованную силу—милитаризмъ, что неминуемо должно было повести къ міровому военному кризису. Этотъ послѣдній, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ кризисъ перепроизводства организованной, въ формѣ государства, человѣческой силы. Виновникъ войны—безличная стихійность капитализма, которую безполезно и ненаучно «винить», но которой въ данное время нельзя не подчиниться.

Съ точки зрѣнія націоналистически-буржуазной идеологіи виновникомъ войны всегда является—враждебная сторона, которую за это и слѣдуетъ наказать, путемъ ея экономическаго

и всякаго иного ослабленія въ свою пользу. Такую позицію заняло съ самаго начала войны большинство германской соціалъ-демократіи, включая массу ея теоретиковъ.

Война была одѣта въ моральную фетишистическую оболочку. Съ помощью пріемовъ выработанныхъ раньше буржуазными идеологіями, ей были приписаны высшія «освободительныя» и «культурныя» цѣли, совершенно чуждыя великимъ государственнымъ организаціямъ, вступившимъ въ борьбу ради несравненно болѣе опредѣленныхъ и положительныхъ цѣлей.

Дальнѣйшимъ выводомъ было «сотрудничество классовъ», уже не только матеріальное и вынужденное, но духовное и свободное, во имя упомянутыхъ высшихъ нравственныхъ цѣлей—«Burgfriede», гражданскій миръ подъ неограниченной опекою государства, раньше признававшагося юнкерско-буржуазнымъ, а теперь ставшаго «общенаціональнымъ».

Объективно, работа соціалъ-демократіи по организаціи тыла неизбѣжно должна была итти на пользу государственнаго механизма, въ рамкахъ котораго велась: тамъ, гдѣ силы государства мобилизованы и дѣйствуютъ какъ одно цѣлое, возрастаніе организованности въ отдѣльныхъ частяхъ всегда увеличиваетъ силу этого цѣлаго. Но для этого не требовалось, опять-таки, перемѣны идеологіи, а требовалось только строго-дѣловое отношеніе къ наличной обстановкѣ. Наибольшія услуги по организаціи тыла соціалъ-демократія оказала именно тамъ, гдѣ она поступала сообразно своей прежней природѣ, и въ сущности нарушала «Burgfrieden»,—напр., когда боролась съ аппетитами землевладѣльцевъ и завоевывала хлѣбныя, мясныя карточки, пониженіе цѣнъ и проч., а также когда боролась со злоупотребленіями военной цензуры, и т. под. Напротивъ, такія дѣйствія въ духѣ «Burgfrieden», какъ, положимъ, голосованіе военныхъ кредитовъ, ничего не мѣняя въ матеріальномъ положеніи вещей, лишь радикально искажали его въ глазахъ массъ: дѣло представлялось такимъ образомъ, какъ-будто для войны нужно было согласіе германскаго рабочаго класса, и онъ это согласіе далъ; между тѣмъ, на данномъ уровнѣ развитія силъ рабочаго класса, государство, разумѣется, не спрашивало его мнѣнія, чтобы вступить въ войну, и въ его согласіи совершенно не нуждалось.

Въ другихъ случаяхъ позиція «Burgfrieden» приносила даже матеріальный вредъ силѣ Германіи,—именно тамъ, гдѣ она стѣсняла борьбу противъ эгоистическихъ интересовъ господствующихъ группъ, или противъ деморализующаго властолюбія бюрократіи, противъ неспособныхъ начальниковъ, агитацію противъ затягиванія войны и предъявленія противникамъ непріемлемыхъ хищническихъ условій мира, и т. д. Эта позиція порождала огромную запутанность благодаря тому, что невозможно точное опредѣленіе границъ «гражданскаго мира», и что его истолкованіе до крайности различно; напр., аграріи

считали грубымъ его нарушеніемъ протесты противъ чрезмѣрныхъ цѣнъ на хлѣбъ, но признавали не противорѣчащимъ ему крайнее усиленіе цензуры и преслѣдованіе рабочей прессы, а также увеличеніе продолжительности рабочаго дня, закрѣпощеніе сельско-хозяйственныхъ работниковъ и т. под.

III.

Чѣмъ же объясняется тотъ идеологическій переворотъ, примѣромъ котораго мы взяли германскій рабочій классъ, но который имѣлъ мѣсто и въ другихъ, частью даже не воюющихъ странахъ?

Идеологическія, какъ и всякія другія организаціонныя формы, дѣйствуютъ лишь въ тѣхъ рамкахъ, до какихъ онѣ выработаны, но не далѣе. Къ началу войны коллективно-трудовая идеологія далеко еще не представляла изъ себя сложившейся, систематизированной культуры; она существовала только въ зародышахъ и разрозненныхъ элементахъ, она вырабатывалась въ своихъ частяхъ, но не была стройнымъ жизненнымъ цѣлымъ. Въ ней не оформилась своя собственная, всюду примѣнимая логика. Новые способы мышленія примѣнялись лишь частично, въ такихъ кругахъ явленій, гдѣ опытъ у рабочаго класса уже накопился, и гдѣ непосредственно ощутимые интересы и потребности не позволяли удерживаться на старыхъ, выработанныхъ другими классами точкахъ зрѣнія. Напр., изъ всей области наукъ переработкѣ успѣли подвергнуться только политическая экономія и частью исторія; пролетарское искусство не только находилось въ зачаткѣ, но и самая постановка вопроса о немъ строго осуждалась многими теоретиками, какъ отвлеченіе силъ и вниманія рабочаго класса отъ насущно-важнаго; въ философскихъ попыткахъ господствовалъ хаосъ; политическимъ методамъ учились, главнымъ образомъ, у политиковъ буржуазной демократіи, и даже либеральной буржуазіи... Цѣльнаго, яснаго міроотношенія не было.

Что же должно было случиться, когда на сцену выступилъ вопросъ всеобъемлющаго жизненнаго размаха и значенія, и въ то же время совершенно новый,—вопросъ о міровомъ военномъ кризисѣ? Рѣшить его съ помощью зародышей новой логики и обрывковъ новой культуры было невозможно ни для самихъ массъ, ни для подавляющаго большинства ихъ идеологовъ. Для рѣшенія необходима была законченная логика, сложившаяся культура. Своей не было—приходилось прибѣгнуть къ чужой, какая имѣлась на лицо. То была буржуазная культура, логика экономической анархіи, націонализма, милитаризма. Къ подчиненію практическому присоединилось рабство идеологическое. Попавъ въ незнакомую обстановку, ребенокъ добровольно пошелъ на помочахъ у взрослаго человѣка.

Въ результатѣ, германскій рабочій классъ принялъ участіе въ войнѣ не какъ подневольный работникъ государства,

а какъ его преданный слуга. Кромѣ своего тѣла, онъ отдалъ ему свою идеологическую душу, чего внѣшней обстановкой, собственно, не требовалось. Онъ созналъ свою солидарность съ нѣмецкимъ капиталомъ и противорѣчіе своихъ интересовъ съ рабочимъ классомъ другихъ странъ, и сталъ осуществлять то и другое за совѣсть.

Старая идеологія сплотила самые разнородные, непримиримо враждовавшіе классы въ одну національную массу. Кто, видя такіе факты, все-таки не пойметъ соціально-организующей роли идеологіи, тотъ долженъ быть слѣпъ отъ рожденія.

IV.

Не менѣе ярко обнаруживается жизненный смыслъ идеологіи въ судьбѣ международнаго права. Оно развивалось вплоть до войны, усложнялось, дополнялось новыми постановленіями и учрежденіями; еще сравнительно недавно былъ основанъ международный трибуналъ въ Гаагѣ. Оно рушилось съ первыхъ дней войны. Оно, безъ сомнѣнія, формально возстановится по окончаніи войны. Движущія силы этихъ перипетій раскрываются легко.

Международное право есть безличная организаціонная форма для взаимныхъ отношеній между государствами, какъ объединеніями буржуазныхъ классовъ разныхъ странъ. Оно регулируетъ ихъ взаимные интересы. Естественно, что, по мѣрѣ развитія международнаго обмѣна, этихъ интересовъ становилось все больше, и связь ихъ дѣлалась сложнѣе. Отсюда развитіе и усложненіе международнаго права.

Пока происходили только частныя войны, разрывавшія связи отдѣльныхъ государствъ, международное право оставалось въ силѣ. Нельзя, разумѣется, сказать, чтобы оно не нарушалось вовсе, или хотя бы нарушалось рѣдко въ этихъ войнахъ: лѣтописи европейско-китайской, англо-бурской, американской войны на Филиппинахъ, объихъ балканскихъ полны краснорѣчивыми фактами, хорошо иллюстрирующими родство высоко-культурныхъ расъ съ низшими дикарями. Но эти частныя нарушенія, хотя и касавшіяся нерѣдко тысячъ человѣческихъ жизней, не мѣшали общему признанію международнаго права воюющими сторонами. И это вполнѣ понятно: общая масса междугосударственныхъ связей и интересовъ оставалась: подрывать всѣ свои договоры и соглашенія съ нейтральными странами никакому воюющему государству не было бы выгодно.

Но когда начался міровой военный кризисъ, и разрывъ связей произошелъ въ міровомъ масштабѣ, положеніе радикально измѣнилось. Исчезло то единство международнаго рынка, для котораго организующей формою являлось международное право.

Такъ какъ организующее существуетъ для организуемаго, и имъ жизненно опредѣляется, то естественно, что международное право перестало тоже существовать. Конвенціи, обязательства, даже союзные договоры обратились въ «клочки бумаги», т.-е. въ символы безъ реальнаго содержанія. Когда же это содержаніе возникнетъ вновь въ самой жизни, т.-е., когда возстановятся міровыя экономическія связи, тогда пріобрѣтутъ значеніе и силу соотвѣтственныя формы: международное право воскреснетъ, соглашенія и договоры вновь станутъ святы и нерушимы, по крайней мѣрѣ, до другого подобнаго кризиса.

Идеологи-націоналисты всѣхъ странъ и оттѣнковъ для своихъ боевыхъ цѣлей часто смѣшиваютъ международное право съ тѣмъ правомъ, которое дѣйствуетъ внутри каждаго государства, и, клеймя «преступленія» враждебныхъ государствъ, настойчиво требуютъ суда и наказанія за нихъ, намѣчая, конечно, наиболѣе выгодныя для своей стороны формы и мѣры этихъ каръ. Съ научной точки зрѣнія, между тѣмъ и другимъ правомъ есть коренное различіе: одно изъ нихъ функціонируетъ внутри организованной системы—отдѣльнаго государства, другое — среди анархическаго комплекса независимыхъ государствъ. Понятія—«преступленіе», «судъ», «наказаніе»—заключаютъ въ себѣ идею принудительной силы, регулирующей отношенія; внутри государства такая сила имѣется; въ анархической міровой ихъ совокупности такой силы нѣтъ. Поэтому такія понятія къ ней логически не примѣнимы. «Наказаніе» на дѣлѣ можетъ послѣдовать; но оно будетъ опредѣляться не тѣмъ, кто «правъ» съ точки зрѣнія «закона и справедливости», а тѣмъ, кто сильнѣе, при чемъ у виновнаго и невиннаго шансы претерпѣть наказаніе равны.

Итакъ, международное право дѣйствуетъ, нарушается, разрушается именно постольку, поскольку оно организуетъ или перестаетъ организовать реальныя отношенія и интересы.

V.

Другая, не менѣе характерная иллюстрація нашей основной идеи, рѣзко выступающая въ идеологіяхъ военнаго времени, это—двойственная мораль.

Сущность ея заключается въ томъ, что однородныя дѣйствія вызываютъ нравственное осужденіе, когда они совершаются враждебною стороной, и одобреніе, когда совершаются своими. Такъ, напр., выступленіе Италіи и Румыніи германская печать и общественное мнѣніе клеймили, какъ предательство, выступленіе же Болгаріи восхваляли, какъ актъ рыцарской доблести. Мѣры противъ германцевъ въ Англіи характеризовались, какъ гнусное насиліе; но самыя энергичныя мѣры противъ англичанъ въ своей странѣ признавали дѣломъ высоко-патріотическимъ.

Въ военныхъ корреспонденціяхъ одновременно возводили съ моральнымъ негодованіемъ на противниковъ обвиненіе въ добиваніи раненыхъ, и въ тѣхъ же корреспонденціяхъ съ полнымъ сочувствіемъ упоминали, что солдаты, въ боевомъ порывѣ или справедливомъ гнѣвѣ, не брали непріятелей въ плѣнъ,—хотя подъ этимъ подразумѣвается и добиваніе раненыхъ, и уничтоженіе бросившихъ оружіе, т.-е. беззащитныхъ людей. Разрушеніе непріятелями городовъ и селеній разсматривали, какъ варварство, разгромъ же непріятельскихъ городовъ и селеній—какъ справедливое возмездіе; между тѣмъ въ обычной жизни понятіе «справедливости» не считается подходящимъ тамъ, гдѣ виновны одни лица, а возмездіе несутъ другія. Такихъ примѣровъ можно было бы приводить безъ конца; всякому наблюдателю не утратившему вполнѣ критической способности, этотъ «биморализмъ» бросается въ глаза.

Впрочемъ, онъ существуетъ, лишь не столь ярко проявляясь, и въ мирное время, въ идеологіяхъ націонализма и другихъ, стоящихъ еще ниже въ ряду развитія. Такъ, націоналисты, положимъ, Германіи часто выражали негодованіе по поводу вѣкового угнетенія англичанами ирландцевъ, индусовъ, и порицали англо-бурскую завоевательную войну; но подобное же угнетеніе эльзасцевъ и поляковъ въ Германіи одобряли, какъ высоко-нравственное дѣло пріобщенія низшихъ народовъ къ высшей культурѣ; англійскіе націоналисты тѣ же факты оцѣнивали въ противоположномъ смыслѣ. Еще рѣзче выступаетъ биморализмъ въ отношеніяхъ между классами, когда одинаковыя дѣйствія опредѣляются, смотря по тому, отъ кого исходятъ, то какъ преступный бунтъ или злоупотребленіе силою, то какъ законное отстаиваніе священныхъ правъ, и т. под.

Любопытно, что биморализмъ почти всегда соединяется съ признаніемъ абсолютной морали, метафизической или религіозной. Но эта нелогичность сразу отпадаетъ, если съ морали снять оболочку фетишизма и понять ея соціально-организаціонную сущность. Вполнѣ естественно, что для обособленнаго и замыкающагося на своихъ исключительныхъ интересахъ коллектива извѣстныя дѣйствія, для него организаціонно-полезныя, получаютъ одобрительную моральную характеристику, а такія же дѣйствія со стороны другого коллектива, оказываясь для перваго организаціонно-вредными, морально отрицаются. Это—послѣдовательная и по своему разумная логика такъ назыв. «готтентотской морали»: добро есть, когда я краду чужую жену, зло—когда у меня крадутъ мою жену.

VI.

Важнѣйшую черту военной идеологіи по сравненію съ мирною представляетъ о г р о м н о е р а з в и т і е а в т о р и т а р н ы х ъ э л е м е н т о в ъ. Въ этомъ нѣтъ ничего

страннаго. Главная общественная функція переходитъ къ арміи, организаціи, построенной по авторитарному типу; армія сама разрастается въ нѣсколько разъ, поглощаетъ массу лучшихъ силъ общества, и жизненно подчиняетъ себѣ, приспособляетъ къ своимъ потребностямъ всѣ другія организаціи, производственныя, политическія, даже культурныя. Она даетъ тонъ жизни общества, и, конечно, тонъ этотъ соотвѣтствуетъ ея авторитарному характеру.

Усиленіе авторитарности особенно наглядно выступаетъ въ сферѣ политики и въ области общаго міровоззрѣнія людей. Даже въ наиболѣе передовыхъ, наиболѣе демократичныхъ изъ воюющихъ странъ ихъ прежнія индивидуалистическія «свободы» въ наибольшей своей части перестаютъ на практикѣ дѣйствовать, уступая мѣсто административной диктатурѣ; не только обширные районы, связанные съ фронтомъ, подчиняются дискреціонной, т.-е. неограниченно-авторитарной военной власти, но ей же подпадаютъ и наиболѣе важныя функціи общественной жизни всего тыла; а гражданская бюрократія тыла, разрывая прежнія формальныя рамки своей дѣятельности, усваиваетъ пріемы, навыки и точки зрѣнія военныхъ властей. Личность гражданина въ передовыхъ странахъ, подобно личности обывателя въ отсталыхъ, окружается патріархальною опекой во всѣхъ своихъ активныхъ проявленіяхъ, начиная съ перемѣщенія изъ города въ городъ, и кончая высказываніемъ мыслей, въ печати или даже въ частной перепискѣ.

Параллельно съ этимъ наблюдается ростъ религіозности, ея распространеніе среди элементовъ общества, раньше къ ней индифферентныхъ или враждебныхъ. Это специфически-авторитарное міроотношеніе получаетъ мѣстами новое, оригинальное развитіе. Обострившееся націоналистическое настроеніе воскрешаетъ идею національныхъ боговъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ приказахъ Вильгельма, выразителя тенденцій весьма вліятельныхъ среди современной Германіи, въ нѣкоторыхъ родственныхъ этимъ приказамъ по духу разсужденіяхъ шовинистовъ ученыхъ, съ большой ясностью выступаетъ мысль о германскомъ національномъ богѣ, вдохновляющемъ свой народъ для борьбы съ враждебными расами, и дающемъ ему новыя средства къ этой борьбѣ, въ видѣ цеппелиновъ, удушливыхъ газовъ и т. под. Такая роль божества, какъ активнаго союзника одной стороны, очевидно, предполагаетъ аналогичную позицію другихъ національныхъ боговъ, безъ наличности каковыхъ съ этой точки зрѣнія нельзя было бы понять самую возможность борьбы, а тѣмъ болѣе затяжной и колеблющейся. Разумѣется, германскіе идеологи въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, лишь болѣе рѣшительно оформили общую тенденцію, свойственную военнымъ идеологіямъ.

Обыкновенно возвратъ къ религіозности въ эпохи бѣдствій приписываютъ жаждѣ утѣшенія. Разумѣется, авторитарныя

міровоззрѣнія, основанныя на слѣпой вѣрѣ, гораздо легче могутъ давать желаемое утѣшеніе, чѣмъ всякія иныя. Но это—субъективная сторона дѣла. Объективная же организаціонная роль этихъ міровоззрѣній, въ смыслѣ поддержанія авторитарной дисциплины во всѣхъ ея видахъ, какъ среди армій, такъ и среди народныхъ массъ вообще, еще болѣе соціально важна и не менѣе очевидна.

VII.

Авторитарнымъ отношеніямъ людей и порождаемой ими авторитарной идеологіи свойственъ специфическій консерватизмъ. Онъ, какъ мы видѣли, зависитъ отъ того, что организаторскую дѣятельность при этомъ видѣ сотрудничества выполняетъ личность, а масштабъ дѣятельности общественный,—организовать приходится жизнь нѣкотораго коллектива: всякое измѣненіе въ техникѣ, въ строеніи, въ идеяхъ такой организаціи, вызывая, благодаря ея связности, рядъ перегруппировокъ и перемѣнъ въ самыхъ различныхъ ея частяхъ и функціяхъ, до крайности усложняетъ и затрудняетъ работу организатора, требуетъ отъ его психики часто непосильной затраты энергіи. При гигантскихъ размѣрахъ и сложности авторитарныхъ организацій, выступающихъ въ міровой войнѣ, стремленіе къ консерватизму должно оказываться тѣмъ сильнѣе.

Но война, какъ жестокій организаціонный кризисъ и какъ напряженная борьба коллективныхъ силъ, предъявляетъ требованія, рѣзко противорѣчащія этому консерватизму. Техническая прогрессивность и организаціонная гибкость тутъ являются вопросомъ жизни; сохраненіе устарѣлыхъ методовъ и формъ угрожаетъ гибелью. Это противорѣчіе внутреннихъ тенденцій военно-авторитарнаго устройства съ внѣшней необходимостью наблюдается теперь на всякомъ шагу, даетъ себя чувствовать въ поражающихъ ошибкахъ и самыхъ тяжелыхъ крушеніяхъ, служитъ предметомъ безконечныхъ жалобъ и обличеній.

Какъ жизнь выходитъ изъ этого противорѣчія? Такъ, какъ она выходила изъ подобныхъ же противорѣчій во всѣ авторитарныя эпохи: цѣною громаднаго расточенія силъ, цѣною массы страданій, консерватизмъ все-таки преодолѣвается давленіемъ необходимости; оно пробиваетъ техническому и организаціонному прогрессу путь сквозь инертность и сопротивленіе системы. Назрѣвшая потребность удовлетворяется,—конечно, съ запозданіемъ. Это запозданіе при прочихъ равныхъ условіяхъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ глубже и полнѣе система проникнута авторитаризмомъ, чѣмъ примитивнѣе, архаичнѣе его формы.

VIII.

Идеологическія формы закрѣпляютъ, фиксируютъ текучія жизненныя отношенія. Поэтому онѣ устойчивѣе этихъ отношеній, и сохраняются еще тогда, когда уже исчезла ихъ непосредственная реальная основа. Специфическая идеологія военнаго времени должна, слѣдовательно, пережить войну. И какъ всякій такой пережитокъ, она должна будетъ оказаться въ противорѣчіи съ потребностями мирнаго времени, стать препятствіемъ къ ихъ удовлетворенію. Насколько глубоко будетъ противорѣчіе, можно судить уже теперь, по выясненнымъ чертамъ этой идеологіи.

Самая существенная сторона противорѣчія будетъ заключаться какъ разъ въ указанномъ авторитарномъ консерватизмѣ. Возрожденіе глубоко потрясенной системы производства и товарообмѣна, возстановленіе разрушенныхъ войною производительныхъ силъ и экономическихъ связей, перераспредѣленіе общественной энергіи съ переходомъ отъ истребительныхъ задачъ къ созидательнымъ, предъявитъ требованія въ смыслѣ технической прогрессивности и организаціонной пластичности едва ли меньшія, чѣмъ предъявлявшіяся самимъ военнымъ временемъ: если острота непосредственныхъ задачъ и не будетъ столь велика, то сложность и трудность ихъ еще возрастетъ,—ибо созиданіе вообще сложнѣе и труднѣе разрушенія. Въ военное время авторитарная организація, а съ ней и авторитарная идеологія, могла поддерживаться несмотря на такое противорѣчіе, потому что имѣла за собой боевую необходимость; въ мирной обстановкѣ это условіе исчезаетъ, и вся сумма элементовъ авторитарности, порожденныхъ войною, остается безъ жизненной опоры.

Слѣдовательно, есть основанія ожидать, что военная метаморфоза общественнаго сознанія, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ классовъ, которымъ придется дѣятельно участвовать въ возсозданіи разрушеннаго войною, не будетъ прочною, и не многимъ переживетъ самый кризисъ, которымъ была вызвана. Тѣмъ не менѣе, нельзя, конечно, надѣяться, чтобы она уступила свое мѣсто мирнымъ формамъ общественнаго сознанія безъ тяжелой борьбы и новаго расточенія силъ. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ авторитарность расцвѣла въ наибольшей мѣрѣ,—въ политикѣ и въ общихъ формахъ міровоззрѣнія,—эта борьба должна оказаться особенно упорною, растрата энергіи—особенно значительною.

Разрушительные процессы въ природѣ и въ обществѣ имѣютъ свою логику, которая на языкѣ организаціонной науки выражается въ принципѣ *отрицательнаго подбора*.

Предположимъ, что какая-либо система, составленная изъ какихъ бы то ни было элементовъ, живыхъ или «мертвыхъ» или

тѣхъ и другихъ,—въ нашемъ случаѣ это будетъ человѣческое общество,—подвергается дѣйствію условій «разрушительныхъ» или, говоря общѣе, уменьшающихъ сумму заключенной въ ней энергіи; въ нашемъ случаѣ — война и послѣ-военный экономическій кризисъ. Что тогда происходитъ съ этой системой?

Поскольку дѣйствіе разрушительныхъ силъ односторонне, направлено на отдѣльныя части системы, постольку оно прямо вызываетъ мѣстныя частичныя разрушенія, которыя затѣмъ такъ или иначе отражаются на остальной системѣ. Въ нашемъ случаѣ, война истребляетъ цвѣтъ молодежи государства, отнимаетъ у него или обращаетъ въ пустыню опредѣленныя его территоріи, и т. под. Эту сторону дѣла мы можемъ оставить безъ изслѣдованія.

Поскольку дѣйствіе разрушительныхъ силъ разносторонне, направлено на систему въ цѣломъ, на всѣ ея части,—такова приблизительно роль экономическаго истощенія и разрухи, приносимыхъ войною и послѣ-военнымъ кризисомъ,—постольку изм ѣ няется строеніе системы. Процессъ этотъ идетъ въ опредѣленной послѣдовательности.

Сначала разрушаются наименѣе устойчивые элементы, распадаются наиболѣе слабыя связи, наименѣе прочныя группировки системы. За ними той же судьбѣ подвергаются болѣе устойчивыя и прочныя. и т. д., въ восходящемъ порядкѣ.

Предположимъ, что процессъ не идетъ до конца, до полнаго распаденія системы, а останавливается на нѣкоторомъ уровнѣ. Какой видъ получаетъ тогда вся система?

Количество элементовъ и ихъ связей уменьшилось: система стала менѣе сложною. Но уцѣлѣли въ ней элементы и связи наиболѣе устойчивые: въ общемъ, ея составляющія группировки стали прочнѣе. Такова тенденція отрицательнаго подбора: возрастаніе простоты и связности системы.

Здѣсь—объясненіе многихъ фактовъ, въ томъ числѣ цѣлаго ряда жизненныхъ парадоксовъ. Нерѣдко вслѣдъ за острымъ лихорадочнымъ заболѣваніемъ, временнымъ голоданіемъ, потерею крови, слѣдуетъ какое-то обновленіе организма: онъ быстро становится здоровѣе и крѣпче, чѣмъ былъ до перенесеннаго потрясенія. Очевидно, наименѣе стойкіе, наименѣе жизнеспособные элементы и группировки разрушены, наиболѣе стойкіе и жизнеспособные остались и, развиваясь, заняли ихъ мѣсто.

Аналогичный характеръ имѣетъ не разъ наблюдавшееся обновленіе общества послѣ кровопролитныхъ, истощающихъ войнъ и другихъ катастрофъ. Вопреки растратѣ производительныхъ силъ, политическій и культурный строй, имѣющій въ нихъ свою основу, дѣлаетъ шагъ впередъ. Это означаетъ, что политическія и культурныя формы, благодаря своему большому консерватизму, уже находились въ противорѣчіи съ состояніемъ

производительныхъ силъ. Гдѣ есть противорѣчіе, тамъ и неустойчивость: тамъ отрицательный подборъ въ первую очередь ведетъ свою работу, разрушаетъ нежизнеспособное, расчищая мѣсто развитію болѣе жизнеспособныхъ формъ, болѣе связныхъ и менѣе противорѣчивыхъ отношеній. Организованность соціальнаго цѣлаго повышается, и тѣмъ скорѣе возмѣщается затѣмъ происшедшая растрата общественной энергіи.

Но, разумѣется, не всякая болѣзнь ведетъ къ обновленію, не всякая война даетъ толчокъ прогрессу. Вопросъ въ томъ, какъ велика растрата силъ, на какомъ уровнѣ останавливается разрушеніе? Возрастаніе простоты и связности цѣлаго можетъ произойти и цѣною пониженія самаго типа организаціи, перехода къ низшему жизненному уровню.

Міровая война съ послѣ-военнымъ кризисомъ должны развить работу отрицательнаго подбора въ такомъ масштабѣ, что заранѣе предвидѣть смыслъ ея результатовъ едва ли возможно. Мыслимъ и такой случай, что для обществъ болѣе сильныхъ, жизненно-богатыхъ это будетъ толчокъ къ обновленію, для болѣе слабыхъ—къ ихъ упадку, къ разложенію и наиболѣе важныхъ, наиболѣе прочныхъ жизненныхъ связей. Въ обстановкѣ міровой конкуренціи даже повышеніе связности общества, временное достигнутое съ пониженіемъ его типа, безполезно, потому что такое общество затѣмъ не устоитъ противъ соперниковъ съ высшимъ типомъ организаціи.

Такъ или иначе, наименѣе жизнеспособное въ жизни и въ идеологіи неизбѣжно подлежитъ разрушенію въ великой катастрофѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора. 5

Введеніе:

I. Опредѣленіе идеологической науки 9

II. Методы идеологической науки:

a) Индукція. 12
b) Дедукція. 21
c) Принципъ причинности. 23
d) Принципъ приспособленія. 25
e) Соціальная причинность. 26
f) Организаціонная роль идеологіи. 30

III. Раздѣленіе, порядокъ изложенія идеологической науки. 33

Періодъ первобытныхъ идеологій:

I. Начало идеологій:

a) Техническая и экономическая характеристика эпохи. 39
b) Происхожденіе слова 40
c) Происхожденіе понятій. 43
d) Значеніе первичныхъ словъ-понятій въ производствѣ. 45

II. Развитіе идеологій за первобытную эпоху:

a) Неопредѣленность значенія первичныхъ словъ-понятій. 46
b) Происхожденіе названій для вещей. 47
c) Первичныя идеи. 48
d) Зародыши искусства. 49
e) Первобытное мировоззрѣніе. 53

Періодъ авторитарныхъ идеологій:

I. Эпоха патріархальнаго быта:

a) Техническая и экономическая характеристика эпохи. 56
b) Развитіе рѣчи. 58

Стр.

c) Развитіе мышленія 59
d) Авторитарная причинность 60
e) Анимизмъ 65
f) Начало религій 70
g) Обычай 75
h) Общая характеристика идеологій патріархальнаго періода 76

II. Эпоха феодальнаго быта:

a) Техническая и экономическая характеристика эпохи 78
b) Развитіе рѣчи и мышленія вообще 81
c) Авторитарная причинность и анимизмъ 82
d) Феодальныя религіи 87
e) Отношеніе феодальныхъ религій къ знаніямъ и искусству 89
f) Письменность 93
g) Развитіе обычая 94
h) Общая характеристика феодальныхъ идеологій. 96

Періодъ индивидуалистическихъ идеологій.

I. Идеально-индивидуалистическое общество 98

a) Техника и экономика идеально-индивидуалистическаго общества 99
b) Формы рѣчи 100
c) Мышленіе вообще 102
d) Отвлеченная причинность—«необходимость» . . 103
e) Товарный фетишизмъ 107
f) Индивид. хозяйство и частная собственность . . 109
g) Отвлеченное знаніе 111
h) Отвлеченный фетишизмъ въ искусствѣ 117
i) Отвлеченный фетишизмъ нормъ 119
k) Характеристика чистой мѣновой идеологіи въ ея цѣломъ 123

II. Переходныя формы: 1) рабовладѣльческій строй классическаго міра:

a) Техника и экономика античнаго рабовладѣльческаго общества 125
b) Основныя черты идеологіи классическаго міра . . 126
c) Греческая философія и наука 127
d) Античное искусство 130
e) Политически-правовая жизнь классическаго міра 131
f) Міровая религія конца античной эпохи 133

III. Переходныя формы: 2) Крѣпостная система; 3) Ремесленно-цеховой строй 4) торговый капитализмъ:

a) Техника и экономическія отношенія 136
b) Общій характеръ идеологическаго развитія эпохи 1 8
c) Великія открытія и изобрѣтенія 139
d) Первые шаги демократизаціи знаній 142

Стр.

e) Возрожденіе классическихъ идеологій. 144
f) Ереси и Реформація. 147

IV. Промышленный капитализмъ:

a) Техническія и экономическія условія. 150
b) Масштабъ и общій типъ идеологическаго развитія эпохи. 151
c) Наука и философія. 157
d) Демократизація знаній. 166
e) Развитіе искусства. 169
f) Право, нравственность. 171
g) Переходный характеръ капиталистической культуры. 175

Идеологіи коллективизма:

a) Техническія и экономическія основы коллективизма. 177
b) Общія черты идеологій коллективизма. 183
c) Трудовая причинность. 186
d) Тенденціи развитія науки. 190
e) Тенденціи развитія искусства. 194
f) Соціальныя нормы. 196

Заключеніе. . . . . 198—199

„Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ".
Никитскій бул., д. 10, кв. 5. Телеф. 4-28-06.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

„СЛОВО".

Содержаніе: **В. Вересаевъ.** Аполлонъ, богъ живой жизни. **Ив. Шмелевъ.** Розстани. Изъ Рабиндраната **Тагора,** перев. съ англ. съ пред. Діонео. **Гр. Ал. Н. Толстой.** Овражки. **Ив. Бунинъ.** При дорогѣ. **Б. Зайцевъ.** Студентъ Бенедиктовъ. **Н. Телешовъ.** Ночлегъ. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ СПОРАХЪ О ТЕАТРѢ. Сборникъ статей Ю. Айхенвальда, Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сахновскаго, А. Южина (кн. Сумбатова), Д. Овсянико-Куликовскаго и др. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Авилова. Образъ человѣческій. Разсказы. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Богдановъ. (Авторъ кратк. курса политической экономіи). Краткій курсъ идеологической науки въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 75 к.

Ив. Бунинъ. Іоаннъ Рыдалецъ. Разсказы 1912—1913 гг. Ц. 1 р. 50 к.

— Суходолъ. Повѣсти и разсказы 1911—1912 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Перевалъ. Разсказы 1892—1902 гг., изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Деревня. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Разсказы и стихотворенія 1907—1910 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Стихотворенія 1903—1906 гг., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.

— Золотое дно. Разсказы 1903—1907 гг. Ц. 1 р.

И. Гольдбергъ. Тунгусскіе разсказы. Ц. 80 к.

М. Горькій. «Сказки». М. 1913 г. Ц. 85 к.

С. Елпатьевскій. Крымскіе очерки, съ иллюстр. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Златовратскій. Избранные разсказы для юныхъ читателей. М. 1913 г., изд. 2-ое. Ц. 80 к.

Коцюбинскій, М. Разсказы. Т. III. Перев. съ украинскаго. Ф. Волховского и М. Могилянскаго. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳ. Крюковъ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Критическія статьи (Ив. Бунинъ, М. Горькій, М. Арцыбашевъ, Л. Андреевъ и др.). Ц. 1 р. 25 к.

Иванъ Новиковъ. Разсказы 1905—1912 гг. Ц. 1 р. 25 к.

А. Серафимовичъ. Разсказы. Т. V. М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сочиненія:

— Т. I. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II. Разсказы, изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. V. Движенія. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. VI. Медвѣженокъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Телешовъ. Разсказы, т. I. Ц. 1 р.

— Разсказы, т. II. Ц. 1 р.

Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.

Гр. Ал. Н. Толстой. Сочиненія:

— Т. I. Разсказы, изд. 2-ое. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. II. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Разсказы. (По пути. Призраки. Минувшее.) Ц. 1 р.

— Т. IV. Сказки. Ц. 1 р.

Чеховъ, А. П. Письма, т. I. (1876—1887 гг.). Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 60 к., изд. 2-ое.

— Письма. Т. II. (1888—1889 гг.). Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

— Письма. Т. III. (1890—1891 гг.). Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.

— Письма. Т. IV. (1892—1896 гг.). Съ иллюстр. Ц. 2 р.

А. Черемновъ. Стихотворенія. М. 1913 г. Ц. 1 р.

Ив. Шмелевъ. Разсказы. Т. III. (Человѣкъ изъ ресторана. Патока.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разсказы. Т. IV. (Стѣна. Пугливая тишина. Поденка и др.). М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Разсказы. Т. II. (Подъ горами. Подъ небомъ. На томъ берегу.) М. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Книги, находящіяся на складѣ:

В. Вересаевъ. Разсказы. Т. I, II, III, V по 1 р.
— Записки врача (т. IV). Ц. 1 р.
— На войнѣ. Записки. Ц. 1 р. 25 к.
— Живая жизнь. Т. I. (О Л. Толстомъ и Достоевскомъ.) Ц. 1 р. 25 к.

С. Елпатьевскій. Разсказы, т. I. Ц. 1 р.
— За границей (т. IV). Ц. 1 р. 25 к.
— Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.
— Близкія тѣни. (Воспоминанія о Н. Михайловскомъ, Н. Гаринѣ, А. Чеховѣ и Г. Успенскомъ). Ц. 75 к.

Н. Тимковскій. Разсказы, т. I, V и VI по 1 р.
— Т. II, IV, VII и VIII по 1 р. 25 к.
— Т. III. Ц. 50 к.

Г. Яблочковъ. Разсказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.